

ISSN 0038-5050

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1983

Советская этнография. 1983. № 2



ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •



СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3
Май — Июнь
1983

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

В. Чистов (Ленинград). Из истории советской этнографии 30—80 годов XX века. К 50-летию Института этнографии АН СССР	3
Г. Рабинович (Москва). К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения)	19
С. Кон (Ленинград). Этнография и проблемы пола	25
В. Осорина (Ленинград). Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (к проблеме этнографии детства)	34
Т. Соколов (Чебоксары). Городские рабы и их семья на юге США. 1830—1860 гг.	45
Вьет Данг (Ханой), М. Н. Губогло (Москва). Основные направления этнографических исследований в СРВ	56

Вопросы и обсуждения

В. Бромлей (Москва). К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику	67
С. Кон (Ленинград). Нужна помощь психологов	75
В. Старовойтова (Ленинград). О предметной области этнопсихологии	78

Общественные сообщения

А. Миненко (Новосибирск). Фольклор в жизни западносибирской деревни XVIII — 60-х годов XIX в.	86
Д. Грач, И. Б. Молдобаев (Фрунзе). Об одном древнем инструменте народной медицины	97
К. Ходжайов (Самарканд). Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии (неолит — начало XX в.)	99
О. Большаков (Ленинград). Сцена драки лодочников в староегипетских ирробничных изображениях	105
И. Гохман (Ленинград). О фратриях куки-чинов Бангладеш	112

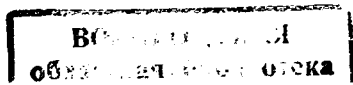
Заметки, факты, гипотезы

Ю. Карпов (Ленинград). Общинный зимний праздник у цезов	114
---	-----

К юбилеям

Сок книг члена-корреспондента АН СССР И. Р. Григулевича (Лаврецкого). К 70-летию со дня рождения	120
--	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА



Хроника

А. Е. Тер-Саркисянц, И. Ю. Заринов (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1982 году 1

Научная жизнь

Л. Е. Куббель (Москва). Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР 1
А. И. Кузнецов (Москва). Чебоксаровские чтения в Институте этнографии АН СССР 1
Ф. Д. Люшкевич (Ленинград). Среднеазиатско-кавказские чтения 1981 года 1
Э. Г. Александренков (Москва). Симпозиум по проблемам индеанистики 1
В. Е. Гусев (Ленинград). XXIX конгресс фольклористов Югославии 1
Коротко об экспедициях 1

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

В. М. Мокиенко (Ленинград). Советские библиографические указатели паремнологической и фразеологической литературы

Народы СССР

И. А. Гришаев (Москва). *Н. И. Шатинова. Семья у алтайцев*
Э. С. Киуру (Петрозаводск). *Эстонский фольклор*
Ю. К. Чистов (Ленинград). *Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник МАЭ, т. XXXVI*

Народы Америки

Р. Г. Ляпунова (Ленинград). *W. S. Laughlin. Aleuts: Survivors of the Bering Land Bridge*

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижина,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефон 126-94-91

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

К. В. Чистов

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

30—80 гг. XX ВЕКА.

К 50-летию Института этнографии АН СССР

В феврале 1983 г. ордена Дружбы Народов Институт этнографии АН СССР отметил свое пятидесятилетие. Решение Президиума Академии наук СССР, принятое 1 февраля 1933 г., предусматривало создание академического центра, который смог бы возглавить и координировать научно-исследовательскую деятельность советских этнографов и антропологов. Как показало дальнейшее развитие науки, решение было весьма своевременным и обоснованным. В чем же было его принципиальное значение?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить своеобразную ситуацию, сложившуюся в советской этнографии на рубеже 20-х и 30-х гг. Разумеется, мы не сумеем рассмотреть ее в деталях. Воспользуемся тем, что прошедшие пятьдесят лет и опыт, накопленный советской наукой, облегчают теперь возможность взглянуть на события 50 лет в исторической перспективе.

Отечественная этнографическая наука 20-х гг. имела за своими плечами вековую традицию. Дореволюционная русская этнография, как известно, сыграла в свое время значительную роль в развитии общественной мысли, в социально- и национально-освободительном движении в России. Разумеется, далеко не все русские этнографы и фольклористы XIX и начала XX в. были людьми прогрессивных убеждений. У этнографии было и свое правое крыло — ученые, идеализировавшие старину и украшавшие современную им жизнь народа, даже откровенные реакционеры, деятели, служившие колонизаторской политике царского правительства. Однако подобные тенденции никогда не преобладали в русской этнографии¹. Именно поэтому большинство этнографов старшего поколения в 20-е гг. столь естественно включилось в новую для нее созидательную работу. Если далеко не все они уже в это время могли быть названы марксистами в точном значении этого слова, то все деятельность подавляющей части их была прежде всего демократичной, интернационалистской и гуманистической, и в этом смысле практически не противостояла марксизму.

В первые же годы после Великой Октябрьской социалистической революции возникла острая нужда в этнографах, этнодемографах и этнотографах. Установление исторически обоснованных границ между новыми республиками требовало знания этнической истории народов Российской империи, истории развития их этнических территорий; подобные же знания нужны были для приведения административного районирования страны в соответствие с ее этнической структурой, определения границ автономных республик, областей и округов.

¹ Токарев С. А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. — Сов. этнография (далее СЭ), 1951, № 2; Сойманов А. Д. Из истории русской фольклористики второй половины XIX века. — В кн.: Историко-литературный сборник. М. — Л., 1957; Гусев В. Е. Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX века. М. — Л., 1961; Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М.: Наука, 1966, с. 354—357; Разумова А. П. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1954; Лев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX в.). Томск, 1962; Горн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.

Учет традиционных правовых норм и особенностей быта отдельных народов необходим был при выработке основ советского законодательства в национальных районах страны.

В 20-е гг. создавались многочисленные правительственные, академические и общественные научные центры, выполнявшие эту столь важную по своему политическому смыслу работу. Деятельность этнографов участвовавших в этой работе, целенаправленно послужила выработке конкретных форм осуществления ленинской национальной политики в разнообразнейших условиях и ситуациях, складывавшихся в разных районах многонациональной страны². В 20-е же годы многие вузы страны начали систематическую подготовку кадров профессиональных этнографов³. Студенты-этологи, как их тогда называли, отправлялись на два-три года (иногда и больше) к народам, избранным для изучения: работали учителями, культпросветработниками, организаторами «краевых чумов». Овладев в совершенстве языками «своих» народов, они участвовали в создании письменности в прошлом бесписьменных народов, составляли первые грамматики и книги для чтения. Практическая деятельность сопровождалась сбором этнографических материалов, которые впоследствии разрабатывались десятилетиями. Все это было достаточно ново и вместе с тем осознавалось как прямое продолжение этнографической деятельности прогрессивного крыла этнографов и фольклористов второй половины XIX — начала XX в. Активное участие практической деятельности дало возможность создать также первые коллективные монографии о социальных преобразованиях 20-х гг. в различных частях страны.

В старшем поколении ученых 20-х гг., как мы уже говорили, решающую роль играли этнографы прогрессивного, левого крыла предреволюционной российской этнографии, всегда стремившиеся поставить свои знания на службу народу (Л. Я. Штернберг, В. Г. Тан-Богораз, Д. К. Зинин, Е. Г. Кагаров, Д. А. Анучин, В. Н. Харузина и др.). Именно поэтому они смогли стать наставниками этнографической молодежи и вместе с ними активно участвовали в выработке методологических основ советской этнографии.

Вместе с тем 20-е годы отличались разительной пестротой, которая нас до сих пор удивляет. В краткой статье невозможно передать все оттенки тогдашних теоретических расхождений в понимании предмета этнографии, ее познавательных и общественных функций. 20-е годы еще предстояло изучать историкам советской этнографии. Скажем только, что сосуществовали и боролись между собой и с другими течениями две крайних направления. Согласно концепции одного из них — советской этнография должна была заниматься только проблемами первобытности (т. е. по существу самоликвидироваться), согласно другой концепции — этнография должна была стать наукой о человеке и его деятельности в самом широком смысле этого слова⁴ (что довольно близко

² Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г. — середина 1930-х годов). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, в. V. М.: Наука, 1971 (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 95); Антропова В. В. Участие этнографов в осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930). — СЭ, 1972, № 6; Брайлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии. В кн.: Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М.: Наука, 1971; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (По материалам этнографического музея Академии наук). Л.: Наука, 1978 (см. гл. IV — Советская этнографическая наука. Музей антропологии и этнографии — Институт этнографии АН СССР), с. 163—194.

³ Станюкович Т. В. Из истории этнографического образования. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, в. V; Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки.

⁴ Резолюция Всесоюзного археолого-этнографического совещания 7—11 ноября 1932 года (по докладам С. Н. Быковского и Н. М. Маторина об археологии и этнографии). — СЭ, 1932, № 3, с. 3—14; Потапов Л. П. Музей антропологии и этнографии АН СССР (к 250-летию музея). — СЭ, 1964, № 4; Абрамзон С. М. Советская этнография 30-х гг. — СЭ, 1976, № 4; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи

ниманию функций физической, социальной и культурной антропологии вместе взятых в англосаксонских странах)⁵.

Итак, реальные практические достижения советской этнографии XX гг. и развитие этнографического образования, с одной стороны, и, другой стороны, — противостоящее этому процессу стремление размыть границы этнографии или максимально сузить их. Речь шла не просто о достижениях или ошибках отдельных ученых, а о смысле этнографии как науки в целом в определенной социально-политической и этнокультурной ситуации. Именно поэтому решение Президиума Академии наук СССР было весьма своевременным и сыграло большую роль в дальнейшем развитии советской этнографии. Решение создать специальный институт должно было помочь этнографии обрести надлежащее ей место в системе современных знаний и восстановить свои общественные и познавательные функции.

Вновь создаваемый Институт этнографии должен был сформироваться на базе существовавшего уже без малого столетие академического ядра этнографии. Решение тем самым подчеркивало необходимость звизывать прогрессивные традиции русской этнографии и одновременно зывало на важность богатейших музейных фондов старейшего русского музея как источниковедческой базы этнографии, что в значительной мере также шло вразрез с одной из распространившихся в те годы рабочих установок — музеи должны экспонировать не вещи, а идеи. Наконец, решение исходило из реального факта наличия профессионально подготовленных кадров, которые сплотятся в творческий исследовательский коллектив. Именно новому Институту и предстояло в последующие десятилетия в сотрудничестве с этнографами неакадемических учреждений и этнографическими подразделениями академий союзных республик (по мере их возникновения) сыграть решающую роль в формировании современной концепции советской этнографии и способствовать созданию советской школы этнографии, развернуть теоретическую и практическую деятельность, адекватную новой социальной и культурной ситуации.

Методологические основы современной советской этнографии были проработаны не сразу. Они формировались в процессе творческого поиска, дискуссий, накопления практического опыта и трезвой оценки успехов и промахов. Советская этнография всегда стремилась бережно охранять и развивать демократические традиции передовой русской этнографии XIX — начала XX в., исследовательский опыт практической деятельности 20-х гг. Однако выяснилось, что этого недостаточно.

Изменение понимания предмета этнографии и ее общественных и познавательных функций всегда зависело преимущественно не от спонтанного развития теоретических идей, хотя и таковое, разумеется, имеет место. Как всякая другая общественная наука, этнография имеет дело с исторически развивающимся объектом познания. Изменение структуры социальной действительности и связанные с этим изменения физической и культурной ситуации не могли не повлечь за собой изменения предметной зоны науки, если она стремилась к адекватному познанию действительности и активному воздействию на нее. Для того, чтобы тезис мог считаться доказанным, следовало бы совершить простейший экскурс как в историю русской этнографии, так и в социальную историю России. Здесь мы можем только напомнить о некоторых общепризнанных фактах.

Этнография в России, как и в других странах Европы, возникла как

⁵ Ср. Преображенский П. Ф. Курс этнологии. М. — Л., 1929; Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979; Бромлей Ю. В. О предмете культурно-социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых (опыт сравнительного анализа). — В кн.: Этнология за рубежом. Историко-этнографические очерки. М., 1979; См. также Келембет В. Ю. Сучасна буржуазна соціокультурна антропологія. (Критико-етнографічне дослідження). Київ: Наук. думка, 1980.

наука об экзотических народах или о быте так называемого «простонародья», т. е. низших и для исследователя тоже экзотических социальных слоев «vulgus in populo». С точки зрения стороннего наблюдателя это были как бы издавна сложившиеся, неподвижные, замкнутые целые системы культуры. Поэтому границы предметной зоны этнографии были легко определяемыми, четкими. Столь же ясным представлялся и вопрос о предмете этнографии, когда речь шла о так называемых «примитивных» народах или о постепенно открывавшейся взору археологам первобытности. Крестьянская традиция, ее особенности и достижения изучавшиеся этнографами, были важны не только для знания жизни быта современного исследователям крестьянства, но и для реконструкции прошлого народов, которое оценивалось как национальное наследие, столь важное для современных наций и их самосознания, для развития самобытной культуры и искусства.

Но уже во второй половине XIX в. стало постепенно выясняться, что традиционные системы культуры не столь непроницаемы; более того — целые комплексы, слои, сферы традиционной культуры начинают изменяться, постепенно уходят из жизни, забываются. Традиционные формы культуры или их элементы, разумеется, продолжали еще функционировать, но (чем далее, тем во все большей и большей мере) при преобладании или в сочетании с формами «нетрадиционными». Именно в такой ситуации возникла концепция «живой старины» как основного предмета этнографии и фольклористики. Согласно этой концепции, этнография должна была заниматься либо так называемыми «отсталыми» народами, сохранившими в большей или меньшей мере в неприкосновенности архаические традиции повседневной культуры, либо «пережитками» архаики в культуре «современных» народов. Подобные пережитки считались наряду с историческими документами важнейшими источниками реконструкции уже размытых или размывавшихся в процессе нарастающей урбанизации целостных систем традиционного быта (так называемый «ретроспективный метод»).

Коренные изменения в социальной структуре советского общества в рубеже 20-х и 30-х годов, решительное ускорение процесса урбанизации развивавшейся теперь на социалистической основе, поставили классические этнографические концепции под сомнение. Стало выясняться, что привычные методы уже не дают желаемых результатов (см., например, работы о первых колхозах, выполненные сотрудниками ИПИИ — Института по изучению народов, который вместе с Музеем антропологии этнографии АН был прямым предшественником возникшего в 1933 Института этнографии АН СССР). Изменилась социальная действительность, изменилась этнокультурная ситуация. Это неизбежно должно было привести к пересмотру основной этнографической концепции, пересмотру предметной зоны этнографии, к выработке новых представлений об ее общественных функциях, к перестройке ее связей и отношений с другими, соседними и родственными науками.

Основы современной теоретической концепции советской этнографии закладывались еще в предвоенный период, оказавшийся столь кратким. Напряженный теоретический поиск продолжался и в послевоенные годы со свойственной современному характеру советской этнографии обрела окончательно только в 60-е и 70-е гг., когда социалистическая общественная система становилась системой развитого социализма, а наука все большей и большей степени осознавалась как существенная социальная и производительная сила. Важную роль сыграли также активные творческие связи советских этнографов с этнографами социалистических стран и заметно возросший международный авторитет советской этнографической школы.

В краткой статье, разумеется, невозможно охарактеризовать современную теоретическую концепцию советской этнографии всесторонне детализированно. Нашу задачу облегчает то, что ее основные идеи, своей совокупности составляющие стержень этой концепции, неоднократно формулировались в теоретических работах, частных исследо-

ях и обзорах⁶. Задача настоящей статьи — выделить некоторые концептуальные узлы, сформулировать их в самом общем виде и показать зависимость от современной социальной и этнокультурной ситуации Советском Союзе и отчасти шире — в современном мире.

Разумеется, любая общая концепция какой-либо науки прежде всего складывается из определенного числа частных концепций, представляющих собой не что иное как решения (или варианты решений) важнейших проблем этой науки на современном этапе ее развития. Однако мы не имеем возможности рассматривать эти частные концепции, даже важнейшие из них. И, наконец, теоретическая концепция современной советской этнографии существует и функционирует не только в виде теории на определенном уровне абстракции — она воплотилась в сотнях книг и статей, публиковавшихся в последние годы всем многонациональным коллективом советских этнографов.

В основе теоретической концепции, разработанной советской этнографией, лежит естественное для социалистической и интернационалистской идеологии, и для всех нас как бы само собой разумеющееся, представление о единстве человечества, человеческой истории и культуры. Физическое единство человека, его принадлежность к одному биологическому виду несомненны. Условно распадаясь на так называемые «большие расы» и объединяясь в отдельные группы народов, люди, вместе с тем, не образуют чистых расовых типов. Ареалы важнейших дифференциальных признаков, как правило, не совпадают ни с этническими территориями отдельных народов, ни с географическим распределением отдельных языков и языковых семей. Человеческая история также развивается по единым социальным законам. Единство человеческой культуры столь же убедительно выявляется на различных уровнях — в единстве закономерностей, в сходстве основных ее социальных функций, в единстве основных ее типов. Наконец, единство культуры народов формируется в постоянном, то более, то менее интенсивном, но в целом нарастающем взаимодействии форм и явлений культуры, созданных отдельными региональными, этническими и локальными общностями.

Основываясь на этих представлениях, советская антропология и этнография с первых лет своего существования вели непримиримую борьбу с расизмом, расщепляющим человечество на будто бы несовместимые физическом, социальном, психологическом и культурном отношениях. Политическая ситуация начала 30-х гг. выдвигала эту задачу на передний край идеологической борьбы, борьбы школ и направлений в мировой антропологии и этнографии⁷. Задача эта до сих пор остается актуальной и в научном, и в политическом отношениях. Расизм проявляет себя и до сих пор проявляет не только (теперь, может быть, даже

⁶ Толстов С. П. Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР. — СЭ, 1956, № 3; Токарев С. А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. — СЭ, 1951, № 2; Толстов С. П. Советская школа в этнографии. — СЭ, 1947, № 4; Токарев С. А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку. — СЭ, 1948, № 2; Толстов С. П. 40 лет советской этнографии. — СЭ, 1957, № 5; Ринчиц А. И., Чебоксаров Н. Н. Полвека советской этнографии. — СЭ, 1967, № 5; Токарев С. А. Из истории этнографических исследований в Академии наук. — СЭ, 1974, № 2; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии. Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; Яковлев Т. В. Этнографическая наука и музеи...; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981; Этнография. Под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982. Основы этнографии. М.: Высшая школа, 1968; Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. — СЭ, 1975, № 4; Бромлей Ю. В. Основные тенденции национальных процессов в СССР. — СЭ, 1982, № 6; *его же*. Ленинское наследие и этнографическая наука. — СЭ, 1980, № 3; Актуальные проблемы идеологической работы этнографов. — СЭ, 1980, № 2; Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. Е. Этнографическая наука в десятой пятилетке. — СЭ, 1981, № 2; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971.

⁷ Ср. Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии. — СЭ, 1931, № 1—2; Казаров Е. Г. Идеалистические и механистические течения в современной этнографии. — СЭ, 1932, № 4; *его же*. Нові праці з теорії та методології етнографії на Заході. — Етногр. Вісник. Київ, 1930, кн. 9, и др.

не столько) в грубых формах физиологического расизма, лженаучно которого разглядеть не так уж трудно, сколько в более тонких формах национализма, вплоть до весьма изощренных и внешне благоприличных форм — гипертрофии национального самосознания, культурного релятивизма и т. д.⁸ Не случайно советская этнография за время своего существования уделяла много сил и внимания изучению малых народов, исходя при этом из убеждения в одинаковой ценности исторической и культуры как больших, так и малых народов. Идеи, сформулированные в «Декларации прав народов России» — одном из первых политических документов советской власти — полностью соответствовали прогрессивной традиции русской этнографии и в дальнейшем стали краеугольным камнем этнографической теории. Народы признаются равными, как бы малы или велики они ни были, не из снисходительного покровительственного отношения к ним, а из принципиального убеждения в одинаковой ценности каждой человеческой жизни, каждой человеческой индивидуальности, и вслед за этим — ценности деятельности каждого народа в ее неповторимых и своеобразных чертах. Решительным преодолевая европоцентризм, современная история культуры и современная этнография видят человеческую культуру в реальном богатстве и разнообразии ее красок, форм, проявлений человеческого мастерства, выдумки, темперамента, психологии. Дело далеко не в том, что эскимосская культура хороша эскимосам, как зулусам — зулусская, а французам — французская, а русским — русская. Деятельность каждого народа ценна именно в общечеловеческом масштабе. Так, например энергия адаптации у народов Приполярья была не меньшей, чем у народов Средиземноморья, поэтому и объективная ценность их достижений в столь суровых условиях — овладение приполярной зоной ойкумены — была в равной мере велика, в равной степени имела творческий характер, была неповторимым вкладом в фонд общечеловеческой культуры. Поэтому каждый народ достоин изучения.

Советская этнография принципиально отвергает также деление народов на «исторические» и «неисторические». У каждого народа была своя социальная, экономическая история и история культуры. По тем или иным причинам история народа развивалась в более бурном или более замедленном темпе, при этом возникало разное соотношение отдельных сфер социальной или культурной жизни. Разной глубины интенсивности могли быть и контакты с соседними народами. Народы по тем или иным причинам пережившие стадию ускоренного развития раньше обрели письменность, и их деятельность (вернее — некоторые ее стороны) раньше стала фиксироваться в исторических документах. Обычно это совпадало с периодом формирования классового общества и даже государства. Поэтому создается впечатление насыщенности истории таких народов политическими событиями — войнами, политическими переворотами, борьбой классов или тех или иных сословных группировок. Однако история — это не только политические события, это прежде всего продуктивная деятельность народов, их достижения в разнообразных сферах культуры. Показать, как сформировался тот или иной народ, в чем были особенности его исторического развития, какой его вклад в историю культуры человечества — одна из наиболее трудных и вместе с тем почетных задач этнографии, которую она самоотверженно решала и решает в союзе с археологией, лингвистикой, фольклористикой и историей искусства.

Признание равенства народов, их исторической и культурной равноценности, как мы уже говорили, не означает культурного релятивизма, отказа от оценочного (аксиологического) подхода к отдельным явлениям культуры, вошедшим в традицию того или иного народа и, тем более, теоретического оправдания или даже признания целесообразности

⁸ Против расизма. М.: Наука, 1966; «Нет!» — расизму. М.: Наука, 1969; Народы против расизма. М., 1970; Документы обличают расизм. М., 1968; см. также ежегодник «Расы и народы».

ультурной отсталости, темноты и невежества⁹. В истории быта каждого народа были, разумеется, явления не только прогрессивные, но и такие, от которых предостало впоследствии освободиться (например, же разновидности религии, магической обрядности, бытовое неравноправие женщин и т. п.). С точки зрения мировой цивилизации можно выделить даже целые «тупиковые» линии. Однако с их оценкой надо быть максимально осторожным. Такие «тупиковые» линии не имеют будущего, но это еще не исключает того, что в прошлом или даже в недавнем прошлом они ознаменовались замечательными достижениями, которые внушают гордость за человека-творца (например, деревянное рубное жилище, деревянные храмы, деревянная утварь, способы упряжки тяглового скота, усовершенствованные формы лука и т. п.). Они могут не терять своей эстетической и исторической ценности, даже переживать свою «вторичную» жизнь на периферии современной культуры (временное жилище, украшение интерьера, спорт и т. д.), но магистральное развитие культуры уже связано с другими материалами, другими способами хозяйствования, охоты, рыболовства и т. д.

Оценочный подход к различным сторонам жизнедеятельности народа становится особенно актуальным, когда речь идет о явлениях, современных исследователю, о включении этнографических знаний в современную практическую деятельность. Вместе с тем, аксиологический подход к изучаемым явлениям — органическое свойство современной этнографической концепции — вовсе не означает возврата к упрощенным эволюционистским представлениям о всеобщем развитии от плохого к хорошему и от простого к сложному. Реальные пути развития народов и их культуры весьма сложны. Развитие может выражаться и в упрощении, и в усложнении этнической и этнокультурной структуры народов, в перегруппировке компонентов тех или иных структур, в перестройке внутривидовых связей либо в выпадении тех или иных структур из процесса дальнейшего развития, в формировании новых структур или в жутком переосмыслении старых, т. е. в присвоении им функций, которые не свойственны были им раньше.

Принципиальное утверждение единства человеческой истории и культуры не снимает, а, наоборот, предполагает изучение особенностей развития отдельных человеческих сообществ, признание того, что на определенных этапах развития и в конкретных условиях соотношение общего и особенного в их культуре может быть и обычно оказывается различным.

Бажнейшим инструментом выявления соотношения общего и особенного, свойственного традиционной культуре отдельных народов или их локальных групп, постепенно становятся историко-типологические и сравнительно-типологические исследования. Они, несомненно, продуктивны в сочетании с картографированием отдельных элементов или комплексов традиционной бытовой культуры. В последние годы выполнена целая серия подобных исследований, открывающих перспективу развития этой методики¹⁰. Активизация сравнительных изучений, однако, не

⁹ *Периц А. И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре.— СЭ, 1982, № 3.

¹⁰ *Историко-этнографический атлас Сибири.* Под ред. *М. Г. Левина* и *Л. П. Потапова*. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961; *Русские. Историко-этнографический атлас (середина XIX — начало XX в.).* Под ред. *В. А. Александрова*, *В. И. Козлова*, *Л. И. Кушнера*, *М. Г. Рабиновича*. М.: Наука, 1967, 1970 (в двух книгах); *Брук С. И., Рабинович М. Г.* Историко-этнографические атласы.— СЭ, 1964, № 4; *Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы.* М.: Наука, 1968; *Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники.* М.: Наука, 1973; *Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники.* М.: Наука, 1977; *Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники.* М.: Наука, 1978; *Семейные обряды народов Сибири. Опыт сравнительного изучения.* М.: Наука, 1980; *Одежда народов Зарубежной Азии.*— Сб. МАЭ, т. XXXII. Л.: Наука, 1977; *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976; *Кабашника К. П.* Беларускі фальклор у параўнальным асветленні. Гісторыяграфічны нарыс. Мінск, 1981; *Типологические исследования по фольклору.* Сб. статей памяти *В. Я. Проппа* (1895—1970). М.: Наука, 1975.

означает возврата к компаративизму XIX в., тесно связанному с диффузионистскими теориями, трактовавшими заимствование как основной стимул саморазвития культуры.

Таким образом, единство человечества и человеческой культуры понимается как вариационное множество конкретных форм проявления общих закономерностей. Вместе с тем и отдельные, даже наиболее устойчивые элементы культуры, т. е. отдельные компоненты этих форм, постоянно варьируют, одновременно оставаясь в рамках определенных моделей¹¹. Этот тезис очень важен, так как этнография — наука не только об общих закономерностях, но и о конкретных формах их проявления, причинах их возникновения и географического распространения типологии и механизма их функционирования.

Весьма существенно и то, что специфические черты, особенности и конкретные формы возникают, как правило, не обособленно друг от друга, а в качестве некоторой стабилизирующей системы, элементы (или компоненты) которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они формируются под воздействием целого набора факторов и обстоятельств — природных условий среды обитания данной социальной общности, особенностей ее экономического и социального развития, темпа ее развития (временной протяженности отдельных исторических этапов, в ряде случаев — пропуска тех или иных звеньев развития), воздействия экономических и культурных контактов. Очень существенны при этом особенности «языка» каждой системы культуры (ее знаковой и символической системы значений), реального соотношения традиционных элементов и инноваций на данном конкретном этапе развития. Наконец, несомненно, зависимость конкретных типов и форм культуры от численности той или иной социальной общности, характера ее расселения (компактного, дисперсного или иного) и т. д. и т. п. Соотношения этих факторов и условий образуют в результате их длительного воздействия конкретные хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области или регионы. Следует подчеркнуть, что развитие учения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях явилось в свое время этапным моментом в истории марксистской этнографической теории¹².

Одним из важнейших компонентов современной концепции советской этнографии является также определенное понимание традиции и ее механизма. Именно эта категория понятийного аппарата теоретической этнографии включает ее в современную теорию человеческой деятельности и культуры.

Если понимать культуру широко, как это предлагалось советскими культурологами, т. е. как способ деятельности человеческого общества, механизм его приспособления к природной и социальной среде и, одновременно, механизм приспособления природной и социальной среды к человеческим потребностям (по Э. С. Маркаряну — «адаптационно-адаптирующий механизм»), то следует отказаться от привычного для старой (и современной буржуазной) этнографии деления человеческих обществ на «традиционные» и «нетрадиционные». Никакое человеческое общество не может существовать без своей культуры (т. е. без своей системы приспособления и функционирования) и, в равной степени, без механизма трансмиссии культуры, т. е. механизма стереотипизации, отбора (селекции) и передачи опыта, который накапливается поколениями людей. Общества могут отличаться и отличаются набором и характером стереотипов, способами их отбора и передачи, наконец, способами их реа-

¹¹ Чистов К. В. Традиция и вариативность. — СЭ, 1983, № 2; его же. Традиция «традиционные общества» и проблема варьирования. — СЭ, 1981, № 2; его же. Вариативность как проблема теории фольклора. — В кн.: *Mezefonické vst'ahy ve folklór Karpatскеj oblasti*. Bratislava, 1980.

¹² Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ, 1955, № 4; Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс. — СЭ, 1968, № 2; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Указ. раб.

зации¹³. Из такого понимания культуры и традиции следует, что этнография может и должна изучать в своем аспекте не только общества прошлого, но и современные урбанизированные общества. Очень важно при этом в рамках социальной общности какого масштаба и какими способами осуществляется межпоколенная трансмиссия культуры и ее воспроизведение. В свете теории информации в этом случае следует говорить о характере и густоте информационных связей как вертикальных (от поколения к поколению), так и горизонтальных (между современниками).

Если буржуазная этнография в центр своего внимания ставит человека или малую первичную социальную группу, то советская этнография, опираясь на фундаментальные положения исторического материализма, исходит из того, что человеческое общество и его культура воспроизводятся не отдельным человеком или элементарной первичной социальной группой, а целостным социальным организмом. В отличие от других социальных наук этнография исследует прежде всего «этнос» — социальную общность этнического характера. С точки зрения теории информации этнос — это особенная густота (сгусток) информационных связей и свой традиционный «язык» культуры, обслуживающий эти информационные связи¹⁴.

В последние десять-пятнадцать лет в советской этнографии особенно интенсивно развивалась теория этноса как основного объекта этнографической науки¹⁵. Термины «этнос» и производные от него — «этническая общность», «этнические процессы», «этнические признаки» — вошли в современную научную лексику, хотя следует признать, что понимаются они не всегда однозначно. Вместе с тем советские этнографы условно сходятся на том, что термин «этнос» следует применять для обозначения самых различных типов этнических общностей от наименьших и архаических (племя) до наибольших и современных (современные крупные нации), т. е. любых типов этнических общностей на всех этапах их исторического развития.

Этнос понимается советскими этнографами как динамическая система, поэтому основная задача этнографии — историко-этнографическое изучение народов или изучение истории народов, их деятельности и их культуры под этническим углом зрения. Это — основная предметная задача этнографии¹⁶. Исследователи выделяют различные этнообразующие и этнодифференцирующие факторы (общность происхождения, территории, культуры, языка, профессиональная общность и т. д.), которые в разные исторические периоды и в разных социально-экономических, политических и т. д. ситуациях играли различную роль. Несомненно, вместе с тем чрезвычайно значительная роль этнического сознания и самосознания и самих по себе и в качестве факторов, превращающих те или иные элементы или комплексы культуры в этнически значимые.

¹³ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969; *и* же. Узловые проблемы теории культурной традиции. — СЭ, 1981, № 2; обсуждение статьи Э. С. Маркаряна см. там же, № 2 и 3.

¹⁴ Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации. — В кн.: Типологические исследования по фольклору...; Кобищанов Ю. М. Этнос и информация. — кн.: Семнотика средств массовой информации. М., 1973, ч. II; Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и ологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, в. 2; Chistov K. Ethnographisches Studium der gegenwärtigen geistigen Kultur im theoretisch-formalerischen Aspekt. — Ethnologia Slavica, t. X—XI, 1978—1979. Bratislava, 1980.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография; *и* же. Современные проблемы этнографии; Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей: к методологическим проблемам этнографии. — Вопросы философии, 1964, № 11; Козлов В. И. О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2; Чебоксаров Н. Н. Проблема типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1967, № 2; Лащук Л. П. О формах донациональных этнических связей. — Вопросы истории, 1967, № 4; Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности «этноса». — Природа, 1970, № 8; Пучков П. И. О соотношениях профессиональной и этнической общности. — СЭ, 1973, № 6; Першиц А. И., Покишишев В. В. Ипостаси этноса. — Природа, 1978, № 12, и др.

¹⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография (гл. «К вопросу об объекте и предмете этнографических исследований», с. 204—213).

Этническое самосознание как социально-психологическая категория играет и этноконсолидирующую (интегративную), и этнодифференцирующую роль. Оно, как и сам этнос,— вторичное социальное явление. Это определенный способ осознания социальных связей как связей на социальных, природных, биологических. Русский или француз считает себя таковым по рождению, в действительности же он становится полноценным членом этнической общности только в процессе социализации, приобщения к языку, культуре, обычаям, нормам поведения и т. д. в той или иной социальной общности. Осознание этнических связей как связей родственных, видимо, нередко может быть иллюзорным, так особенно для крупных этносов весьма затруднительно доказать родство всех его членов или, как сказал бы антрополог, единство генофонда этноса¹⁷.

Любой этносоциальный организм, особенно развитый, распадается на классы, социальные слои, сословия, профессиональные, конфессиональные, локальные и другие группы. Этническое самосознание и этнические связи играют при этом как бы роль обруча, который скрепляет дифференцированное изнутри единство. Оно остается способом осознания социальных связей, в этом случае — связей экономических, политических, государственных и т. п.

Опыт этнографических исследований показывает, что важнейшую этнодифференцирующую и этноинтегрирующую роль, т. е. важнейшие этнические функции выполняют, наряду с языком, также и устойчивые компоненты повседневной массовой бытовой культуры, в создании которой особенно большую роль всегда играли народные массы¹⁸. Повседневная традиционно-бытовая культура — ядро предметной области современной советской этнографии. Именно поэтому этнография издавна занята изучением проблем истории традиционно-бытовой культуры. В советское время было опубликовано значительное количество исследований, ориентированных на изучение культуры и быта отдельных народов, их социальных и локальных групп, даже жителей отдельных селений¹⁹.

В условиях урбанизации элементы и, тем более, комплексы архаической традиционно-бытовой культуры, как известно, все шире сочетаются с продукцией промышленного производства и профессиональными слоями духовной культуры. Затем они начинают вытесняться последними. В наши дни у наиболее развитых народов мира мы все чаще встречаемся не с прямым продолжением традиций архаической культуры, а со вторичными формами существования ее элементов (так называемый «фольклоризм»). Важно то, что они тоже, как правило, осознаются как этнически маркированные, и их изучение представляет значительный интерес для этнографов²⁰.

Являясь исторической дисциплиной, советская этнография в наши дни занимает весьма своеобразное место в системе общественных наук. Осознавая себя исторической наукой, современная этнография ощущает

¹⁷ Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, 1948, в. 8; Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — СЭ, 1972, № 3; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и его роли в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2; Смирнов Ю. И. О народном самосознании (по фольклорным материалам). — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

¹⁸ Современные этнические процессы в СССР. М., 1975 (2-е изд. — 1977); Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5; Бродский Ю. В. Современные проблемы этнографии (раздел «Этнические процессы: общая характеристика»).

¹⁹ Сведения о монографиях об отдельных народах см. в перечисленных выше работах. См. также: «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклуко-Маклая. 1900—1962». Составители О. В. Бунакова и Р. В. Каменецкая. Л.: Наука, 1967. В послевоенные годы Институт этнографии опубликована 18-томная серия «Народы мира», 5-томная серия «Очерки общей этнографии»; в настоящее время Институт принимает активное участие в издании научно-популярной географо-этнографической 20-томной серии «Страны и народы».

²⁰ Чистов К. В. Проблема «вторичных форм» в фольклористике и этнографии. — В кн.: Расы и народы, т. V. М.: Наука, 1975.

ближайшее соседство не только с антропологией, археологией, фольклористикой и географией, как это было издавна, но и с конкретной социологией современности, социальной психологией, историей и теорией культуры и т. д. Вместе с тем у нее есть свои задачи и функции. Уточнив свое место в современной системе наук, этнография укрепила связи со многими из них. Это обуславливается тем, что, хотя этнографы концентрируют основное внимание на культурно-бытовых явлениях и их этнических функциях и особенностях, однако выяснение отличительных типических черт быта каждого народа требует знания его образа жизни в целом. Именно поэтому этнографическое изучение народов неизбежно пересекается со многими «отраслевыми» общественными и естественными науками. На их пограничье в последнее время возникла целая семья особых «спутников» этнографии — этническая антропология, этнография, этнолингвистика, этнодемография, этносоциология, этнопсихология и др. Этнические общности, как уже говорилось, вторичны, т. е. они формируются под воздействием экономических, социальных, политических, конфессиональных и других факторов и условий. Однажды возникнув, они стремятся как бы к внутренней культурной однородности и подчас оказываются устойчивее других социальных общностей. Так, например, греческий этнос переживает уже третью социально-экономическую формацию (рабовладельческую, феодальную, капиталистическую), болгарский — тоже третью (феодальную, капиталистическую, социалистическую). Вместе с тем, ни один этнос не вечен, он не «падал неба» в готовом виде и не был запрограммирован генетически.

В связи с этим советские этнографы одной из важнейших проблем всей науки считают проблемы этногенеза, т. е. происхождения, формирования народа, хотя отчетливо осознают, что эта сложнейшая проблема не может решаться только на этнографическом материале, без обязательного привлечения археологических, лингвистических, фольклорных источников и (в том случае, если они наличествуют) источников письменных, документальных. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, отметим, что в последние десятилетия весьма ощутимо возросла роль письменных, документальных источников в этнографических исследованиях. Интерес этнографов к исторической документации возрастает в прямой связи с процессом изживания в бытовой культуре современных народов элементов традиционной культуры, унаследованных от периода феодализма и ранних стадий капиталистического развития. Особое значение приобретает использование исторических документов при реконструкции традиционной культуры недавнего прошлого, сведения о которой все труднее добываются полевыми методами исследования, классическим для старой этнографии методом прямого наблюдения. Современная этносоциология также стремится к широкому использованию документальных источников в сочетании с анкетированием и последующей статистической обработкой с применением ЭВМ.

Современный мир знает нации, которые возникли относительно давно, относительно недавно и, вместе с тем, нации, которые еще только формируются в наши дни (ср. некоторые нации Африки и Азии). Это очень важное наблюдение современной этнографии также противостоит националистическим романтическим преувеличениям, стремлению во что бы то ни стало доказать извечное существование «своего» народа или его великое историческое прошлое, его необыкновенную устойчивость — т. д., доказать при помощи истории свое право на существование, действительности у всех людей одинаково древняя генеалогия, и каждый народ имеет право на существование и признание, если он осознает себя отдельным народом. Большая или меньшая «глубина» истории отдельных народов объясняется тем, что процесс возникновения и развития этносов нередко сопровождался перегруппировками, сегментацией ранее существовавших этносов или интеграцией, сплочением в один этнос двух или трех ранее существовавших и самостоятельных этносов. Необходимость различать разные стадии этнической истории народов привела к закреплению употребления трех терминов — «этногенез», «эт-

ническая история» и «современные этнические процессы», которые в plentyном арсенале современной советской этнографии заняли весьма значительное место²¹.

Пристальное изучение географического распространения народов, их культуры (в том числе и этнографическое картографирование) привело советских этнографов к весьма важному для современной этнографии выводу: границы расселения отдельных этносов (этнические территории), ареалы отдельных языков, отдельных комплексов или тем более элементов культуры и ареалы отдельных антропологических особенностей, как правило, не совпадают. Это свидетельствует о сложности исторического процесса, о действии в названных выше сферах специфических закономерностей, которые подлежат специальному изучению.

В истории как русской, так и мировой этнографии систематическое изучение материальной культуры в ее традиционно-бытовых формах началось значительно позже, чем изучение духовной культуры (фольклора, обрядов и обычаев, верований и т. д.). То же можно сказать и о бытовых или первичных социальных институтах. Не случайно вышедшая в конце XIX в. фундаментальная «История русской этнографии» А. Н. Пыпина на три четверти является историей русского фольклора. В известной книге Д. К. Зеленина «Русская восточнославянская этнография», увидевшей свет во второй половине 20-х гг., была предпринята попытка уравновесить эти три раздела этнографии²². В 30-х—50-х гг. исследование материальной культуры стало заметно преобладать. Причины этого не формулировались прямо, но подразумевалось, что историко-материалистическое изучение традиционно-бытовой культуры означает выдвижение на первый план проблем экономики, способов землепользования, орудий труда, жилища и хозяйственных построек, одежды и т. д. В этом был определен резон, но ситуация в дальнейшем сложилась так, что образовался разрыв между изучением материальной и духовной культуры. Дело не только в том, что последняя на протяжении двух-трех десятилетий этнографами изучалась меньше. Материальная и духовная культура была как бы разъята теоретически. Условность границы между первой и второй часто забывалась. Это приводило к тому, что за отдельными комплексами материальной культуры, техникой ее создания, процессом ее функционирования и т. д. не вскрывались человеческие отношения и в целом «очеловеченный» характер материальной культуры, который выражался не только в способах или навыках употребления тех или иных орудий труда, жилища, одежды, пищи, но и в символическом или знаковом (семиотическом) осмыслении практических функций вещей, в теснейшем переплетении практической и обрядовой деятельности, в коммуникативном значении той и другой (например, толоки, коммуникативное и социальное значение трапез как повседневных, так и праздничных и, особенно, обрядовых; коммуникативное и обрядовое значение даров невесты в ходе свадьбы и т. д.; функциональное распределение пространства крестьянского жилища между половозрастными группами и т. д.). В последние десять-пятнадцать лет в советской этнографии наметилось стремление преодолеть разрыв и создать единую этнографическую теорию традиционно-бытовой культуры в ее историческом развитии²³. Путь к ней, видимо, в накоплении опыта комплексного исследования отдельных видов деятельности людей (поведенческих комплексов) и их результатов как явлений социальных, материальных и духовных. Проникнуть в подлинную природу этих комплексов должно

²¹ Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этнические процессы как предмет исследования (предварительные замечания).— В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.

²² Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. I—IV. СПб., 1890—1892; Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin und Leipzig, 1927.

²³ Токарев С. А. О задачах изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977; Байбурин А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта).— В кн.: Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л.: Наука, 1982 (Сб. МАЭ, т. 38).

рмочь изучение так называемой соционормативной культуры и этнопсихологии²⁴. Очень важно при этом также гармоническое изучение фольклора в системе этнографии.

Фольклор на всем протяжении человеческой истории до периода урбанизации был основным интегрирующим компонентом в системе духовной культуры, одним из важнейших средств трансмиссии культуры и одним из важнейших коммуникативных средств. Обособление фольклористики от этнографии, как это иногда делалось, неправомерно. Специфика словесных структур, вошедших в бытовую традицию, разумеется, предполагает наличие у исследователя специальных филологических знаний, однако совершенно так же обстоит дело и в других разделах этнографии — этнографическое изучение народного искусства предполагает учет специфики искусства как особого социального явления, изучение обычного права, народной медицины, жилища и т. д. требует специальных юридических, медицинских, историко-архитектурных и т. п. знаний²⁵. Изучение этнических функций этих явлений без них невозможно. Такова особенность этнографии как науки. Ее основной объект — человек — живет многосложно, многообразно и многогранной жизнью.

Одним из важных элементов современной теории советской этнографии является определенное понимание соотношения традиционно-бытовой культуры и культуры так называемой «профессиональной». Этот термин, первоначально возникший как термин фольклористический, не очень удачен, но в последние годы он приобрел общэтнографическое употребление. В фольклористике им обычно обозначают явления фольклорные по своему происхождению, возникшие не в контексте массового быта, а в среде профессионалов-литераторов. Это не исключает того, что они могут войти в устный оборот, в фольклорное бытование, получить массовое распространение. В приложении к этнографическим явлениям нефольклорного характера этот термин употребляется для обозначения явлений духовной культуры, тоже возникающих в профессиональной среде. С точки зрения историко-этнографической важно, что и явления, проникающие в быт той или иной социальной группы извне, не производятся, а только «потребляются» или воспроизводятся ею. Современное урбанизированное общество отличается от своих предшественников тем, что подавляющее число предметов материальной культуры, функционирующих в быту всех классов и социальных слоев, производится именно «вне быта», промышленным путем. Кроме того, многие явления духовной культуры, существовавшие раньше только в устной (фольклорной) форме, материально фиксируются (книга, газета, фонозапись, видеозапись и т. д.) и в таком виде тоже получают массовое распространение. Это привело к тому, что ряд форм как материальной, так и духовной культуры получили глобальное распространение в одинаковом или сходном обличье (или по крайней мере — распространение в весьма обширных регионах, территории которых значительно больше традиционных историко-этнографических областей прошлого). Значит ли это, что бытовая культура не имеет больше традиций и потеряла этнические функции? Разумеется, нет. Наличие или отсутствие традиций вовсе не определяется тем, производятся вещи ручным или промышленным способом, производит их ремесленник или индустриальный завод. И в прошлом, и в настоящем этнические функции были свойственны не отдельным элементам культуры, а преимущественно системе культуры определенного этноса или группы родственных, либо контактирующих этносов в целом. Этнические особенности в наше время заложены

²⁴ Дашдамиров А. Ф. К методике исследования национально-психологических проблем. — СЭ, 1983; № 2. Дискуссию по статье А. Ф. Дашдамирова и по теоретическим проблемам этнопсихологии см. там же, № 2—3.

²⁵ Чистов К. В. О взаимоотношении фольклористики и этнографии. — СЭ, 1971, № 1; Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970; Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973; Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974; Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями об обрядах. Л.: Наука, 1977; Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981; Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977.

жены не столько в вещах, сколько в сознании людей, их производящих приобретающих (селекция) и употребляющих в тех значениях, которые им придают. Этнические особенности кроются преимущественно в психологии людей и в их поведении. Они, как правило, могут быть в явлении преимущественно в сферах современного материального быта, которые сохраняют элементы производства (пища, частично одежда или в которых особенно важен выбор и комбинирование (одежда, интерьер).

Как уже говорилось, современная советская этнография основным своим объектом считает не культуру этноса, а сам этнос. Поэтому при изучении современных культурно-бытовых процессов конечной целью считается их осмысление как процессов этнических. Вместе с тем этнические процессы понимаются шире, чем процессы культурно-бытовые. При этом особое значение приобретает проблема развития самосознания этноса в конкретной социально-политической и этнокультурной ситуации, развитие контактов с другими этносами (взаимовлияние культур, двуязычие, смешанные браки, характер расселения этносов по отношению друг к другу и конфигурация этнической территории), социальная и профессиональная структура этноса, характер соотношения традиционных элементов и инноваций, соотношение фольклорного и профессионального слоев духовной культуры, характер существования локальных групп и процесс их консолидации.

В последние годы изучались современные этнические процессы, происходящие как в Советском Союзе, так и в других регионах мира. Наряду с задачей выяснения особенностей этнических процессов у отдельных народов и в отдельных странах или регионах, разрабатывалась проблема специфики развития этнических процессов в современном урбанизированном обществе в условиях развитого социализма, в условиях капитализма и в странах «третьего мира», т. е. в развивающихся странах. При внешнем сходстве основных направлений современных этнических процессов (развитие национального самосознания и культуры, консолидационные и интеграционные процессы, процессы ассимиляции, развитие двуязычия и полиэтничности, особенно городов и экономически интенсивно развивающихся районов, рост численности смешанных браков и т. п.) их содержание и результаты во многом различны и создают различные ситуации.

Актуальность изучения современных этнических (национальных) и этнокультурных процессов чрезвычайно велика. Известно, что в последние десятилетия в ряде районов мира возникали и продолжают возникать острейшие политические кризисы, принимающие зачастую форму этнических конфликтов или осознающиеся как этнические, какие бы социально-экономические и политические причины не были в их основе. Достаточно вспомнить современные этнические ситуации в США, Ирландии, Бельгии, Канаде, Испании, не говоря уж о многих африканских и азиатских странах.

Не подлежит сомнению, что национальные (этнические) процессы стимулируются определенными социальными ситуациями. Однако понимание детерминированности этнических процессов и в то же время их определенной самостоятельности еще недостаточно для уяснения хода, темпа и характера этих процессов. Механизм зависимости этнического от социального должен специально исследоваться во всей его реальной конкретности. Подобное исследование должно привести к выработке типологии этносоциальных процессов, закономерностей их возникнове-

²⁶ Современные этнические процессы в СССР, 1977 (см. главы «Отражение этнических процессов в материальной культуре народов СССР» и «Духовная культура и этнические процессы»).

²⁷ Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1970; Национальные проблемы Канады. М.: Наука, 1972; Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973; Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1974; Этнические процессы в странах Южной Азии. М.: Наука, 1976; Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М.: Наука, 1976; Исмаилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М.: Наука, 1973.

ия и развития. Такое понимание проблемы привело к развитию в советской советской этнографии специфического направления — этносоциологии. Этнос как динамическая система исследуется этим направлением по определенным параметрам: соотношение этнической и социально-профессиональной структуры этноса, этнические установки и ориентации и в связи с этим соотношение реального и проективного поведения), рост числа смешанных браков и развитие двуязычия в разных социально-профессиональных группах, социальная мобильность и динамика структуры этноса, развитие полиэтничности изучаемых районов в соотношении с социальными и этническими показателями, механизм выравнивания социальных структур и уровня образования контактирующих этносов и т. п.²⁸

В последнее десятилетие, после опробования нового этносоциологического инструментария, ведется работа над общесоюзным проектом «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», возглавляемая Институтом этнографии АН СССР при участии этнографов и социологов многих республик. В ряде республик существуют и самостоятельные этносоциологические исследования (Белоруссия, Эстония, Молдавия, Армения и др.).

Изучая современные национальные и этнические процессы в СССР, этнографы и этносоциологи исходят из фундаментального марксистского положения о двух основных тенденциях национальных процессов в современном мире, сформулированного еще В. И. Лениным, — развитие наций и, вместе с тем, их немишуемое экономическое и культурное сближение. Очень важно при этом на какой социальной и политической почве развиваются эти процессы (капиталистической или социалистической) и какой характер они в зависимости от этого принимают — антагонистический, кризисный или катаклический либо ими руководят разумно, вовремя предвидя и ликвидируя возможные противоречия.

Еще раз напомним, что, предпринимая попытку изложить узловые моменты концепции современной советской этнографии, мы, разумеется, не могли касаться частных концепций, которые возникали и развивались на отдельных участках этнографической науки (например, антропология и процесс расообразования, проблемы первобытности, соотношение рода и общины, развитие семьи, формирование раннеклассовых обществ, типология жилища и обрядов, дешифровка забытых систем письма, этническая картография и этническая демография, этнография города, народное искусство, мифология и фольклор и т. д.).

Концепция современной советской этнографии — важнейший итог пятидесятилетнего существования Института этнографии АН СССР как главного академического этнографического учреждения. Это, само собой разумеется, не означает, что концепция эта создавалась исключительно учеными, работавшими в эти годы в Институте. Если в 20-е годы во всех союзных республиках, кроме Украины, Белоруссии, Грузии и Армении, еще не было своих профессиональных этнографических кадров (то же можно сказать о всех автономных республиках, исключая Татария и Карелию), и первые этнографические исследования выполнялись преимущественно этнографами Москвы и Ленинграда, то к концу 30-х — началу 50-х годов с полным основанием говорили о многонациональной советской школе этнографии, которой в целом и принадлежит разработка этой, столь кратко и только в некоторых узловых моментах изложенной нами концепции. Вместе с тем на всех этапах ее формирования и развития Институт этнографии АН СССР неизменно выступал инициатором постановки новых проблем, формулировки новых теоретических и методических идей, важнейшим центром подготовки кадров квалифицированных этнографов, проведения всесоюзных дискуссий и т. д. Поэтому итоги деятельности Института за прошедшие пятьдесят

²⁸ Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973; Опыт этносоциологического исследования Татара жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980.

лет можно осмыслить только в связи с процессом формирования и развития этой концепции.

Систематическое изучение собственно этнических и национальных проблем, которое выдвинулось в последние годы на первый план, стало самой действительностью. Важность их неоднократно подчеркивалась в руководящих партийных документах, в том числе и в решениях XXVI съезда КПСС. Они были, естественно, в центре внимания партийных документов, связанных с отмечавшимся в декабре 1982 год 60-летием образования Союза Советских Социалистических Республик.

Как уже отмечалось в специальной статье²⁹, акт образования Советского Союза как многонационального государства, созданного народами, совершившими социалистическую революцию, избравшими социалистический путь развития и добровольно объединившимися ради совместного движения к этой цели, и первая Конституция союзного социалистического государства были реальным воплощением марксистско-ленинского интернационализма. При этом учитывалась реальная этническая, этносоциальная и этнокультурная ситуация, сложившаяся к началу 20-х гг. нашего века. Коммунистическая партия исходила из убеждения, что одними политическими декларациями и законодательными актами не могут быть достигнуто фактическое равноправие и обеспечены оптимальные условия развития всех наций и народностей. Достижение фактического равенства осуществимо только в результате ликвидации тяжелого наследия царской России — необычайной пестроты уровней социального и культурного развития и многочисленных социальных и национальных, экономических, политических, идеологических и пр. преград на пути ликвидации этого наследия. Нужно не только провозглашение прав, но и создание условий, при которых все национальности смогут и захотят ими воспользоваться. Последующие 60 лет были испытанием правильности этих установок, их научной обоснованности. В свете итогов шестидесятилетнего развития страны и осознания проблем, которые еще ждут своего решения, должны также оцениваться и идеи, и методы, и результаты научно-исследовательской деятельности советских этнографов, формироваться и координироваться их планы в ближайшей и дальней перспективе.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова «Шестьдесят лет СССР» в разделе «Итоги пройденного пути и задачи национальной политики» подчеркивается: «Успехи в решении национального вопроса отнюдь не означают, что исчезли все проблемы, которые порождает сам факт жизни и труда в рамках единого государства множества наций и народностей. Такое вряд ли возможно, пока существуют нации, пока есть национальные различия. А они будут существовать долго, много дольше, чем различия классовые»³⁰. Поэтому совершенствование развитого социализма «должно включать и продуманную, научно обоснованную национальную политику»³¹. Под этим разумеется прежде всего задача не «забегать вперед», но вместе с тем, не «допускать и сдерживания уже назревших вопросов»³². Такая политика предполагает научно обоснованную оценку конкретных этнических ситуаций в каждой республике и в каждом районе Советского Союза, и, вместе с тем, постоянное совершенствование понимания общих закономерностей современных этнических процессов. Все это открывает советским этнографам широкое поле деятельности и ставит перед ними задачи большой политической и государственной важности.

²⁹ Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР. — СЭ, 1983, № 2.

³⁰ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года. М.: Политиздат, 1982, с. 10.

³¹ Там же, с. 11.

³² Там же, с. 10.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ГОРОД»

[в целях этнографического изучения]

Этнография, как и другие исторические науки, изучает явления не изолированно, а в их историческом развитии. Это требует такого определения рассматриваемого объекта, которое можно было бы применить к настоящему прошлому, к различным историческим формациям. Задача эта далеко не всегда легко выполнима. В частности, для определения понятия «город» урбанисты — историки, экономисты, географы — в последнее время пользуются разными критериями.

Определяя город как «крупный населенный пункт, жители которого являются главным образом в промышленности и торговле, а также в сфере обслуживания, управления, науки и культуры... обычно административный и культурный центр окружающего района», Большая Советская энциклопедия¹ указывает, что в разных странах приняты разные минимальные населения, необходимые для того, чтобы поселение считалось городом, и колебания их значительны (от нескольких сот до десяти тысяч и более жителей). Подобным же образом различается и минимальный процент населения, занятого в промышленности, торговле, обслуживании и т. п.

В наше время, с развитием процессов урбанизации, распространением городского быта, образованием городов-спутников, агломераций и агломераций, при все увеличивающейся маятниковой миграции, определение города становится еще сложнее.

Если учесть, что в прошлом критерии, согласно которым поселения признавались городами, либо были совершенно иными, либо не существовали вовсе, станет ясна трудность определения городов в отдаленные исторические эпохи, получения сопоставимых материалов. Исследованиям письменных источников приходилось чаще всего попросту приписывать те дефиниции, которые давались современниками, а определение в том смысле археологических памятников еще сложнее, поскольку далеко не каждый из них может быть отождествлен с известным по письменным источникам городом. Для русских городов проблема затрудняется еще и неоднозначностью самого слова «город» в древнерусском языке, значения которого, как известно, и поселение в целом, и укрепления, и территория внутри укреплений, и даже определенную область, зависевшую от города.

Неудивительно, что еще в начале нынешнего столетия появились работы, подвергавшие сомнению принадлежность к городам тех или иных упомянутых источниками поселений и предлагавшие свои критерии для определения понятия «город»². Нам представляется, что самое старое из них: городами являются те поселения, которые признавали городами современники, не устарело и сейчас. Однако важны и другие критерии. Многие авторы исходили из людности поселения, предлагая считать городами населенные пункты с числом жителей выше определенной (обычно самими заданной) цифры; другие придавали больше значения ремесленным, считая городами поселения, где большинство жителей было занято в промышленности (первой формой которой является ремесло) и торговле; критерием при этом служил обычно довольно высокий уро-

Большая Советская Энциклопедия. М., 1972, т. 7, стб. 321.

Семенов-Тяньшанский В. П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910; Югов Н. А. Город и деревня в русской истории. Пг., 1918; Зимин А. А. Состав русских городов XVI в. — Историч. записки, 1955, т. 52; Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — Краткие сообщения Института материальной культуры, 1951, в. 41; Карлов В. В. О факторах развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса). — Русский город. Историко-этнографический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1976; его же. К вопросу о понятии феодального города и его типов в отечественной историографии. — В кн.: Русский город (проблемы горообразования). М.: Изд-во МГУ, 1980, в. 3.

вень развития промышленности и торговли, свойственный средним городам эпохи капитализма. Недавно П. Г. Рындзюнский высказана еще одна важная мысль, что понятие «город» не совпадает ни с понятием «большое поселение», ни с понятием «поселение промышленников и ремесленников», что городу обязательно должны быть присущи специфические черты городского быта, городского образа жизни (понимаемого широко — как внешнее выражение общественных отношений)³.

Из указанных определений исходят несколько других, пользующихся в качестве критериев признаками, на первый взгляд чисто внешними, формальными (общая площадь и площадь центрального укрепления, наличие по крайней мере двух линий городских стен, наличие сооружений городского хозяйства и т. п.), но являющимися важными показателями развития городского быта⁴. Некоторые исследователи вводят в качестве критерия для определения города и такие признаки, как наличие посадской общины или административных функций⁵.

Нетрудно заметить, что каждое из приведенных определений имеет как значительные достоинства, так и существенные недостатки. Официальное признание какого-либо поселения городом далеко не всегда отражало его реальное состояние, так как, с одной стороны, поселение получало статус города иногда намного позже, чем становилось городом в действительности (достаточно примеров Иваново-Вознесенска и Нижнего Тагила), с другой стороны, городами продолжали числиться некоторые поселения, давно утратившие значение городов (в Англии XIX в. они получили название «гнилых местечек»). Пересмотр статуса городов бывал редко.

Исходя из критерия населенности, исследователи приводят много соображений, в достаточной мере парадоксальные (например, что понятие городов есть и у некоторых животных — пчел, муравьев и др.)⁶. Численность населения и его социально-профессиональный состав, как промышленный потенциал населенного пункта, для древних периодов, как правило, не поддаются точному определению, общие критерии для более или менее длительных периодов выработать пока не представляется возможным (особенно, если учесть локальные варианты). Отсюда нередко вынужденная произвольность отнесения города к той или иной категории городов и вообще признания его «настоящим», «истинно-историческим», «городом в научном смысле слова» и т. п. Иногда так попытки приводят к почти полному отрицанию наличия городов, например в эпоху феодализма в целых обширных областях и даже странах.

Примерно аналогичные результаты дает и введение формальных критериев вроде наличия второй линии укреплений. Что же касается площади, то этот важный критерий может быть применен только в некоторых определенных случаях (в частности, здесь обязательно узкие территориальные и хронологические рамки), поскольку известно, что при высокой плотности населения (причины, вызывающие ее, различны) крупный промышленный центр может занимать меньшую площадь, чем иное село. Наличие посадской общины может быть определяющим лишь для относительно короткого периода, когда такая община в России была.

Ближе всего этнографам тезис П. Г. Рындзюнского об определяющем значении быта, образа жизни. Но городской образ жизни — не причина, а следствие возникновения городов. Впрочем, то же можно сказать о людности, и об упомянутых выше формальных признаках, а с некоторыми оговорками и о самом статусе города.

³ Рындзюнский П. Г. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. — Русский город, 1976.

⁴ Седов В. В. Города Смоленской земли. — В кн.: Древняя Русь и славяне. Наука, 1978; Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953; Штыхов Г. Города Полоцкой земли. Минск: Наука и техника, 1978.

⁵ Имеются в виду исследования М. Н. Тихомирова, А. М. Сахарова, Л. В. Чернина, П. Г. Рындзюнского. Наиболее полную сводку см. Водарский Я. Е. Города и городское население в России в XVII в. — В кн.: Вопросы истории, хозяйства и населения России в XVII в. М.: Наука, 1974.

⁶ Mumford L. The City in History. L., 1961, p. 8.

Таким образом, как бы ни были существенны приведенные выше критерии определения города, они исходят из следствия, а не из причины возникновения городов. Первопричина же этого сложного процесса, по сему признанию, — общественное разделение труда. «Основой всякого витого и товарообменом опосредствованного разделения труда, — писал К. Маркс, — является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении противоположности...»⁷.

Возникший в результате разделения труда новый для данной общественно-экономической формации тип поселения — город — имеет множество разнообразных функций. Города являются центрами — промышленными и торговыми, военными и административными, культурными и религиозными. При этом едва ли не главным нам представляется знание города как местного центра. Это понятие не исчерпывается разделением города как центра местного рынка. Оно значительно шире, так как экономические функции обычно преобладают над военно-административными и культурно-конфессиональными.

Города в разных регионах образовывались и развивались в неоднородных хозяйственно-культурных и социально-политических условиях. Особенности, когда речь идет о различных исторических формациях. Упомянутые условия образования и развития определили и существенно различия самих городов. Изучение этих многообразных факторов можно лечь в основу типологии городов, которая еще далеко недостаточно разработана. Мы коснемся частично этой важной проблемы, ясно сознавая, что в целом разработка типологии — задача дальнейших городских исследований. Наша тема — определение общего понятия «город», выявление общих черт, присущих всем городам.

Для сложения городского образа жизни не обязательно наличие выполнения всех многообразных функций, о которых уже говорилось. Достаточно одной функции, чтобы поселение приобрело (сразу или постепенно) черты города: относительно большая людность и размеры, содержание городского хозяйства, по большей части — и укрепления, городской образ жизни. Но устойчивость города как поселения, его долговечность в значительной степени зависят от того, насколько он выполняет функции местного центра. Если он необходим окрестному населению, то изменение мировой торгово-промышленной, военно-политической или религиозной конъюнктуры, ни даже полное разорение неприятелем не жмут жизни города. В противном же случае любое из этих изменений может привести к превращению города в сельское поселение (при исчезновении черт городского быта), а то и к полному запустению села.

Для того чтобы отнести поселение к типу городских, важно прежде всего выяснить, является ли оно местным центром, а затем уже — что представляет собой этот центр, насколько развиты в нем другие функции города. Степень развития этих функций, в частности то обстоятельство, что город может быть крупным региональным или даже мировым центром торговли, промышленности, культуры или религии, имеет очень большое, но не определяющее тип поселения значение. Маленький город порой выполняет для окрестного населения функции центра местного рынка даже в большей мере, чем мировой торговый порт. «Не дальняя торговля, но рынок, базар делают город центральным пунктом хозяйственной жизни», — пишет известный урбанист Э. Эннен⁸.

С этой точки зрения нам представляются вряд ли широко применимыми для определения характера поселения в прошлом (был это город или не город) разного рода количественные показатели (людность, площадь и т. п.).

Замок феодала, сеньора, в котором могут жить сотни, даже тысячи людей, в том числе и мастера-ремесленники, останется замком, если обслуживает только себя, и может прекратить свое существование, когда

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 365.

⁸ Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1975, S. 84.

сеньору вздумается избрать себе другую резиденцию, но может стать городом, если будет обслуживать и окрестное сельское население, и превратится в местный центр. Тогда отъезд сеньора с его дворней влияет лишь количественно.

Огромный порт, военный или торговый, если он не втягивает в себя обороты окрестное население, а обслуживает только транзит, останется лишь торговой факторией или военной базой и прекратит свое существование с изменением торговых путей или военной обстановки, но может стать городом, если вокруг него создастся и прочный местный рынок. Подобным же образом могут стать или не стать городами знаменитый университет или почитаемая святыня.

Следовательно, город — это прежде всего местный центр. Так понимали его и в прошлом, давая какому-то типу поселений название «город» (мы имеем в виду понятие «город» в широком смысле, а не в узком — «укрепление»). Но в различных странах и областях, при различных общественно-экономических формациях местный центр — город имеет свои важные особенности, и трудно подчас измерить все город общей мерой.

Однако попробуем хотя бы наметить те черты, которые в большей или меньшей степени присущи всем городам, независимо от местных особенностей.

В первую очередь, это социально-экономические функции, связанные с общественным разделением труда. В городе развиты обмен и производство для обмена. Чаще всего это промышленность (первой формой которой, как уже говорилось, является ремесло), но может быть и сельское хозяйство, в особенности огородничество, садоводство, бахчеводство, скотоводство — словом, специализированное высокотоварное сельское хозяйство⁹.

Итак, производство для обмена и обмен с окрестным и (в меньшей степени) с отдаленным населением — первая черта всякого города. Обмен культурными ценностями — вторая его черта. Отсюда уже такие важные внешние признаки, как относительно большая людность и территория, наличие специального места для торговли, сооружений городского хозяйства. Даже маленький городок обычно больше сельских поселений данной местности, хотя может быть и меньше иного села, расположенного в другой, более населенной местности как по территории, так и по числу жителей. Вот почему нужно еще раз подчеркнуть относительность количественных показателей.

Третьей важной чертой, отличающей город от сельских поселений данной местности, является более сложная социальная, а в некоторых случаях и этническая структура населения. С ней связан такой важный фактор градообразования, как социальная топография, иногда осложняющаяся и этносоциальными проблемами. В городе обычно имелись аристократические кварталы и сложной структуры промышленно-торговая часть, членившаяся зачастую дополнительно соответственно специальностям и этническому происхождению купцов, ремесленников и рабачих.

Некоторые черты присущи многим, но не всем городам. Таковы прежде всего административные функции. Город во многих случаях становится административным центром своей округи, а иногда и более обширной области или даже страны. Это приводит к усложнению социальной структуры населения в связи с образованием административно-управленческой прослойки и соответственно к усложнению социальной топографии, появлению административных зданий и целых районов. Можно даже сказать, что административно-управленческие функции — один из элементов разделения труда.

Городские укрепления свойственны рабовладельческой и феодальной формациям. Их возникновение и развитие связано как со сложной социальной структурой города, с наличием в нем острых классовых про-

⁹ Миров Л. О. О так называемых аграрных городах России XVIII в. — Вопросы истории, 1968, № 6.

воречий, так и с обороной города, близлежащей области и страны в целом. Некоторые авторы отмечали, что укрепления защищали в первую очередь верхушку городского населения от городских низов и уже во вторую — город в целом от внешнего врага, служа также убежищем для крестьянского населения. Но роль укреплений не одинакова в различные периоды жизни города. Города позднефеодальные и тем более города капиталистические могут не иметь укреплений. Когда укрепления необходимы, они являются важнейшим градообразующим фактором, влияющим и на планировку, и на застройку города, и на различные стороны городского быта. В дальнейшем реконструкция старых городов связана обычно с избавлением от ненужных укреплений, если они не охраняются как памятники культуры.

Расположив основные черты города, как нам представляется, по степени их важности для его характеристики как поселения, мы отнюдь не связываем этот порядок с проблемой происхождения городов. Если привлечь во внимание то, что было сказано выше о возможности сложения городского образа жизни при наличии у поселения хотя бы одной из функций города, станет понятно, что некоторые, с нашей точки зрения, простепенные или даже вовсе необязательные функции могут как раз положить начало превращению негородского поселения в город. Таковы, например, военно-оборонительные функции (когда городом становится крепость), политические, административные или конфессиональные функции (когда городом становится административный центр или монастырь). Пути и обстоятельства происхождения городов накладывают на их определенный отпечаток, и эти различия кладутся иной раз исследователями в основу типологии городов¹⁰.

Рассматривая города в их историческом развитии, исследователь констатирует, что все они проходят стадии становления и развития, а некоторые (их не так уж мало) и стадию упадка. В одних случаях периоды расцвета и упадка чередуются в зависимости от многих обстоятельств, в других упадок становится необратимым: город превращается в сельское поселение или вовсе исчезает с лица земли. Указанные периоды в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть краткими или длительными, могут продолжаться и столетия.

Мы говорили уже, в чем проявляется становление и развитие города. Процесс упадка? Отражение его тоже не однозначно. Например, известный упадок города может быть вызван уменьшением или даже прекращением его роли как политического центра. Столица княжества превращается в обыкновенный город (позднее — губернский, уездный или даже заштатный); крупный торговый центр утрачивает свое мировое или межобластное значение; важный узел обороны не нужен. Не живет больше здесь княжеский двор, перестают ездить иноземные купцы, передан гарнизон, упразднен монастырь, но остались местные связи. В этих случаях изменяется социальная топография, происходит временный отлив населения (того, которое было связано с прежними функциями города), пустеет феодальный центр, не столь пышный становится торг, уменьшается количество ремесленников обслуживающих профессий, а некоторые производства (например, предметов роскоши) могут резко сократиться или прекратиться вовсе. Но зачастую все это компенсируется со временем развитием производства для местного рынка, местной торговли, притоком трудового населения. И город продолжает существовать в новом качестве, экономика его может даже переживать расцвет по сравнению с предыдущим периодом.

Если же город теряет свои прежние функции и не становится местным центром, если упадок его необратим, это сказывается в уменьшении плотности, сокращении товарного производства и обмена. Процесс этот обратный, одной из его стадий может быть, например, систематический отток населения из города. С убылью населения уменьшается обычно

¹⁰ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. Спб., 1889, с. 308—

и его социальное и этническое разнообразие, изменяется социальная топография. Прежде всего пустеют укрепления, затем приходят в упадок торговля и посад. Долше сохраняется городской уклад жизни. Но изменение занятий неизбежно с течением времени меняет и его. Приходят негодность сооружения городского хозяйства: зарастают мостовые, выходят из строя водостоки, пристани, набережные.

Как в период расцвета, так и в период упадка города имеют множество местных особенностей, оказывающих большое влияние на их облик и зачастую затрудняющих выработку общих критериев для классификации. Так, неодинакова плотность населения городов в разных странах. Она зависит не только от топографии данной конкретной местности (хотя топографический фактор имеет большое значение), но и от сложившихся традиций. В частности, русские средневековые города характеризовались значительно меньшей плотностью населения, чем современные им города Западной Европы и Востока¹¹. Крупный русский город занимал поэтому в 2—3 раза большую территорию, чем западный европейский город с примерно таким же населением. Это обстоятельство сказывалось на плотности застройки, следовательно, и на характере городской усадьбы, высотности зданий, облике жилища, улицы и всего города. Весьма значительной была разница во внешнем облике крупных торгово-промышленных и политических центров и мелких местных центров. Однако те и другие имели важные общие черты (например, в эпоху средневековья — членение на укрепленный феодальный центр — «град» «город», торговую площадь — «торг» и посад). Много общего было и в образе жизни населения, хотя, разумеется, количественные различия тут весьма значительны. Например, одежда горожан в маленьком местном центре — это, как правило, мода «вчерашнего дня» крупных городов.

Итак, город — это прежде всего местный центр (промышленный, торговый, политический, административный, военный, культурный и религиозный), который может быть также центром более крупным — областным, государственным, в определенном отношении — и мировым. Внешними признаками города являются относительно большие людность и территория, сложный социальный и этнический состав населения, занятые в основном в производстве для обмена и в торговле, наличие рынка, наконец, совокупность бытовых черт, слагающих городской образ жизни; во многих случаях — также укрепления. Количественные показатели могут колебаться весьма значительно в зависимости от общего уровня социально-экономического развития данной страны или области.

Исходя из изложенного, мы считаем возможным предложить в целях этнографического изучения города такое его определение:

Город — местный экономический и культурный центр, относительно крупное поселение, с более сложным, чем у сельских поселений, социальным и этническим составом жителей, большинство которых занято в производстве для обмена и в обмене, что порождает совокупность особенностей домашнего и общественного быта, отличающих городской образ жизни.

¹¹ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука 1978, с. 23.

ЭТНОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛА

Половая дифференциация и сексуальное поведение — универсальные явления, изучением которых занимаются все науки о человеке и обществе¹. Важное место занимают они и в этнографии.

Историко-этнографическое изучение этих явлений, которое мы условно назовем этносексологией, распадается на два круга вопросов². В первых, это общая проблема дифференциации социальных половых ролей, специфических функций мужчин и женщин в сфере материального производства, социальной организации и быта, а также отражения и симуляции этого в культуре (стереотипы маскулинности и фемининности, формы общения и разделения полов, особые мужские и женские обряды, мифы, символы и т. п.). Во-вторых, эта проблема сексуальных отношений и переживаний.

Более конкретно можно видеть четыре большие предметные области: 1) социальные половые роли, половозрастная стратификация и различия в поведении мужчин и женщин; 2) половой символизм — представления о мужском и женском начале в культуре и обыденном сознании, сексуальные символы и т. п.; 3) нормы сексуального поведения, начиная с ранней экзогамии и табуирования инцеста и кончая конкретными правилами, регулирующими сексуальные контакты, отношение к эротике и т. д.; 4) обряды и ритуалы, связанные с формированием половой идентичности, с половым созреванием, вступлением в брак и т. д.

Викторианское ханжество сильно тормозило разработку этой тематики. Имеет смысл вспомнить ироническое замечание Ф. Энгельса о буржуазных этнографах, рассматривавших обычаи неевропейских народов «через очки дома терпимости»³, и о «ложной мещанской стыдливости» немецких социалистов, читая сочинения которых «можно подумать, что у людей совсем нет половых органов»⁴.

Тем не менее эта сфера жизни привлекала к себе внимание многих этнографов-классиков как отечественных (Н. Н. Миклухо-Маклай, Г. Богораз-Тан, Д. К. Зеленин, Л. Я. Штернберг), так и зарубежных (Г. Фробениус, Г. Шурц, Б. Малиновский, Д. Фрэйзер, М. Мид и др.). Последние десятилетия, кроме множества монографических исследований об отдельных народах, появился ряд обобщающих обзорных работ⁵.

В отечественной литературе эта тематика пока не занимает самостоятельного места и рассматривается преимущественно в связи с проблемами социогенеза⁶, эволюции брачно-семейных отношений⁷, брачной

¹ См.: Кон И. С. На стыке наук.— Вопросы философии, 1981, № 10; его же. О социологической интерпретации сексуального поведения.— Социологические исследования, 82, № 2; Кон J. Sz. Kultúra — szexológia. Budapest, 1981.

² См. Токарев С. А. Исторические формы бытовых взаимоотношений полов. Доклад для VII Международного социологического конгресса. М., 1970.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 41.

⁴ Там же, с. 6.

⁵ См.: Mead M. Male and Female. A Study of Sexes in the Changing World. N. Y., 1929; Ford C. S., Beach F. A. Patterns of Sexual Behaviour. N. Y., 1951; Minturn L., Morse M., Haider S. Cultural Patterning of Sexual Beliefs and Behavior.— Ethnology, 19, v. 8, № 3, p. 301—318; Sex Roles in Changing Society/Eds Seward G. H., Williams R. C. N. Y., 1970; Human Sexual Behavior: Variations in the Ethnographic Spectrum/Eds. Marshall D. S., Suggs R. C. N. Y., 1971; Bullough V. L. Sexual Variance in Society and History. N. Y., 1976; Davenport W. H. Sex in Cross-Cultural Perspective.— In: Human Sexuality in Four Perspectives/Ed. Beach F. A. Baltimore — London, 1977, p. 1—163; Кон И. С. Historyczne i etnologiczne aspekty seksuologii.— In: Seksuologia kulturalna. Warszawa, 1980; Ember C. K. A Cross-Cultural Perspective on Sex Differences.— Handbook of Cross-Cultural Human Development/Eds. Munroe R. H., Munroe R. L., Utting B. B. N. Y.—L., 1981; Broude G. J. The Cultural Management of Sexuality. L., 1981.

⁶ См., например: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966; Штернберг Л. А. У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей. М.: Наука, 1980.

⁷ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974.

и календарной обрядности⁸, ранних форм религии, первобытного прототипа и карнавальная культура⁹, а также в контексте бинарных оппозиций¹⁰.

Между тем этносексология не только проясняет важные особенности образа жизни изучаемых народов, но и помогает понять фундаментальные закономерности половой дифференциации и сексуального поведения, которые с разных сторон изучают биологические и общественные науки.

Возьмем, например, феномен полового символизма.

Дихотомизация, разделение и противопоставление мужского и женского начала — универсально-всеобщая черта человеческого сознания, причем мужское начало, как правило, ассоциируется с правой, а женское — с левой стороной, а также с четными и нечетными числами. Значение левой руки в первобытном искусстве является одним из способов символического обозначения женского начала. В подавляющем большинстве мифологий и обрядов женщины занимают левую, а мужчины — правую сторону¹¹. Очень часто мужское и женское начала противопоставляются друг другу как активно действующее и пассивно воспринимающее, причем этой оппозиции приписывается универсальное, космическое значение. Например, в древнекитайской философии женское начало «инь» и мужское «ян» трактуются как полярные космические силы, взаимодействие которых делает возможным бесконечное существование вселенной. «Инь» символизирует тьму, холод, влажность, мягкость, пассивность, податливость, а «ян» — свет, сухость, твердость, активность и т. д. Во многих древних религиях луна, земля и вода трактуются как женское начало, а солнце, огонь и тепло — как мужское.

Это невольно ассоциируется с современной теорией биологического полового диморфизма, по которой мужской пол воплощает принцип новления и изменчивости, а женский — консервативное начало сохранения и передачи унаследованных свойств¹², а также с социологическими и психологическими теориями, согласно которым мужской стиль жизни является предметно-инструментальным, а женский — эмоционально-экспрессивным¹³.

Однако противопоставление мужского и женского начала, связанное с особенностями социальной организации и хозяйственной деятельности первобытного человека, — не первоисточник, а скорее частный случай бинарной оппозиции. Не говоря уже об общей ограниченности дихотомического подхода, от которого ускользают переходы и полутона, свес многообразные бинарные оппозиции к какому-то единому началу невольно.

Лингвисты весьма скептически относятся к попыткам отождествления категорий пола и грамматического рода и «выведения» второй из первой. По замечанию А. Мейе, «грамматический род — одна из наи-

⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963; Бернштам Т. А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX — начале XX в. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1977; *её же*. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в. — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978.

⁹ Золотарев Н. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1966; Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965; Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976; Жуковский Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977; Абрамян Л. А. О некоторых особенностях первобытного праздника. — Сов. этнография 1977, № 1, и др.

¹⁰ См.: Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965; Иванов Вяч. Вс. К семиотической теории канона как инверсии двоичных противопоставлений. — В кн.: Труды по знаковым системам. VIII. Тарту. Изд-во Тарт. ун-та, 1977; Абрамян Л. А. Типы симметрии и человеческого общества. — В кн.: Семиотика и проблемы коммуникации. Ереван: Изд-во А АрмССР, 1981.

¹¹ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Указ. раб.: Иванов Вяч. Вс. Чет. и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1976, с. 85—86.

¹² Геодакян В. А. Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации. — Проблемы передачи информации, 1965, № 1, с. 105—112.

¹³ Анализ этих теорий см. Кон И. С. Психология половых различий. — Вопросы психологии, 1981, № 2, с. 47—57.

ре логичных и содержащих больше всего неожиданностей грамматических категорий»¹⁴. Во многих языках (например, грузинском) грамматического рода нет вовсе. В других (например, в английском) эта категория применяется только к одушевленным существам, но не к вещам. Третьих, как в русском, наряду с мужским и женским существует еще средний род. Грамматический род слова и пол обозначаемого им существа часто не совпадают. Немецкое слово «женщина» (*das Weib*) — среднего рода, во многих африканских языках слово «корова» — мужского рода, и т. д. и т. п. Данные языка сами по себе не могут служить доказательством всепроникаемости и универсальности полового диморфизма¹⁵.

Вряд ли возможно свести к различию полов и дуальные формы социальной организации первобытного общества.

Несмотря на наличие некоторых транскультурных и даже филогенетических констант, мифологическое мышление далеко не всегда символизирует свойства мужского и женского начал одинаково. В тантристских текстах мужское начало описывается как недифференцированный абсолют, который должен быть разбужен женской энергией; активной, творческой силой представляется здесь не мужчина, а женщина¹⁶.

Религиозно-философский половой символизм оперирует глобальными, космическими образами, претендующими на вневременное и внепространственное значение. На уровне повседневного, обыденного сознания войства, приписываемые женщине или мужчине, зависят от их конкретной социальной роли. Особенно бросается в глаза зависимость таких стереотипов от семейно-родственных отношений, относится ли данное лицо к категории матерей (отцов), жен (мужей) или дочерей (сыночек)¹⁷.

Мужское и женское начала в древнейших религиях трактуются то как взаимодополнительные, то как конфликтные, то как иерархически подчиненные. Даже библейская история сотворения человека существует в двух разных версиях. Первая — всем известная история создания Евы из Адамова ребра (Бытие, 2, 21—23), а вторая — об одновременном сотворении: «И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их» (Бытие, 1, 27).

Эта формула часто трактуется как указание на двуполость первочеловека.

Проблема бисексуальности, совмещения в одном лице мужского и женского начала занимает важное место во всяком мифологическом сознании.

Тантризм, например, считает правую часть тела — мужской, а левую — женской¹⁸. В древнекитайской мифологии разные органы тела также подразделяются на мужские и женские. Многие божества и персонажи считались двуполоыми¹⁹. Древние религии и обряды нередко включают момент символической смены пола, переодевание в одежду противоположного пола и т. д.²⁰ Так, у австралийцев инициация мальчика включает его временное ритуальное превращение в женщину. У многих африканских народов (масаи, нанди, нуба и др.) иницируемых мальчиков переодевают в женскую одежду, у южноафриканской

¹⁴ Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. T. 1. P., 1921, p. 202.

¹⁵ Подробнее об этом см. Hjelmslev L. Animé et inanimé, personnel et non-personnel. — In: Travaux du cercle linguistique de Copenhague. V. XII. Copenhague, 1959, p. 211—249.

¹⁶ Жуковская Н. Л. Указ. раб., с. 23.

¹⁷ Friedl E. Women and Men. An Anthropologist's View. N. Y., 1975, p. 68—70; Meggit M. J. Male-Female Relationships in the Highlands of Australian New Guinea. — Amer. Anthropologist, 1964, v. 66, № 4, pt II, p. 204—224; Woman, Culture, and Society. Ed. Rosaldo M. Z., Lamphere L. Stanford, 1974.

¹⁸ Bullough V. L. Op. cit., p. 260.

¹⁹ Токарев С. А. Двуполые существа. — Мифы народов мира. Т. I. М., 1980, с. 358—359.

²⁰ Eliade M. Rites and Symbols of Initiations. The Mysteries of Birth and Rebirth. N. Y., 1965, p. 25—26.

народности сото одевают в мужское платье иницируемых девочек. Условное ритуальное превращение юношей в женщин зафиксировано на Таити, на Новой Гвинее, у островитян Торессова пролива и т. д. Символическая инверсия, переодевание мужчин в женскую одежду и обратно, характерна для многих древних праздников, вплоть до средневекового карнавала.

Известны многочисленные факты институционализированной инверсии половой роли/идентичности, когда индивид с детства или определенного момента жизни постоянно носит одежду и выполняет социально-бытовые²¹, а иногда также магические и сексуальные функции противоположного пола²².

С точки зрения сексолога это частные случаи патологии или отклонения от нормы (транссексуализма, трансвестизма или гомосексуализма), для которых культура находит приемлемую «нишу». Этнограф такое объяснение не удовлетворяет. Инверсия социально-бытовых и магических аспектов половой роли не всегда включает сексуально-эротические компоненты. Этнограф интересуется, какие конкретные социальные функции выполняет институционализированный трансвестизм, как происходит отбор «кандидатов» на соответствующие роли и т. п. Более того, Ритуальный трансвестизм и т. п. — частный случай так называемой символической инверсии, т. е. перевертывания каких-то установленных норм, правил и ритуалов, которые существуют во всех сферах культуры, и, подобно изученным К. Чуковским детским «перевертышам», не только отрицает привычный порядок вещей, но и способствует его уяснению, обновлению и т. д.²³ Эти встречные подходы (от индивида к культуре и от культуры к индивиду) не являются взаимоисключающими, но они помогают нам глубже понять пластичность и варибельность того, что принято называть человеческой природой.

Важное место в системе половой символизации занимают сами гениталии, с которыми связаны устойчивые представления, выполняющие разнообразные знаковые функции. Здесь есть свои филогенетические константы. Выясненная этологами знаковость копулятивных позиций существенно прояснила истоки и сущность фаллических культов²⁴.

Фалл символизирует не столько детородное начало, сколько вообще мужскую силу, власть и могущество. Ему приписывается особая охранительная сила. Не меньшее значение придается семени, которую многие народы наделяли магической силой и считали источником и воплощением жизненной силы мужчины. С этим связаны особенности мужских инициаций у некоторых народов, например папуасов какаули, эторо и сабия²⁵. Кастраты часто считались социально неполноценными (см.,

²¹ См., например: *Барятарович М.* Трансвестизм у черногорцев и албанцев. — Сов. этнография, 1968, № 6.

²² Этот институт известен у американских индейцев, полинезийцев, многих народов Азии и Африки. *Штернберг Л. Я.* Избранничество в религии. — Этнография, 1927, с. 1—56. *Munroe R., Whiting J., Hally D.* Institutionalized Male Transvestism and Sex Distinctions. — Amer. Anthropologist, 1969, v. 71, p. 87—91; *Carrier J. M.* Homosexual Behavior in Cross-Cultural Perspective. — In: Homosexual Behavior. A Modern Reappraisal/Ed. *Marmor J. N.* Y., 1980.

²³ The Reversible World. Symbolic Inversion in Art and Society/Ed. *Babcock B. A.* Ithaca — London, 1978.

²⁴ См.: *Wickler W.* Ursprung und biologische Bedeutung des Genitalpräsentierens männlicher Primaten. — Zeitschrift für Tierpsych., 1966, B. 23, S. 422—437; *Fehling D.* Altentumswissenschaftliche Bemerkungen zu einer ethologischen Entdeckung. — Homo, 1972, B. 23, Hf. 3, S. 281—285; *Feustel R.* Sexualität in den Anfängen der Menschheit. — In: Sexuologie. Geschlecht, Mensch, Gesellschaft. B. 3/Hrsg. *Hesse P. J. u. a.* Leipzig, 1978, S. 78—89.

²⁵ См.: *Onians R. B.* The Origins of European Thought About the Body, the Mind, the Soul, etc. Cambr. Univ. Press, 1951, p. 188; *Vanggaard T.* Phallos. A Symbol and Its History in the Male World. N. Y., 1972; *Bullough V. L.* Op. cit., p. 66, 80; *Barker-Benfield B.* The Spermatic Economy: A Nineteenth-Century View of Sexuality. — In: The American Family in Social-Historical Perspective/Ed. *Gordon M. N.* Y., 1973, p. 336—372; *Kelly R.* Witchcraft and Sexual Relations: An Exploration in the Social and Semantic Implications of a Structure of Belief. — In: Man and Woman in the New Guinea Highlands/Ed. *Brown P., Buchbinder G.* Washington, D. C., 1976, p. 36—53; *Schieffelin E. L.* The Sorrow of the Lonely and the Burning of the Dancers. N. Y., 1976; *Herdt G. H.* Guardians of the Flutes. Idioms of Masculinity. N. Y., 1981.

например, Второзаконие, 23,1). Пискольку в семени содержится «весь человек», потеря его чрезвычайно опасна, особенно если им овладеет враг. Так мотивируются древнейшие табу на мастурбацию. Христианство подкрепило их идеей греховности всякой сексуальной активности, не направленной на деторождение, а в XVIII—XIX вв. религиозный запрет трансформировался в псевдобиологическую теорию «полезности» полового воздержания для сохранения жизненной энергии и т. п.

Женские гениталии (древнеиндийское йони — источник) обычно описываются в мифологиях как производящее, но одновременно таинственное и темное начало, таящее в себе опасность и угрозу смерти. В мужских инициациях широко варьируется тема возвращения юноши в материнское лоно, символизирующее смерть, за которой следует возрождение. Другой образ, часто возникающий в этой связи, — *vagina dentata* («зубастое лоно»), сквозь которое должен пройти иницируемый; иногда ее заменяет какое-либо чудовище²⁶. Эти представления и обряды явно предполагают мужскую точку зрения: материнское лоно как теплое, надежное убежище, источник жизни и одновременно женские гениталии как сексуальный объект, проникновение в который сопряжено с преодолением трудностей и таит в себе опасность.

Порождение новой жизни — прообраз всякого творчества. В религиозной практике многих земледельческих народов, сохранившейся в виде пережитков до наших дней, посевной кампании предшествовало ритуальное совокупление прямо на полях, с целью оплодотворить землю и вызвать богатый урожай²⁷. Но акт творчества должен быть спонтанным, праздничным, свободным от ограничений. Отсюда — подмеченная фольклористами тесная связь сексуальности со смехом и смеховой культурой. В древности существовал целый ряд праздников, участники которых, чтобы вызвать смех, показывали друг другу «срамные» вещи и говорили «жабрезности»²⁸. В средние века во время пасхальной церковной службы священник специально смешил прихожан непристойностями, вызывая у них очистительный «пасхальный» смех и т. д.

Однако эта связь далеко не единообразна. Наличие сексуально-эрогических компонентов вовсе не значит, что данный обряд имеет только или преимущественно это значение. Характерны споры о смысле подюстковых инициаций и обрядов перехода, которые нередко включают в себя какие-то генитальные операции, особенно у мальчиков: обрезание, субинцизию (разрез нижней части уретры) или суперинцизию (надраз верхней части крайней плоти, без полного ее удаления).

Медицински ориентированный здравый смысл объясняет эти манипуляции гигиеническими соображениями: в США давно уже с этой целью обрезают большинство новорожденных мальчиков, не придавая этому никакого ритуального значения. Но такое объяснение явно неприменимо к субинцизии. Психологически ориентированный здравый смысл утверждает, что мучительные испытания, которые мальчик должен вынести с достоинством, проверяют и укрепляют его мужество. Но почему операции проводятся именно с гениталиями?

3. Фрейд считал обрезание символической заменой кастрации для предотвращения инцеста и сохранения сексуальной монополии отца. М. Мид видит в обрезании средство психологического высвобождения мальчика из-под влияния матери, символический водораздел между детством и взрослостью²⁹. Другие авторы объясняют мужские инициации необходимостью утверждения особого мужского статуса и поддержания групповой солидарности мужчин в противовес женскому началу. Недаром эти ритуалы наиболее распространены в патрилинейных обществах и там, где существуют замкнутые мужские союзы и тайные общества. Ритуальное обрезание связывается также с процессом половой иденти-

²⁶ Eliade M. Op. cit., p. 50.

²⁷ См., например, Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980, гл. XI.

²⁸ См.: Пронн В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976; Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л.: Соцэкгиз, 1933.

²⁹ Mead M. Male and Female. N. Y., 1955, p. 130.

фикации мальчика, которое есть одновременно социальный (усвоение мужской роли и связанных с нею прав и обязанностей) и психологический процесс (осознание своей половой и психосексуальной идентичности, т. е. своей принадлежности к определенному полу и психосексуальной направленности). Осуществляемые мужчинами суровые обряды инициации мальчика-подростка служат как бы противовесом его прежней детской идентификации с матерью и вообще женским началом, делают его мужчиной и дают ему соответствующую половую и сексуальную идентичность³⁰.

Понять это вне связи со всей системой культурного символизма образа жизни народа невозможно. То же следует сказать и о нормах сексуального поведения.

Каждое человеческое общество имеет свою «сексуальную культуру», вариативные возможности которой ограничены, с одной стороны, биологической природой человека, а с другой — внутренней последовательностью и логикой культуры как системного целого³¹. Сексуальная культура есть система норм, посредством которых общество унифицирует сексуальное поведение своих членов. Соблюдение их обеспечивается не только санкциями извне, но и внутренними психологическими установками, включая чувство стыда, вины, эстетические чувства и т. п.

Кроме прямого содержания запрета важно учитывать его подразумеваемый контекст: рассматривается ли данное поведение преимущественно как брачное, репродуктивное, эмоционально-коммуникативное, ритуально-символическое и т. д. Но как только мы переходим от изучения норм и структуры сексуального поведения к анализу его мотивации, становится ясно, что в этой сфере жизни, как и во всех остальных, культура не сводится к системе запретов и ограничений. Она конструирует само содержание «сексуального сценария» данного этноса, его эротический код, предпочтения и технику. Вне этой системы отсчета поведение и переживания отдельных индивидов понять невозможно.

Изучая сексуальные (как и любые другие) запреты, необходимо учитывать, кем, кому, что, с кем, когда, насколько и почему запрещено. Запреты, касающиеся мужчин, могут не распространяться на женщин, и наоборот. Запрещение определенных поступков далеко не всегда совпадает с запрещением говорить о них. Бывают принципиально неназываемые, невербализуемые отношения; их существование общезвестно, но о них не принято говорить (табу слов) или можно говорить только намеками. В то же время есть вещи, о которых можно говорить, но которых нельзя делать. Причем и поведенческие, и вербальные запреты всегда соотносятся с определенным контекстом. Варьирует степень строгости запретов и т. д.

Самая распространенная классификация культур по типу их сексуальной морали располагает их по оси строгости/терпимости. На одном полюсе стоят общества, где сексуальность считается злом, подавляется и регламентируется, а на другом — общества, в которых сексуальность считается благом и к ее проявлениям относятся положительно (например, культуры Полинезии). Большинство народов расположено, естественно, между этими крайними точками.

Буржуазная этнография XIX в. пыталась построить схему эволюции половой морали, в которой викторианская чопорность выглядела венцом исторического развития. Однако половая мораль детерминирована не только формами собственности, брака и семьи, но и многими другими обстоятельствами. Так, существует устойчивая связь между сексуальными нравами данного общества и его отношением к телу и эмоциям. Древнейшее мифологическое сознание не стыдится телесных, физиоло-

³⁰ Munroe R. L., Munroe R. H., Whiting J. M. W. Male Sex-Role Resolutions.— In: Handbook of Cross-Cultural Human Development, p. 611—630. Cp.: Schlegel A., Barry H. III. The Evolutionary Significance of Adolescent Initiation Ceremonies.— American Ethnologist, 1980, v. 7, № 4.

³¹ Davenport W. H. Op. cit., p. 117. См. также: Foucault M. Histoire de la sexualité. T. I. La volonté de savoir. P., 1976.

ческих отправлений и даже кладет их в основу своих универсальных классификаций. «Гротескное тело», описанное М. М. Бахтиным, открытоставляет напоказ детородные органы; напротив, табуирование сексуальности большей частью сочетается с запретами на наготу, подозрительно-враждебным отношением к телесному низу и т. д. Более терпимые шествия всегда придают высокую ценность игре и праздничным ритуалам, в которые вовлекается все население. Напротив, чем выше уровень кетизма, тем строже запреты, налагаемые на смех и игровые элементы жизни.

Существует, по-видимому, определенная связь между аскетизмом восточного православия и особенностями древнерусской смеховой культуры, о которых писали Ю. Лотман и Б. Успенский³².

В западноевропейском карнавале нет разделения на исполнителей и зрителей, здесь все активные участники, все «причащаются карнавальному действию. Карнавал не совершают и, строго говоря, даже не разыгрывают, а живут в нем, живут по его законам, пока эти законы действуют»³³. На Руси же знатные лица сами обычно не участвовали в плясках и играх, относясь к ним просто как к смешному зрелищу. Та же сдержанность и в изобразительном искусстве: православие никогда не допускало такой степени телесного обнажения, на которую идет католицизм времени Ренессанса.

Древнейшие мифологии еще не знают идеи индивидуальной любви, человеческий организм выступает в них как часть природы, а сексуальное начало — как всеобщая оплодотворяющая сила. В дальнейшем, по мере развития личности, происходит постепенная индивидуализация и интимализация эротических переживаний, которые включаются в круг наиболее значимых личностных отношений и окружаются ореолом возвышенности. Но развитые высшие культуры трактуют сексуальность далеко не одинаково. Одни видят в ней главным образом средство продолжения рода или удовлетворения иных потребностей, другие же — эффективное начало, выражение чувств и эмоций. Типичное для христианства противопоставление «чистой» духовной любви и «грязной» чувственности чуждо большинству восточных цивилизаций. Древняя индийская философия не только оправдывает чувственность, но одухотворяет Индийская Камасутра и древнекитайские трактаты, посвященные искусству спальни («фан чжун») дают подробные наставления, как получить наибольшее эротическое наслаждение.

Но в Индии одухотворенная чувственность традиционно соотносилась прежде всего с внутренними потребностями человека, в Китае же акцент делался на рациональных, инструментальных соображениях: удовлетворение любовной страсти мыслится как средство укрепления здоровья семьи, получения здорового потомства и достижения душевного равновесия. Сексуальное поведение, включая его технику, здесь гораздо больше регламентировано³⁴. Впрочем, понятия «китайской» и «индийской» эротологии — не совсем правомерные упрощения, их надо рассматривать в историческом развитии, не смешивая тантризм с индуизмом или даосизмом, а даосизм — с конфуцианством и т. д.

Регулируя половые отношения, культура сосредоточивает внимание на их социально значимых аспектах, связанных с институтами брака, семьи и деторождения. Но это также имеет свой символический текст. Например, мифологическое сознание тесно связывает сексуальность с едой. Во многих языках значения «вкушать» и «совокупаться» передаются одним и тем же словом, а половые запреты тесно переплетаются с пищевыми³⁵. У ряда народов существует так называемое

³² Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси. — Проблемы литературы, 1977, № 3, с. 157.

³³ Бахтин М. М. Указ. раб., с. 207.

³⁴ Сыркин А. Я., Соколова И. И. Об одной дидактической традиции в Индии и Китае. — В кн.: Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972; Van Gulik H. Sexual Life in Ancient China. Leiden, 1961; Bullough V. L. Op. cit., Ch. 10—11.

³⁵ Токарев С. А. Указ. раб.; Топоров В. Н. Еда. — Мифы народов мира, т. I, с. 427 — Makarius R., Makarius L. L'Origine de l'exogamie et du totémisme. P., 1961.

мая пищевая экзогамия, т. е. правило несовместимости пищевого с половым: с кем вместе едят, на тех не женятся, а на ком женились с теми вместе не едят, или по крайней мере не должны есть при посторонних.

Очень сложную этносексологическую проблему представляет так зываемый двойной стандарт, т. е. разные правила сексуального поведения для мужчин и женщин. Одни ученые видят в нем естественное следствие биологического полового диморфизма, другие — результат социального угнетения женщин. Однозначный ответ тут едва ли возможен.

В большинстве человеческих обществ право проявления инициативы ухаживания, выбора партнера и определения ритма половой жизни в браке принадлежит мужчине. В отношении добрачных и внебрачных связей мораль, как правило, снисходительнее к мужчинам. Добрачные связи женщинам разрешают от двух пятых до половины обследованных этнографами бесписменных обществ, (если считать «терпимыми» общества, которые публично осуждают, но тайно терпят такие отношения цифра составит около 70%), мужчинам — практически все «терпимые» общества, а в остальных на них смотрят сквозь пальцы. Внебрачные связи в той или иной форме допускаются для женщин приблизительно в двух или трех пятых бесписменных обществ, для мужчин же — почти везде.

Но соответствуют ли нормативные различия реальной структуре поведения? И чем объясняется разница: природными свойствами женской сексуальности, или специфической структурой семьи, где женщина играет подчиненную роль, или особенностями воспитания? Простой статистический анализ ответа на эти вопросы не дает. Большинство доступных этнографам нормативных предписаний молчаливо подразумевает мужскую точку зрения. К тому же они противоречивы. Христианский идеал женственности практически отождествляет «чистоту» с асексуальностью; в то же время женщине приписывается дьявольская соблазнительность и ненасытность. В древнегреческой (Овидий, *Метаморфозы* III, 315—338) и древнеиндийской (Махабхарата, XII) мифологиях существует идентичная легенда о человеке (в первом случае его зовут Тирезий, во втором — Бхангасвана), который, побывав по воле бога и мужчиной и женщиной, пришел к выводу, что женская сексуальность значительно сильнее мужской.

С точки зрения современной сексологии чисто количественное сравнение мужских и женских эротических переживаний бессмысленно. Страх перед женской сексуальностью, отождествление женского лона со смертью, идея сексуального «осквернения» и т. п. принадлежат к числу древнейших архетипов мужского сознания. Однако эти страхи и связанные с ними запреты, правила избегания и т. д. объясняются учеными по-разному³⁷. Некоторые нормы, например так называемые репродуктивные табу, запрещающие сношения в периоды менструаций, беременности и после родов, хотя и формулируются в антифеминных терминах, как средства предотвратить «загрязнение» мужчин, фактически охраняют скорее интересы женщин и детей и существуют там, где женщины занимают более высокое общественное положение. Неоднозначна и интерпретация хозяйственных и сезонных запретов, связанных с определенными фазами общественной жизни или индивидуального жизненного цикла, например охотничьих табу, которые известны у многих народов Америки, Европы, Океании, Африки и Азии³⁸.

³⁶ Gebhard P. H. Human Sexual Behavior, A. Summary Statement.— In: Human Sexual Behavior, p. 206—217.

³⁷ См.: Ember C. R. Men's Fear of Sex With Women. A Cross-Cultural Study.— *Sex Roles*, 1978, v. 4, № 5, p. 657—678; Paige K. E., Paige J. M. Politics and Reproductive Rituals. Berkeley, 1978; Eichler M. Power and Sexual Fear in Primitive Societies.— *Journal of Marriage and the Family*, 1975, v. 37, № 4; Brown J. K. Cross-Cultural Perspectives of the Female Life Cycle.— In: Handbook of Cross-Cultural Human Development, p. 581—610. Специально о менструальных табу см.: Stephens W. N. A Cross-Cultural Study of Menstrual Taboos.— In: Cross-Cultural Approaches. Readings in Comparative Research /Ed. Ford C. S. New Haven, 1967; Young F. W., Bacdayan A. A. Menstrual Taboos and Social Rigidity. Ibid.

³⁸ См.: Семенов Ю. И. Происхождение брака ..., с. 72—74; Schlegel A., Barry J. Op. cit. В последние годы наряду с культурно-символическими, психогенетическими

Неодинаково оценивают разные культуры девственность. Христианство придает ей мистическую ценность. В образе богородицы Мать и дочь сливаются, разобщая тем самым символы материнства и сексуальности. Обыденное сознание также приписывает девственности особую ценность. Недаром феодальное «право первой ночи» исторически считалось не только социальной, но и сексуальной привилегией сеньора. Но, неоря уже об условности этого права, многие народы считают дефлорацию опасной для мужчины. Кое-где ритуальную дефлорацию девочек шествляли жрецы, обязательно до брака³⁹. Или, прежде чем муж шествит свои супружеские права, это делают остальные мужчины евни. Последний обычай обыкновенно считают своеобразной формой гупа, даваемого женихом своим товарищам по мужскому союзу. Но можно рассматривать и как частный случай целого класса древних ядов, связанных с освоением чего-то нового.

Люди, незнакомые с этнографией, склонны считать оргиастические здники, пробный брак и т. п. чем-то экзотическим, характерным лишь древних или современных народов, находящихся на низших ступенях вития. Между тем пережитки этих явлений обнаруживаются и у нас собственных, не столь уж далеких предков, нравы которых, несмотря на строгий церковный контроль, не всегда соответствовали формальным канонам христианства⁴⁰. В условиях современной ломки традиционной половой морали основательное знание ее исторических истоков дает не только общекультурный смысл.

В данной статье я перечислил лишь небольшую часть этносексологических проблем, однако этого достаточно, чтобы понять их актуальность. Во-первых, для самой этнографии невозможно понять образ жизни и культуру какого-либо народа и сравнивать его с другими, не учитывая специфики его половой стратификации, культурного символизма, социализации и сексуального поведения, причем эта проблематика явно сводится к изучению брачно-семейных и родственных отношений. Вторых, для теоретической сексологии историко-этнографические исследования сами по себе не объясняют ни природы полового диморфизма, ни особенностей мужской и женской сексуальности, ни того, полезно и вредно половое воздержание. Но без них такое объяснение также невозможно. Этносексология позволяет не только отличить транскультурные константы пола и сексуальности от многообразных этнических вариаций, но и выделить факторы, сопутствующие и способствующие таким вариациям. Этнография показывает, что сексологические проблемы можно понять лишь в широком социокультурном контексте, имеет понятийный аппарат для их описания (обычай избегания, табу и т. п.).

Наконец, практическая сторона дела. В последние годы в стране началась большая работа по созданию службы семьи, введению полового просвещения в школах и т. д. Но страна наша велика, разнообразна и этнонациональна. Не зная особенностей традиционной половой социализации, символической культуры, обычаев, вербальных и иных запретов, существовавших у того или иного народа в прошлом, а также их временного состояния, врачи и педагоги не справятся со своими задачами. Далеко не все, уместное в Прибалтике, будет эффективно в Узбекистане или старообрядческих районах Сибири, причем методические подсчеты чреваты порой идеологическими издержками. Участие этногра-

поэгенетическими интерпретациями этих запретов антропологи обсуждают также их возможные естественные причины, например, что некоторые женские запахи отпугивают хищников и привлекают хищников. См.: *Dobkin de Rios M. Female Odors and the Origin of the Sexual Division of Labor in Homo Sapiens.*— *Human Ecology*, 1976, v. 4, 261—262; *March K. Deer, Bears and Blood. A Note on Nonhuman Animal Response to Atrial Odor.*— *American Anthropologist*, 1980, v. 82, p. 125—126; *Schlegel A., Bar-H. Op. cit.*

³⁹ Жуковская Н. Л. Указ. раб., с. 24.

⁴⁰ См., например: *Бернштам Т. А. Указ. раб.*; *Носова Г. А. Язычество в православии*. М.: Наука, 1975; *Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси*. Л.: Наука, 1966; *Penin D. K. Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Berlin, 1927. S. 338—341.

фов здесь необходимо. Именно они должны подсказать практикам, какие элементы традиционной народной культуры нужно принимать внимание, на что опираться, с чем и как бороться, не оскорбляя нравственного и эстетического сознания населения и вместе с тем не идя по поводу у отсталых и ложных представлений. А для этого нужно самим преодолеть иррациональные табу слов и не уклоняться от изучения этносексологической тематики под предлогом ее «неприличности».

М. В. Осорина

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(к проблеме этнографии детства)

Предложенная И. С. Коном этносоциологическая программа изучения детства¹ представляет большой теоретический и практический интерес для исследователей. Появление такой программы, учитывающей современные достижения различных дисциплин, существенно поможет систематизировать сбор материалов, объединить усилия (этнографов, фольклористов, социологов, психологов) в изучении детства как сложного психосоциокультурного феномена.

Вопрос о необходимости комплексного изучения жизни и быта детей разных социальных слоев и разных национальностей нашей страны, и языка, игр, забав, занятий, фольклора, доступных детям форм трудовой деятельности ставился в советской науке еще в 20-х — начале 30-х годов. Насущные потребности строительства новой жизни, отношение к детям как к одной из важнейших опор будущего общества привело к заметной активизации попыток этнографов, фольклористов, психологов и педагогов глубже проникнуть в мир детства, понять его законы, для того чтобы на их основе целенаправленно воспитывать нового человека.

К этому времени относится серия интересных работ Г. С. Виноградова по детскому фольклору², деятельность О. И. Капицы по собиранию, изучению и популяризации детского фольклора³, создание ею Комиссии по детскому фольклору, быту и языку при Государственном Русском географическом обществе в 1927 г., публикация сборника «Детский быт и фольклор»⁴. В поисках путей развития новой школы, обоснования социалистической системы воспитания естественно было обратиться и к сокровищнице народной педагогики, к фольклору как важному фактору воспитания детей в традиционной культуре. Проблема воспитания в коллективе и посредством коллектива способствовала утверждению нового взгляда на ребенка как активного социального существо, повышению внимания педагогов и психологов к социальной жизни детских групп. В частности, одной из интересных моделей для исследования процессов в неконтролируемых взрослыми, стихийно складывающихся детских объединениях оказались беспризорники.

Со второй половины 30-х годов исследования детства в советской науке все более приобретают узко-педагогическую направленность. Работа в области изучения детского фольклора, быта и языка приостанавливается.

¹ Кон И. С. Этнография детства. (Проблемы методологии). — Сов. этнография, 1981, № 5, с. 3—13.

² Виноградов Г. С. Русский детский фольклор (Детские игровые прелюдии). Кн. 1, в. 1. Иркутск, 1930; Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925; Детский фольклор и быт (программа наблюдений). Иркутск, 1925; Детский народный календарь. Иркутск, 1924, и др.

³ См. Шаповалова Г. Г. Изучение детского фольклора Ольгой Иеронимовной Капицей. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. В. IV. М.: Наука, 1968, с. 149—163.

⁴ Сб. Детский быт и фольклор. Л., 1930.

Медленно и постепенно готовилась почва для формирования современного взгляда на ребенка как на сравнительно самостоятельного и активного социального индивида, представляющего собой не только объект воспитательных воздействий со стороны взрослого, но и субъект знания и общения, носителя и творца собственной субкультуры.

Попытки ближе прикоснуться к миру детей как особой группы, жившей в рамках большого социума, понять его изнутри через такие формы коллективного самовыражения, как детский фольклор, сталкивались с трудностями объективного и субъективного порядка.

Объективные сложности были связаны с общим уровнем и направлением развития наук о ребенке и в особенности психологии. Долгое время советской психологии основное внимание было сосредоточено на взаимоотношениях взрослый — ребенок. Однако в последние годы положение изменилось. Характерное для современной психологии смещение акцента на проблемы социализации ребенка в группе детей, на роль общения со сверстниками в формировании личности, удовлетворении ее социальных потребностей⁵ способствовало созданию научно-психологической основы для исследований детского фольклора, соответствующих современным знаниям и запросам. Так, становится понятно, что в качестве носителя детского фольклора надо изучать не отдельно взятого ребенка, а детскую группу как целостный социальный организм. И анализировать следует не совокупность отдельных текстов, а их сложную функциональную систему, играющую важную роль в регуляции жизни группы.

Такой подход расширяет наше представление о детском фольклоре его значении в формировании ребенка как члена общества, позволяет оставить ряд исследовательских задач междисциплинарного характера, которых пойдет речь ниже.

Субъективные сложности, заметно искажавшие объективность и беспристрастность в изучении детского фольклора, связаны как с особенностями установок и даже предубеждений исследователя-взрослого, так и со специфическими чертами предмета изучения.

Очень долго среди исследователей детского фольклора во всем мире господствовала нормативно-педагогическая установка, опосредовавшая восприятие, понимание и отбор того своеобразного материала, с которым им приходилось сталкиваться. Стереотипные образы ребенка, бытующие в массовом сознании, жесткие представления о правилах поведения «нормальных» детей, непонимание половозрастных особенностей детского мировосприятия, утверждение примата иерархических отношений «взрослый — ребенок» определяли снисходительно-высокомерный взгляд особенно на те стороны коллективного творчества детей, которые несут на себе наиболее яркий отпечаток специфически детских представлений о мире и людях, моральных суждений, юмора. «Педагогизированное» сознание исследователя, не сумевшего отрешиться от своей позиции взрослого, часто не позволяло ему разглядеть те формы детского творчества, которые считались нежелательными («страшилки», «неприличный» фольклор), несуществующими (детская «магия») или неверно толковывались («дразнить — нехорошо», «пародия — оскорбление выжких чувств»). Это привело к тому, что в наших знаниях об отдельных жанрах детского фольклора есть большие пробелы. Так, например, долгое время не записывались «страшные» рассказы русских детей⁶, крайне мало известно о детской магии⁷, сравнительно недавно, в 60-е годы, за рубежом началось активное собирание и изучение детских шуток и анекдотов.

⁵ См., например: Лисина М. И. Общение детей со взрослыми и сверстниками: общее и различное. — В сб.: Исследования по проблемам возрастной и педагогической психологии. М.: НИИОП, 1980, с. 3—32.

⁶ Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей. — В сб.: Русский фольклор. Фольклор и историческая действительность. Т. XX. Л.: Наука, 1981, с. 96—106. Собираение и исследование «страшилок», начатое в середине 1960-х годов О. Н. Гречиной и М. В. Осориной, было продолжено в работах других авторов (см., например, Мамонтова Г. И. Культурно-исторические и психологические основы жанра страшилок. — В кн.: Сибирский фольклор. Новосибирск: НГПИ, 1981, с. 55—62.

⁷ Virtanen L. Children's Lore. — Studia Fennica 22, Helsinki, 1978.

тов⁸, появились публикации о потаенном эротическом фольклоре детей⁹. Интерес к современному детскому фольклору сейчас настолько велик, что один из ведущих американских фольклористических журналов «Western Folklore» посвятил ему специальный выпуск¹⁰.

Подход к детскому фольклору с точки зрения узко-педагогических оценочных представлений приводил некоторых исследователей к отрицательной характеристике этого явления в целом («грязные жестянки и черепки», которыми «пробавляются» дети, по выражению А. Кайева¹¹), когда ставился вопрос о праве детского фольклора на существование.

Трудность беспристрастного подхода к детскому фольклору усугубляется еще и тем, что характерной чертой современной детской традиции является ее демонстративное противостояние «правильному» и нередко подавляющему миру взрослых и даже пародирование этого мира, позволяющее детям почувствовать свою самостоятельность, утвердить собственные нормы и ценности. А оттенок таинственности — непохожести и отрешенности, которым дети часто пытаются окрасить свой игровой мир, выделить его из обыденной жизни (тайные языки, шифры, необычные места сборищ), помогают стремлению оградить этот мир от взоров взрослых. Известные английские исследователи детского фольклора А. и П. Опи, несколько утрируя положение, считают даже, что фольклорист и этнограф, не пройдя и мили от своего дома, могут изучать процветающую и не осознающую себя детскую культуру, не замеченную «цивилизованным» взрослым миром, как какое-нибудь племя аборигенов в глубинах естественной резервации¹².

Попытка рассмотреть детский фольклор как предмет изучения прежде всего наталкивает на необходимость определения этого понятия. До сих пор не решен спор, возникший в 20-е годы между Г. С. Виноградовым, считавшим, что к детскому фольклору надо относить только тексты, бытующие в среде самих детей¹³, и О. И. Капицей, включавшей в это понятие и колыбельные песни, пестушки, потешки, созданные взрослыми для детей¹⁴.

По нашему мнению, имеет смысл определять отличия фольклора для детей от собственно детского фольклора на основе функциональных критериев, прежде всего коммуникативных.

С коммуникативной точки зрения, тексты фольклора для детей обслуживают иерархизованные и однонаправленные взаимоотношения взрослый (В) → ребенок (Р). Взрослый является основным носителем текстов, которыми он делится с ребенком в определенных целях. Маленький ребенок повторяет потешку, только если он хочет продемонстрировать взрослому свои знания, вызвать его на контакт и исполнение любимого ребенком текста. Старшие дети используют произведения фольклора для детей в том случае, если они сами занимают «взрослую» позицию, выполняя родительскую роль по отношению к маленькому ребенку (например, девочка-няня).

В структуре отношений В—Р, особенно в течение первых трех лет жизни, когда вся деятельность ребенка опосредована его общением со взрослым, фольклор для детей облегчает эти контакты и функционально используется взрослыми в следующих целях: 1) успокаивание ребенка — заговаривание боли, колыбельные песни; 2) активизация ребенка — общее возбуждение, поощрение к движению, хождению, говорению (пе-

⁸ McCosh S. Children's Humor. L., etc.: Granada Publishing, 1979.

⁹ Legman S. The Horn Book. New Hyde Park (N. Y.): University Books, 1964.

¹⁰ Grider C. A. (Ed.). Children's Folklore.— Western Folklore, v. XXXIX, № 3, 1980 (Special Issue).

¹¹ Кайев А. К характеристике современного устно-поэтического творчества детей — Уч. зап. Орехово-Зуевского педагогич. ин-та. М., 1958, т. IX (кафедра литературы, в. 3), с. 89—134.

¹² Opie I. & P. Lore and Language of Schoolchildren. (L.): Paladin, 1977.

1924. Виноградов Г. С. Русский детский фольклор.

¹³ Капица О. И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры пиццей, собиране, обзор материалов. Л., 1928. Той же точки зрения придерживается В. IV. урташэвіч (см. ее: Вершаваныя жанры беларускага дзіцячага фальклору. Мінск:

¹⁴ Освіта, 1976).

Пестушки и т. д.); 3) дидактические цели — освоение названий частей тела, предметов окружающего мира, развитие фонетики, обучение счету, обеспечение совместных действий взрослого и ребенка (игры, пестушки, потешки, прибаутки); 4) забава и развлечение — игры, прибаутки, небылицы.

Итак, одна из двух основных метафункций фольклора для детей состоит в целенаправленном обеспечении общения взрослого с ребенком. Исполнение пестушек и потешек, прибауток и небылиц, песен и других текстов включается в решение многих коммуникативных задач: так взрослый вызывает ребенка на общение, отвлекает при выполнении неприятных процедур, создает своего рода аккомпанемент телесному общению с ребенком, превращая его в игру, снимая напряженность. Все это помогает ритуализации ежедневных бытовых форм взаимодействия взрослого с ребенком, закрепляет способы выполнения определенных действий, разграничивает события в текущем опыте ребенка, организует обыденный опыт, структурирует для ребенка время.

Второй важнейшей метафункцией фольклора для детей можно считать приобщение ребенка к культуре, к определенным культурным текстам, которыми равно владеют и взрослый и ребенок. Через радостное чувство узнавания («и я это знаю!») у ребенка формируется ощущение причастности, включенности в мир иллюзорного равенства со взрослым. Фольклор для детей на раннем этапе жизни ребенка является, видимо, одним из важнейших механизмов «обучения культуре»¹⁵. В фольклорных текстах ребенку рисуется простейшая модель мира, первично структурируются время и пространство (например: теплый дом — защита и темный лес, куда может унести серый волчок), намечается схема расстановки сил, олицетворенных в образах персонажей, и основные отношения, в центре которых находится сам ребенок, а его имя вставляется в текст мяреки. Таким образом, взрослый вводит ребенка в окружающий его душевный мир и в общество людей, среди которых ребенку определяется место. Одновременно происходит усвоение норм поведения (не плакать, засыпать вовремя и т. д.), запретов и возможных кар за их нарушение, т. е. правил, регулирующих взаимоотношения между взрослым и ребенком. Естественно, что тексты фольклора для детей несут в себе тот образ ребенка и то отношение к детям, которые существуют в культуре взрослых.

Остается мало изученным восприятие современным ребенком, особенно городским, традиционного фольклора, в том числе и иноэтнического¹⁶, весь строй которого столь далек от современной жизни. Исследование этой проблемы позволило бы сделать интересные наблюдения о том, как формируется образная система собственного детского устного коллективного творчества, как закрепляются мотивы и формы, обнаруживающиеся потом в разных пластах детской традиции.

Чрезвычайно интересно с точки зрения этнографа, фольклориста, социолога, психолога рассмотреть значение и место фольклора в воспитании детей в урбанизированном обществе. Традиционный фольклор для детей продолжает насыщать культурную среду нашего городского ребенка-дошкольника в большей степени, чем какой-либо другой возрастной группы городского населения. Существенную роль играют культурные стереотипы отношения к фольклору как инструменту воспитания: фольклорное, народное воспринимается взрослыми как пригодное, полезное и близкое детям. Кроме того, родители испытывают жизненную потребность в песенках, потешках, пестушках, сказках, так как они необходимы для налаживания контактов с ребенком. Однако приобщение к фольклору носит иной характер, нежели это было в традиционной народной культуре, так как чаще всего взрослые заимствуют тексты из многочис-

¹⁵ О проблеме см.: Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика. — В сб.: Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1971, с. 167—177.

¹⁶ См. Чистов К. В. Японская сказка и русский читатель. — Сов. этнография, 1978, 3, с. 155—162.

ленных изданий переработанных для детей фольклорных произведений. В качестве источника фольклорных текстов для ребенка выступает уже не сам взрослый, а книга, появляется ритуал чтения («Мама, почитай!»). Книга как посредник в общении в определенной степени отчуждает взрослого от ребенка, ребенка от текста. Нарушается спонтанность восприятия, оттого, что взрослый часто не помнит текста и не может мгновенно воспроизвести применительно к ситуации (например, что-то рассказать ребенку сказку про волка и серых козлят, взрослый должен ее сначала прочесть). Итак, структура коммуникативной ситуации становится литературной, хотя передаются фольклорные по содержанию тексты¹⁷.

С точки зрения современной психологии для правильного развития личности ребенка, его эмоциональной сферы, умения вступать в контакт с окружающими людьми принципиально важно непосредственное общение с близким человеком, которое не может быть компенсировано ни какими формами безличной коммуникации (телевидение, радио, прослушивание пластинок и т. д.). Устное рассказывание в той или иной форме всегда будет присутствовать в воспитании маленьких детей. В связи с этим особенно интересна та нарративная атмосфера, в которую погружен современный дошкольник. И в деревне, и тем более в городе все реже рассказывают детям сказки, их обычно читают. Однако многие родители рассказывают мемуары о своем детстве, творческие сказки-сериалы собственного сочинения¹⁸, пересказывают истории из книг. Исследование устной среды первых лет жизни ребенка может прояснить некоторые детали в широко распространенной фольклорной прозе детей младшего школьного возраста, особенно «страшных» рассказах.

Используя те же критерии, что и при рассмотрении фольклора для детей, попробуем выделить наиболее значимые функциональные характеристики собственно детского фольклора. Специфика коммуникативной функции оказывается при этом важнейшим отличительным и базовым признаком, на основе которого можно выделить само понятие «детский фольклор» и рассмотреть это явление с разных точек зрения.

Отметим, что фольклор для детей, будучи важным фактором общения взрослого с ребенком, никогда не вторгается в сферу одноуровневых отношений ребенок (P) — ребенок (P). Взрослый через фольклор не опосредует и не учит ребенка общению с другими детьми. Однако известно, что если в период раннего детства (0—3 года) ребенок преимущественно включен в парное общение со взрослым и в основном находится в позиции ведомого, то в дошкольном возрасте он начинает все активнее строить отношения «на равных» со своими сверстниками. Дети начинают играть не рядом, но вместе, возникает необходимость в других детях как компаньонах для игры, развиваются ролевые игры, потом в репертуаре детей появляются сложные игры «с правилами» (пятнашки, прятки, казаки-разбойники и т. п.), рассчитанные уже на группу участников. Игровая деятельность становится ведущей в жизни ребенка дошкольного возраста.

Общаясь со сверстниками, ребенок познает и оценивает себя в сравнении с другими и впервые начинает осознавать, насколько его положение в группе детей зависит от его собственной активности и личностных свойств, а не дано ему, как это было в семье. Группы сверстников, формальные (группа детского сада, школьный класс и т. п.) и особенно неформальные, спонтанно складывающиеся (игровые, дворовые и т. п.), являются чрезвычайно важным фактором социализации ребенка и удовлетворяют его растущие социальные потребности: в общении, в информации, в эмоциональном контакте, в совместной деятельности и т. д., формируя чувство принадлежности, столь необходимое для становления личности как члена общества.

¹⁷ Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации.— В кн.: Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975, с. 26—43.

¹⁸ Родари Дж. Грамматика фантазии: Введение в искусство придумывания историй. М.: Прогресс, 1978.

Большой проблемой развивающийся потенциал заложен также в обычной для онтогенных групп неоднородности возрастного состава участников, так как разница в 1—3 года оказывается важным условием социального назначения и передачи опыта детьми от одной возрастной когорты к другой. Этот опыт включает в себя знание игр и их правил, привычных забав и шалостей, норм поведения и конкретных форм социального взаимодействия (как распределить роли в игре, как пресечь нежелательное поведение другого, как отстоять свои права, как привлечь к себе внимание и т. д.). Все это можно обозначить термином «детская традиция», достаточно широким и неточным, однако часто используемым в литературе этнографии детства, в том числе детской игры, детскому фольклору¹⁹. В пределии понятие *детская традиция* как совокупность разнообразных форм активности детской группы, имеющих тенденцию повторяться из поколения в поколение детей и тесно связанных с половозрастными особенностями психического развития и характером социализации детей в рамках данной культуры. Типичное для зарубежной этнографии и фольклористики расширительное толкование детского фольклора приводит к отождествлению его с детской традицией и к синонимичному употреблению этих терминов. Поэтому в работах по детскому фольклору, например, в классических книгах англичан А. и П. Опи «Фольклор и язык школьников»²⁰, «Детские игры на улице и на игровой площадке»²¹, всегда есть главы, посвященные традиционным детским шалостям прошлых века английские мальчики стучали дверными молотками у жих подъездов и убежали, теперь — нажимают на все звонки, сбегая из по лестнице), детским граффити (надписям и рисункам на стенах домов, метро, школьных уборных) и другим формам активности детской стаи, которые наследуются от поколения к поколению детей, существуют иногда на протяжении столетий, но в то же время не являются «детским фольклором» в прямом смысле этого понятия. С другой стороны, более узкое понимание детского фольклора как только устного только словесного коллективного творчества детей, характерное для фольклористики, приводит к тому, что многие формы традиционного самовыражения детской группы оказываются незамеченными и не описываются.

Нам кажется, что проблему можно снять, если попытаться установить логические отношения между двумя понятиями и рассмотреть *детский фольклор* как способ объективации детской традиции, как язык детской «субкультуры». Действительно, с семиотической точки зрения детский фольклор можно назвать «языком», поскольку он является материальным носителем элементов детской традиции, закрепленных в группе текстов (считалки, игры, дразнилки, шутки, анекдоты, «страшные» рассказы и т. д.), надличностен, выполняет функцию передачи информации, обеспечения общения и регуляции деятельности детской группы, т. е. информационную, коммуникативную и регуляторную функции, присущие языку.

С коммуникативной точки зрения детский фольклор прежде всего является важным инструментом межличностного общения детей в группе, помогающим ребенку достичь социальной компетентности. Не имея еще большого социального опыта, ребенок вынужден, однако, вступать в разнообразные отношения с детьми своего возраста, старшими и младшими: он знакомится с ними, играет и забавляется, ссорится и мирится, отстаивает свои права и помогает другим, дружит и враждует. Детский фольклор вооружает каждого ребенка готовыми формулами и текстами, позволяющими ему с успехом действовать в тех сложных, но привычных коммуникативных ситуациях, с которыми ребенок не справится бы самостоятельно, не найдя вовремя нужного ответа. Характерным

¹⁹ См., например, Schwartzman H. B. Transformations: the Anthropology of Children's Play. N. Y.—L.: Plenum Press, 1978.

²⁰ Ope I. & P. Lore and Language of Schoolchildren. (L.): Paladin, 1977.

²¹ Ope I. & P. Children's Games in Street and Playground. Oxford: Oxford University Press, 1969.

примером своеобразной тренировки и демонстрации социальных умений обеспечиваемой фольклорными текстами и регулируемой определенными правилами, являются традиционные перебранки при встрече соперников представителей двух враждующих групп или просто мальчиков и девочек.

Интересный анализ того, как и зачем дети дразнят, проделанный Лееа Виртанен²², показал, что нельзя прямолинейно утверждать, что дразнилка — только форма словесной агрессии, а потому негативное явление, с которым надо бороться²³. Оказывается, дразнение имеет много функций в детском коллективе. Оно может выражать желание установить контакт или потребность внести драматический элемент в повседневную жизнь, оно представляет собой традиционный способ унижения врага, но может быть всего лишь демонстрацией словесного искусства. Одной из важных функций дразнилок является утверждение норм поведения в группе и пресечение отклонений от них (дразнилки про победы, жадина и т. д.). Однако, видимо, наиболее значимы дразнилки как способ испытания «социальной прочности» члена группы, особенно новичка, его умения постоять за себя. Реакция на дразнилку может быть неадекватной (заплакать, пожаловаться, кинуться в драку), что уменьшает возможности завоевания ребенком высокого статуса в детской группе, а может соответствовать ситуации, когда обиженный отвечает унижая противника словесно. Тем самым он демонстрирует знание правил детской традиции и хорошие социальные умения, дает понять, что он свой, что его можно признать и принять.

Детский фольклор предоставляет ребенку разнообразные средства общения в зависимости от его возраста и коммуникативных потребностей, а потому долго сохраняет свое значение как механизм социального взаимодействия детей. «Формульность» дразнилок, поддевок, песенок, считалок как нельзя лучше соответствует интеллектуальным и вербальным возможностям младших детей, в то же время среди детей 10—11 лет уже считается «неприличным» серьезно выкрикивать дразнилку, это рассматривается как признак инфантилизма. В общении детей 8—12 лет большую роль играют прозаические жанры детского фольклора — анекдоты, «страшные» рассказы («страшилки», былички, фабулаты). В этом возрасте у ребенка формируются навыки рассказчика: умение ориентироваться на слушателей (еще недоступное дошкольникам), удерживать их внимание, эмоционально захватывать, что обеспечивает удовлетворение растущей потребности в более интимном и глубоком общении. Рассказывание «страшных» историй оказывается и развлечением, и способом выйти за рамки рутинной обыденности, прикоснуться к необычному и непонятному миру. Оно имеет одновременно проективный и психотерапевтический эффект, позволяя освобождаться от личных страхов в социально приемлемой форме, давая возможность изживать чувства страха в заведомо безопасной обстановке, когда ребенок ощущает присутствие и поддержку других детей²⁴. Совместное переживание сильных ощущений способствует эмоциональной сплоченности группы, усиливает чувство единения перед лицом иллюзорной опасности. Рассказывая «страшных» историй чувствует себя во время повествования эмоциональным лидером группы, способным и напугать, и позабавить.

Регуляторная функция детского фольклора лишь условно может быть отделена от коммуникативной. Игровая группа часто состоит из детей разного пола и возраста, с разными характерами и для того, чтобы могла осуществляться совместная деятельность, например обычная игра в прятки, группа должна иметь механизмы самоорганизации. Одним из внутренних регуляторов жизни группы является детский фольклор, тексты которого используются детьми для утверждения групповых норм санкций против отклоняющегося поведения, налаживания взаимоотноше-

²² Virtanen L. Children's Lore.

²³ Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1970.

²⁴ Гречина О. Н., Осорина М. В. Указ. раб., с. 96—106.

ний мальчиков и девочек, для выбора игр, распределения ролей в игре и соблюдения ее правил, для регуляции отношений группы с окружающим миром, в частности с миром взрослых. Так, употребление считалки в качестве объективного и справедливого способа выбора водящего служит для младших детей одним из первых уроков в осознании необходимости иногда независимо от своего желания принимать на себя в группе роли и подчиняться общим правилам.

Итак, рассматривая детский фольклор как язык детской «субкультуры», можно предложить следующее определение: *детский фольклор* является формой коллективного творчества детей, реализуемого и закрепляемого в системе устойчивых текстов, которые передаются непосредственно от поколения к поколению детей и имеют важное значение в регулировании их игровой и коммуникативной деятельности.

Возникает вопрос: какими возрастными рамками ограничивается понятие «детский» фольклор? Можно предположить, что время, когда в репертуаре детей появляются фольклорные тексты определенных жанров, зависит от возраста ребенка и связанного с ним уровня его психического развития, а также от степени его социальной зрелости, которая опосредуется многими факторами: это, с одной стороны, различные институты социализации, основанные на возрастном принципе (детский сад, школа) и формально обеспечивающие пребывание ребенка в среде сверстников; с другой стороны, еще большее значение имеет опыт активного участия ребенка в спонтанно складывающихся преимущественно игровых детских группах (во дворе, в деревне, на даче, в пионерском лагере, санатории и т. п.). Наблюдения показывают, например, что в детских садах дети начинают использовать считалки перед началом игры между 5 и 6 годами. Этот интереснейший вопрос требует обязательного экспериментального исследования, поскольку разные фольклорные жанры входят в репертуар детей постепенно, а отдельные возрастные периоды характеризуются своеобразным жанровым составом с различным удельным весом текстов определенного вида. Расцвет детского репертуара приходится на период наиболее интенсивной жизни спонтанных детских групп от 7—8 до 12—13 лет. У подростков хотя и постепенно, но заметно меняется как жанровый состав, так и функции и способ передачи фольклорных текстов: к этому возрасту уже давно и абсолютно исчезли дразнилка, считалка (старшие считаются обычно «по-морскому», поднимая несколько пальцев), постепенно вырождается и отмирает страшилка, хотя продолжают существовать и эволюционировать в новые формы анекдоты, разные виды «черного» юмора, шутки, загадки (словесные и рисуночные), «секреты», песни и пародии, «страшные» рассказы в виде фабулатов и меморатов, былички (очень разные в городе и в деревне), большой интерес проявляется к различным формам игровой магии, гаданиям и приметам. Все эти тексты передаются не только устно, но и очень широко — письменно, через так называемые «песенники» и «гадалки», расширяющие аудиторию, способствующие активному обмену информацией такого рода между городом и деревней. Складывается совершенно новая система подросткового коллективного творчества, которую, видимо, надо отличать от детского фольклора.

Говорить о носителях детского фольклора нужно не только с точки зрения их возраста, но и половой принадлежности, поскольку в рамках детской субкультуры сосуществуют отчетливо выраженные традиции девочек и мальчиков, которые сейчас привлекают большой интерес исследователей²⁵.

Важнейшим фактором, способствующим существованию детской традиции и детского фольклора как ее объективного выражения, является их действительная функциональная необходимость для жизни детских обществ. Детский фольклор оказывается живым и в том смысле, что продолжает передаваться непосредственно от поколения к поколению

²⁵ Virtanen L. Boys and Girls in a Game-Starting Situation.— *Studia Fennica* 18, Helsinki, 1974.

детей, буквально из уст в уста. Такая передача происходит обычно в условиях неформального общения, когда групповые взаимоотношения строятся на основе совместной игровой деятельности, забав, развлечений, а для этого нужны определенные условия: наличие детей, свободного времени, которое они могут проводить вместе, и территории, где они будут встречаться и играть. В современном урбанизированном обществе поиск места для детей становится настоящей проблемой, весьма сложной на уровне обыденной жизни. В последнее время эта проблема стала активно изучаться в рамках так называемой социальной экологии и психологии окружающей среды, так как оказалась значимой для понимания процессов социализации ребенка. Экспериментальные работы в этой области показывают, на наш взгляд, необходимость рассмотрения жизни детской традиции и фольклора не только во времени но и в пространстве.

Групповые детские игры «с правилами», дающие ребенку наиболее ценный опыт совместной деятельности и общения, происходят всегда на открытом воздухе: во дворе, на улице, на пустыре и т. п. Невозможность активно использовать пространство вне дома приводит детей не только к неподвижности и физическому отставанию, но, что еще важнее, ограничивает свободное, спонтанное, неформальное общение со сверстниками, что ведет к социальному недоразвитию, в свою очередь, отрицательно сказывающемуся и на детской традиции²⁶. Здесь оказались значимыми факторы, на которые раньше вообще не обращалось внимания: этажность домов (опросы показали, что, чем выше живет семья, тем менее охотно матери пускают своих детей одних играть на улице²⁷), наличие дворов, которые оказываются наиболее предпочтительным местом групповых игр, замкнутость — разомкнутость городского пространства (дети не любят больших, открытых и пустых пространств, какими часто бывают «детские площадки» в новых районах), величина территории, доступной для детей (что препятствует или способствует выбору определенных игр — на пришкольной площадке хорошо играть в пятнашки, но невозможно — в прятки, постоянная пространственная стесненность и ограничения взрослых приводят к деградации игрового репертуара детей), наличие укромных мест и уголков, неподнадзорных взрослым, где может собираться детская компания, делиться новостями, рассказывать анекдоты или «страшные» истории.

Исследования «феноменального ландшафта» детей²⁸ — образа окружающей среды, деятельностно осваиваемой и эмоционально переживаемой ребенком, показали, что его описание может базироваться на трех основных понятиях²⁹.

Это протяженность территории — часть местности, коллективно осваиваемой детьми в процессе игр, различных занятий и совместных прогулок. Она характеризуется определенной ширитой границ и разнообразием значимых для детей предметных элементов (строения, заборы, деревья, места купания, игровые площадки и т. п.). В возрасте от 6 до 9 лет дети резко увеличивают освоенную ими территорию, причем мальчики, движимые исследовательским интересом, делают это гораздо активнее девочек.

Пути — сеть проходов, дорог, тротуаров, тропинок, по которым происходит продвижение и освоение «территории» и которые соединяют «места».

Место — наименьшая пространственная единица, аффективно окрашенный локус пространства, с которым связаны значимые и глубокие переживания. Оно характеризуется личностной привязанностью, вклю-

²⁶ Parke R. D. Children's Home Environment.— In: Children and Environment, 1979 V. 3, P. 33—81.

²⁷ Marcus C. C. Children's Play Behavior in a Low Rise Inner-City Housing Development.— In: Man-Environment Interactions: Evaluations and Applications/Ed. Carson D V. 12. Childhood City. Milwaukee, 1974.

²⁸ Hart R. Children's Experience of Place: a Developmental Study. N. Y.: Irvington Press, 1978.

²⁹ Moore D., Young D. Childhood Outdoors: Toward a Social Ecology of the Landscape.— In: Children and Environment, 1979, V. 3, P. 83—130.

ностью, интимностью общения. Это может быть место встреч, уединения, «страшное», «сакральное» место и т. п. Наличие таких мест чрезвычайно важно для жизни детской традиции, так как они являются, видимо, теми точками в окружающей среде, где эта традиция концентрируется. Места, где дети встречаются, переживаются ими как их собственная территория, выделенная из большого и не всегда уютного для детей мира взрослых. Характерное для детской традиции стремление к самоопределению и обереганию себя от прямого вмешательства взрослых проявляется здесь и в чисто пространственном обособлении. В связи с этим интересно отметить, что дети выбирают для своих постоянных встреч чаще всего места, относительно удаленные и пренебрегаемые, на которые взрослые не предъявляют прав, — пустыри, свалки, строящиеся или заброшенные дома и т. д. Кроме того, стремление детей сконструировать себе особый игровой мир, необычный, не подчиняющийся рутине повседневной жизни, заставляет их искать места, отмеченные печатью инстинктивности и обеспечивающие приватность, интимность общения. Поэтому наиболее «ценным» местом оказывается для детей все укромное: чердак (вспомним Тимура и его команду), подвал, сарай, пещера и т. п. С этим связана и навязчивая тяга детей младшего школьного возраста к строительству домиков, шалашей, всевозможных укрытий.

С разными типами мест, облюбованных детской компанией, связаны различные проявления детской традиции, в частности исполнение различных жанров детского фольклора. Так, по нашим наблюдениям, дети в с. Барышская Слобода (Ульяновская обл., 1981 г.) несколько раз в лето ходят ночью на кладбище слушать страшные истории, однако рассказывают там только былички, поскольку страшилки, называемые ими «страшный анекдот», считаются жанром более низким и не подходящим для такого «сакрального» места.

Можно полагать, что некоторые элементы детской традиции специально направлены на то, чтобы ребенок мог эмоционально освоить определенную территорию, расставив на ней индивидуальные символические метки. С этой точки зрения можно объяснить функциональное значение широко распространенных среди русских детей так называемых «секретов». «Секрет» — это небольшая ямка в земле, дно которой выкладывается разноцветными бумажками, фантиками, стеклышками, сверху она закрывается стеклом и засыпается землей. Делается это, по словам детей, «для интереса», «чтоб показывать другим». Городские дети располагают «секреты» обычно под скамейками в скверах, у стены дома, у забора, в малопосещаемых местах. Каждый ребенок делает несколько секретов, местоположение которых известно только ему. «Секрет» иногда показывается близким друзьям и опять закрывается.

Поскольку проявления детской традиции зависят от наличия внешних условий и связаны с определенными точками окружающей среды, при записывании детского фольклора полезно ориентироваться именно на «места», где наиболее активно реализуются различные формы детской коллективной жизни. Поэтому метод включенного наблюдения и описи, благодаря которому можно рассмотреть изнутри жизнь детской группы, является чрезвычайно важным. Он позволяет исследовать такие формы коллективного творчества детей, которые обычно ускользают при записывании фольклора от отдельного ребенка и тем более при массовых анонимных письменных опросах, сейчас широко практикуемых и дающих, конечно, ценный статистический материал³⁰. Изучение традиций и репертуара спонтанных дворовых, игровых детских групп достаточно трудно осуществимо во многих отношениях, в частности потому, что их жизнь разворачивается во времени и пространстве сложной многомерной предметно-социо-психологической среды. В связи с этим интересной экспериментальной моделью для исследователя оказываются группы детей, вынужденные постоянно пребывать вместе на ограниченной территории (больничная палата, спальня санатория, интерната, пио-

³⁰ См. Осорина М. В. Рецензия на книгу Л. Виртанен «Детский фольклор». — Сов. география, 1979, № 5, с. 175—177.

нерского лагеря и т. п.) и имеющие много свободного времени для формального общения. Образованная по формальному признаку (например, очередной заезд в санаторий), такая группа начинает активно структурироваться, общаться, играть, развлекаться, и в течение короткого времени ее члены полностью обмениваются своим фольклорным репертуаром. Многие дети считают пребывание в подобного рода группах основным источником пополнения их фольклорных знаний.

Описание детского фольклора как предмета исследований не будет исчерпывающим, если представить его только как феномен детской культуры, поскольку он существует одновременно и в социальном пространстве и времени мира взрослых. Здесь интересно рассмотреть, с одной стороны, связь детского фольклора с традиционной культурой фольклором взрослых, с другой стороны, влияние, которое оказывают на него современные средства массовых коммуникаций (радио, телевидение, мульт- и кинофильмы, граммпзаписи и т. д.).

Генетические взаимосвязи детского фольклора с традиционным фольклором взрослых многообразны и составляют особую большую тему. Отметим лишь несколько существенных моментов. Изменение роли традиционного фольклора в жизни современного общества, постепенное исчезновение многих обрядов, участниками которых были также и дети, изменение структуры семьи, взаимоотношений между поколениями, значительная отделенность детей от близких взрослых, связанная с тем, что основную часть времени ребенок проводит сейчас в учреждениях общественного воспитания, и другие социальные процессы приводят к большому обособлению детской традиции от фольклора взрослых. При этом отдельные пласты традиционного фольклора продолжают существовать в репертуаре детей, если живет обряд (колядки), или сохраняются законсервированном виде на периферии детской традиции, как стало закликами. Некоторые элементы традиционной культуры взрослых постепенно исчезая из обихода старших, переходят к детям, активно перерабатываются детской фантазией и приобретают новые специфические черты и функции в детской традиции, как это случилось с гаданиями, «вызываниями» (гномов, Пиковой дамы, чертика, привидений, духов и т. п.) и некоторыми другими видами игровых «магических» действий. Представляют интерес и взаимоотношения детского фольклора с современным городским фольклором взрослых. Так, источник некоторых видов «черного юмора», одинаково популярного и у взрослых и среди детей можно искать в фольклоре подростков.

Движение детского фольклора во времени происходит очень быстро так как поколения детей сменяются в течение нескольких лет, причем внешние условия, особенно в городе, обычно не благоприятствуют передаче текстов от старших к младшим и взрослые ее не поощряют. Можно было бы ожидать большой жанровой изменчивости, вариативности текстов, однако в действительности детский фольклор обладает определенным иммунитетом ко всему инородному и системой своеобразных «фильтров», пропускающих то, что можно ассимилировать. Мы уже отмечали, что детская традиция имеет механизмы самосохранения, детский фольклор как форма ее объективации, как ее язык, видимо, является основным стабилизатором этой традиции, позволяющим сохранять некоторые тексты на протяжении столетий. Будучи сложной и живой системой, детский фольклор имеет компоненты более стабильные и более изменчивые. Это хорошо видно на примере влияния массовых коммуникаций: наибольший отклик у русских детей они находят в подвижных и «легких» жанрах анекдотов, шуток, пародий, где периодически появляются новые персонажи, в основном заимствованные из мультфильмов (крокодил Гена и Чебурашка, Заяц и Волк, Карлсон и т. д.) и кинокомедий (Никулин, Вицын, Моргунов и т. д.). Ситуация оказывается различной для детей разных культур и зависит от того, какие передачи средств массовой коммуникации ориентированы на детей или доступны детям.

Для реальной жизни детского фольклора имеет значение и отношение к нему со стороны взрослых. Оно проявляется в разных формах: и

, как относится взрослый к исполнению детьми отдельных жанров
ского фольклора (безразличен, разрешает, запрещает), участвует ли
в передаче текстов, проявляет ли интерес к детской традиции, стара-
понять мир детей. Для педагогического сознания долгое время было
характерно настороженное отношение к детскому фольклору как к низ-
кой, «уличной» забаве, в детских садах разрешалось использовать только
важные считалки, такой вид «страшных» рассказов, как страшилки,
потаянным жанром, и в передаче этих текстов взрослые практически
участвовали. Сейчас положение стало меняться, причем заметную
роль, видимо, играет сезонное привлечение к воспитанию детей большого
количества непрофессиональных педагогов (студентов, молодых рабочих и
служащих) в качестве вожатых в летних лагерях. По возрасту они часто
гораздо старше своих воспитанников, а их менее жесткие нормативно-
педагогические установки позволяют им даже самим принимать участие
в исполнении детского фольклора.

Рассматривая детский фольклор как предмет изучения, мы попыта-
лись определить его место в культурной среде и существенные черты
по отношению к системе психологических, пространственно-временных и социаль-
ных координат. Сложность и многообразие этого предмета позволяет
разделять в нем аспекты, находящиеся в компетенции разных наук.

Рассмотрение взаимосвязей детского фольклора с традиционным и
современным фольклором взрослых, исследование генезиса и тенденций
развития жанров, текстологический анализ, изучение поэтики коллек-
тивного детского творчества и другие фольклористические проблемы
представляют один из этих аспектов. Он может быть дополнен эксперимен-
тально-психологическими исследованиями функциональной роли фоль-
клора (коммуникативной, регуляторной, информационной, психотерапев-
тической, проективной и т. п.) в жизни детских сообществ, половозраст-
ных детерминант детской традиции, личностных особенностей детей-рас-
сказчиков, влияющих на их репертуар, и статуса этих детей в группе, а
также изучением того, как отражаются в детском фольклоре особенно-
сти детской психологии (специфика образной системы, основная пробле-
матика, логика мышления, моральные суждения, юмор и страхи, связь
с другими видами детского творчества). Большой интерес представляли
социологические исследования жизни детского фольклора в совре-
менном городе и в деревне, его региональной трансмиссии, влиянии сре-
дних факторов, средств массовой коммуникации, педагогических уста-
вок и т. п. на существование детской субкультуры. Этнографические
исследования детской традиции в разных этнических средах дали бы
ценный материал для выявления культурно-специфических и универсаль-
ных черт социализации детей среди сверстников.

В. Т. Соколов

ГОРОДСКИЕ РАБЫ И ИХ СЕМЬЯ НА ЮГЕ США.

1830—1860 гг.

Рабство негров в США с самого своего возникновения было не толь-
ко сельским, плантационным, но и городским. Существовало оно в го-
дах как Севера, так и Юга, где проживало значительное число чер-
ных рабов. После отмены рабовладения на Севере в конце XVIII — на-
чале XIX в. в городах Юга, как и на всем Юге, рабство сохранялось
до гражданской войны 1861—1865 гг.

Городское рабство в США — малоизученное явление. В советской
этнографии работ, посвященных исследованию жизни городских ра-
бов и тем более их семейно-брачных отношений, нет вообще. В данной
книжке автор попытался охарактеризовать положение рабов южноамери-
канского города, их труд и быт, семейные и межрасовые отношения.

Основная масса городских рабов проживала в наиболее крупных городах Юга, которые, по выражению американского исследователя Р. Уэйда, образовывали «городской периметр», как бы цепочкой охватывавший плантационные рабовладельческие штаты с востока, юга и севера. Как правило, это были крупные морские и речные порты и основные центры торговли Юга с Севером и Западом США, а также Англией и другими странами. На Атлантическом побережье были расположены Балтимор, Ричмонд, Норфолк, Чарлстон, Саванна; на побережье Мексиканского залива — Мобил и Новый Орлеан. Верхняя сторона «периметра», проходившая по линии Мэйсон—Диксон, служила границей между свободными и рабовладельческими штатами. Здесь наиболее густонаселенными городами являлись Сент-Луис и Луисвилл — крупные порты на реках Миссисипи и Огайо. Внутри этой сельскохозяйственной территории было несколько десятков небольших городов таких, как Огаста, Колумбия, Натчес, Монтгомери, Мэмфис, Нэшвилл и др. Население каждого из них даже в середине XIX в. не превышало нескольких тысяч жителей.

В городах в различные периоды проживало до 10% всех рабов страны. В 1830—1850-е годы число городских рабов достигло своего пика — примерно 400 тыс. чел.¹ В одних городах рабы составляли $\frac{1}{5}$ часть жителей, в других — более четверти, а в Чарлстоне (Южная Каролина) — почти половину населения.²

Основой экономической жизни большинства южных городов являлась торговля. Это было особенно ярко выражено в городах «периметра», хотя в некоторых из них было достаточно развито и промышленное производство. Во многих крупных городах процветала работорговля. Хотя основными невольничьими рынками были Новый Орлеан, Ричмонд, Чарлстон, небольшие города также были вовлечены в нее, являясь своеобразными сборными пунктами на большом невольничьем торговом пути со «Старого» на «Новый» Юг.³

Городское рабство было многоликим институтом, приобретавшим на каждом из городов свои черты, которые постоянно менялись. Это в значительной мере отличало его от сельского рабства, которое в XIX в., по оценке известного американского историка К. Стэмпа, «как бы застыло в своих формах».⁴ Размеры рабовладений в городах были небольшими: один хозяин, как правило, владел одним-двумя рабами. Только у самых богатых рабовладельцев, которых было весьма немного и число которых с годами неизменно уменьшалось, рабы исчислялись десятками. В Чарлстоне, например, где доля рабов в населении была наиболее высокой, в 1830 г. проживало 2873 белых семьи. В 379 из них (13%) рабов не было. В 401 семье (14%) имелось по 10 и более рабов; 87 семей (3%) имели более чем по 20 рабов, а 19 семей (0,6%) имели по 30 и более рабов. Остальные 1987 семей (69%) имели всего по несколько рабов.⁵ К 1860 г. число крупных рабовладельцев в Чарлстоне значительно уменьшилось.

Та же картина наблюдалась и в Новом Орлеане. В 1830 г. 215 хозяев имели по 10 и более рабов, в том числе 22 хозяина — по 20 и более рабов. Остальные имели по несколько рабов. Накануне гражданской войны только 83 семьи имели по 10 и более рабов.⁶

В других городах Юга положение было примерно таким же, и только в Ричмонде число крупных рабовладельцев возрастало. С 1820 по 1860 г. число семей, имевших по 10 и более рабов, выросло там с 14 до 27, а семей, имевших от 10 до 20 рабов, — с 7 до 93.⁷ Это объясняет

¹ *Hutoburg Э. Л.* Негры США. М.: Наука, 1979, с. 85.

² *Wade R. S.* Slavery in the Cities. The South, 1820—1860. N. Y., 1964, p. 326.

³ Штатами «Старого» Юга считались Виргиния, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Кентукки; штатами «Нового» Юга — Алабама, Миссисипи, Луизиана, Техас и др.

⁴ *Stamp K.* The Peculiar Institution. N. Y., 1956, p. 28.

⁵ *Wade R. S.* Op. cit., p. 21—22.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

ширением применения дешевого рабского труда на принадлежавших личным компаниям крупных предприятий Ричмонда, которых к 60 г. было уже больше 50. Так, в собственности Виргинской железнодорожной компании имелось 274 раба, другие компании также владели сотнями рабов.

Что касается живших в городах хозяев крупных плантаций, то они жили почти в каждом южном городе. В Новом Орлеане, например, проживали некто Дж. Хиггинс, в 1860 г. имевший 115 рабов, и еще несколько рабовладельцев, владевших более чем полусотней рабов каждый. В Чарлстоне в том же году таких владельцев плантаций насчитывалось около дюжины⁸.

Как правило, большинство городских рабов жили в доме хозяина и выполняли там всю работу по обслуживанию его семьи. Особенно широко распространено это было в городах со слабо развитым промышленным производством. В Саванне, например, в 1848 г. большинство из 86 проживавших там рабов были домашними слугами и лишь несколько сотен были заняты на других работах. В Чарлстоне в том же году из 56 живших там взрослых рабов 5272 чел. (71%) работали домашними слугами, 867 чел. (12%) имели какую-либо специальность и 1217 чел. (7%) не имели никакой профессии и были заняты на разных работах⁹. Почти все служанки в Чарлстоне были черными рабынями, из белых в служанках числилось только 100 ирландских девушек.

Женщины составляли большинство домашних слуг. Но в составе прирутки имелось немало и мужчин. Они, как правило, были камердинерами, швейцарами, конюхами, кучерами, садовниками, истопниками и пр.

Детей рабов приучали к домашней службе с малых лет. Они выполняли простые поручения, приобретали и осваивали навыки поведения и быта слуг, являясь, таким образом, заметной частью домашней рабочей силы. Воспитанные с детства слуги ценились дороже. К 8—9 годам молодой раб обычно уже полностью использовался хозяином, по крайней мере как слуга или мальчик на посылах. «В мои обязанности входило также бегать с поручениями хозяина», — писал о своем детстве в Балтиморе известный борец против рабства, сам в прошлом раб, Фредрик Дуглас¹⁰.

Несмотря на то что дети рабов постоянно пополняли контингент домашних слуг, в городах Юга часты были жалобы на их нехватку. «Трудно найти слугу для дома. Еще труднее найти хорошего слугу», — слышалось и на «великосветских» приемах в богатых особняках, и в городских салонах, на рынках, пристанях.

Домашних слуг-рабов в городах в какой-то мере не хватало прежде всего потому, что многие хозяева широко применяли их труд на своих предприятиях, в магазинах, гостиницах, отдавали в аренду корпорациям крупным промышленникам, использовавшим рабов как рабочую силу на своих предприятиях, пристанях, на строительстве железных дорог, каналов, мостов и т. д. Муниципалитеты использовали рабов на ремонте улиц и дорог, уборке мусора, прокладке водопровода и других коммунальных работах. Госпитали и даже церкви покупали или брали в аренду рабов для обслуживания своих пациентов и паствы. Словом, рабский труд широко применялся не только в домашнем хозяйстве, но и во многих других сферах городской жизни.

Особенно широко использовались рабы на заводах и фабриках Ричмонда — промышленного сердца Юга. Здесь две ключевые отрасли — хлопчатобумажная и металлургическая — почти целиком зависели от применения рабского труда негров. Владельцы предприятий этих отраслей интенсивно использовали как принадлежавших им рабов, так и нанятых у других рабовладельцев. Независимо от того, собственные или нанятые

⁸ Wade R. S. Op. cit., p. 22—23.

⁹ Goldin C. D. Urban Slavery in the American South. 1820—1860. A Quantitative Study. Chicago, 1976, p. 43.

¹⁰ Douglass F. My Bondage and my Freedom. N. Y., 1968, p. 144.

рабы трудились на этих предприятиях, им приходилось выполнять так как всю грубую и тяжелую, так и довольно квалифицированную работу. На табачных фабриках города рабы выполняли операции по сортировке и сушке, нарезке и прессовке листьев табака, их упаковке и транспортировке. Причем большинство рабочих составляли мужчины. Там, где от рабочих требовалась быстрота и ловкость (например, при сортировке листьев табака), рабовладельцы часто использовали детей в возрасте 10—12 лет. Труд их в отличие от женского на табачных фабриках применялся довольно широко.

Условия труда на табачных фабриках были тяжелыми, особенно в летние месяцы, когда стояла изнуряющая жара. Рабочий день длился 10—14 и даже 16 часов. Рабов заставляли трудиться и ночью¹¹. Зимой рабочий день длился дольше, чем летом. Чтобы как-то скрасить однообразие и монотонность работы, негры нередко пели. Они с большим воодушевлением распевали псалмы, негритянские спиричуэлс, меняя ритм и громкость исполнения, переходя от хорового пения к сольному и наоборот¹².

На металлургических предприятиях Ричмонда рабов также использовали на самых разных трудовых операциях. За счет низкой стоимости труда рабов собственники предприятий получали значительные прибыли, что позволяло им порой успешно конкурировать с более технически развитым производством на Севере. Например, когда на Тредегерском чугунолитейном заводе в Ричмонде — крупнейшем на Юге — убыточное производство в 1847 г. перешло в руки Р. Андерсена, он заменил большинство свободных мастеровых рабами. В результате уже в 1848 г. компания получила свыше 38 тыс. долл. прибыли, и Андерсен стал настаивать на том, «что все предприятия в рабовладельческом штате должны использовать только труд рабов»¹³. Рабов предпочитали не только потому, что труд их обходился дешевле, но еще и потому, что «с появлением черных, — по словам одного фабриканта из Северной Каролины, — исчезли забастовки и прочие публичные выступления рабочих»¹⁴.

В других городах Юга рабов использовали в качестве дешевой рабочей силы на самых различных предприятиях. На канатных фабриках Луисвилла и Лексингтона, на пристанях Нового Орлеана, Мобила и Саванны, в доках Балтимора и Вашингтона, на сахарных заводах, на текстильных фабриках, мельницах и мастерских Чарлстона, Норфолка, Мобила, Саванны и других городов — всюду работало множество рабов. Только в Новом Орлеане в 1850 г. на хлопкоперерабатывающей фирме «Леви Стим Хоттон Пресс» работало 104 раба, а на фирме помельче и у отдельных предпринимателей — по 30—40 рабов¹⁵.

Система аренды рабов расширяла возможности их использования в условиях города. Хозяева, имевшие больше рабов, чем требовалось для ведения домашнего хозяйства или для использования на своих предприятиях, предпочитали не продавать их, а отдавать в аренду на определенный срок какой-нибудь компании или отдельному лицу. Сделка об этом оформлялась специальным договором, включавшим цену аренды, время службы раба у нанимателя и ряд других условий. Р. Уэйд приводит в качестве образца один из таких договоров. Некие «Трастон и его брат обещают уплатить Джеймсу Брауну 90 долларов за наем его негра Фила на срок до 25 декабря 1833 г. Они же обязуются платить жалованье негру и оплачивать его лечение в случае болезни. Наниматели предоставляют ему одежду, обувь и одеяло, которые после окончания срока договора останутся в его собственности. Совершено в Луисвилле, 1 января 1832 г.»¹⁶.

¹¹ *Olmssted F. The Cotton Kingdom. N. Y., 1953, p. 101.*

¹² *Levine L. W. Black Culture and Black Consciousness. Afro-American Folk Thought From Slavery to Freedom. N. Y., 1977, p. 5, 7, 13.*

¹³ *Фонер Ф. История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х годов XIX в. М.: Соцэкгиз, 1949, с. 297.*

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Goldin C. D. Op. cit., p. 21.*

¹⁶ *Wade R. S. Op. cit., p. 39.*

Чередко в договоре указывался род работы, которую будет исполнять раб. Некоторые хозяева добивались включения в договор условий возмещения убытков в случае гибели их рабов в период найма.

Рабов нанимали на самые различные сроки: от недели до 5 лет. Наиболее распространенным был договор сроком на 12 месяцев. Для выполнения временных работ и отдельных поручений заключались контракты на несколько дней и даже часов, например для погрузки или разгрузки судна, для сопровождения пассажиров в поездке и т. д.

Распространение системы аренды рабов поставило в порядок дня проблему контроля над ними. Хозяин уже не имел возможности следить за поведением каждого своего раба, отданного на длительный срок на сторону. Поэтому считалось общепринятым, что контроль над рабами на весь срок аренды возлагался на нанимателя (арендатора). Сделки в аренде рабов, заключенные собственником и нанимателем, должны были в обязательном порядке регистрироваться в городском суде или мэрии. С одной стороны, это служило определенной гарантией выполнения сторонами условий сделки, с другой — городские власти получали возможность контролировать число таких сделок и рабов, отданных в аренду. Кроме того, за регистрацию контрактов взималась пошлина, популавшая в бюджет города.

Во многих городах в разные годы были приняты различные постановления, направленные на совершенствование системы контроля над рабами вообще и отданными в наем в частности. Согласно этим постановлениям, рабам запрещалось находиться на улице вечером и ночью без письменного разрешения хозяина или нанимателя. Запрещались любые собрания рабов. Им не разрешалось покупать спиртные напитки без письменного разрешения хозяина. Любой белый, продающий или покупающий что-либо у раба, обязан был проверить у него письменное разрешение на эту куплю-продажу. В некоторых городах муниципальные власти вводили для рабов, отданных в наем, специальные знаки или бирки, пропуска и т. д., причем для рабов различной квалификации разными были и значки¹⁷.

Уклонение от регистрации сделок об аренде рабов довольно строго наказывалось. Наказание получали как участники, так и сам предмет сделки, т. е. раб. В Чарлстоне черный раб, обнаруженный без пропуска, получал 20 ударов плетью, его хозяин платил 20 долларов штрафа, а наниматель выплачивал городским властям двойную стоимость регистрации и премию лицу, задержавшему раба. В Саванне за то же «прегупление» раб получал 39 плетей, а хозяин платил 50 долларов штрафа¹⁸. И тем не менее огромное количество сделок не регистрировалось.

Несмотря на штрафы и угрозу наказания, многие владельцы не только уклонялись от регистрации сделок о найме, но шли еще дальше, предоставляя своим рабам право самим подыскивать нанимателя, договариваться с ним об условиях работы, оплаты и пр. Чаще всего это относилось к рабам, имевшим какую-нибудь профессию. Владелец раба в таких случаях требовал от него только одного: чтобы тот регулярно, раз в неделю или в месяц, приносил ему определенную сумму денег. Все, по рабу удавалось заработать сверх этой суммы, оставалось ему. Теперь часто рабу самому нужно было обеспечивать себя пропитанием, покупать одежду, обувь, необходимые для работы инструменты, а иногда и подыскивать жилье. Именно в таком положении оказался молодой Ф. Дуглас, когда хозяин предоставил ему полную свободу действий на следующих условиях: еженедельно выплачивать хозяину 3 доллара, питаться и одеваться за свой счет, покупать необходимые инструменты на свои деньги. Жить он мог где угодно, но также за свой счет¹⁹.

Подобная практика создавала совершенно новую ситуацию в положении раба, давала ему определенную свободу. Хозяин иногда даже не знал, где и на кого работает его раб. Это напоминало скорее отношения

¹⁷ Goldin C. D. Op. cit., p. 137.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Грэхем Ш. Фредерик Дуглас. М.: Молодая Гвардия, 1959, с. 108.

помещика и крепостного крестьянина-отходника, чем хозяина и раба. Поэтому многие рабы стремились получить от хозяев разрешение находить себе работу. Некоторым из них таким путем удавалось заработать значительную сумму денег и выкупить на волю себя и своих родственников. Наиболее предприимчивые из рабов сами нанимали рабов. Например, раб-плотник или каменщик, получивший выгодный подряд, стараясь подыскать умелых помощников. О том, что подобная практика была широко распространена, говорят законы, принятые в разных городах, запрещавшие рабам нанимать рабов. Такой закон был принят в Моб в 1858 г., а в Чарлстоне закон обязывал рабов, работавших у других рабов, носить особые значки²⁰.

Определить точно, как много рабов пользовалось правом самим находить себе работу в каждом из городов, невозможно, так как и владельцы, и рабы, и их наниматели всячески скрывали это. По данным американской исследовательницы городского рабства К. Голдин, в Чарлстоне в 1850 г., возможно, тысячи рабов сами находили себе работу²¹. Но зато хорошо известно, как власти и общественное мнение того или иного города относились к подобной практике. Так, в Саванне в 1845 г. Большое жюри объявило такую практику «великим злом» и высказало мнение, что это может серьезно ослабить институт рабства и стать «началом конца» рабовладения²². В Чарлстоне власти также считали подобную практику чреватой опасными последствиями и стремились пресечь ее. В Сент-Луисе местный издатель, выступая против предоставления рабам права подыскивать работу, заявил в 1824 г., что, «пока рабы остаются рабами, они должны в их собственных интересах, так же как и в интересах общественного блага, содержаться в суровом принуждении»²³.

Позиция рабовладельцев в этом вопросе была двойственной. С одной стороны, их пугала степень свободы, которую получали рабы, нанявшиеся на работу на сторону, ибо раб почти полностью выходил из-под надзора хозяина. С другой стороны, рабовладельцам было выгодно содержать (а вернее, «не содержать») рабов на таких условиях, когда можно было в зависимости от состояния рынка труда или других обстоятельств изменить условия договора с рабом в свою пользу. Кроме того, они не только не платили городским властям налога за сдачу раба в наем, но и не тратили ни цента на его содержание. Все это вместе взятое составляло немалую сумму и представлялось для владельцев, особенно мелких, чрезвычайно выгодным.

Таким образом, соединение традиционного использования рабов в хозяйстве рабовладельца и на его предприятиях с отдачей их в наем другим предпринимателям, а также предоставление рабам права самонайма в предвоенный период были характерными чертами института рабовладения на городском Юге. Это значительно отличало его от сельского варианта рабства, где основная масса рабов трудилась на плантациях и лишь незначительная — в качестве слуг и ремесленников в хозяйстве рабовладельца.

У городских рабов при самонайме появлялся определенный стимул работать так, чтобы отдать хозяину причитающуюся ему сумму и заработать денег для себя. Этого не было ни на плантациях, ни в домашнем хозяйстве, ни на фабриках и мастерских, ни при сдаче рабов в наем или аренду. А сама городская жизнь, постоянное общение с белыми американцами из разных слоев населения, совместная работа с белыми рабочими на крупных предприятиях — все это, по словам советского американиста Э. Л. Нитобурга, в гораздо большей мере, чем у домашних и дворовых рабов на плантациях, способствовало развитию в сознании городских рабов чувства принадлежности к населению города и страны, в которой они живут, формированию у них многих общих с белыми тру-

²⁰ Goldin C. D. Op. cit., p. 39.

²¹ Ibid., p. 40.

²² Wade R. S. Op. cit., p. 50.

²³ Ibid.

дьячимися оценок норм поведения, взглядов на вещи и явления. Это, несомненно, ускоряло их ассимиляцию по сравнению с плантационными рабами²⁴.

Жизнь рабов в городах, несмотря на наличие некоторых «свобод», оставалась трудной и безрадостной. Их постоянным уделом был тяжелый изнурительный труд. Жили они не намного лучше их собратьев на плантациях. В южных городах сложилась примерно одинаковая планировка рабовладельческой усадьбы: фасадом на улицу выходил господский «большой» дом, а во дворе размещались различные хозяйственные постройки и бараки для рабов — обычно длинные и узкие, часто двух-, а иногда и трехэтажные строения из кирпича или камня. Такой барак примыкал одним крылом к господскому дому или стоял позади него на небольшом расстоянии. Как правило, для жилья там использовался только второй этаж. На первом размещались кухня, кладовые, прачечная, конюшни и пр. Вся усадьба обносилась высокой кирпичной стеной, а единственный путь на улицу проходил через ворота «большого» дома. Сад и двор находились в центре усадьбы.

Комнаты в бараках рабов были небольшими, площадью 9—10 м², плохо вентилируемые, часто без окон. Двери комнат, расположенных в ряд, выходили на один длинный и узкий балкон. Только через них в комнату проникали свет и свежий воздух. Иногда в комнате имелось подобие очага, но обычно рабы готовили пищу вне комнат. Меблировка состояла из сундука, где хранились кое-какие пожитки рабов, грубо сколоченного стола, нар или одной-двух лавок. Нередко рабы спали прямо на полу, а когда позволяла погода — на балконе. Все окна и двери, а также балконы негритянских жилищ выходили во двор. Это делалось для того, чтобы хозяева из своего дома могли видеть все, что делалось в комнатах рабов. Как правило, даже крыши таких барачков имели крутой скат в сторону двора, наружная стена была кирпичной и высокой, а усадьба в целом представляла собой своеобразную крепость, в которую были как бы пожизненно заключены населявшие ее рабы. Само устройство такой усадьбы лишний раз напоминало рабу о его приниженности и подчиненности.

С развитием системы аренды рабов многие из них стали жить отдельно от хозяев в жилищах, предоставленных нанимателями или снятых самостоятельно. Жилища эти зачастую представляли собой такие же бараки, как и в усадьбах рабовладельцев, и не отличались удобствами.

Семья негров в условиях городского рабства, подобно семье плантационных рабов²⁵, никогда не признавалась рабовладельцами «де-юре», хотя во многих случаях существовала «де-факто». Ни один рабовладельческий закон не признавал за рабами никаких прав личности, в том числе и права создавать семью, ибо признание такого права, с точки зрения правящего класса, означало бы посягательство на его собственность. В глазах закона раб являлся абсолютной собственностью своего господина, «который был вправе его обменивать, продавать, сдавать внаем, закладывать, инвентировать, проигрывать в карты, передавать по наследству. Он — вещь»²⁶. Из этого положения вытекало следующее: раб, не принадлежащий самому себе, не может ни приобретать собственность, ни давать обязательств, ни вступать в брак и создавать семью. Согласно же семейному праву, муж обязан защищать жену и обеспечивать ее всем необходимым, а жена — сохранять верность мужу и помогать во всех его делах до самой смерти. И наконец, буржуазный брак — это еще и имущественная сделка между супругами, которая оформлялась специальным брачным контрактом. Абсолютно бесправные рабы не могли позволить себе ничего подобного.

Создать семью рабы могли только с разрешения хозяина, который часто сам был заинтересован в этом и не чинил препятствий, особенно

²⁴ Нитобург Э. Л. Указ. раб., с. 99—100.

²⁵ Там же, с. 106—114.

²⁶ Травинский В. Н. Как погибли миллионы негров. М.: Соцэжгиз, 1963, с. 87.

рабыням, так как рожденные ими дети считались рабами и, следовательно, увеличивали его богатство. Если вступавшие в брак рабы принадлежали разным владельцам, то необходимо было согласие обоих.

Свадебная церемония обычно проходила в доме хозяина или в негритянской церкви, где черный проповедник с библией в руках совершал обряд бракосочетания. Он поочередно спрашивал жениха и невесту «Ты любишь этого негра?», на что следовал положительный ответ **обоим**, и их объявляли мужем и женой. Вместо черного проповедника эту церемонию мог провести белый священник или шериф. Официальной регистрации брака рабов не производилось.

По случаю свадьбы устраивался праздник с вином и угощением, в котором принимали участие друзья и родственники жениха и невесты. К свадьбе заранее припасали вино и продукты. С согласия хозяина для проведения праздника выделялось помещение, а также комната, где после свадьбы молодые могли бы уединиться. Иногда в устройстве свадьбы деятельное участие принимали члены семьи хозяина (чаще всего хозяйка, ее дочери или сестры). Новобрачные получали от них различные подарки (обычно что-нибудь из хозяйской одежды), со всех сторон раздавались пожелания благополучия и счастья молодым. Все рабы, вовлеченные в свадебный праздник, относились к нему как к важному событию, и только после его проведения новая семья получала признание.

Свадебная церемония рабов в городах обычно копировала подобны церемонии в среде белых горожан и во многом отличалась от «бракосочетания» рабов на плантациях, где рабов часто и не венчали, а просто с согласия хозяина они начинали жить вместе, пройдя, однако, своеобразный свадебный ритуал прыгания через палку от метлы. Хозяйка и ее дочь держали палку за концы над полом, а хозяин говорил рабам, чтобы они взялись за руки и прыгнули через нее. Если женились немолодые люди, палку опускали пониже и те просто перешагивали через нее. После этого они считались мужем и женой²⁷. В том же случае, когда хозяину плантации нужно было поженить своих рабов, он подводил их к пустующей хижине, открывал библию на первой попавшейся странице, скороговоркой читал молитву и заключал этот импровизированный «свадебный» обряд словами: «Ты ее муж, она твоя жена. С этого дня вы женаты и будете жить здесь»²⁸.

Какой бы ни была свадебная церемония рабов, их семья не получала никаких признанных законом прав, а сам брак рабов рассматривался не более как сожительство.

Поскольку законом семья рабов не признавалась, перед ней сразу же вставала проблема стабильности и сохранения самого факта ее существования. Прежде всего ее мог разрушить сам хозяин, который по тем или иным соображениям (чаще всего финансовым) мог продать своего раба отдельно от жены и детей. Подобные случаи были довольно частыми и нашли довольно полное отражение в американской исторической литературе. Так, некий Мосли, священник из Кентукки, продал порознь жену и мужа, которых он сам незадолго до этого «венчал» своей церковью²⁹. Р. Уэйд пишет о рабе из Чарлстона, который вскоре после «женитьбы» был продан одному хозяину, а его жена — другому. И хотя разлученные супруги жили в одном городе, им никогда не разрешали видеться³⁰.

Апологеты рабства оправдывали практику раздельной продажи членов семей рабов, ханжески заявляя, что «чистота их нравов» от этого не пострадает, ибо раздельная продажа означает, как и обычный развод, «гражданскую смерть» брака, а поэтому любой из бывших супругов может в любое время вступить в новый брак и это не навлечет на

²⁷ Гейнс Э. Дж. Автобиография мисс Джейн Питтман. М.: Прогресс, 1980, с. 12.

²⁸ Bennett L. Before Mayflower. A History of the Negro in America. 1619—1964. Chicago, 1969, p. 82.

²⁹ Goodell W. American Slave Code. N. Y., 1969, p. 114.

³⁰ Wade R. S. Op. cit., p. 118.

него гнева всевышнего³¹. Даниэль Гудлоэ, abolitionист из Северной Каролины, писал в 1852 г., что, «разлучая рабов, жен и мужей, родителей и детей, работоторговцы и рабовладельцы не нарушают ни законов штатов, ни федеральных законов»³², ибо таких законов просто-напросто не было. Ни в одном из рабовладельческих штатов не существовало законов, запрещающих продавать раздельно семейных рабов и их детей. И лишь в Луизиане — «самом гуманном» из них, по словам видного негритянского историка Ф. Банкрофта, продажа детей рабынь отдельно от матери разрешалась только с десятилетнего возраста³³.

Семьи рабов, принадлежавшие разным хозяевам, разлучались и при переезде одного из них в другой город. Банкротство хозяина или его смерть также служили причиной разрушения семьи рабов. В этих случаях их распродавали на аукционе или передавали наследникам умершего хозяина.

Однако не все семьи городских рабов разрушались. Некоторым из них удавалось просуществовать довольно длительное время, и современники нередко отмечали наличие семей, состоявших по крайней мере из представителей трех поколений³⁴. Чаще всего такие семьи сохранялись в том случае, если все их члены принадлежали одному хозяину и жили вместе.

Если же у членов семьи были разные владельцы, то муж и жена с детьми жили раздельно, каждый у своего хозяина. Встречаться они могли лишь изредка, в основном по воскресным дням, когда им разрешалось навестить друг друга и провести вместе день или ночь.

Такое раздельное существование не служило укреплению семейных связей. Полная зависимость от хозяина, обязанность беспрекословно исполнять его волю, лишала мужа власти и авторитета в семье. Муж-раб не мог быть и защитником своей жены. Любой белый мужчина мог обесчестить рабыню, даже замужнюю, а ее муж не мог заступиться, так как не имел права на ее защиту. В таких условиях он являлся не защитником и кормильцем семьи, а всего лишь половым партнером жены. Хотя дети при редких визитах называли его «папой», друзья считали его мужем и отцом, а городские газеты, печатая сообщения о бежавших или наказанных рабах, называли их мужем и женой³⁵, такой семейный союз имел слишком малое сходство с брачным институтом свободных людей. Беспомощность раба-отца в деле защиты семьи накладывала, по словам американского историка Р. Хилдрета, роковую печать на отношения между супругами. Сознание непрочности супружеских отношений травляло и губило их³⁶.

Роль женщины в семье рабов была гораздо более важной, хотя и более трудной. Забота о детях, по крайней мере до тех пор, пока они находились с ней, лежала на матери. Хозяева в своих же интересах старались при продаже не разделять мать и ее маленьких детей. Существовала даже своеобразная такса на детей, продаваемых вместе с матерью. Покупавший имел право взять себе и ее грудного ребенка по обычной цене, т. е. по 1 долл. за фунт веса³⁷.

Женщина чаще всего оставалась почти единственным защитником и кормильцем семьи, её основным связующим звеном, хозяйкой в своем жилище, главой и опорой семьи. Это способствовало тому, что среди рабов «развился и оказался наиболее распространенным тип своего рода матрифокальной семьи, в которой ответственность за ее содержание лежала на женщине. Такая семья сохранялась главным образом благодаря родственным узам и чувствам, существующим между матерью и детьми, живущими вместе с ней»³⁸. Это определение, данное

³¹ Bancroft F. Slave Trading in the Old South. N. Y., 1969, p. 207.

³² Ibid., p. 200.

³³ Ibid., p. 197.

³⁴ Wade R. S. Op. cit., p. 58.

³⁵ Ibid., p. 117.

³⁶ Хилдрет Р. Белый раб. М.: Лениздат, 1951, с. 32.

³⁷ Там же, с. 293.

³⁸ Нитобург Э. Л. Указ. раб., с. 109—110.

Э. Л. Нитобургом семье рабов на плантациях Юга, в полной мере отсиса и к семье городских рабов.

Число детей в семье городских рабов, возглавляемой женщиной, обычно уступало числу их в семье плантационных рабов, где оно нередко стигало 10 и более. Плантатор всячески поощрял, а порой и принуждал рабынь к рождению детей, премируя их за каждого новорожденного, в случае смерти рабыни-матери ее детей принимала другая рабыня-мать. И в городах хозяину было выгодно, чтобы его рабыня почаще рожала детей. Фактически это являлось таким же разведением рабов на продажу, как и на плантациях «Старого» Юга³⁹. В связи с этим многие рабыни становились матерями в 14—15 лет, а к 30 годам — бабушками. Известен «рекорд» одной рабыни: в 42 года она родила 41 ребенка, вынашивала 42-го, а может быть и 43-го, ибо часто рожала двойню!

Однако высокой была и смертность детей городских рабов. Непосильный труд и недостаточное питание беременных рабынь приводило к частым выкидышам. А почти полное отсутствие ухода за новорожденными было основной причиной их высокой смертности. Далеко не все из них доживали до отроческого возраста.

Выжившие недолго оставались с матерью. По достижении ими 10—12 лет дети городских рабов нередко продавались хозяином на плантации или отдавались в аренду другим рабовладельцам. Но в зависимости от обстоятельств хозяин мог продать ребенка и в возрасте 6—7 лет даже раньше⁴¹.

Почти любой белый, имевший деньги, мог купить себе маленького раба или рабыню, нисколько не считаясь с тем, что он отрывает ребенка от матери и наносит им непоправимую психическую травму. В среде богатых плантаторов, работорговцев и дельцов был распространен обычай дарить маленьких рабов своим любимцам — крестникам, внукам, новорожденным и даже еще не родившимся потомкам. В том случае, когда у своих рабов не имелось таких «подарочных» детей, их покупали. Причем для еще не родившегося белого ребенка иногда покупали беременную рабыню, предназначая ее будущего ребенка в слуги также будущему господину или госпоже. Часто такая рабыня становилась кормилицей белого ребенка, а ее дитя с пеленок являлось его слугой⁴².

Продажа детей отдельно от матерей сопровождалась тягостными сценами⁴³. Проще обстояло дело с продажей детей-сирот. Сотни рабов в городах ежегодно умирали от непосильной работы, плохого питания, болезней, часто оставляя после себя малолетних детей. Особенно высокой была смертность среди домашних рабов, принадлежавших небогатым рабовладельцам, содержавшим одного-двух рабов и взваливавшими на них всю тяжесть домашней работы. Оставшихся от них детей хозяева старались продать, так как находили для себя слишком хлопотным содержать их без матери. При этом и у продавца, и у покупателя совесть оставалась «чиста»: они пристраивали бедных сирот, что считалось весьма богоугодным делом. Именно поэтому многие работорговцы часто стали продавать детей, отобранных у родителей, выдавая их за сирот⁴⁴.

Угроза разлуки, постоянно висевшая над семьей рабов, порождала у них сознание непрочности супружеских связей. Большая часть рабов переживала это как трагедию, и лишь незначительная относилась к факту разрушения своей семьи индифферентно. В силу этого браки отнюдь не всегда прельщали рабов. Многие из них находили удовлетворение полового чувства во внебрачных связях, имевших неглубокий, времен-

³⁹ См. Косарев Б. М. Работорговля как источник негритянского рабства в США. — Вопросы истории, 1972, № 10, с. 87—97.

⁴⁰ Bennett L. Op. cit., p. 86.

⁴¹ Bancroft F. Op. cit., p. 208—209.

⁴² Ibid., p. 212.

⁴³ Documentary History of the Negro People in the United States/Ed. Apteker H. N. Y., 1951, p. 207—208; см. русский перевод этой работы в сб.: Расы и народы. В. 6 М.: Наука, 1976, с. 273—274.

⁴⁴ Bancroft F. Op. cit., p. 213.

ий характер⁴⁵, тем более что в городах с плотным населением и интенсивным ритмом жизни имелись гораздо большие возможности для выбора партнера, чем на плантации, где рабы были в значительной мере юлированы от рабов других плантаций, что лишало их возможности общаться или хотя бы видеть других людей, кроме тех, кто трудился рядом с ними, своих хозяев и надсмотрщиков. В городах же рабы находились в непосредственном общении со множеством разных людей: черных и белых, свободных и рабов. В таких условиях контакты между ними становились неизбежными, вопреки нежеланию рабовладельцев.

Контакты эти возникали всюду: на работе, в магазинах, на рынках, церквях и просто на улицах. Возникнув случайно, они могли перерасти во взаимную привязанность или прерваться после половой связи. Наиболее часто такие отношения возникали между рабами как представителями одной социальной группы. Но черные рабы вступали во внебрачные связи не только с рабами, но и со свободными мужчинами и женщинами всех оттенков кожи.

Некоторое распространение получили связи свободных негритянок с рабами. Подобные союзы иногда становились довольно стойкими, так как хозяин раба в худшем случае мог продать только его. Мать и детей не мог разлучить уже никто, ибо по законам, существовавшим во всех рабовладельческих штатах, ребенок наследовал статус матери⁴⁶, следовательно, ребенок свободной женщины и раба становился свободным. Но таких союзов было относительно немного, так как свободные женщины предпочитали иметь дело со свободными мужчинами, а не с рабами.

Более распространенными в южных городах были межрасовые внебрачные связи, особенно между белыми мужчинами и негритянками, как рабынями, так и свободными. Этому во многом способствовали демографические факторы, существовавшие там в предвоенные десятилетия. В таких быстро растущих городах, как Мобил, Новый Орлеан, Бент-Луис, Луисвилл и др., число белых мужчин значительно превышало число белых женщин. В то же время черных женщин, свободных и рабынь, было больше, чем черных мужчин. Таким образом, в одной расовой группе имелось преобладание мужчин, а в другой — женщин. Например, в 1820 г. в Новом Орлеане (наиболее типичном в этом отношении) белых мужчин (8266) было на 2948 человек больше, чем белых женщин (5318), а рабов-мужчин (2709) на 1937 чел. меньше, чем женщин (4646). Среди свободных негров также мужчин (2432) было на 1373 чел. меньше, чем женщин (3805). Иначе говоря, «излишек» белых мужчин составлял 2948 чел., а черных женщин — 3310 человек. К 1860 г. цифры изменились, но соотношение между ними осталось прежним, причем среди молодежи разрыв был еще больше⁴⁷. И такая картина наблюдалась во многих городах.

Таким образом, мужчины, не найдя себе подруг среди белых женщин, находили их среди черных. Последние, испытывая, с одной стороны, постоянный недостаток мужчин своей расы, а с другой стороны, привлекаемые кажущейся возможностью лучше устроить свою жизнь и жизнь своих детей, вступали в связи с белыми мужчинами. Определенное значение в межрасовых связях имел «престиж белой расы», который, по словам видного негритянского социолога Ф. Фрэзера, «был достаточным, чтобы белый мужчина мог получить от черной женщины все для удовлетворения своего желания»⁴⁸.

В результате такого рода внебрачных связей возник своеобразный тип семьи, состоящей из черной матери и ее детей-мулатов. Во главе такой семьи стояла мать. Белый отец никакой ответственности не нес, так как подобные связи не признавались законом и часто носили скрыт-

⁴⁵ Blacks in Bondage. Letters of American Slaves/Ed. Starobin R. N. Y., 1974, p. IX.

⁴⁶ *Нитобург Э. Л.* Указ. раб., с. 18.

⁴⁷ *Wade R. S.* Op. cit., p. 328—330.

⁴⁸ *Frazier E. F.* The Negro Family in the United States. Chicago, 1969, p. 53.

ный характер. Дети получали статус матери и, если она была рабыней, становились рабами.

Семья рабов в городах Юга, как видим, не являлась стабильным институтом, признаваемым законом. Возникнуть и существовать они могла только с разрешения хозяина. Он же мог и разрушить ее по своему желанию, распродав по отдельности всех ее членов. Роль отца в такой семье по сути дела была сведена на нет.

В этих условиях не только на плантациях Юга, но и среди городских рабов сложился своеобразный тип семьи, состоявшей из рабыни-матери и живущих с ней детей. Во главе семьи стояла мать, на которой лежала вся ответственность за детей и которая нередко была ее единственной материальной опорой. Это обстоятельство наложило особый отпечаток на последующее развитие семейных отношений американских негров.

Бе Вьет Данг, М. Н. Губогло

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СРВ

Социалистическая Республика Вьетнам — многонациональное государство. В нем наряду с вьетами, самым крупным по численности народом (по данным на 1982 г. — свыше 56,2 млн. чел.), проживает множество народов, численность которых колеблется от миллиона до нескольких десятков человек. Вьеты заселяют преимущественно равнинные и прибрежные районы страны. Остальные народы, заселяющие в основном горы и предгорья и составляющие около 15% всего населения, занимают примерно $\frac{2}{3}$ площади СРВ. Они говорят на многочисленных языках, относящихся к различным языковым группам.

До Августовской революции 1945 г. многочисленные народы Вьетнама находились на разных уровнях экономического и культурного развития и были разобщены. Вот почему в программе Коммунистической партии Вьетнама сразу после ее образования (1930 г.) национальный вопрос и проблемы национальных отношений заняли важное место. На всех этапах развития страны по пути социалистического строительства целью национальной политики было «объединение всех народов на основе равноправия, взаимопомощи в борьбе за свободу, независимость и общее счастье»¹. Этой борьбой за свободу — революционным движением трудящихся — руководила партия. Единство народов было немаловажным фактором в успешном осуществлении Августовской революции и переходе к социалистическому строительству.

С победой народной революции началось экономическое и культурное возрождение страны, однако на этом пути вьетнамский народ столкнулся с огромными трудностями. Французские колонизаторы вторглись в Южный Вьетнам в декабре 1946 г. и развернули военные действия на севере и юге страны. Благодаря целенаправленной марксистско-ленинской национальной политике все народы страны, воспитанные в духе патриотизма и интернационализма, поднялись на борьбу с французами, а затем и американскими колонизаторами. Началась война Сопротивления (1946—1954 гг.), закончившаяся победой вьетнамского народа. Несмотря на огромные трудности, связанные с войной, в стране шла подготовка к социалистическим преобразованиям в промышленности и сельском хозяйстве, развивалась наука, в том числе и этнография. При партийных организациях были организованы группы для изучения

¹ Документы национальной политики партии. Ханой, 1965, с. 40. Здесь и далее ссылки на работы вьетнамских авторов даются в переводе на русский язык. Пользуясь случаем, авторы приносят благодарность Ле Нгок Ай, оказавшей помощь в переводе документов и других источников на русский язык.

бычаев, трудовых навыков, хозяйства и быта разных народов Вьетнама. После полного освобождения Севера в 1954 г. в связи с насущными потребностями социалистического строительства и задачами воссоединения страны исследование национальных и этнических проблем значительно расширилось. Созданная в 1959 г. группа по проведению этнографических исследований была в 1965 г. преобразована сначала в сектор этнографии при Комитете общественных наук (КОН) СРВ, а в 1968 г. — в Институт этнографии КОН СРВ.

Современная вьетнамская этнография изучает историю и культуру народов Вьетнама, пути решения национального вопроса и тенденции развития национальных отношений на современном этапе. В перспективных планах Института этнографии КОН СРВ — центра этнографических исследований во Вьетнаме — предусматривается изучение этнографии народов зарубежных стран, в первую очередь стран Юго-Восточной Азии. Свои важнейшие задачи этнографы СРВ видят в исследовании проблем этногенеза, этнической истории, культуры и быта народов. При этом на передний план, по их мнению, должны выдвигаться вопросы современного общественного развития и этнических процессов, разработкой которых они внесут посильный вклад в осуществление национальной политики партии, укрепление братской сплоченности народов, усиление помощи народам, идущим по пути социалистического строительства.

Наряду с исследовательской работой Институт этнографии КОН СРВ осуществляет издание специального этнографического журнала. В последние годы начата работа по созданию этнографического музея и организации специального архива, в котором были бы сосредоточены все важнейшие рукописные и другие этнографические материалы. На Институт возложены обязанности по координации этнографических исследований внутри страны и расширению творческих связей с этнографическими учреждениями других стран, прежде всего стран социалистического содружества. Так, например, с Институтом этнографии АН СССР подписано соглашение о сотрудничестве в 1980—1985 гг. при разработке темы «Этногенез и этническая история народностей Вьетнама», а также о проведении совместных этносоциологических исследований по комплексной теме «Национальные меньшинства СРВ в условиях социализма».

С момента образования Института этнографии КОН СРВ и до настоящего времени этнографические исследования велись по двум важнейшим направлениям: 1) определение этнического состава населения СРВ² и 2) изучение культурно-бытовых особенностей народов страны.

В условиях, когда многие народы даже не были выявлены как самостоятельные этнические единицы или когда один и тот же народ имел несколько этнонимов и, наоборот, один и тот же этноним употреблялся для обозначения нескольких народов, изучение состава населения приобретало особое значение. Точный и полный перечень всех народов, населяющих Вьетнам, был необходим для разработки планов социально-экономического и культурного развития страны, подготовки кадров, укрепления народной власти на местах, т. е. для решения насущных задач социалистического строительства. Определение этнического состава требовалось также при разработке оптимальных мероприятий по трочению интернационального единства всех народов СРВ. Сотрудники Института этнографии КОН СРВ хорошо понимали важность поставленной перед ними задачи. Наряду со сбором полевого материала

² *Вьонг Хуанг Туен.* Проблемы изучения и определения состава национальных меньшинств Северного Вьетнама. — Национальная консолидация, 1962, № 4; *его же.* К изучению национального вопроса во Вьетнаме. — Народ, 1962, № 35; *Мак Дьонг.* Основные проблемы в определении состава народов. — Там же; *Вьонг Хуанг Туен.* Некоторые материалы лингвистики и этнографии к классификации национальных меньшинств Вьетнама. — Там же, № 36; *Ла Ван-Ло.* К изучению показателей определения состава национальных меньшинств. — Там же; *Хоанг Тхи Чао, Нгуен Линь.* К определению национальных меньшинств на Севере Вьетнама. — Там же, 1969, № 38.

они приступили к рассмотрению теоретических проблем, связанных с методами определения национального состава: потребовалось осмысление таких понятий, как «народ», «национальное меньшинство», «нация» и т. п.

Исследования по определению этнического состава населения СРВ—проблеме, лежащей на грани этнографии и демографии, сыграли важную роль в становлении вьетнамской этнографии. В конце 1973 г. «Список народов Севера страны» был в основном составлен и в 1974 г. использован в качестве методологической базы при проведении Второй общегосударственной переписи населения СРВ. Этот «Список» всесторонне обсуждался на двух представительных научных конференциях, проведенных Институтом этнографии КОН СРВ. В итоге была подготовлена коллективная монография³, опубликована серия статей в журналах⁴ и газетах. Что касается народов, живущих на Юге страны, то только в 1978 г., через три года после полного освобождения этого региона, вопрос об определении его национального состава был в известной степени решен, что дало возможность завершить «Список народов Вьетнама». Он уже в 1979 г. был использован при проведении переписи населения⁵. Конечно, «Список» будет еще уточняться, так же как будет продолжена разработка терминологии для обозначения отдельных этнических подразделений.

В настоящее время этнографы СРВ занимаются изучением современных этнических процессов, а также важнейших тенденций и закономерностей развития вьетнской нации и других народов страны. Однако до сих пор остается много неясного в теоретическом осмыслении этих процессов, в том числе в применении терминологического аппарата. Так, например, понятие «Зэн ток» (этнос) используется в различных значениях. Социально-культурное развитие любого народа СРВ неразрывно связано и коррелирует с уровнем развития таких его этнических признаков, как язык, культурные и бытовые особенности. Самосознание народа находит выражение в его самоназвании, в приверженности к конкретной культурной традиции. И вместе с тем оно неизбежно определяется в известной степени социально-экономическими и культурно-бытовыми условиями жизни всей страны, всего населения СРВ. «Братские народы нашей страны, — отмечал Ле Зуан, — с давних пор были едины с вьетской нацией, которая имеет общую территорию, общую экономику, культурные и исторические традиции, имеет общее дело, общее будущее»⁶.

Исследования вьетнамских этнографов по определению этнического состава дали много материалов для характеристики исторических и

³ К определению состава национальных меньшинств на Севере Вьетнама. Ханой, 1974.

⁴ *Бе Вьет Данг*. К вопросу об определении состава национальных меньшинств на Севере Вьетнама в настоящее время. — Сообщения по этнографии, 1972, № 1; *Мак Дьонг*. Этнография и этнографические исследования. — Там же; *Данг Нгем Ван*. К вопросу об этнических признаках малых народов и местных групп населения в высокогорных районах Севера Вьетнама до Августовской революции. — Там же; *Нгуен Нам Тынь*. Об отношениях между группами коаланг и шанги. — Там же; *Нгуен Ван Зун*. К вопросу об отношениях между группами колау в провинции Хазанг. — Там же; *Нгуен Чук Бинь*. Об этнонимах «дан» и «син» в группе хоа в прибрежных районах Куанг Нинь. — Там же; *Бе Вьет Данг*. Предварительные результаты в определении состава народов. — Там же, 1973, № 3; *его же*. Об этнонимах народов Северного Вьетнама. — Этнография, 1974, № 1; *Буи Кхань Тхе*. Больше внимания данным лингвистики при определении названий народов. — Сообщения по этнографии, 1973, № 3; *Буи Тхынь*. К вопросу о показателях для определения состава народов, о названиях и о консолидации народов. — Там же; *Нгуен Кхань Тоан*. Некоторые принципиальные соображения, которые должны быть приняты во внимание при создании списка этнонимов национальных меньшинств на Севере Вьетнама. — Этнография, 1974, № 1, и др.

⁵ См., например, постановление Центрального статистического управления «О Списке народов Вьетнама» для единого использования во всех центральных и местных органах при проведении переписи 1979 г. 2 февраля 1979 г. — Этнография, 1980, № 1.

⁶ *Ле Зуан*. Консолидация народов и укрепление коллективизма. — В кн.: Тайнгунь объединяется, чтобы идти вперед. Ханой, 1978, с. 24.

льтурно-бытовых особенностей разных народов. Очередные задачи заключаются в исследовании социально-экономических отношений, традиционных обычаев и нравов, словом всех национальных и этнических аспектов современной жизни народов и межнациональных отношений. Некоторые результаты подобных исследований уже нашли отражение в литературе⁷.

В различных провинциях СРВ отделы культуры и отделы по национальным меньшинствам собрали много ценных данных, которые используются для подготовки этнографических монографий, посвященных отдельным народам. В этих работах прослеживаются черты общего и особенного в культуре и быте многочисленных народов СРВ, что имеет большое практическое значение для страны, строящей социализм. Кроме того, вьетнамские этнографы исследуют у разных народов страны символы хозяйства при подсечно-огневом земледелии⁸, традиционное и новое в ремеслах⁹, жилище¹⁰, семейные отношения¹¹.

Одной из задач вьетнамских этнографов является исследование изменений, происшедших в жизни народов за годы социалистического строительства. Дело в том, что, несмотря на военную обстановку и связанные с ней трудности, народы СРВ достигли значительных успехов в развитии экономики и культуры. Созданы квалифицированные кадры, вырос уровень образования. И эти черты нового в жизни населения необходимо изучать. Вместе с тем в стране остались еще последствия неокOLONиализма, особенно на Юге. Преодоление этих последствий и создание оптимальных условий для социалистического строительства, в том числе для обеспечения ускоренных темпов социально-экономического и культурного развития отсталых в прошлом народов,— одна из главных задач государства, в решении которой принимают полное участие и этнографы. В их публикациях вскрыта сущность неокOLONиализма, показано пагубное воздействие его на отсталые народы южного Вьетнама¹². Однако нам представляется, что вопросы, связанные с национальной проблематикой, должны рассматриваться в более широком плане, на фоне общего изучения культуры и быта народов страны, а также комплексного изучения процессов развития антиколониализма.

Институт этнографии КОН СРВ совместно с другими научными учреждениями уделяет большое внимание исследованию этнографии вьет-

⁷ Ла Ван Ло, Дан Нгем Ван. Очерки по этнографии тай-нунг-тхай во Вьетнаме. Ханой, 1968; Дан Нгем Ван, Нгуэн Чук Бинь, Нгуен Ван Зуй, Тхань Тиен. Группы народов аустроазиатской языковой семьи в Тайбаке. Ханой, 1972; Бе Вьет Данг, Нгуен Тунг, Нонг Чунг, Нгуен Ван Тиен. Народ яо во Вьетнаме. Ханой, 1971; Кам Чонг. Яо в Тайбаке Вьетнама. Ханой, 1978; Дан Нгем Ван, Кам Чонг, Ха Ван Тиень, Тонг Ан. Исторические и социальные материалы по народности тхай. Ханой, 1977, и др.

⁸ Кам Чонг. К вопросу о подсечно-огневом земледелии у народности тхай.— Этнография, 1975, № 1; Дан Нгем Ван. К вопросу о подсечно-огневом земледелии в переходном периоде к социализму.— Там же; Зиен Дынь Хуа. Подсечно-огневой тип земледелия как форма освоения горных районов у народов нашей страны.— Там же, 1976, № 1, и др.

⁹ До Тхуи Бинь. Керамика Тхо Ха до Августовской революции.— Этнография, 1976, № 4; *его же*. Некоторые черты кузнечной профессии в одном из сел в предгорных районах Бак Бо.— Там же, 1977, № 3; Фан Тхи Минь Хуен. Самобытность древних вьетов в использовании керамики.— Там же, 1975, № 3; Нгуен Нуан. Кирпичи Бат Чанг.— Там же, 1974, № 4.

¹⁰ Нгуен Кхак Тунг. Проблемы жилища в деле преобразования и строительства новой деревни.— Этнография, 1975, № 4; *его же*. К вопросу об этнических особенностях процессах их изменений при изучении жилища народов предгорных районов Бак Бо.— Там же, 1977, № 1, и др.

¹¹ Дао Фунг. К вопросу о социалистической семье.— Этнография, 1976, № 3; Ле Ням Тует. Об одном пережитке семейно-брачных отношений периода матриархата вьетов.— Там же, 1974, № 3; Нгуен Кыу Тау. К вопросу о брачно-семейных отношениях у народов пако, пахи и кату на западе Тья Тхиань, Куанг Нам.— Там же, 1976, № 1, и др.

¹² Мак Дыонг. Американский неокOLONиализм и национальный вопрос среди национальных меньшинств Юга страны.— Этнография, 1976, № 2; Май Бинг. Новые попытки неокOLONиализма в решении национального вопроса среди национальных меньшинств. Ханой, 1980.

тов, особенно проблемам их этногенеза и этнической истории. Наряду с многочисленными статьями¹³ вышли отдельные монографии, например о женщинах Вьетнама¹⁴. Изучение этнографии вьетов опиралось на опыт исследований, проведенных вьетнамскими этнографами среди других народов страны. В свою очередь изучение вьетов методически во многом способствовало более углубленному исследованию этнографии невьетских народов.

В ходе работы по составлению «Списка народов Вьетнама» появилось как бы особое лингво-этнографическое направление исследований вьетнамских ученых. В 1970-х годах опубликованы работы, посвященные историко-культурным взаимосвязям между родственными и неродственными языками, классификациям языков народов Северного и Южного Вьетнама, языковой политике и некоторым другим языковым аспектам этнических процессов и явлений¹⁵. В последние годы подготовлен ряд работ, а также собран значительный материал о взаимодействии языков вьет-мыонг и тай-хтай, монкхмерских языков, языков лаха, хань и некоторых других. Сделаны серьезные шаги в изучении процесса формирования и становления языков вьет-мыонг (в ходе их взаимодействия с другими языками страны).

Важное место в современной вьетнамской этнографии занимает исследование актуальных проблем национально-языковой политики, объективных и субъективных факторов развития и функционирования двуязычия, в первую очередь таких его типов, когда родной язык невьетских народов СРВ взаимодействует с вьетским языком в разнообразных сферах общественной жизни и быту. Вместе с тем в ряде работ подобного рода ощущается недостаток фактических материалов, в том числе конкретных данных о взаимодействии языков в различных сферах жизни и социальной значимости их у различных народов в разных конкретных условиях и ситуациях. Нуждаются в дальнейшей разработке и проблемы связи языка с этносом, соотношения языкового и социально-культурного развития народов, история функционального развития языков.

В области этнической антропологии при изучении процессов формирования современного антропологического состава населения были введены в научный оборот значительные материалы. Они, в частности, позволили по-новому осветить многие спорные вопросы этнической истории народов.

Последнее десятилетие характеризовалось активизацией фольклорных исследований, а также расширением творческого содружества между этнографами и фольклористами. Эти исследования свидетельствуют о появлении еще одного важного направления развития вьетнамской этнографии на современном этапе. Собраны, в частности, многочисленные произведения, представляющие самые различные жанры фольклора,

¹³ Хан Ван Тан. Культура Фунг Нгуен и проблема этногенеза вьетнамского народа.— Этнография, 1975, № 1; Нгуен Дык Ньинь, Бун Кью Хо. К изучению аграрных проблем начала XIX в. в общинах вьетов.— Там же, 1975, № 2; Нгуен Кхак Тунг. Жилище вьетов предгорных районов Бак Бо.— Там же, 1977, № 3.

¹⁴ Ле Тхи Ньям Туэт. Женщины в истории Вьетнама. Ханой, 1973.

¹⁵ См., например: Чыонг Ванг Шинь. О языке кадай.— Сообщения по этнографии, 1973, № 3; Буи Кхань Тхе. Указ. раб.; Фам Дык Зыонг. Некоторые данные о родственных языках народов тибето-бирманской группы на Севере Вьетнама.— Сообщения по этнографии, 1973, № 3; Бун Кхань Тхе. Роль языков в экономическом, социальном и культурном развитии национальных меньшинств на Севере Вьетнама.— Этнография, 1975, № 3; Хуанг Ван Та, Бу Ба Хунг. О языках национальных меньшинств во Вьетнаме.— Там же, 1976, № 4; Хоанг Май Хань. Некоторые данные о родственных отношениях между языками лаха и другими языками.— Там же, 1973, № 3; Нгуен Ван Тай. К вопросу о роли языка тит в группе языков вьет-мыонг.— Там же, 1976, № 2; Буи Кхань Тхе. Некоторые данные о двуязычии и проблемы изучения билингвизма во Вьетнаме.— Этнография, 1978, № 1; Фам Дык Зыонг, Ха Ван Тап. О языке протовьет-мыонгов.— Там же; Хоанг Май Хань. Некоторые мысли о роли языка ханг в аустроазиатской языковой семье.— Там же; Фам Дык Зыонг. О родственном отношении между языками группы вьет-мыонг на западе Куанг Бинь.— В кн.: К вопросу об определении состава национальных меньшинств Северного Вьетнама. Ханой, 1975.

включая народные песни, сказки, легенды, поговорки¹⁶. Уже издано немало этнографических работ, авторы которых широко привлекают фольклорные материалы для исследования и интерпретации этапов этнической истории народов (особенно бесписьменных), их образа жизни, быта, обрядов и других сторон материальной и духовной культуры¹⁷. Таким образом, данные по фольклору стали ценным дополнительным источником для изучения проблем этногенеза, социального строя и культуры народов, прежде всего тех, о которых сохранилось мало сведений в письменных источниках. И это вполне закономерно, так как в фольклоре отражаются многие значительные события истории народов.

В последние годы актуальность приобретает исследование особенностей социально-экономического развития народов, путей формирования и традиционной и профессиональной культуры, участия в социалистическом строительстве и защите Родины. Ученые СРВ понимают, что разработку этих проблем начинать надо с изучения конкретных вопросов, в первую очередь вопросов взаимосвязи экономических, социальных этнических факторов. Думается, что прежде всего необходимо выяснить социально-экономическое положение, хозяйственно-производственный опыт и уровень культурного развития народов, совместно строящих социализм. Некоторые народы, особенно живущие в предгорных и горных районах, а также на малоплодородных землях, занимаются подсечно-огневым земледелием. В их хозяйстве выращивание зерновых культур, животноводство и домашние ремесла сочетаются с возделыванием технических культур, садоводством, лесоводством, собирательством. Хозяйственный и производственный опыт невьетских народов, имеющий давние традиции, несомненно представляет важный фактор развития производства и в наши дни, когда эти народы вовлечены в социалистическое строительство. Этот опыт надо тщательно изучить, прежде всего с точки зрения практического использования в современных условиях. Этнографам, в частности, хорошо известно, что определенные социальные общности (община, род и т. п.) играли немалую роль не только в производственной деятельности; они оказывали заметное влияние и на повседневную жизнь населения, способствовали, в частности, соблюдению норм общности, общественного порядка, норм обычного права, защите общих земель и т. п. Однако в социальном и культурном плане такие общности имели и негативные черты, которые постепенно преодолевались в ходе социальных преобразований. В духовной культуре народов подчас сочетались отсталые и прогрессивные элементы, например суеверия уживались с обычаями уважения традиций своих народов, уважения трудолюбивых, талантливых людей. И наоборот, в народе осуждали тех, кто не соблюдал общепринятых в данной среде правил. Не удивительно, что при таком симбиозе положительных и отрицательных элементов последние иногда приобретали относительную устойчивость. Поэтому задача этнографии состоит в тщательном изучении всей системы образа жизни народов с тем, чтобы выявить и отделить в ней положительные элементы от отрицательных.

Накопленный опыт позволяет этнографам переходить от создания монографий, посвященных отдельным районам и народам, к более углубленной проблематике исследований. В этом смысле представляется особенно важным продолжить изучение соседской общины, брака и семьи, брачных и семейных отношений, материальной культуры (жили-

¹⁶ *Динь Ван Ай, Данг Ван Ва*. Народные поэмы. Ханой, 1973; К изучению устного народного поэтического творчества. Ханой, 1964; *Као Зуи Динь*. К изучению фольклорного творчества народов Вьетнама. Ханой, 1974, и др.

¹⁷ *Чанг Куат Ньят*. Результаты сбора материалов народного творчества в последние годы. — Этнография, 1974, № 3; *Ха Тьяу*. Обычай поедания буйвола и духовная культура в быту вьетов. — Там же, 1974, № 2; *Ле Чунг Ву*. Некоторые черты фольклора в обычаях лоло. — Там же, 1975, № 1; *его же*. Некоторые интересные образы в легендах народов мяо. — Там же, 1976, № 3; *Тхи Ньи*. Некоторые вопросы фольклора хай. — Там же, 1977, № 1; *Ву Нгок Хань*. Рождение земли и воды в свете данных этнографии. — Там же, 1977, № 2; *Чан Тхи Дак*. Детские игры у народов Вьетнама. — Там же, 1977, № 2; *Ле Ван Хао*. К вопросу об отношениях вьет-чам по данным фольклора народов вьет и чам. — Там же, 1979, № 1, и др.

ще, пища, одежда и др.), проблем народной медицины, этноботаники, этнозоологии и некоторых других. Следует отметить, что исследование многих из названных проблем имеет не только научное, но и практическое значение. Вообще народные знания, в частности по астрономии, ботанике, медицине, используемые в прогностических целях, подлежат самому тщательному этнографическому изучению.

За годы социалистического строительства в СРВ произошли существенные преобразования в экономике, культуре и быту. В ходе социальной перестройки борьба между старым и новым охватила по существу все сферы жизни. В процессе складывания социалистических производственных отношений крестьянство относительно быстро, особенно в горных районах, перешло на рельсы коллективного производства, и за сравнительно короткое время было осуществлено кооперирование сельского хозяйства. Вместе с тем возникло много трудностей. Некоторые кооперативы оказались нежизнеспособными. В горных районах производство развивалось медленнее, чем в равнинных, позитивный опыт ведения горного хозяйства здесь не учитывался в должной мере. Леса были частично сведены в связи с тем, что площадь подсечно-огневого земледелия расширялась быстрыми темпами, экстенсивные методы преобладали над интенсивными. Сказались отдельные просчеты в сфере культуры, в частности не были обеспечены должные темпы роста образования у отсталых в прошлом народов высокогорных районов, слабо готовились национальные кадры, особенно в сфере управления, для районов с невьетским населением. В устранении всех этих недостатков, решении проблем социалистического строительства участвуют и ученые страны, в том числе этнографы. Институт этнографии КОН СРВ разрабатывает планы таких исследований, которые выявили бы тенденции и закономерности социалистического строительства в разных этнических средах, в разных районах республики с учетом разных традиций и различного уровня социально-экономического и культурного развития народов. Подобные задачи вытекают из необходимости создания новой социалистической экономики, воспитания нового человека¹⁸ — хозяина своей страны.

Особое значение приобретает в связи с этим изучение социальной структуры различных народов, развития экономики и культуры, формирования новых семейных отношений, нового образа жизни, хода современных этноязыковых и этнопсихологических процессов. В свою очередь каждая из названных проблем имеет различные аспекты, что требует проведения комплексных работ. Поэтому в планах Института этнографии КОН СРВ значительное место уделено расширению этносоциологических исследований, которые частично уже осуществляются совместно со специалистами Института этнографии АН СССР.

В течение 1980—1982 гг. этносоциологические исследования проводились среди национальных меньшинств на Севере СРВ. Опрошено 2500 человек, в том числе 2000 представителей тайской, нунгской, тхайской и мыонгской народностей и 500 вьетов. Собранная информация обработана в Институте этнографии АН СССР с помощью вычислительной техники. Получены общие статистические распределения по полу, возрасту, образованию и некоторым другим признакам. В результате к настоящему времени накоплена значительная информация о хозяйственном положении, социально-экономическом и культурном уровне развития невьетских народов СРВ, состоянии межнациональных отношений, ходе консолидационных и интеграционных процессов, складывании черт сходства в культуре и быту народов СРВ.

Программа этносоциологических исследований была разработана с учетом хозяйственных, географических, лингвистических, историко-культурных аспектов жизнедеятельности невьетских народов, а также с учетом их взаимоотношений с вьетами. Для реализации этой программы применены различные методы сбора первичной информации: анализ документов, наблюдение и интервьюирование.

¹⁸ Ле Зуан. Политический доклад ЦК партии на IV съезде. Ханой, 1977, с. 62—66.

Анализ документов включал не только сбор и обработку разнообразных статистических сведений, но и детальное изучение подворных общинных книг, дающих богатый статистический материал для характеристики современных этнических процессов. По ним, в частности, изучался половозрастной состав населения, подробно рассматривались вопросы, связанные с национально-смешанными семьями (состав и размер этих семей, национальность детей в них и т. д.).

В соответствии с программными положениями IV съезда Коммунистической партии Вьетнама внимание при разработке программы и задач исследования было обращено на определение и фиксацию уровня материального благосостояния народов, их хозяйственной деятельности. Это вызвано тем, что в современном Вьетнаме большую роль все еще играет личное хозяйство.

Полученные материалы позволяют судить о влиянии отдельных объективных и субъективных факторов на ход современных национальных (этнических) процессов, или, иными словами, на национальные (этнические) аспекты современных общественных процессов. Со всей очевидностью обнаруживаются, в частности, связи уровня образования с социальными, культурными и семейно-бытовыми факторами и явлениями. Вместе с тем воздействие образовательного фактора не универсально. Оно по-разному проявляется в разнообразных сферах жизнедеятельности, в том числе в различных сферах культуры. Выяснилось, что удельный вес неграмотных среди взрослого населения у сельских таев приблизительно в 2 раза меньше, чем у сельских нунгов и сельских вьетов. Можно предположить, что с фактором «уровень образования» в той или иной мере связаны и другие показатели образа жизни, например, чем ниже образование, тем сильнее выражена ориентация на максимальное число детей в семье.

С уровнем образования в определенной мере связаны и масштабы распространения вьетского языка среди национальных меньшинств. Если у таев число лиц, знающих вьетский язык лучше, чем язык своей национальности, или знающих оба языка в равной мере, достигает 65%, то у нунгов оно почти в 2 раза меньше — всего 38,2%. Соответственно на работе по-вьетски разговаривают 27,3% тайского и 14,8% нунгского населения.

Этносоциологические исследования показали, что ведущей тенденцией в развитии межнациональных отношений в современном Вьетнаме являются интеграционные процессы, т. е. процессы всестороннего социально-культурного сближения невьетских народов с вьетами. Одним из немаловажных показателей этих процессов, является, в частности, широкое распространение среди невьетских народов СРВ вьетского языка.

Вместе с тем в ряде жизненно важных сфер представители невьетских народов широко пользуются языком своей национальности. Более того, среди тхаев и мыонгов, как показал опрос, еще слабо распространено знание вьетского языка и остается весьма актуальной проблема оздania благоприятных условий для обучения подрастающих поколений вьетскому языку как языку межнационального общения в СРВ.

Курс на сближение народов в рамках многонационального государства может в принципе осуществляться двумя путями: 1) путем интеграции народов, когда нации и народности развиваются, одновременно сближаясь, вследствие возрастания черт сходства, но при этом остаются самими собой; и 2) путем ассимиляции — когда представители малых народов приобщаются к высокоразвитой культуре основной, наиболее многочисленной нации страны, и в ходе этого сближения теряют свои этнические особенности.

В социально-культурном развитии народов СРВ прослеживаются две тенденции: с одной стороны, у каждого народа успешно развиваются и функционируют элементы своей, национальной, культуры, а с другой — усваиваются и творчески перерабатываются прогрессивные достижения других народов страны. Обе эти тенденции служат в известной

мере основой для развития внутриэтнической консолидации. О проявлении этих тенденций можно, в частности, судить по некоторым итогам исследований этнодемографических, этнокультурных, этноязыковых и этнопсихологических процессов. Если бы например, преобладающей тенденцией развития вьететских народов были бы ассимиляционные процессы, то следовало бы ожидать сокращения абсолютной численности каждого из них, забвения ими родного языка, утрату ценностей национальной культуры, в конце концов — утрату этнонима. Но таких кардинальных перемен, как показали исследования, не происходит.

Вместе с тем в отдельных случаях наблюдаются проявления третьей тенденции — этнической ассимиляции, т. е. перехода отдельных представителей вьететских народов в состав вьетской нации. Завершением этого перехода является смена этнической принадлежности.

В национальной политике КПВ и Правительства СРВ учитываются как тенденция межнациональной интеграции, так и тенденция стабилизации и консолидации отдельных народностей. В отчетном докладе ЦК Коммунистической партии Вьетнама ее IV съезду по поводу развития каждой из них говорилось: «В настоящее время задача нашей партии и государства заключается во всемерном усилении нерушимой сплоченности между национальностями во всей стране, в развитии революционного духа и творческих способностей национальных меньшинств в строительстве социалистической Родины»¹⁹. Вместе с тем в этом докладе подчеркивается, что «нужно глубоко понимать жизненные условия, психологию, чувства всех национальностей, уважать привычки и обычаи, сохранять и развивать прогрессивные культурные традиции национальных меньшинств»²⁰.

Руководство процессами развития и сближения наций, народностей и этнографических групп в многонациональном социалистическом обществе требует очень большой осторожности, глубокого знания реальной ситуации, интересов и потребностей самих народов. И здесь важны как учет уже имеющегося позитивного опыта, в частности опыта, накопленного в СССР, так и дальнейшие научные исследования национальных и межнациональных отношений в каждой из братских социалистических стран. Коммунисты, как указывал В. И. Ленин, всегда были сторонниками постепенного, все более полного сближения наций на истинно демократической, истинно интернационалистской основе. Именно такое сближение продемонстрировал 60-летний опыт Советского Союза. «Подводя итоги сделанному, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов на торжественном заседании ЦК КПСС Верховных Советов СССР и РСФСР, посвященном 60-летию образования СССР, — мы, естественно, главное внимание уделяем тому, что еще надо сделать. Наша конечная цель очевидна. Это, говоря словами В. И. Ленина, — «не только сближение наций, но и слияние их». Партия хорошо понимает, что к этой цели ведет долгий путь. Здесь ни в коем случае нельзя забегать вперед, так же как нельзя допускать сдерживания уже назревших процессов»²¹.

В выступлениях вьетнамских ученых на Первом советско-вьетнамском симпозиуме, состоявшемся по инициативе Научного совета по национальным проблемам Президиума АН СССР в апреле 1982 г. в Ташкенте²², неоднократно подчеркивалась недопустимость крена в сторону форсирования какой-либо из указанных тенденций в развитии национальных процессов. Любой крен может затормозить социалистическое строительство, задержать социальный прогресс, ослабить интернациональное единство народов Вьетнама. Вот почему, в частности, чрезвычайно актуальны конкретно-социологические исследования, одна из задач которых — выявлять реальные интересы и потребности раз-

¹⁹ IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 121.

²⁰ Там же, с. 123.

²¹ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М.: Политиздат, 1982, с. 10.

²² Подробнее см.: Общественные науки, 1983, № 1.

ных народов с тем, чтобы разумно соотнести их с общегосударственными интересами и потребностями.

Можно полагать, что в ближайшей перспективе возможно дальнейшее развитие каждой из указанных выше тенденций — интеграционной, консолидационной и ассимиляционной. Вопрос в том, как далеко и глубоко продвинется каждая из них. Вероятнее всего, что развитие ведущей тенденции — интеграционных процессов — приведет, как и в Советском Союзе, к формированию новой исторической общности — вьетнамского народа — по сходной с советским народом социально-классовой и интернациональной модели. В таком случае нынешние наиболее многочисленные вьетские народы — таи, мьонги, тхай, нунги и некоторые другие — изовьются в ходе консолидационных процессов в социалистические национальности и в таком качестве войдут в состав вьетнамского народа как социальной и интернациональной общности. Не исключены и другие пути, например, слияние малых народов СРВ в какую-то новую историческую общность, также именуемую «вьетнамский народ», при сохранении не- вьетскими народами лишь отдельных национальных особенностей, главным образом в семейно-бытовой сфере.

В связи с этим возрастает значение освоения опыта развития национальных отношений в каждой из стран — и в СССР, и в СРВ, дальнейшего выявления особенностей и черт сходства в протекании демографических, культурных, языковых и других процессов.

В каком направлении будут развиваться межнациональные отношения в СРВ, говорить пока еще рано. Ясно одно, что, как отмечалось на IV и V съездах КПВ, они будут развиваться в рамках осуществления курса на социалистическую революцию и строительство социалистической экономики. «Этот курс», говорил Генеральный секретарь ЦК КПВ Лв. Ле Зуан, — заключается в том, чтобы укреплять диктатуру пролетариата, развивать право трудового народа на коллективное хозяйствование, осуществлять одновременно три революции: в области производственных отношений, научно-техническую революцию и революцию в области идеологии и культуры...»²³.

Большое внимание этнографы СРВ уделяют также анализу этнодемографических и этногеографических проблем. Речь идет о необходимости расширения этих исследований по двум направлениям: с одной стороны — продолжать изучение проблем этнической демографии и картографирования для более полного освещения расселения народов, распространения типологически разнородных и сходных элементов в их материальной и духовной культуре; с другой стороны — расширить изучение проблем этнических территорий, соотношения этнических и лингвистических ареалов, динамики численности населения, связи этнодемографических процессов с этническими особенностями народов и особенностями урбанизации и индустриализации страны. В свою очередь каждое из направлений указанных исследований имеет как диахронный, так и синхронный аспект. В конечном счете итоги этих исследований призваны внести свой вклад в осуществление планов экономического и культурного развития страны.

Последствия неокolonизма до сих пор оказывают, как уже говорилось, вредное влияние на жизнь народов СРВ, в том числе на их взаимоотношения и повседневный быт. Империалисты стремятся осуществлять политику разъединения народов, нагнетают военный психоз, делают все, чтобы любыми средствами препятствовать социалистическому строительству. Отсюда вытекают задачи аргументированного изоблачения политики обмана, которую проводили американские колонизаторы и марионеточные режимы. Исключительно актуальными представляются такие работы, в которых разоблачаются фальсификации реального исторического процесса, в том числе этногенеза и этапов этнической истории ряда народов Юго-Восточной Азии, и особенно фальсификации тесных связей народов СРВ с другими народами Индонезии.

²³ Правда, 28 марта 1982 г.

Многие из перечисленных выше актуальных задач этнографической изучении современности имеют, по мнению вьетнамских этнографов, не только внутренние, но и внешние аспекты, особенно применительно к другим странам Юго-Восточной Азии. Изучение народов соседних стран, прежде всего народов Индокитая, способствует укреплению дружбы, сплочению прогрессивных сил в борьбе против международного реакции и империализма, сплочению этих стран в деле социалистического строительства.

В заключение следует отметить, что вьетнамские этнографы считают целесообразной организацию планомерных исследований актуальных проблем нации и национальных отношений, современных этнических и национальных процессов²⁴, этногенеза и этнической истории вьетов и других народов Индокитая, проблем религиозности и секуляризации. Однако широкое осуществление таких исследований пока не представляется возможным в связи с ограниченными материально-техническими возможностями и слабой подготовкой кадров.

Таким образом, основные направления развития этнографии в СРВ — это усиление внимания к современности, дальнейшее углубление связи науки и практики, увеличение вклада этнографов в дело социалистического строительства.

²⁴ Эти вопросы затрагивались на Первом советско-вьетнамском симпозиуме (апрель 1982 г., г. Ташкент), посвященном методологическим проблемам развития наций и национальных отношений, в том числе в докладах зам. председателя Комитета по делам национальных меньшинств при ЦК КПВ До Ань Хау «Деятельность Комитета национальных меньшинств при ЦК КПВ по осуществлению национальной политики Коммунистической партии Вьетнама в СРВ», академика Нгуен Кхань Тоана «Из истории борьбы вьетнамского народа за самоопределение», Бе Вьет Данга «Формирование новых общественных отношений в жизни горных народов СРВ», Фан Зуи Ле «О возникновении и развитии вьетнамской нации», Дан Нгьем Вана «Становление вьетнамской социалистической нации», Чак Куок Вьонга «Вьетнамская культура в процессе развития вьетнамской нации», Мак Дьонга «Этнические взаимоотношения народов Южного Вьетнама в борьбе за победу социализма», Нгуен Ван Зуя «Некоторые проблемы развития межнациональных отношений во Вьетнаме».

Ю. В. Бромлей

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ПСИХИКУ *

Проведение дискуссии по статье А. Ф. Дашдамирова представляет весьма актуальным уже потому, что в последнее время в нашей философской и исторической литературе подчас можно встретить прямое отрицание реальности психического склада этнических общностей, национального характера. Такого рода взгляды особенно отчетливо проступают применительно к этническим общностям классовых формаций.

Существование общего психического склада у этнических образований доклассовых формаций, обладающих однородной социальной структурой, обычно не вызывает сомнений.

Относительно же этнических общностей классовых, особенно капиталистических обществ, неоднократно высказывалась точка зрения, что представление о наличии у них общего психического склада или характера является фикцией. При этом делается ссылка на то, что признание в том случае общего психического склада противоречит ленинскому положению о двух культурах в каждой буржуазной национальной культуре.

Нельзя не согласиться с той неоспоримой истиной, что в буржуазном мире эксплуататоры и эксплуатируемые кардинально различаются не только по их месту в существующей системе общественного производства, социальному положению, по целям и идейным убеждениям, но и по своим морально-волевым качествам.

Представляется бесспорным, что в классовых обществах во всей чрезвычайно сложной иерархии устойчивых психических черт, образуемой одновременной принадлежностью одних и тех же людей к различным национальным общностям (нации, классу, профессиональным группам и т. д.), главенствует совокупность черт (психический склад), типичных для отдельных классов. Однако это не исключает определенной общности психических свойств и у других разновидностей социальных единиц. Ведь в каждом отдельном явлении могут быть черты, объединяющие его с различными группами явлений. В частности, в нашей литературе не раз отмечалось, что наличие двух культур внутри буржуазной нации не противоречит существованию в ее рамках определенной культурной общности (национальной культуры) ¹. Это же полностью относится к психике. И ссылки на внутриклассовую психическую общность сами по себе не могут служить аргументом для полного отрицания какой-либо общности психических черт внутри буржуазных наций. Весьма показательным, что отдельные противники точки зрения об общности психического склада у буржуазных наций признают в конечном счете не только наличие у каждого из классов своей национально-классовой психологии, но и существование специфических психических черт у са-

* Начало дискуссии см.: «Сов. этнография», 1983, № 2.

¹ См., напр.: Агаев А. Г. Социалистическая национальная культура. М.: Политиздат, 1974, с. 41; Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М.: Мысль, 1981, с. 143—144; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— Сов. этнография, 1967, № 4, с. 98; Пименов В. В. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры.— Сов. этнография, 1967, № 2, с. 27; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 47—78.

мих наций»². Очевидно, что отрицание в таком случае реальности категории «психический склад нации» касается не существа явления, а всего лишь терминологической стороны вопроса.

Судя по всему, есть достаточные основания считать, что относительно устойчивые особенности психики присущи этническим общностям не только первобытно-общинной и социалистической (коммунистической), но и рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций. Это обстоятельство и позволяет, на наш взгляд, говорить в целом как о психическом складе этнических общностей, так и об этническом характере, рассматривая соответственно национальный характер в качестве его стадийальной разновидности.

Отрицая национальный характер, общность психического склада у буржуазных наций, исследователи обычно сетуют на их неуловимость³. Это в значительной мере обусловлено трудностями, стоящими на пути изучения такого рода социально-психологических явлений, поскольку они проявляются преимущественно не в определенных видах культуры, а в самой деятельности, в поведении членов этноса. Однако обычно относительно быстрая смена, чередование действий и поступков существенно затрудняют их сравнение с аналогичными явлениями в других этносах, без чего, как мы знаем, вообще невозможно выявление этнической специфики. К тому же специфические черты психики далеко не всегда реализуются сразу, они обычно проявляются одновременно, разрозненно.

Тезис о неуловимости этнического характера, несомненно, связан со склонностью обыденного сознания к искажению его черт. Особенно существенна в связи с этим тенденция обыденного сознания к абсолютизации отдельных черт характера этнических общностей. Более того, подобная тенденция проникает подчас и в научные труды, приводя к стремлению обнаружить у того или иного народа черты характера, присущие ему одному⁴. Между тем для такой абсолютизации нет никаких оснований.

В действительности речь может идти лишь об относительной специфике черт национального характера, нюансах их проявления. В значительной мере именно поэтому столь не просто «замерить» и точно описать все оттенки подобных различий.

Разумеется, указанные трудности в выявлении отличительных особенностей психического склада отдельных этнических общностей не могут служить основанием для отрицания таких особенностей. Необходимо лишь усовершенствовать методы научного изучения данного компонента психики этнических общностей. Особенно важно при этом тесное сотрудничество психологов, этнографов, социологов, историков. Нельзя не отметить в данной связи, что в последнее время в ходе этносоциологических исследований у нас несколько продвинулось изучение проявления этнических особенностей в отдельных компонентах психики, отражающих ее направленность. В первую очередь это относится к такому компоненту национального (этнического) характера, весьма существенного для раскрытия его типичных черт, как ценностные ориентации⁵. В результате национальный характер постепенно перестает быть

² Калтаханян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 143—144.

³ См., напр.: Рогачев П. М., Свердлов М. А. Нация — народ — человечество. М.: Политиздат, 1967, с. 32; Козлов В. И. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969, с. 39; Козлов В. И., Шелепов В. В. Национальный характер и проблемы его исследования. — Сов. этнография, 1973, № 2, с. 75—82.

⁴ Такой подход к вопросу уже не раз критиковался в нашей литературе (см. Арутюнян С. М. Нация и ее психический склад. Краснодар, 1966, с. 172—174).

⁵ См., напр.: Дробижева Л. М. Социально-культурные особенности личности и национальные установки. — Сов. этнография, 1971, № 3; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973; Сусоколов А. А. Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты. — Сов. этнография, 1973, № 5; Дробижева Л. М. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений. — Сов. этнография, 1974, № 4; Клементьев Е. И. Национально-культурные ориентации казанского городского населения. — Сов. этнография, 1976, № 3; Старовойтова Г. В. К исследова-

вещью в себе»⁶. Скептическая оценка познаваемости этнических особенностей психики, пожалуй, наиболее отчетливо проявляется при рассмотрении вопроса об их наличии в процессах мышления. В существующей литературе можно встретить совершенно противоположные мнения о этому поводу.

В частности, в литературе, наряду с уже отмечавшимся отрицанием этнических (национальных) особенностей психики в целом, в том числе в сфере мышления, можно встретить и безоговорочное признание того, что особенности этноса проявляются и в процессе мышления⁷. С другой стороны, признание определенных этнокультурных особенностей психики нередко сочетается с подчеркиванием того факта, что процессы суждения и мышления у различных людей в разных культурах не отличаются друг от друга⁸.

В контексте рассматриваемой проблемы принципиальное значение, вероятно, имеет то немаловажное обстоятельство, что современная наука не располагает данными «об отсутствии у какой-либо культурной группы какого-либо важного познавательного процесса — абстракции, мозаключения, категоризации и т. п.». Этот вывод принадлежит авторам специального обзора психологической литературы по проблеме соотношения культуры и мышления⁹. Данная работа привлекает внимание не только тем, что она намечает задачи дальнейшего исследования проблемы, но и стремлением ее авторов подчеркнуть слабые стороны проведенных в этой области исследований. Такой весьма критический подход не помешал им вместе с тем признать, что хотя применительно к отдельным группам «нельзя говорить об абстрактном или конкретном мышлении в целом»¹⁰, тем не менее операции по классификации изменяются определенным образом под воздействием социокультурных факторов.

В качестве одного из свидетельств влияния социокультурных факторов на психофизиологическую природу человека подчас приводится следующий пример. Археологические данные и современные исследования позволяют с достаточной степенью вероятности утверждать, что на протяжении последних 10 000 лет число леворуких составляло в среднем 15% от всей популяции, что свидетельствует о доминантности левого полушария мозга. Однако в зависимости от условий социализации в той или иной социокультурной среде число леворуких может снижаться до 0. В отдельных культурах, где процесс социализации характеризуется терпимостью, как, например, у эскимосов, число леворуких приближается к вышеуказанной средней цифре. И наоборот, если процесс социализации носит жесткий и требовательный характер, как, например, у нигерийцев, то процент леворуких в таких культурах почти равен 0¹¹.

Один из наиболее дискуссионных аспектов интересующей нас проблемы относится к вопросу о влиянии на мышление таких теснейшим об-

внию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса трех городов Татарской АССР). Сов. этнография, 1976, № 3; Арутюнян Ю. В. Этносоциальные аспекты интернационализации образа жизни. — Сов. этнография, 1979, № 2; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. По материалам Молдавской ССР. М.: Наука, 1980; Дробизева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981.

⁶ Так, десять лет тому назад определили состояние изученности национального характера В. И. Козлов и Г. В. Шелепов (Козлов В. И., Шелепов Г. В. Национальный характер и проблемы его исследования. — Сов. этнография, 1973, № 2, с. 82).

⁷ Душков Б. А. Актуальные проблемы этнической психологии. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 5, с. 47.

⁸ См., напр.: Cole M., Gay Y. Culture and Memory. — American Anthropologist, 1971, т. 74 (5), p. 1066.

⁹ Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. М.: Прогресс, 1977, с. 236.

¹⁰ Там же, с. 146.

¹¹ См.: Dawson J. L. M. Ecology, Cultural Pressures Towards Conformity and Left-Handedness: A Bio-Local Psychological Approach. — In: Readings in Cross-Cultural Psychology/Ed. Darsson J. and Lonner W. J. Hong Kong: Univ. of M. K. Press, 1974, p. 124—149.

разом сопряженных с ним компонентов культуры, как язык и письменность. Специальные исследования дают основания предполагать, что фонетическая и иероглифическая письменность, например, на русском и китайском языках «основана на различных констелляциях мозговых зон»¹²

Интересные экспериментальные данные, касающиеся локализации в человеческом мозгу речевой деятельности, получены в последнее время японским ученым Т. Цунода¹³. В ходе эксперимента были обследованы представители нескольких десятков этнических групп (европейских, азиатских и африканских). Полученные материалы показали, что у всех обследованных слог вызывали доминантность правого уха (соответственно левого полушария), чистые тона — левого уха (соответственно правого полушария). Однако относительно гласных обнаружались межгрупповые различия. Если у представителей подавляющего большинства обследованных групп они вызывали доминантность левого уха (правого полушария), то у лиц, родным языком которых был японский и один из полинезийских (тонга, восточносамоанский и маори), — правого уха (левого полушария). Было выяснено, что такого рода различия в характере доминантности вызваны не генетическими факторами, а лингвистической и слуховой средой. В свете всего этого Т. Цунода пришел к выводу, что причина указанных выше различий заключается в общем для японского и полинезийского языков свойстве присутствия в них большого количества слов, состоящих только из гласных, и слов, состоящих из двух или более гласных и согласных. «В этих богатых гласными языках сами гласные столь же важны в узнавании слов и предложений, как согласные. В результате гласные звуки обрабатываются в левом, или „речевом“, полушарии»¹⁴. Это, в свою очередь, позволило выдвинуть предположение, что у «японского типа» доминантности вместе с гласными в левом полушарии обрабатываются также звуки, связанные с эмоциями, «и эта левая доминантность укореняется по мере развития речевой способности»¹⁵.

Проблема влияния языка на мышление получила наиболее общее выражение в гипотезе Сепира-Уорфа. Постулируя обусловленность нашего мышления в широком значении данного слова характером нашего языка, Б. Уорф приходит к принципу лингвистической относительности. Этот принцип, по его словам, «гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем»¹⁶.

Абсолютизация данной концепции, как это уже справедливо отмечалось в литературе, неизбежно бы означала: все то, что мы воспринимаем и переживаем, в некотором смысле произвольно¹⁷. В то же время отсутствие в каком-нибудь языке тех или иных слов для определенных явлений не означает, что говорящие на этом языке люди неспособны выделять эти явления среди остальных.

В целом трудно согласиться с теми положениями гипотезы лингвистической относительности, которые имеют в виду жесткие ограничения, накладываемые языком на познавательные процессы. И все же вряд ли было бы осторожным полностью отрицать саму проблему влияния особенностей языков на мышление тех или иных народов.

Язык отнюдь не является полностью индифферентным средством оформления мыслей и их передачи. Ему принадлежит активная роль в процессе познания: с его помощью не только воспроизводится логическая, мысленная картина окружающей нас действительности, но он вносит в этот исключительно сложный процесс свои своеобразные коррек-

¹² Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М., 1962, с. 64—65.

¹³ См.: Барабин Г. Родной язык и мозг. Интересное открытие японского экспериментатора. — Курьер Юнеско, 1982, март, с. 10—13.

¹⁴ Там же, с. 11.

¹⁵ Там же, с. 12.

¹⁶ Новое в лингвистике. В. 7. М.—Л., 1975, с. 175; Ср.: Whorf B. Language, Thought, and Reality/Ed. and with Introduction by Carrol J. B. Cambridge, 1966, p. 214.

¹⁷ Именно это в значительной мере сближает гипотезу Сепира-Уорфа с неопозитивизмом. См.: Брутян Г. А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван: Буйс, 1968, с. 33—39.

вы, оставляя свой отпечаток на познании¹⁸. В этой связи, на наш взгляд, заслуживает, в частности, внимания предположение, что наиболее верное решение вопроса о лексических различиях можно сформулировать следующим образом: языки отличаются друг от друга не только тем, что на них можно выразить, сколько тем, что на них легче изразить¹⁹.

С одной стороны, очевидна неправомерность утверждения, будто язык налагает жесткие ограничения на познавательные процессы, с другой — вряд ли можно отрицать сам факт его «фильтрующего» влияния на эти процессы. Вместе с тем многие аспекты такого влияния, видимо, все еще остаются недостаточно раскрытыми и задача их изучения целью углубления наших представлений о реальных проявлениях этнических особенностей психики является весьма актуальной.

Проще вопрос о наличии этнической специфики в содержании обыденного сознания. Это прежде всего относится к так называемым «знаниям» — стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса понятия, «знания», «умения», «нормы поведения»²⁰. Представляя юграничную зону общественного сознания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию воссоздания характерных для каждого этноса свойств. Утрата (или изобретение) его членами какого-либо стереотипа-значения неизбежно влечет за собой определенное изменение этих свойств²¹. Важное место в системе стереотипов-значений занимают представления человека об окружающей нас действительности, себе самом, своих отношениях с этой действительностью и окружающими людьми, т. е. так называемые модели мира. Они, в частности, включают в себя усвоенные в процессе социализации знания и убеждения, к которым человек апеллирует как истинным и объективным. Модели мира имеют стабильные центральные ядра, которые во многих случаях не изменяются, даже несмотря на явную несогласованность с требованиями среды. Такие ядра формируются в основном на ранних этапах социализации, в детстве²².

В своей совокупности стереотипы-значения составляют обыденный уровень общественного сознания этноса, так сказать его общее сознание. Было бы, однако, упрощением полагать, будто оно представляет собой простую сумму индивидуального сознания членов этноса. Ведь в обыденном сознании далеко не все является общим. Более того, свои специфические знания, понятия, умения и «значения» имеют не только отдельные индивиды, но и существующие внутри этноса социальные группы, в первую очередь классы. Классово-оценочное отношение к действительности имеет место во всех сферах общественного сознания (этнических, эстетических, религиозных и т. д.). Идеология же целиком пределяется классовым сознанием. Нет никаких оснований для абсолютизации единства общественного сознания этносов классово-антагонистических формаций. Но в то же время, очевидно, было бы противоположной крайностью полностью отрицать наличие определенной общности стереотипов-значений в масштабах этнических образований в целом. Впрочем, в теоретическом плане в данном случае имеет место почти полная аналогия с вопросом об общности культуры и психического склада этнических подразделений, и здесь, видимо, нет необходимости повторять соответствующие соображения.

¹⁸ См.: Брутян Г. А. Указ. раб., с. 41.

¹⁹ Hockeff C. Chinese Versus English: on Exploitation of the Whorfian Themes.— In: Language in Culture/Ed. Hoijer. Chicago, 1954, p. 122.

²⁰ В свою очередь небезынтересно отметить, что, например, в языке зулусов, у которых эстетическим идеалом является не угловатый, а круглый стиль, есть слово «круглый», но нет слова «квадратный» (см.: Коул М., Скрибнер С. Указ. раб., с. 101—102). В свою очередь, не следует забывать, что сами особенности языка во многом обусловлены культурой в широком значении слова.

²¹ См.: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965, с. 287—289.

²² См.: Иванов В. В. Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека коллектива.— В кн.: Логическая структура научного знания. М.: Наука, 1965, с. 75—

Одна из характерных особенностей общего обыденного сознания — наличие в нем, как и в обыденном сознании каждого человека, сформировавшегося безотчетно-стихийно. Этот слой охватывает всю сферу приобретенных, привитых воспитанием и внушаемых в данной этнической сфере представлений, взглядов, привычек и норм поведения, слабо контролируемых или совсем не контролируемых разумом.

Следует также не забывать, что этнические особенности психики представляют собой разновидность социально-психологических явлений, основным источником которых выступают общественные связи и отношения²³. Как уже говорилось, такие особенности не сводятся лишь к наличию общих специфических черт в психике отдельных членов этноса²⁴.

Однако психика не существует вне людей, и, стало быть, конкретными носителями всех ее этнических особенностей, в том числе и «надиндивидуальных», являются члены этнической общности. В силу этого особый круг проблем этнопсихологии связан с рассмотрением личности в контексте этнической (национальной) культуры. Одна из этих проблем — детерминированность этнической специфики психики индивида его принадлежностью к той или иной этнической общности, что и определяет усвоение им (в ходе социализации) присущих данной общности традиционных форм психической деятельности. Такого рода формами обусловлено внешнее различие в поведении, реакциях людей разной этнической принадлежности по одному и тому же поводу. Горе или страдание, радость или огорчение часто неотделимы от своеобразной формы выражения, в какой такие чувства переживаются членами различных этнических групп. Эти формы представляются самопроизвольными, ибо они стихийно воспринимаются от старших поколений как естественные образцы поведения и выражений эмоций, которым невольно следуют во всех соответствующих ситуациях. Не следует, разумеется, думать, что подобные этнопсихологические различия, не осознаются, чем совершенно справедливо говорит в обсуждаемой статье А. Ф. Дамиров.

Установление существенной роли культурной среды в формировании этнических особенностей психики неизбежно подводит к вопросу: является ли эта среда единственным источником указанных особенностей? Иначе говоря, сводится ли этнопсихология лишь к изучению социокультурных факторов? В ходе настоящей дискуссии на этот вопрос уже даны два различных ответа. В одном случае этническая психология рассматривается «как производное от культуры, и даже часть культуры» (при этом высказывается мнение, что сторонникам иной точки зрения грозит «скатиться на расистские позиции»). Соответственно изучение этнопсихологии определяется как «задача более этнографическая, нежели психологическая»²⁵. С другой стороны, в выступлениях отдельных участников дискуссии признается также наличие не только социокультурных, но и иных факторов этнической психологии. Так, А. А. Леонтьев прямо отмечает существование «таких этнопсихологических особенностей», которые не сводимы к «общественно-психологическим процессам». При этом он подчеркивает значимость для этнопсихологии исследования психики индивида, в частности, «национальных особенностей протекания отдельных психологических процессов (например, процессов восприятия, па

²³ См.: Уледов А. К. Актуальные проблемы социальной психологии. М.: Мысль 1981, с. 54.

²⁴ Поэтому, в частности, представляется не безупречным в методологическом отношении использование при изучении национального характера концепции «типичной (или модальной) личности», предложенной американским культурным антропологом А. Кардинером. Поскольку общество, по Кардинеру, это сумма индивидов, имеющих сходную структуру личности, постольку он полагает достаточным изучить личности черты двух-трех индивидов, чтобы судить о типичной для данного общества (этноса) личности.

²⁵ Арутюнов С. А. Об условности понятия «этнопсихология». — Сов. этнография 1983, № 2, с. 83.

мяти)»²⁶. В том же ряду по существу стоит и высказанное И. С. Коном мнение, что этнопсихологические исследования «могут быть либо социокультурологическими, либо психологическими». Полагая при этом, что «первые изучают свойства общества, культуры, вторые — свойства индивидов», он рассматривает последние, как «плоть от плоти соответствующих разделов, когнитивной психологии, психологии эмоций, психофизиологии, психологии развития и т. д.»²⁷. Нетрудно заметить, что, в этом случае речь идет об изучении тех свойств психики, наличие которых обусловлено не столько социокультурными, сколько биопсихическими факторами. При этом в последнем случае имеется в виду биологическая сторона человеческой психики, которая у людей в отличие от животных представляет собой сплав биологического и социального²⁸.

Но не ведет ли признание определенной роли биопсихических факторов в этнической психологии к негативным последствиям мировоззренческого плана? Полагаю, что нет. И в этой связи представляется не лишним напомнить об одном довольно распространенном предубеждении, согласно которому признание того факта, что расовые (антропологические) признаки в отдельных случаях играют определенную роль в этническом размежевании, якобы открывает дорогу расизму. Однако при этом явно забывается тот тривиальный факт, что расизм вытекает не из самого признания расовых отличий (существование таковых бесспорно), а из представления о неравенстве рас. Аналогичным образом обстоит и с биопсихическими различиями как отдельных индивидов, так и целых популяций (народов). Само по себе признание этих различий (хотя бы абстрактно-теоретически) в аксиологическом отношении нейтрально. Негативный характер оно приобретает лишь тогда, когда на этой основе делаются выводы о неравенстве отдельных народов (и соответственно их представителей), прежде всего об интеллектуальной неполноценности одних этнических групп и превосходстве других.

У тех участников дискуссии, которые говорят о существовании таких «этнопсихологических особенностей», которые не сводимы к «общественно-психологическим процессам» или указывают на особое значение в разработке проблем этнической психологии «соответствующих разделов когнитивной психологии, психологии эмоций, психофизиологии» и т. п., наличие биопсихологического аспекта этнопсихологических исследований, очевидно, не вызывает особых сомнений. Но в ходе дискуссии, как уже нами отмечалось, выявилась и иная точка зрения по данному вопросу: склонность рассматривать этнопсихологию как явление почти исключительно «производное от культуры». Вопрос, однако, не столь уже прост. И в этой связи позволю себе, в частности, сослаться на признание рядом исследователей существования определенных различий между представителями отдельных этнических общностей в глубине и скорости реакций на важнейшие жизненные ситуации, преобладания у отдельных народов сангвинического темперамента (например, у японцев), а у других — холерического (например, у итальянцев), наличие у представителей разных культур различного восприятия цвета, в какой-то мере детерминированных физиологическими особенностями людей, и т. п.²⁹ Конечно, справедливы ставшие уже модой сетования по поводу того, что психология народов остается еще слабо изученной на эмпирическом уровне, прежде всего экспериментально-психологическими методами. Однако отсюда отнюдь не следует, что в этой ситуации излишни теоретические споры (подобные данной дискуссии). Ведь именно теория прокладывает путь конкретно-эмпирическим исследованиям (иначе они превращаются в «слепой» поиск). Более того, если теоретически не обоснованна правомерность изучения биопсихологических

²⁶ Леонтьев А. А. Национальная психология и этнопсихология. — Сов. этнография, 1983, № 2, с. 80—81.

²⁷ Кон И. С. Нужна помощь психологов. — Сов. этнография, 1983, № 3, с. 77.

²⁸ См.: Дубровский Д. И. Проблема «психика и мозг» в свете категорий социального и биологического. — Вопросы философии, 1982, № 5, с. 66—67.

²⁹ Подробнее см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 154—156.

аспектов обсуждаемой проблемы, то неизбежно эмпирическое их исследование будет тормозиться опасением «скатиться на расистские позиции».

Не последнее место в рассматриваемом случае принадлежит также теоретической разработке соответствующего понятийного аппарата. О том, что прежде всего еще недостаточно «устоялось» само понятие «этнопсихология» опять-таки достаточно наглядно свидетельствует данная дискуссия. Так, в одном из выступлений собственно этнопсихологией (или этнопсихологией в узком смысле слова) предлагается именовать исследования соответствующих психических процессов в отличие от социокультурных³⁰. В другом — предлагается различать национальную психологию и этнопсихологию³¹. Да и в самой обсуждаемой статье А. Ф. Дашдамирова национальная и этническая психология, подобно терминам «национальный» и «этнический» — обычно употребляются как синонимы. Между тем в публикации на страницах этнографического издания, видимо, не лишне учитывать, что в нашей этнографической науке в настоящее время преобладающим является употребление понятия «этническая общность» в качестве «родового» для обозначения таких общностей людей как племя, народность и нация. Очевидно, что если принять это представление, то само собой разумеющимся окажется рассмотрение «национальной психологии» (т. е. изучения психических особенностей национальных общностей) в качестве одной из разновидностей «этнической психологии» (т. е. изучения психических особенностей всех видов этнических общностей).

Итак, в свете всего сказанного представляется очевидным, что структура этнической психологии как научной дисциплины, предметную область которой составляет изучение психических особенностей этнических общностей, должна включать и социокультурное и биопсихическое направления исследований. Первое из них в той или иной мере связано прежде всего с такими дисциплинами, как этнография, социология, этносоциология, социальная психология в узком значении данного термина. Второе направление, видимо, в первую очередь, относится к тем разделам психологической науки (психологии восприятия, памяти, эмоций и т. п.), которые у нас в своей совокупности обычно включаются в так называемую «общую психологию», предметная область которой, впрочем, остается все еще весьма расплывчатой. В ходе дискуссии особенно подчеркивалась необходимость активизации этнопсихологических исследований именно этого направления. Такая позиция вполне уместна, учитывая, что оно в данной области пока явно представляет отстающий фланг. И все же вряд ли при этом следует делать акцент на самостоятельном, обособленном развитии подобного рода исследований. Полагаю, что гораздо важнее единение биопсихологического и социокультурного аспектов этнопсихологии, «наступление» на ее предметную область как бы с двух сторон, притом с широким использованием инструментария не только социокультурного комплекса дисциплин, но и общей психологии. Ведь в рассматриваемом случае мы имеем дело фактически с единым предметом исследования — психологическими особенностями этнических общностей и само выделение указанных аспектов их изучения весьма условно. Тесное единение этих исследовательских подходов представляется тем более оправданным, что биологическое в человеческой психике теснейшим образом переплетено с социальным, неизбежно проявляясь, как правило, сквозь его «фильтр». И в этом смысле основная часть, если не все разделы общей психологии человека социальны. Впрочем, при этом следует иметь в виду, что и сам термин «социальный» в нашем обществоведении употребляется по крайней мере в двух аспектах: в широком и в узком³². Соответственно и социальная психология может трактоваться в широком и узком значении, что

³⁰ Кон И. С. Указ. раб., с. 76.

³¹ Леонтьев А. А. Указ. раб., с. 81—82.

³² См., напр.: Методологические проблемы общественных наук. М.: Наука, 1979, с. 98—99.

подмечено, в частности, в выступлении А. А. Леонтьева. При этом, явно отдавая предпочтение узкому значению данного термина и к тому же несколько своеобразно трактуя значение этнопсихологии, он видит ее основную линию развития в лоне общей психологии. Впрочем, если придерживаться той интерпретации этнопсихологии, которая была нами предложена выше, то (при условии узкого понимания социальной психологии) этническую психологию скорее следует поместить на стыке двух психологических дисциплин: социальной и общей психологии. Это с одной стороны. А с другой — она окажется в предметной зоне тех социокультурных дисциплин, которые исследуют этническую проблематику, т. е. прежде всего этнографии и этносоциологии. При широкой же трактовке социальной психологии этнопсихология целиком окажется ее субдисциплиной и одновременно субдисциплиной только что упомянутого круга наук, основной задачей которых является изучение этнических явлений в целом.

И. С. Кон

НУЖНА ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГОВ

Статья А. Ф. Дашдамирова, на мой взгляд, совершенно правильно подчеркивает большое научно-теоретическое и политико-идеологическое значение национальных особенностей психики и указывает ряд возможных направлений их исследования. 10 лет назад Ю. В. Бромлей писал, что этнопсихологические исследования у нас продолжают оставаться в эмбриональном состоянии. С тех пор в этой области наметились определенные сдвиги; особенно важно то, что наряду с теоретическими изысканиями и обзорными работами появляются и эмпирические исследования. Однако здесь есть большие методические трудности, на которые я хотел бы обратить внимание.

Прежде всего, в рассуждениях о национальных особенностях психики часто нарушается логика исследования. Вместо того чтобы начинать с постановки четких содержательных *вопросов* и формулирования *гипотез* — существуют ли психологические различия между народами, в чем именно, каковы их индикаторы, возможные методы измерения и т. п., мы продолжаем старые споры об определении таких понятий, как национальный характер, психический склад, этническое самосознание и т. д. Разумеется, определение терминов весьма важно, но научные понятия имеют смысл только в рамках некоторой теории, ориентированной на определенную постановку вопросов. Многолетний опыт нашей науки показывает, что дискуссии, начинавшиеся с содержательных вопросов, всегда были более плодотворными, нежели те, которые вращались вокруг определений.

Далее следует сказать о проблемах соотношения *описания* и *объяснения*. Вместо того чтобы начинать с констатации фактов, проверки наличия тех или иных этнических различий, мы сплошь и рядом начинаем с теоретических споров о том, являются ли эти (предполагаемые, иногда даже мнимые!) различия и свойства природными или социально-историческими, постоянными или изменчивыми, полезными или вредными и т. д. Причем этим предположительным явлениям дается в основном генетическое объяснение, апеллирующее к их происхождению и источникам. Но, как известно, это вовсе не единственная и уж, во всяком случае, не самая простая форма научного объяснения.

Над учеными-непсихологами, занимающимися проблемами национального характера и т. п., часто довлеет житейское представление, что народы, как и индивиды, обладают набором устойчивых качеств, «черт», которые можно измерять и сравнивать более или менее самостоятельно. Тайная «голубая» мечта — составить на каждый народ нечто вроде пси-

хологического паспорта-характеристики, который давал бы его индивидуальный портрет. Увы, это неосуществимо даже для отдельного индивида. Единственный индивидуальный элемент наших гражданских паспортов — фотокарточка. Что же касается всех характеристик, которыми пишем или получаем, то они строго функциональны и отражают лишь степень нашей пригодности или непригодности к определенному виду деятельности.

В современной психологии проблема выглядит гораздо сложнее. Прежде всего, устойчивые личностные *черты*-диспозиции не всегда четко отличимы от временных, текучих психических *состояний*. Кроме того, даже достоверное знание личностных черт не позволяет предсказать социальное поведение личности без учета специфики тех ситуаций, в которых это поведение разворачивается (и наоборот). Сильно усложнились и проблема постоянства, устойчивости личности. Идет ли речь о тождестве, преемственности, логической последовательности (все это — *разные* понятия) поведения человека, или его эмоциональных реакций, или стиля его мышления, или его установок, интересов, ценностных ориентаций? Проявляется ли это постоянство в разных (каких именно?) ситуациях или на протяжении определенных (каких именно?) отрезков времени? Как варьирует эта предсказуемость в зависимости от индивидуальных свойств? и т. д. и т. п. Без уточнения этих вопросов невозможно корректно поставить проблему. В психологии народов (нарочно беру самый общий, неопределенный термин) дело обстоит точно так же. Это убедительно проиллюстрировал С. А. Арутюнов, сравнив межличностные отношения японцев с их поведением в безличных, массовых ситуациях.

Главная трудность так называемых этнопсихологических исследований состоит в том, что они могут быть *либо* социокультурологическими, *либо* психологическими. Первые изучают свойства общества, культуры, вторые — свойства индивидов, являющихся членами этого общества или группы. Хотя то и другое взаимосвязано, методология и техника этих исследований весьма различны.

Традиционной, классической этнографии методы историко-культурного исследования значительно ближе, чем экспериментально-психологические. Я хотел бы подчеркнуть, что, хотя такие исследования выглядят недостаточно строгими, «импрессионистическими», они дают ценнейшую информацию этнопсихологического свойства. Например, систематическое изучение *образов* своего и чужого народов, представленных в литературе и искусстве, может дать для понимания соответствующих этнических стереотипов и межнациональных отношений не меньше, а, возможно, даже больше, чем анкетный опрос. Сравнительное изучение мира детства и социализации детей у разных народов неизбежно приводит к проблемам этноспецифических ценностных ориентаций, структуры личности, межпоколенной трансмиссии культуры и т. д. Массовые анкетно-социологические исследования также имеют смысл только в определенном историко-культурном контексте. Эта линия исследований у нас более или менее сложилась, речь идет главным образом о повышении их методического уровня, использовании новых семиотических методов, контент-анализа и т. д.

Значительно хуже обстоит дело с психологическими исследованиями, где этнографы полностью зависят от психологии как в том, что касается методов, так и в объяснительных теориях. Существуют две области таких исследований. Так называемая кросс-культурная психология занимается сравнительным изучением того, как протекают одни и те же психические процессы у представителей разных обществ, культур и групп. Объем уже имеющихся данных этого рода огромен, и для этнографов они исключительно важны. К сожалению, хотя отечественная психология в лице Л. С. Выготского и А. Р. Лурии имеет безусловный приоритет в формулировании ряда важнейших принципов таких исследований, сегодня они занимают у нас весьма скромное место, и, поскольку речь идет о весьма специальных исследованиях, единственный

ыход — привлекать к участию в этнографических экспедициях психологов, как это было в кавказской геронтологической группе. Ибо эта работа — плоть от плоти соответствующих разделов когнитивной психологии, психологии эмоций, психофизиологии, психологии развития.

Второе направление, собственно этнопсихологическое, изучает психические процессы, непосредственно связанные с формированием, осознанием и поддержанием индивидами их этнической идентичности. При этом в центре внимания оказываются этнические установки, стереотипы, самосознание и т. д. Это и есть этнопсихология в узком смысле слова. К сожалению, наши психологи в этой области пока что дальше общетеоретических рассуждений не идут. Это заставляет этнографов и социологов действовать самостоятельно. Но «перепрыгнуть» через соответствующие специальные теории и методы социальной психологии невозможно. А они далеко не элементарны. Например, этнические предубеждения можно изучать и как свойство личности, и в контексте теории установки, и в рамках психологии социальной перцепции, и в свете теории атрибуции. А в зависимости от выбранного угла зрения меняются и методический аппарат, и предмет, и логика исследования.

Методологический неискушенному человеку кажется, что для изучения этнического самосознания достаточно простого вопросника и элементарных сведений из общей и возрастной психологии. На самом же деле для проведения таких исследований нужно хорошо знать психологические теории самосознания и методы его изучения. Чем отличается самосознание от познания других людей? Какие признаки и почему включаются или не включаются в образ «я»? Каковы плюсы и минусы метода свободного самоописания по сравнению с Q-сортировкой или Тестом из 20 предложений М. Куна? Как сказываются на результатах проса условия его проведения и образ жизни респондентов? Например, при свободном самоописании индивид, согласно психологическому принципу отличительности, осознает и включает в свой образ «я» не все признаки, а преимущественно те, которые отличают его от других. Соответственно (это подтверждено эмпирически) и этническое самосознание развивается у ребенка по мере того, как он оказывается в этнически смешанных ситуациях, делающих его этническую принадлежность отличительным признаком. Далее. Социальные психологи различают утвердительный образ я, когда внимание индивида сосредоточено на самом себе, что заставляет его яснее видеть свои особенности, и «отрицательный образ я», когда внимание сосредоточено на свойствах других людей, которым и сам испытуемый не обладает, и он определяет себя через такое отрицание. По данным Уильяма и Клер Мак-Гайр, представители этнического большинства чаще определяют свою этническую принадлежность в «отрицательных», а представители этнических меньшинств — в «утвердительных» образах и т. п.

Если известно, что сравнительно-возрастные исследования не воспроизводят реального процесса развития индивида — для этого нужно как называемое «продольное» исследование, то это полностью относится к изучению этнического самосознания.

Разумеется, этнограф не обязан выполнять работу психолога. Масштабы этносоциальные данные неизбежно грубее экспериментальных, но без такого общего фона невозможно идти вглубь. Но все-таки этнопсихология — частный, прикладной аспект социальной психологии и должна подчиняться методологическим правилам и процедурам материнской науки.

Я вовсе не хочу этим сказать, что право на существование имеют только аналитические исследования. Ни в коем случае! Нам очень нужны и социально-философские работы, и синкретические очерки, блестящим образцом которых может служить «О русском» Д. С. Лихачева или «Ветка сакуры» В. Овчинникова. Но для становления профессиональной этнопсихологии особенно нужна забота о качестве описательного материала и методологии его обработки. А здесь может помочь только междисциплинарная кооперация. Сотрудничество этнографов с социоло-

логами, начавшееся лет 20 тому назад, блестяще себя оправдало. Сегодня очередь за психологией.

Разумеется, ждать, пока психологическая наука разрешит собственные сложные проблемы, часть из которых перечислил А. А. Леонтьев, вряд ли целесообразно. Социально-политические проблемы, поставленные в статье А. Ф. Дашдамирова, не терпят отлагательства. Кстати, я не стал бы так далеко разводить и даже противопоставлять термины «национальная психология» и «этнопсихология», как это делает А. А. Леонтьев. С предметной точки зрения, речь идет об одном и том же — национальных (этнических) особенностях. Но подходы к этому действительно отличны и «смычка» их возможна только на базе совместного изучения конкретных содержательных проблем, одинаково интересных и значимых для обоих народов.

Г. В. Старовойтова

О ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

А. Ф. Дашдамиров привлек наше внимание к чрезвычайно важной и давно назревшей проблеме развития этнопсихологических исследований. Хотелось бы подчеркнуть, что значение этнопсихологических признаков, в частности этнического самосознания, увеличивается по мере сужения зоны господства этнической традиции в объективированных формах культуры. Следовательно, особенно важным оказывается изучение этнопсихологических явлений у современных урбанизированных народов, для которых соответствующие признаки становятся системообразующими этническими признаками.

Обществоведческая мысль прошлого имеет богатые традиции анализа психологических особенностей народов, однако начало научной этнопсихологии, по-видимому, следует вести от работ В. Вундта¹ (а в нашей стране от Л. С. Выготского и А. П. Лурия²). Новый этап осмысления этнических компонентов психики нашел отражение в дискуссии о сущности нации конца 60-х годов. Хотелось бы зафиксировать два ее итога: а) признание большинством исследователей онтологической реальности этнопсихологии³; б) выявление различий во взглядах на ее содержание и семантику таких ключевых понятий, как «психический склад нации», «национальный характер», «национальный темперамент» и др.

Эти различия, вероятно, связаны с нечеткостью определения самой предметной области этнопсихологических исследований, а также с разногласиями по вопросу о дисциплинарной принадлежности этнопсихологии как науки.

Большинство известных обществоведов и социальных психологов (И. С. Кон, Б. Д. Парыгин, Б. Ф. Поршнев и др.) считают этнопсихологию одним из разделов социальной психологии, тогда как представители этнографической науки относят ее к «дочерним» этнографическим дисциплинам⁴, что не способствует использованию методического арсенала психологической науки и ее развитого понятийного аппарата.

¹ Wundt W. *Völkerpsychologie*. В. 1—10. Leipzig, 1900—20.

² Итоги этнопсихологического исследования узбеков и др., осуществленного в начале 30-х годов этими учеными, изложены в монографии: Лурия А. П. *Об историческом развитии познавательных процессов*. М.: Наука, 1974.

³ Здесь хотелось бы обратить еще раз внимание на досадную омонимию самого термина психология: это понятие употребляется для обозначения научной дисциплины, а также и самого предмета ее изучения (такова же неоднозначность понятия «история»); в данном случае мы имеем в виду второе значение.

⁴ См., например, Королев С. В. *Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов*. М.: Наука, 1972; Арутюнов С. А., Королев С. В. *Этнопсихология как наука. — Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный сборник*. М.: Наука, 1979, с. 5—22.

Как нам кажется, предметом этнопсихологических исследований должны служить все особенности психических функций, все комбинации их психических свойств, которые обусловлены этнической принадлежностью людей, независимо от того, являются ли эти свойства врожденными (скажем, связанными с типом нервной системы) или приобретенными в ходе социализации (и этнизации) индивидов. Имея в виду значительный размах индивидуально-психологических вариаций, продуктивнее всего был бы статистический («популяционный») подход при исследовании больших человеческих коллективов, объединенных этнической принадлежностью. Такой подход позволил бы изучить распределение многочисленных психологических качеств (или особенностей психических функций), которые (гипотетически) встречаются у разных народов с различной частотой или различаются по интенсивности.

Из предложенной трактовки предмета этнопсихологических исследований (учет врожденных и приобретенных свойств) следует, что этнопсихологические особенности, на наш взгляд, формируются и в онтогенезе и в филогенезе, а значит, имеют самую непосредственную связь с общепсихологической проблемой развития психики (или «генетической психологией»). Это соображение не позволяет нам считать этнопсихологию ни разделом этнографии, ни ограничивать ее дисциплинарными рамками социальной психологии. Нам кажется, что этнопсихологию следует рассматривать в качестве специфического раздела общей психологии, имеющего значительные социально-психологические проекции. Эту мысль я поясню ниже, говоря о биологических основаниях этнопсихологических явлений. Во всяком случае, нельзя не согласиться с Н. С. Коном, что для успешного развития эмпирических исследований в этой области необходимо привлечение профессиональных психологов.

На нынешнем этапе становления новой области знания может быть сформулирован лишь предварительный исследовательский подход, а общий перечень возможных направлений этнопсихологических исследований, как нам кажется, должен отражать общепсихологическую рубрику, включая сюда познавательные процессы (особенности восприятия, мышления и др.), эмоционально-волевые явления, сознание и деятельность, групповые формы взаимодействия. Подчеркнем сразу, что, хотя внимание этнопсихологов при анализе этих рубрикаций естественно концентрируется на выявлении возможных этнических особенностей, это не означает, что в психологии народов этноспецифические черты являются преобладающими. Напротив, они базируются на единой общечеловеческой психологической основе.

В свое время уже критиковались расистские этнопсихологические концепции, постулировавшие неравенство наций в сфере интеллекта и способностей без учета уровня социально-экономического развития народов⁵. Однако это не снимает вопроса о возможной этнопсихологической «окрашенности» познавательных процессов, обусловленной особенностями взаимоотношений с природным окружением в процессе хозяйственно-преобразующей деятельности, языковыми структурами, определяющими особенности перцепции и т. д. В частности, как нам кажется, мы еще не имеем достаточных оснований отказаться от поисков адекватной процедуры верификации явлений лингвистической относительности, несмотря на справедливую критику гипотезы Гумбольдта — Сэпира — Уорфа за абсолютизацию определяемых языком различий в познавательных процессах у разных народов⁶.

Явления языковой относительности заслуживают особого внимания этнопсихологов в свете особой орудийной роли языка в познавательной деятельности, а также ввиду его исключительного значения для этнической самоидентификации личности.

В то же время, по-видимому, основное ядро, вокруг которого могут группироваться этноспецифические явления в психике индивида, — это

⁵ Лурия А. П. Психология рас и фашистская наука. — В кн.: Фронт науки и техники. М., 1930, в. 12, с. 37—53.

⁶ См., например, Бругян С. Л. О гипотезе Сэпира-Уорфа. Ереван: Буйс, 1963.

темперамент, эмоционально-волевые процессы, сфера социокультурных потребностей, интересов и мотивов деятельности. При этом нам кажется, что было бы неправомерным игнорировать допущение о различии между этносами по статистической распространенности определенных типов нервной системы, темпераментов и других генетически обусловленных задатков психики⁷. Можно провести аналогию с антропологией, которая обычно констатирует если не совпадение расового типа с этническими границами, то определенную вероятность встречаемости сходных морфологических признаков внутри этноса.

Действительно, этносы, в первую очередь социально-культурные образования, как правило, могут быть соотнесены с сопряженными с ними биологическими популяциями, а «для каждой популяции присуща тенденция к усилению однородности генетического фонда»⁸.

Общебиологические характеристики этносов могут быть обусловлены рядом причин: общностью происхождения, длительностью адаптации к природным условиям и хозяйственно-культурной деятельности, исторически продолжительной «этнической эндогамией» и др. Эти факторы могут формировать «вторичную» антропологическую однородность этнических общностей. Преувеличенное и одностороннее отражение этих факторов обыденным сознанием проявляется в бытующем представлении об этносах как исключительно внесоциальных, биологических по происхождению образованиях⁹. Между тем сам элемент биологической общности возникает в этносе в силу действия социальных факторов или ограничений.

Тем не менее нам кажется плодотворной гипотеза о том, что ряд психических свойств, генетическая обусловленность которых не вызывает сомнений (общие типы нервной системы, составляющие основу темперамента, парциальные типологические особенности и т. п.), может получать большее или меньшее распространение внутри конкретных этнических границ в силу частичной общности генофонда представителей этноса (при определенных социальных условиях). Такое предположение в особенности можно отнести к небольшим этносам с компактной этнической территорией и высоким индексом этнической эндогамии.

По-видимому, гипотеза о том, что возможность передачи некоторых наследуемых психических особенностей, распространенных среди каких-то этнофоров выше теоретически вероятной частоты, давно уже назрела как очевидное логическое следствие современных представлений о «двойной» природе этносов.

Наш интерес к возможности оценки биологической составляющей этнопсихологических явлений обусловлен, в частности, возможным междисциплинарным характером эмпирических исследований, сочетающих социально-психологические и психофизиологические (в том числе аппаратные) методы исследований.

В то же время, разумеется, более значимые компоненты этнопсихологической специфики обусловлены внебиологическими, социально-культурными, диахронными внутриэтническими связями. Это такие содержательные компоненты психологии (личности или группы), которые, с одной стороны, тесно связаны с типологическими особенностями нервной системы, с другой — принадлежат эмоционально-волевой сфере, которая «задана» культурной этносоциальной матрицей: система потребностей, интересы, ценностные ориентации, нормы, интериоризованные

⁷ Мнение о врожденном характере этих психических структур разделялось И. П. Павловым, Б. М. Тепловым, В. Д. Небылицыным и другими крупными психологами. Эта точка зрения нашла отражение и в последних учебных пособиях. См. например, учебник: Общая психология/Под ред. Петровского А. В. М.: Просвещение 1977, с. 408—412, 456—462.

⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 121.

⁹ Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— Сов. этнография, 1972, № 3, с. 74. Впрочем, преувеличение роли биологических факторов в этногенезе присуще не только обыденному сознанию; «биологической» или «физической реальностью» считает этнос известный историк Л. Н. Гумилев. См. его работу «О термине этнос» — Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л.: Геогр. о-во СССР, 1967, в. 3, с. 5 и др.

оли, направленность личности или группы (их «коды поведения»). Эмоционально-волевая сфера теснее всего связана с интимным ядром этнической культуры, ее традициями. В известном смысле обыденное сознание, регулирующее повседневный образ жизни, совпадает или по крайней мере тесно переплетается с некоторыми формами духовной культуры, обрядовой жизни, что дает основание для исследования этнической психологии по соответствующим косвенным эмпирическим индикаторам — явлениям «опредмеченной психологии», продуктам и способам деятельности, этническим особенностям поведения.

В круг возможных направлений этнопсихологических исследований, естественно, входят этнические особенности групповых взаимодействий этнической среде общения, в малых контактных группах, а также массовые формы стихийного или сознательного поведения больших групп под влиянием этнополитических или этноконфессиональных интересов, всплеска национально-патриотических чувств и т. п. В последние годы некоторые из подобных социально-психологических явлений (межэтнические контакты, связанные с ними установки и др.) активно изучались этносоциологами (Ю. В. Арутюняном, Л. М. Дробижевой, В. В. Пименовым и др.), хотя, на наш взгляд, и в этой проблематике еще не исчерпаны возможности и для психологических исследований.

В некоторых откликах на статью А. Ф. Дашдамирова говорилось, что в нашей науке непропорционально большое внимание уделяется определению понятий при бедности конкретных этнопсихологических исследований. С этим трудно не согласиться. С другой стороны, часто оказывается важным с самого начала «договориться о терминах», чтобы потреблять их в одном значении.

К сожалению, этнопсихологические работы этнографов нередко страдают нечеткостью понятийного аппарата. Так, например, «национальный характер» иногда отождествляется с темпераментом, а последний вводится в русло традиционной четырехкомпонентной схемы И. П. Павлова, которая давно развита и трансформирована в трудах школы М. Теплова — В. Д. Небылицына. Редко можно встретить попытки таксономического сопоставления понятий «психический склад», «национальный характер» и др.

Хотелось бы сказать несколько слов о таком важнейшем этнопсихологическом понятии, как этническое самосознание. При относительности статальных этноопределителей этническое самосознание оказывается важным фактором этнической идентификации индивидов, что находит отражение в практике переписей населения и соответствует тому значению, которое придается этому признаку в иерархии этноопределителей большинством этнографов¹⁰.

Понятие «национального самосознания», близкое к современной его трактовке, выдвинул в 1947 г. В. В. Мавродин — «в смысле сознания единства людей, принадлежащих к данному периоду, к данной народности или нации, единства их интересов, психического склада и т. п.»¹¹. Вскоре в научный оборот был введен более общий термин — «этническое самосознание», ставший одним из важнейших этнических определителей¹². Нередко наряду с ним синонимически употребляется понятие «этническое сознание», но нам кажется целесообразным их смысловое разграничение — по степени «рефлексивности» и таксономическому уровню.

Если сохранить в научной лексике термин этническое сознание (наряду с самосознанием), то, вероятно, употребляя его, следует иметь в виду тот слой общественного сознания, который ограничен рамками

¹⁰ См., например, Козлов В. Н. Динамика численности народов. М.: Наука, 1969, 6; его же. Проблема этнического самосознания в теории этноса. — Сов. этнография, 4, № 2, с. 79—92.

¹¹ Мавродин В. В. Формирование русской нации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1947, с. 25.

¹² Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель. — Краткообщ. Ин-та этнографии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1949, VIII, с. 3—35; его же. Этнические территории и этнические границы. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1951, т. XV, с. 3—10.

обыденного опыта (закрепленного в традициях и обычаях) и включает в себя непосредственное отражение практической деятельности, мораль и нормы обычного права, эстетические нормы и нравы, представление о своей этнической принадлежности в некоторой шкале, соотносящей данный этнос с другими. Этническое сознание, регулирующее традиционно-бытовые стереотипы поведения, включает в себя непосредственное отражение большинством членов этноса обыденной жизнедеятельности, бессознательное использование национального языка и т. п. Оно принадлежит к тому слою отражения действительности, которое «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей»¹³. Будучи эмоционально окрашенным, подверженным влиянию общественных настроений, этническое сознание относится к сфере социальной психологии; в таком понимании оно является лишь предпосылкой теоретически систематизированных идеологических форм, которые связаны с *самосознанием*, т. е. осознанием этносом своих интересов. Процесс построения иерархии этнического самосознания, таким образом, оказывается подобным процессу превращения «класса в себе» в «класс для себя» (применительно к этнической общности). Этапы этих превращений в исторической ретроспективе, а также факторы становления и смены индивидуального самосознания в онтогенезе естественно входят в проблематику этнопсихологии.

Строго говоря, при нынешнем словоупотреблении под этническим сознанием понимаются неосознаваемые явления этнической жизни, и точнее было бы обозначить соответствующий круг явлений посредством термина «психический склад». Самосознание (групповое или индивидуальное) — стадияльно более позднее явление. Тут представляется уместной аналогия с индивидуальным онтогенезом сознания, о чем говорил выдающийся советский психолог С. Л. Рубинштейн: «Не сознание рождается из самосознания, из Я, а самосознание возникает в ходе развития личности, по мере того как она реально становится самостоятельным субъектом»¹⁴.

Терминологические дискуссии, как уже говорилось, не могут подменять эмпирических этнопсихологических исследований. Такие исследования мы начали проводить в рамках советско-американского исследовательского проекта, посвященного изучению факторов долгожительства на Кавказе¹⁵ (на первом этапе — в Абхазии).

Среди предполагаемых причин долгожительства немаловажное место занимают психологические факторы. Соответствующие им гипотезы основаны на допущении, что специфические свойства психики абхазских долгожителей или особенности социально-психологических структур в общностях людей с повышенной долей долгожителей могут способствовать формированию феномена долгожительства. Влияние подобных факторов было обнаружено уже на рекогносцировочной стадии исследования в Абхазии, когда решалась задача верификации истинного возраста «номинальных» долгожителей. Довольно частые случаи завышения истинного возраста требуют этнопсихологического комментария; ближайшим образом они могут быть объяснены «престижностью старости» у абхазов. Однако наряду с этим следует допустить, что бессознательные ошибки в определении возраста могут быть связаны у младописьменного народа с влиянием народной системы счета времени¹⁶ и с традиционной системой счисления¹⁷ — двадцатиричной, т. е. с определенным историческим этапом развития познавательных функций.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., М.: Госполитиздат, 1955, т. 3, с. 24.

¹⁴ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946, с. 677.

¹⁵ Этнографической частью проекта руководит В. И. Козлов. В 1978 и 1981 гг. в рамках экспедиции работали полевые этнопсихологические отряды под руководством автора статьи.

¹⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографический очерк. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 149.

¹⁷ Ладария Н. На заре моей жизни (воспоминания абхазского крестьянина из времен последней русско-турецкой войны). — Исторический вестник, окт. 1891 г., т. XVI, с. 110—111.

По-видимому, существует еще одна причина ошибочных возрастных Mooreнок абхазских стариков. Исследованием выявлено наличие раз- той системы возрастных терминов у абхазов, с большим числом града- й, причем в обыденном этническом сознании принадлежность к опре- ленной социально-возрастной категории (*ахаца, абырг, алыгаж* и др.) ачимее, чем абсолютный календарный возраст. Возрастная стратифи- ция опирается на последний лишь отчасти, причем принадлежность к му или иному «возрастному классу» давала раньше специфические лава (на вступление в брак, ношение оружия, участие в совете старей- ин и др.) и обязанностями (на участие в отгонном пастушестве, в воен- х действиях и др.). Таким образом, следует предположить существо- ние в недавнем прошлом у абхазов специфических традиционных пред- авлений об этапах жизненного пути, о картине жизненного цикла, ко- рые влияли и на возрастную самооценку. Это предположение было под- ерждено нами посредством контент-анализа текстов автобиографий, исказанных долгожителями и записанных во время экспедиций.

В то же время очевидно, что традиционные социальные институты нно являлись геронтократическими, что типично для родовых об- еществ¹⁸. Пережитки этих институтов выявляются при анализе этногра- ического и фольклорного материала, а социальные роли старых людей о сих пор значимы, что создает для них условия психологического ком- орта, сохраняя часть реальной власти за ними в семейной сфере и в зизни сельской общины, обеспечивает лучшие бытовые условия. Сово- упность этих обстоятельств может реально влиять на увеличение про- олжительности жизни.

Адекватным средством эмпирической верификации «геронтократиче- кой гипотезы» могут служить разновидности социометрической проце- уры, предложенной в свое время А. Морено. Она позволяет оценить ровень предпочтений, отдаваемых старым людям односельчанами в зличных содержательных сферах коммуникации. Простейшей формой змерения социального статуса является сравнение частот реальных нтактов с лицами разного возраста и изучение положения стариков системе социальных связей (*network*). Исследование выявило высокую ттенсивность общения старых людей: с родственниками и ближайши- и соседями все опрошенные общаются ежедневно, со знакомыми — не же одного раза в неделю.

Особенно примечательно большое число случаев (свыше 80% всех нтактов по содержанию) обращения молодежи и лиц среднего возраст- к старикам за советами в важнейших жизненных ситуациях. Такая ртина непосредственной вовлеченности стариков (в частности, долго- ителей) в систему неформальной коммуникации села, «густота» их циальных связей, личностный характер последних отличают образ зизни долгожителей от образа жизни пожилых людей в современном роде, для жителей которого более типичны деперсонализированные связи ролевой тип общения¹⁹.

Нравственные нормы и правила этикета, определяющие традицион- ый образ жизни, передаются в процессе социализации и этнизации лич- сти, поэтому содержание межпоколенной этнокультурной трансмиссии едставляет интерес для нашей темы. Изучение родительских ценностей ориентаций и установок в отношении воспитания детей позволяет искрыть поведенческие этнокультурные нормы в относительно «чистом» иде, независимо от результатов реального воспитательного воздействия глубины интериоризации норм личности. Соответствующая часть нопсихологического исследования в Абхазии проводилась при помощи ввестной за рубежом методики В. Ламберта²⁰. Фиксировались и коди-

¹⁸ См., например, *Simmons L. W. Attitude Toward Aging and the Aged, Primitive xieties.*— *Journal of Gerontology*, 1946, v. 1, p. 72—95.

¹⁹ *Tibbitts C. The Older Family Member in American Society.*— In: Prepared for De- very Before Conference on the Older Person in the Family (at Des Moines Iowa, Oct., 1963).

²⁰ *Lambert W. a. o. The Child Rearing Values. A Cross-National Study.* N. Y., 1979.

реакции родителей на высказывания абхазских детей (в дартизированных магнитофонных записях, отражающих типичные жизненные ситуации). Обобщенные реакции родителей позволяют судить о степени репрессивности — пермиссивности этнокультурных норм, жесткости полоролевых стереотипов и др. Использование методики В. Ланберта удобно, поскольку она базируется на сравнительном материале по 10 культурам в разных регионах мира. При помощи этой методики мы обследовали 100 чел., включая группу долгожителей (15 чел.), воспринимавших ситуацию воспитания своих детей в молодости, т. е. более полувека назад. Завершение исследований по этому разделу темы позволяет полнее осветить роль традиционного этикета в регулировании поведения, в частности выявить специфические этнокультурные механизмы, способствующие ослаблению воздействия стрессовых ситуаций жизни семьи или общины на эмоционально-волевую сферу личности и состояние здоровья.

Наряду со спецификой социально-психологических и этнокультурных черт абхазского этноса на формирование долгожительства может оказывать влияние распространенность особых психологических типов, характерных для долгожителей. Хотя личностные черты тоже в значительной степени детерминированы нормами этнической культуры, однако выше мы предположили, что встречаемость определенных типов высшей нервной деятельности и темперамента в этнической популяции может быть обусловлена генетически.

Соответствующие психологические параметры долгожителей сравнивались с «фоновыми» среднеэтническими нормами по данным использования двух психодиагностических методик: шкалы локуса контроля²¹ и цветового теста Люшера²². Первая из этих методик позволяет оценить в какой степени человек ощущает себя активным субъектом своей деятельности, «хозяином своей судьбы», а в какой — пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств. Иначе говоря, методика позволяет различать людей, локализирующих контроль над значимыми для них событиями двумя противоположными способами — экстернальным и интернальным; в первом случае человек полагает, что происходящие с ним события являются результатом действия внешних сил, случая и т. п. Во втором — ход событий интерпретируется как результат собственной деятельности. Любому человеку свойственна определенная позиция на континууме, простирающемся от экстернального к интернальному типу («локусу контроля»).

Обследованные жители абхазских сел (80 чел.) обнаружили нормальное (гауссово) распределение по этому показателю, но «долгожительская» часть выборки заметно смещена к полюсу интернальности. В то же время выявилась интересная корреляция типа локуса долгожителя с состоянием его физического и психического здоровья: чем выше активность в общении и труде, тем чаще человек обнаруживает интернальный тип локуса, считает себя «хозяином жизни».

Цветовой тест Люшера направлен на изучение эмоционально-волевой сферы, потребностей и мотивов, выявление этнической специфики цветовых восприятий. Тест привлекает простотой процедуры и высокой валидностью (за счет невербальности методики); его результаты хорошо коррелируются с данными других методик.

По данным этого испытания (обследовано более 300 человек, в том числе около 50 долгожителей) обнаружились два типа эмоциональных структур у долгожителей: один из них характерен только для части долгожителей и, по всей вероятности, отражает сенильные изменения в эмоциональной сфере, общее снижение эмоциональной активности и угасание социальных и витальных потребностей (основные тона Люшера получают низкую оценку, высокие ранговые места получают черный и

²¹ *Phares I. B. Locus of Control in Personality.* Hillsdale, N. Y.: General Learning Press, 1976; *Rotter S. B. Generalised Expectancies for Internal Versus External Control of Reinforcement.* — Psychol. monogr., 1966, v. 80.

²² *Lüscher M. Die Farbwahl als psychosomatischer Test.* — Dtsch. Med. J., 1961, 12, 11.

на правой части спектра). Другая эмоциональная структура характеризуется предпочтением основных тонов, отрицанием ахроматических тонов и, следовательно (по Люшеру), высокой активностью эмоций и потребностей. Этот тип тестовой реакции присущ как молодым испытуемым (20—50 лет), так и значительной части долгожителей (около 40% из них). Таким образом, говорить о едином психическом типе у долгожителей не приходится. Впрочем, это хорошо согласуется с выводами как геронтологов и психологов, считающих, что индивидуальные различия могут перекрывать возрастные²³. Исследователи-этнопсихологи же нередко получали в результате тестовых испытаний более заметные различия межличностных характеристик по сравнению с межгрупповыми. Кроме того, можно предположить, что долгожители, дающие реакции, близкие к среднеэтническим нормам («ювенильный тип долгожителя»), имеют впереди больший запас продолжительности жизни, чем представители «сенильного типа». Впрочем, дальнейшая разработка этой линии исследования зависит от определения внутриэтнического размаха наблюдаемых показателей, а следовательно, и необходимого размера репрезентативной для этноса в целом выборки.

Предложенный здесь методологический подход к определению предметной области этнопсихологии, а также приведенные примеры отдельных этнопсихологических «проб»²⁴, имели в виду показать широту диапазона возможных исследований и трудности отбора адекватных методов. Развитие этой новой научной дисциплины представляется необходимым в интересах теории и практики, так как этнопсихологические исследования помогут выявлению новых факторов, влияющих на сознание и поведение представителей разных этносов в социально-историческом контексте.

²³ См., например, *Александрова М. Д.* Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.

²⁴ Другие примеры приведены в нашей работе «К исследованию этнопсихологии городских жителей». — Сов. этнография, 1976, № 3.

Н. А. Миненко

ФОЛЬКЛОР В ЖИЗНИ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ XVIII в.— 60-х ГОДОВ XIX в.*

Обращение этнографа к устному народному творчеству вполне закономерно, так как цель этнографической науки состоит в изучении народного быта и его истории как целостного явления, «органической частью которого является и фольклор»¹. Причем перед этнографом в данном случае встают свои специфические задачи, и в частности выявление той роли, которую играл фольклор в повседневной жизни различных слоев трудового населения на разных этапах его истории. Применительно к русскому крестьянству Западной Сибири периода феодализма в этом направлении сделано уже немало². Однако возможности источников, в особенности архивных, далеко не исчерпаны. В предлагаемой статье исследуются формы бытования и основные функции фольклора в западносибирской деревне на основе записей XVIII в.— 60-х годов XIX в. В качестве источников использовались судебно-следственные дела, текущая документация местных учреждений, воспоминания, экономико-географические и этнографические описания. Статья не претендует на разносторонний анализ крестьянского репертуара, поскольку дошедшие от XVIII в.— 60-х годов XIX в. письменные материалы не отражают его в полном объеме.

В источниках особенно широко представлены пословицы и поговорки или, может быть, точнее — афористические выражения, вошедшие в устную традицию, что свидетельствует об их распространенности в Западной Сибири изучаемого периода. Пословицами и поговорками были насыщены и устные беседы крестьян, и их письма, прошения, а также хозяйственные описания волостей³. Можно привести в качестве примера отрывок из письма Якова Мещерякова (1723 г.), адресованного родственникам в Киргинскую слободу: «Пожалуй, живи в доме нашем,— поучал Яков дочь,— как добрые люди живут, без всякого послушания и отговорки. Я такую пословицу от добрых людей слышал: *послушливый че*

* Статья написана по архивным материалам и опубликованным записям изучаемого периода.

¹ Чистов К. В. Фольклор и этнография.— В кн.: Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970, с. 5.

² См., например: Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX — начало XX в.). Томск, 1962; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М.: Наука, 1967; Громыко М. М. Этнографические и фольклорные источники в исследовании общественного сознания русских крестьян Сибири (XVIII—первой половины XIX в.).— Источниковедение отечественной истории. 1976. М.: Наука, 1977, с. 97—124.

³ Потанин Г. Н. Полгода в Алтае.— Русское слово, 1859, № 12, с. 257—258; Архив Географического общества (далее — АГО), разряд (далее — р.) 61, оп. 1, д. 10, л. 3, 18; Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТюО), ф. 47, оп. 1, д. 47, л. 3; Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (далее — ТГАТюО), ф. 156, 1763 г., д. 49, л. 87—87 об.; Центральный гос. архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 1401, оп. 1, д. 41, л. 402—402 об.; Шкодин П. Хозяйственное статистическое описание Бурлинской волости.— Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства, 1863, кн. 1, с. 36—41.

любек быть паче потимка⁴ (здесь и далее курсив наш. — Н. М.). Пожалуй, живи в доме... премилостивой государыни нашей матушки, также и других и протчих наших, они тебя на худо не поучат. Надо бы жить богу не на гнев, а добрым людям не на смех... По милости божией... ты сыта всегда и весела, и одена, а у отца тебе жить... и последнее сложить...»⁵. «Вселюбезные мои детушки и невестушки,— переключается с вышеприведенным письмо крестьянина Ивана Худякова, посланное в 1799 г. в алтайскую деревню Секисовку,— почитайте свою родительницу... отчево будите от бога прославлены и от людей похвалены, и живите с соседями добропорядочно, и чево себе неугодно, тово и людям не творите...»⁶.

Как известно, главное назначение пословиц и поговорок заключалось в закреплении и передаче определенных нормативов поведения в форме словесных стереотипов. «Авторитет поговорок,— справедливо пишет М. М. Громыко,— не мог быть подвергнут сомнению как мнение одного или даже нескольких лиц; содержащаяся в ней рекомендация воспринималась как непреложная истина, освященная мудростью поколений»⁷. Существовало, в частности, много пословиц и поговорок, с помощью которых общественное мнение регулировало хозяйственную деятельность деревенских семей: определяло сроки работ (например: *С 1 мая и самая ленивая соха в ход идет; Не жди Покрова, капусту секи*); поощряло трудолюбие и осуждало праздность (*Пот да труд все перетрут; Без труда спасенья не наживешь; Гульба да игра не ведут до добра; Скрыпка да гудок промотали весь домок*); предупреждало против непроверенных опытом нововведений (*Домашний теленок лучше заморской коровы*) и работы по найму (*С чужой работы не будет богат, а скорее горбат; В стране⁸ дома не наживешь*)⁹.

Важная роль отводилась пословицам и поговоркам и в регулировании семейной жизни крестьян¹⁰. В них прежде всего подчеркивалась обязательность, необходимость вступления в брак и создания семьи: *Красна пава перьем, красна баба мужем; Одному и у каши не спору*. В пословицах нашли отражение принципы, которыми надлежало руководствоваться в выборе мужа или жены: *Выбирай лошадь от природы, а человека от дому; Не приданым жить, а богоданым; Хоть худенька да голубенька; Суженаго, ряженого конем не объедешь*. Целая серия норм, диктуемых пословицами, касалась внутрисемейных отношений: *Где любовь да совет, там спасенье; Муж да жена — одна сатана; Жена мужа бьет — не на худо учит; Учи жену без детей, а детей без людей; С сыном бранись — на печь гребись, а с зятем бранись — за скобу держись*. Пословицы узаконивали семейные разделы: *Тому не дивятся, что братья делятся; Два медведя в одной берлоге не живут*. Можно на основании приведенных выше примеров (взятых совершенно произвольно, поскольку анализ фольклорных произведений самих по себе не входит в нашу задачу) заключить, что второй важнейшей функцией пословиц и поговорок было закрепление различных знаний, приобретенных предшествующими поколениями.

Ряд пословиц и поговорок касался отношений соседства, воспитывал определенный взгляд на общину, «мир»: *Мир — дело велико; Мир —*

⁴ «Паче» — «лучше»; «потимок» — «шалун», «насмешник». См. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М.: Изд-во Русск. яз., 1980, с. 26, 355.

⁵ ГАТюО, ф. 47, оп. 1, д. 4738, л. 3.

⁶ ТФ ГАТюО, ф. 156, 1797 г., д. 99, л. 58.

⁷ Громыко М. М. Указ. раб., с. 108.

⁸ Т. е. в чужой стороне, куда уходили крестьяне наниматься на работу.

⁹ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — Этнографический сборник, издаваемый РГО. В. IV. Спб., 1864, с. 121; Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда. — Пермский сборник. Кн. I, М., 1859, с. 17; Третьяков А. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении. — Журнал Мин-ва государственных имуществ, 1852, ч. 45, № 12, с. 190, 197; АГО, р. 61, оп. 1, д. 9, л. 2 об., 3; д. 23, л. 80 об.

¹⁰ См.: АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 18; д. 21, л. 2—24; д. 23, л. 78—82 об.; Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 51—57; Слобода Такмыцкая. — Тобольские губ. ведомости, 1866, № 17, с. 115.

волна, что один, то и все; С миру по нитке — нагому рубаха; В чужо волости не бывать на власти.

Отразилось в фольклоре также отношение крестьян к местным властям, системе судопроизводства, царю, духовенству, богу: *Где суд, там и неправда; Шемякин суд, да на воцеленных ногах; До бога высоко, царя далеко* и пр.

Многие пословицы касались нравственной сферы; в них утверждались нормы и идеалы морали, поведения, поступков: *Другу удружи, себе досади; Дал слово — держись, а не дал — крепись; Гол, да не вор; Не летай высоко, не опуститься низко; Добрая слава лежит, а худая летит*. Вообще трудно выделить такую сторону крестьянской жизни, которая не получила бы освещения в кратких, образных пословицах и поговорках¹¹. Всякое новое и важное для крестьянства явление получало в них соответствующую окраску. Например, в первой половине XIX в. в Западной Сибири было водворено много ссыльнопоселенцев; сразу же родились пословицы типа: *Поселенец, что младенец — что видит, так и тащит* и т. п.¹²

Есть все основания утверждать, что существующие и вновь слагавшиеся пословицы и поговорки воспринимались западносибирскими хлебопашцами рассматриваемого времени как одна из форм фиксации обычного права¹³.

Эстетическая нагрузка подобных пословиц и поговорок была сравнительно незначительной. В этом плане более выгодно отличались от них былички и бывальщины — рассказы «о действительном, притом страшном и необъяснимом происшествии»¹⁴. Сохранились свидетельства о распространении в Западной Сибири быличек, повествующих о встрече с «сатаной», «лукавым». В 1744 г., например, житель Демьянского яма Яков Михайлов сын Стерхов («от рождения ему 24 года, грамоте неучен») рассказывал на допросе в тобольской духовной консистории: «В прошлых де годах, назад тому лет пять или шесть, случилось ему, Якову, идти в лес осенним временем одному для ловитвы птицы... от оного Демьянского яму, например, верстах в девяти, на болоте потерял дорогу и бродил несколько часов. И как скоро не мог дороги сыскать, тогда он, Яков, и избранил так: „Разве де лешей или лукавой скрал от него дорогу, которой де сыскать он не может“. И, как такие слова толко выговорил, то явился перед ним некоторой чернообразной или будто кожей черною обшитой человек, остроглавой, имеющей у себя хвост, и говорил ему, Якову: „За что де ты меня бранишь, я де твой товариш“ и велел ему, Якову, носимый новый крест христов с себя снять и кинуть прочь. И он де, Яков, тот крест тогда ж, разрезав гайтан, сбросил с себя прочь, и притом же говорил ему, Якову: „И впредь де ты креста отнюдь на себе не носи и в лес с крестом не ходи, а пленицы¹⁵ де, которыми ловишь птиц, приноси ко мне окуривать, и будет де попадать тебе птиц довольно“. И зовут де его именем Матфей Лукавой».

Яков признался консисторским властям, что после встречи с «Матфеем Лукавым» перестал носить крест; охота же его пошла успешно. О своих контактах с Лукавым Стерхов рассказал малолетнему Алексею Иванову — сыну демьянского пономаря, пообещав ему, что, «ежели

¹¹ См. (в том числе для приведенных выше примеров): АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, л. 78—82 об.; д. 21, л. 2—24; ЦГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 82, л. 6—6 об.; ТФ ГАТюО, ф. 156, 1745 г., д. 23, л. 2; ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 18, л. 288; д. 41, л. 402—402 об.; ф. 1402, оп. 1, д. 33, л. 311; д. 38, л. 574; Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 5—57; Шкодин П. Указ. раб., с. 36—39; Замечания о Сибири. — Московский вестник, 1830, ч. 5, с. 125—126.

¹² АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 3 об.; Максимов С. Народные преступления и несчастия. — Отечественные записки, 1869, т. 183, с. 92.

¹³ См. свидетельства очевидцев: Шкодин П. Указ. раб., с. 36, 39; Третьяков А. Указ. раб., с. 190, 197, 202.

¹⁴ Померанцева Э. В. Народные верования и устное поэтическое творчество. — Фольклор и этнография, с. 165; см. ее же. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.

¹⁵ Пленницы — сеть для ловли птиц.

е он, Алексей, похочет, чтоб птичья привада была к ево пленицам,... то и де сатане об нем, Алексее, скажет». Алексей, по его собственным словам, сначала согласился на «представление» сатане, однако затем напал на него, Алексея, великий страх, и не хотя сатаны видеть вызывал он Якова из лесу, где происходила вся эта беседа. Яков же, по утверждению пономарского сына, говорил ему: «Не бойся де ничего, он сатана. — Н. М.) де тебя к себе принять хочет, только де тебя посмотри» и указывал на «некоторой, мало человеку подобной, чернообразный, с хвостом, вид, к нему, Алексею, приближающийся, которой потом пошел прочь с шумом, ветру подобным». На пути домой Яков сорвал с него, Алексея, насильно крест» и «говорил такие речи, тебе де уже креста носить не надлежит». «После де того,— признавался на следствии консистории Алексей,— видел он... оное сатанинское привидение.. два раза»¹⁶.

Разработанность сюжета былички и образа «сатаны» в приведенных рассказах свидетельствует о том, что это — варианты бытовавших в Забайкальской деревне фольклорных произведений.

Письменной фиксацией другой группы быличек является доношение крестьянки из с. Пачинского Томского уезда Дарьи Ивановой Песковской. Дарья «объявляла» духовным властям, что она с пачинским священником Борисом Кощеевым «по любовному согласию жила... прелюбодейно года з два» и «самолично» «волшебство за ним видела». В 1749 г. «вверх по речке Пачинской, близ деревни Ласковой, на пустом месте была она, Дарья, с ним для курения ему вина, причем де он... очью и волшебствовал.. говорил незнаемо чего несколько время и говорил такие речи: „Одне де пойте песни, а другие скачите и играйте“. Она де, Дарья, притом в лик никого не видала, токмо де при том видела, яко с небес беспрестанно под ноги ее сыпались звезды весьма мною множество, да тогда ж невидимо отколы появилась близ их поварни многу куренной черная комола корова, какой де великой и страшной предке... никогда не видывала, да в то ж число ее невидимо вдруг и не стала... А как де он, Кощеев, волшебство претворял, тогда был весьма горяч... и студен, яко мерзлой...»¹⁷

Среди распространенных в Западной Сибири в XVIII в.— 60-х годах XIX в. быличек встречаются и пересказы слышанного от других лиц — соседей, родных, знакомых. Это лишний раз подтверждает, что быличка, выступающая в роли свидетельского показания, является произведением фольклора. «Василий Кулаков сказывал,— повествовал крестьянин с. Худяковского Кузьма Мороков (Тобольский округ, 40-е годы XIX в.),— што ево леший вез парой». Любопытная, собственно сибирская деталь — леший предстал перед Кулаковым в образе «татарина»: «ду... устал и мненьем говорю: „Лешак возми попутчиков, днем их то дело попадают, а теперича нет ни одна“... Вдруг догоняет меня парин на паре и говорит: „Садись, довезу до Анцыной“... Ну, сяд я, ехали... Ехать, ехать [ехали], нет деревни, а нада бы проехать по версту верст 20-ть; вот я догадался, перекрестился, прочел воскресну и сижу на снегу... Вот лешак каков»¹⁸.

Можно проследить, как быличка при пересказе пополнялась новыми деталями. В 1848 г. священник с. Покровского Каинского уезда П. Шалабанов переслал в Географическое общество запись рассказа, который, судя по другим, приводимым Шалабановым данным, не раз фигурировал в его беседах с местными крестьянами. В основе рассказа — быличка, сообщенная жителем дер. Турумовской Ильей Белозеровым. Мальчик, возвращаясь домой из с. Покровского и, «не достигая до жительства своего двухверстного расстояния, своротил с трактовой дороги в сторону, к существующему в том месте болоту, для накошения травы... покосив травы ряда два, вдруг видит двух лошадей вороных, и россып и красотою таких отличных, каких он и от рождения своего не ви-

¹⁶ ТФ ГАТюО, ф. 156, 1744 г., д. 10, л. 1—11 об.

¹⁷ ТФ ГАТюО, ф. 156, 1751 г., д. 42, л. 22—22 об.

¹⁸ АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 3 об.— 7 об.

дал, видит их идущими прямо к нему. Так, dokonчив ряд и удивляясь такому чудесному явлению, обратился назад и видит двух чернагу вида человека. Сии люди, при произношении скверноматерских слов бросились к сему Илье и ударили его об землю. Таким образом, ~~ле~~ он на земле, видит неожиданного для себя защитника, белаго человека который, разогнав его обидчиков, накошенную им траву склал в телегу, притом и литовку, а, наконец, и самого хозяина Илью и отправив с ним в деревню Козловку, отстоящую от Турунки в 5-ти верстах. Достигнув поскотины... сей белый человек, вскочив с телеги, отворил ~~ва~~ рота и провел лошадей. При распрощении с Ильей говорил: „Илья! Если ты знал турумовскаго поселенца Осташку, который уже 7 лет находится в бегах, то молчи, не сказывай никому, я самый есмь Осташка, прощай!“ Сии две его лошади привезли Илью прямо в ограду его дедушки, деревни Козловой крестьянина Максима Белозерова...». Далее священник уже от себя продолжал, что отец Ильи обратился к нему с просьбой «читать и петь» над пострадавшим. «Я.. облачаясь в священную одежду, приступил к чтению и пению... Илья неожиданно для меня вдруг ударил в ладони и, остро посматривая в одно окно моего дома, закрывал: „Не туда ты пошел, ты пошел в Каинск, а надобно идти в Турунку, стой, обожди, и я скоро пойду с тобою вместе“. Я, усугубив трепещущий от испуга дух свой, продолжал свое дело. Мой Илья, вторично ударив в ладони, громогласно вскричал: „И я ушел“. С того времени зделался Илья здоровым...». Однако малолетние его братья и сестры, жившие с отцом в дер. Турумовской, по словам священника, «необыкновенно стали скричать и бояться даже выходить» из дома, потому что «везде, и во дворах, и в погребу, даже на крыше дома, видимы были нечистые духи в телесном, страшном для них виде, даже родителям своим пальчиками своими указывали на оных». Пришлось Шалабанову «читать и петь» и над ними¹⁹.

Данному жанру фольклора была присуща в определенной степени и функция развлекательная: былички охотно пересказывались и слушались деревенскими жителями в свободное время²⁰. В еще большей степени это относилось к бывальщинам. «...Вот еще чево сказывал Федча Таразан,— вспоминал один из жителей с. Худяковского.— Он сказывал, што в Байкале море... водятся фараоны. Однаж ефти фараоны разыгрались и утопили судно; вот жители ефтова места догадались — закинула невод и вытащили ефтих фараонов до 50-ти; человек совсем... голова, руки и все человеече... и ноги, только где лапы, тут срослось, и хвост рыбий. Вот ефти жители навязали прутьев и всех фараонов перестегали... и побросали в море... Опосля как рукой сняло, фараонов не стало, ушли в другое место». При этом главный интерес вызвала информативная сторона рассказа²¹.

Немало бывальщин было связано со свадьбой. Они главным образом служили средством передачи знаний о способах предотвращения «порчи» жениха и невесты. «У одной свадьбы завяз в колесах боров и визжит,— сообщали Г. Н. Потанину в одной из алтайских деревень,— посмотрят, ничего нет, пойдут — завизжит и затормозит. Дружка быличный, обратился к народу и говорит: „Господа, если вы не отпустите меня, я уеду от вас лихом!“ Народ молчит, смотрит, что будет. Дружка повторил до трех раз и, не получив освобождения, вынул саблю, начертил на земле человека и отрубил ему голову — у того, кто тормозил свадьбу, слетела голова»²². В другой бывальщине рассказывалось, как однажды «в избу, где была свадьба, вошел старик и залез на печку; но к нему подошел молодой детина, верно был дошлее его, и подчует его вином. „Нет, выпей ты наперед!“ — говорит старик. Детина выпил, и у него все зубы выпали в стакан, но он их сейчас назад в рот слотнул. Старику уже нельзя было отказаться; выпил и он, и у него зубы выва-

¹⁹ АГО, р. 62, оп. 1, д. 8, л. 4 об.— 7.

²⁰ Там же, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 5—8.

²¹ Там же, л. 7 об.

²² Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 144.

дилься, а детина выхватил у него стакан из рук, зубы положил себе в харман и сказал: „Ну, ты тут посиди, а мы поедем“»²³.

По степени распространенности к быличкам и бывальщинам, судя по сохранившимся источникам, были близки религиозные легенды. В них также действовали сверхъестественные силы и существа — бог, святые. Вымысел в легендах мог быть сознательным. Впрочем, так как речь идет о следственных делах, то иногда трудно определить, добровольное это или вынужденное признание из страха перед наказанием. В 1748 г., например, 19-летний житель Абатской слободы Ишимского дистрикта Иван Суханов заявил, что «по посылке камисара Березовского ходил он один днем в лес от слободы расстоянием с полверсты для резания ему, Березовскому, веников и, будучи в небольшом березнике, приехал к нему неведомо отколь на рыжем коне верхом в седле неведомо ж какой человек, весь в белой одежде... браны нет, лицом бел, молодолоик и на голове шапка небольшая белая ж, у одежды рукава длинные, и рук не видно,... конь весьма велик, и хвост по полу тогда волочился, чего де для он, Суханов, испужался весьма. И по приезде говорил ему, Суханову: „Бог на помочь де, молодец“. И он де, Суханов, взглянув, стал быть одержим великим страхом, понеже конь весьма велик и страшен, а человек на нем сидел... весь в белом одянии, и от того страха пал вничи на землю, и как лежал на земле, то де оной приехавшей к нему яко человек наказывал такие речи, чтоб он, Суханов, сказал в народе, не бранились бы люди матерно, ни черною немочью, ни пострелом и друг бы друга любили, скота бы не проклинали и в лес отпускали б благословясь. А ежели де будите впредь бранитца такую бранью, то весь скот у нас выпленю до копыта... и по выговоре тех слов... уехал». Эту легенду Суханов рассказал сначала своему комиссару Березовскому, затем ишимскому управителю и, наконец, «присутствующим» Сибирской губернской канцелярии. Лишь на допросе в консистории он признался, что «поленился» в тот день, когда комиссар посылал его в лес, «прогулял», а потом, «боясь наказания... вымыслил в отговорку сказать, будто он, Суханов, в лес ходил и якобы явился ему там некоторой в белом платье человек» — надо было объяснить, почему не принес он веники для комиссара²⁴.

Аналогичный случай имел место в 1750 г. в Верхсуерской слободе Ялуторовского дистрикта. Крестьянин Иван Орлов объявил «скаскою» в местной конторе, что «июля 9 дня... в обед... стоял он пред образы божии, молился и пал на землю, и явилась де ему, Орлову... пресвятая владычица наша богородица Муромская и рекла ему, чтоб он, Орлов, объявил во весь народ всем крестьяном, чтоб де они до Ильина дни... сен не косили и матерною бранью не бранились и не сертыхались, и платья б немецкого не носили, а носили б попрежнему платье старинное, и друг друга любили...». Но после неоднократных расспросов в разных инстанциях 50-летний Орлов признался, что придумал всю эту историю, так как «хотел тем пред своею братьею похвастать»²⁵. Важно указать на сюжетную близость рассказов Суханова и Орлова, свидетельствующую о том, что они слышали подобные легенды, и если что-то сами измыслили, то по определенной модели. Дополнительное доказательство содержится в документе из фонда Тобольской духовной консистории, датированном 1751 г. 23 июля в консисторию был доставлен («за караулом») житель дер. Портомойской Краснослободского дистрикта Леонтий Григорьев, сын Морев. В сопроводительной «промемории» сообщалось, что Морев «объявил» местным властям «некакое явление»: «...июля против 3 числа был он... на поле для боронбы пашни своей и усмотрел — стоит человеческим образом, а в руках у себя держит два камня, а у оных камней оба концы востряком, и назвал де его рабом». «Явившийся» приказал Мореву: «Сходи де ты ко священнику и скажи ему мое наказание, чтоб он при собрании мирском служил по

²³ Там же, с. 145.

²⁴ ТФ ГАТюО, ф. 156, 1748 г., д. 34, л. 1—5.

²⁵ ТФ ГАТюО, ф. 156, 1750 г., д. 151, л. 1—5.

вся пятницы молебны и матерскою бранию бранится не велел», а велел бы прихожанам «друг друга любить», предупредив, что если его пожелание не будет выполнено, то он всех «оними камнями» побьет. «И не велел де рубашек носить зборами», потом же «ударил... оними камнями сам себя в груди и велел притти вторично на то место незнамо для чего». Во второй раз все повторилось, причем «видение» приказало Мореву в пятницу, накануне праздника Ильи Пророка, снова «быть на то ж место».

Староста Дорофей Скакунов в целях проверки истинности рассказов Морева послал в намеченную пятницу крестьянина Ивана Зуева проследить, «явится» ли кто-нибудь в указанном месте. Зуев шел по следам Леонтия, «например, во сте саженьях»; чтобы «ево, Зуева, он, Леонтей, не видал». «Чуда», однако, на этот раз не произошло. Морева отправили в Тобольск. На всех допросах он упорно твердил, что «видение» ему действительно было, за что и поплатился ссылкой в работу Ивановский Межигорский монастырь²⁶. В данном случае Леонтий рассказал то, что ему привиделось. Интересен факт повторения сюжетной основы.

Легенды рассмотренного типа рассказывались в западносибирской деревне и в первой половине XIX в. Н. Черняковский, составивший в 1842 г. статистическое описание Ишимского округа, пишет, в частности: «Года за три пред сим были рассеиваемы слухи о видении или явлении... какой-то женщине, чтобы не употреблять синяго цвета, не есть свинины, не сеять картофеля и т. п.»²⁷.

Основное функциональное назначение легенд сводилось, судя по их содержанию, к передаче определенных нормативов поведения, утверждаемых авторитетом святого. Однако уже в XVIII в. легенды, по-видимому, не всегда воспринимались крестьянами в этом их значении. Отсюда, кстати, и допустимость сознательного вымысла в них. Объяснение, видимо, надо искать в невыполнимости основной установки, диктуемой легендой о «видении»: всем любить друг друга, носить только старинное платье, не произносить ругательства. И все же нельзя считать, что легенды вообще утратили в рассматриваемый период «прикладной» характер. В этом убеждает знакомство с типичным сказанием об иконе «Божией матери» (сюжет, широко распространенный по всей территории расселения русских), записанное в 1858 г. от стариков — жителей с. Ярского Томской губернии. Они «слышали от предков», что однажды на черемуховом дереве был обнаружен «образ Введения во храм Пресвятой Богородицы». Нашедшие икону крестьяне спустили ее в р. Томь «за версту выше селения, но вернувшись, увидели икону на том же дереве. Снова спустили ее на воду и снова нашли ее на дереве. Наконец, в третий раз отошли от селения вниз по течению реки примерно на полверсты и спустили ее с берега так, что икона в виду их поплыла по воде. Однако ж по возвращении опять нашли святую икону на прежнем дереве. Удостоверившись этим чудом в явлении иконы, жители исходатайствовали у тогдашнего духовного начальства разрешения на постройку часовни в честь явления Божией матери». Одновременно они выбрали из своей среды человека и отправили его с «явленным образом» в Восточную Сибирь для сбора средств на постройку часовни. Однако в пути сборщик заболел и умер. Во сне хозяину дома, где это произошло, «явилась... девица в белом одеянии» и попросила доставить икону, с которой путешествовал сборщик, в церковь священнику. Затем та же «девица» явилась во сне священнику, приказав ему переправить образ в с. Ярское, что также было исполнено. «По принесении иконы устроена была на месте явления ея часовня и, наконец, церковь».

Легенда имела свое продолжение. В 1854 г. «проезжали из России четырнадцать человек крестьян на золотые прииски. Одному из них в селе Болотном явилась во сне Пресвятая Богородица в виде девицы в

²⁶ ТФ ГАТюО, ф. 156, 1751 г., д. 118, л. 1—12.

²⁷ Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии. — Журнал Мин-ва внутренних дел, 1843, ч. 2, с. 241.

белой одежде и просила его приложить от своих трудов явленной иконе». Однако крестьянин пренебрег указанием и вместе со своими товарищами отправился в дальнейший путь. «За деревней Мальцевой, — рассказывали яркие старожилы, — ночью встретила ему в яве Божия Матерь и сказала: „Доедешь до деревни Адаевской, там есть старик, у которого поставлен ящик для сбора денег к Ярской Введенской церкви, которая сгорела. Непременно приложи от трудов своих в ящик“. По объявлении сего товарищам и по прибытии в деревню Алаевскую они, не зная дома, остановились на улице. И вот со двора вышла к ним девушка в белой одежде и пригласила их на квартиру. Когда они рассказали об этом хозяину, он удивился, потому что бывшая у него девушка не выходила, а сидела за пряжею, да и проезжие сказали, что это не та, а выходившая была красивого лица и высокого роста. Когда вошли они в дом и увидели в переднем углу ящик для сбора явленной иконе, то назвали хозяина Богоносцем и щедро от радости и усердия положили в ящик деньги и отправились в дальнейший путь»²⁸.

Легенды о чудотворных иконах были популярны среди крестьян Западной Сибири, как, впрочем, и всей России, в частности, потому, что в них отразились и реальные детали исторического прошлого, хотя и в причудливом сочетании с элементами вымысла. Вообще интерес к прошлому у местных хлебопашцев и промысловиков был очень значительным. Проявлялся он в разных формах. «В Пермской и Тобольской губернии, — писал П. И. Небольсин, — нет зажиточного дома, в котором бы не висело Ермакова портрета, или на холсте, или на дереве, а большею частью на железе, на подносах»²⁹. Крестьяне гордились делами своих предков. «Наши старики разя промах были, — говорил житель с. Худяковского Афанасий Мороков, — сказать ли словца не умели, али сделать чево не смекнули, разя ума у них не доставало...?»³⁰. Они хранили старинные бумаги, доставшиеся по наследству, составляли родословные своих «фамилий»³¹. Сохранению памяти о событиях прошлого, воспитанию в детях интереса к истории служил и фольклор.

Существенную роль в передаче исторических знаний играли мемораты — устные воспоминания очевидцев. В январе 1826 г., например, чиновник Найденев встретился в с. Пелым с одним из таких интереснейших рассказчиков — 130-летним крестьянином Антоном Васильевым Казанцевым. «Память и чувства по летам его удивительны, говорит весьма твердо» — так характеризовал Казанцева Найденев. «Почтенный старец помнил еще бывших в городе Пелыме воевод: Патера, Страхова, Зубатова и последнего — Путилова... помнил, как были сосланы в Березов князья: Меншиков, Долгорукий, когда привезен был в Пелым граф Миних и другие. Вспоминая царствование Анны Иоанновны, Казанцев говорил о Бироне, называя его жестоким мучителем рода христианского...». Особенно много историй поведал старый крестьянин чиновнику о пребывании Миниха в Пелыме»³².

Передаваясь от поколения к поколению, мемораты становились историческими преданиями. Во многих преданиях рассказывалось об основании деревень и острогов, о переселении предков в Сибирь, о появлении того или иного крестьянского рода в данном селении, хозяйственных занятиях сибиряков в прежние времена³³. Особый цикл составляли предания, отразившие историю классовой борьбы крестьянства. «Любят еще старики потешать себя и молодое племя рассказами» о пугачевщине, — констатирует священник Т. Успенский в отношении хлебопашцев Шадринского уезда. «Редкая беседа старых людей обойдется

²⁸ Вышегородский В. Сказание о святой иконе Божией матери в селе Ярском Томской епархии. — Томские епархиальные ведомости, 1889, № 11, с. 1—3.

²⁹ Небольсин П. И. Замётки на пути из Петербурга в Барнаул. — Отечественные записки, 1849, т. 64, № 5—6, с. 10.

³⁰ АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 4—4 об.

³¹ См. Лопарев Х. Самарово село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Спб., 1896, с. 33, 209 и др.

³² Воспоминания сибирского старожила. — Маяк, 1842, т. 2, № 4, с. 85—89.

³³ См.: Лопарев Х. Указ. раб., с. 209; Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 152. Слобода Такмыцкая, с. 20.

без ссылки на эту памятную эпоху»³⁴. Популярны были предания и о местных «разбойниках» — вождях угнетенного народа: Селезневе, Ситникове, Белоусовых и др.³⁵

Немаловажную роль в передаче знаний о прошлом в Западной Сибири XVIII в.—60-х годов XIX в. играли былины и исторические песни, тексты которых дошли до нас благодаря Сборнику Кирши Данилова и записям С. И. Гуляева³⁶. Сибирское происхождение текстов сборника С. И. Гуляева ни у кого не вызывает сомнений — сам собиратель оставил убедительные доказательства тому, что записывал свои былины и исторические песни от алтайских крестьян³⁷. Существование на Алтае русской эпической традиции подтверждается и Г. Н. Потаниным: «Старинными песнями,— писал он в 60-х годах XIX в. о юго-западе Томской губернии,— называют здесь те, которые выходят из употребления и известны только записным охотникам до песен; в этом отделе смешаны песни разных родов; сюда также относятся и былины»³⁸. Специалистам еще предстоит разобраться в том, почему во второй половине XIX в. русский эпос на Алтае исчез, но несомненно, что в рассматриваемый нами период он там широко бытовал.

Сборник Кирши Данилова, по мнению большинства исследователей, был составлен в 40—60-х годах XVIII в. в одном из юго-западных районов Сибири, примыкающих к Приуралью. «Материал Сборника,— утверждает Б. Н. Путилов,— несет на себе ясную печать сибирского происхождения»³⁹. Дополнительным подтверждением «сибирской» версии может служить тот факт, что в XVIII в. в приуральских районах Сибири фамилия Данилов встречалась часто, кроме того, здесь существовала традиция оканчивать некоторые имена собственные на «ша», «ча» (Ваньша, Федча и пр.)⁴⁰. О бытовании былин в сибирском Приуралье писал в 1804 г. Н. Попов. Около 1637 г., по его словам, внесены в здешние места «многия ироическия песни,— автор оговаривается в примечании — либо и здесь вымышлены, (кои обыкновенно поют старички старинными стихами, развеселившись), в которых довольно сильно изображается благоденствие России под правлением Владимира Великого, описываются многие российские славные воины под именем богатырей, побиение в Твери Щелкана, преславная победа В. К. Дмитрия Ивановича Донского над Мамаем; не забыт тут и остроумный посланник первого. Особливо ж воспето довольно великолепно посольство от Ермака Тимофеева с сороками сороков черных соболей осистых бобров и бурнастых лисиц к царю Иоанну Васильевичу...»⁴¹.

На Алтае, по замечанию С. И. Гуляева, также очень популярными были «поэмы о великом князе Владимире Святославиче и подвигах сильных, могучих богатырей его времени». Алтайский краевед первым указал на сходство многих бытующих здесь былин и исторических песен с теми, которые вошли в Сборник Кирши Данилова⁴². Гуляев сооб-

³⁴ Успенский Т. Указ. раб., с. 37.

³⁵ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 151; Мамсик Т. С. Побег как социальное явление (Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е годы XVIII в.). Новосибирск, 1978, с. 188—189.

³⁶ См. Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939.

³⁷ Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях.— Отечественные записки, 1839, т. III, № 5, с. 55—56; Азадовский М. К. Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае.— Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978, с. 118—139; Липец Р. С. Научное наследие С. И. Гуляева как этнографа и фольклориста.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. В. II. М.: Наука, 1963, с. 38, 49.

³⁸ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 91.

³⁹ Путилов Б. Н. Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике.— В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977, с. 374.

⁴⁰ См.: ЦГАДА, ф. 214, кн. 1539, л. 6, 12 и др.; АГО, р. 61, оп. 1, д. 10, л. 7 об.; д. 23, л. 75 об.

⁴¹ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. I. Пермь, 1804, с. 231.

⁴² Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях, с. 55—57; Азадовский М. К. Указ. раб., с. 128—129, 134.

дает нам имена некоторых выдающихся хранителей русского эпоса на Алтае — это Семен Иванович Божин. Иван Максимович Калистратов, Леонтий Тупицын. В частности, Леонтий Тупицын, по словам собирателя, унаследовал свой репертуар от отца, который с свою очередь передавал его от своего отца⁴³. Былины, таким образом, передавались из поколения в поколение. Причем сибиряки бережно и ревностно относились к этому своему достоянию.

Былины, предания, исторические песни поддерживали в сознании сибирского крестьянина представление о его этнической и культурной общности с населением Киевской и Московской Руси. «Исключительная сохранность традиционного народного творчества на Алтае,— пишет Р. С. Липец,—...объясняется также, возможно, стремлением переселенцев сохранить свою этническую, национальную сущность»⁴⁴.

Отзвуки отдельных исторических фактов можно найти в преданиях о кладах. Например, Н. Абрамов записал в середине XIX в. в Курганском округе предание о Царевом кургане — земляной насыпи, располагавшейся в версте от Царева Городища: «...В древности имел свой юрт некоторый знаменитый из татарских ханов. В семействе его отличалась необыкновенною красотою дочь. Судьбе угодно было в юности прекратить жизнь ея. По смерти отец похоронил милое дитя вблизи своего жилища и над могилою приказал насыпать высокий курган». Причем этот курган, по сообщению местных жителей, «с незапамятных времен был разрываем кладоискателями». И однажды «погребенная под Царевым курганом царица, не могшая выносить нарушения ея покоя, принуждена была оставить свою могилу. В одну летнюю полночь, когда кладоискатели разрывали курган, вдруг из глубины его, на окованной серебром колеснице, запряженной двумя большими лошадьми, показалась девица, красавица с распушенными волосами, в блестящем разными камнями головном уборе и богатейшем татарском платье. Она мгновенно пронеслась к западу и вместе с колесницею утонула в глубине Чухломского озера»⁴⁵. Предания о кладах популярны были также на Алтае и в Шадринском уезде⁴⁶. Причем крестьяне вовсе не расценивали рассказы об удачливых кладоискателях как сказку. Нередко, наслушавшись подобных историй, «молодой парень, смельчак,— пишет шадринский священник Т. Успенский,— решается сам попытать счастья и, выбрав темную ночь, идет рыться в курганах. Но напуганный собственным воображением, а иногда и шутниками-товарищами, искатель кладов с разстроенными чувствами, волосами, вставшими дыбом от страха, бежит домой — не с деньгами, а с новым рассказом об ужасах, которые он вытерпел и которые он преувеличивает донельзя для показания своей личной храбрости. Слушатели храбреца-кладоискателя еще раз убеждаются в том, что клады точно есть, но охраняются нечистою силою»⁴⁷.

С такой же степенью доверия относились крестьяне к рассказам о сожительстве женщин с чертями и медведями; о проделках «суседки» (домового), кикимор и «вещиц» (ведьм); к заговорам, исполненным зачастую неподдельной поэзией («Стану я, раб божий... благословясь, пойду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в восточную сторону, в чисто поле, под красно солнце, под светел месяц, под часты звезды...») ⁴⁸.

В произведениях крестьянского фольклора давалось и объяснение различных природных явлений. Уроженец с. Сузунского А. Широков вспоминал землетрясение, бывшее в его краях в 1829 г. Деревенская

⁴³ Там же.

⁴⁴ Липец Р. С. Указ. раб., с. 47.

⁴⁵ Абрамов Н. Слобода Царево-Городище до переименования ее городом Курганом Тобольской губ.— Вестник РГО, 1854, ч. II, с. 100—101.

⁴⁶ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 148. Успенский Т. Указ. раб., с. 36—37.

⁴⁷ Успенский Т. Указ. раб., с. 37.

⁴⁸ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 143, 147; АГО, р. 61, оп. 1, д. 29, л. 14 об.— 15.

традиция связала это событие с тем, что «идет комета Меркулей, которая в несколько раз обширнее солнца; она будет проходить мимо его, и, если Бог не потерпит грехам народа, Меркулей заденет за солнце, солнце упадет и опрокинет землю. А если комета пройдет благополучно, то землетрясение все-таки каждый год в этот самый день будет повторяться, пока, наконец, земля провалится...»⁴⁹. Фантастическое предсказание было воспринято крестьянским сознанием как вполне реальное. В ожидании прохождения «Меркулея» мимо солнца «всякий оставлял свои дела и работы,—вспоминал Широков,—и старался посвятить краткий остаток жизни занятиям душевспасительным. Женщины... спешили каждый день в церковь... Молодые девушки постились и, исповедуя грехи свои отцу духовному, изъявляли пламенное желание сподобиться приобщения святых тайн... Какая повсеместная тишина водворилась на всем пространстве... Прекратились междоусобия и распри: самые закоренелые враги сделались искренними друзьями... Так прошла неделя, другая, потом мало-помалу начало приходить все в прежний порядок... Прошел месяц, другой, и грешная жизнь снова закипела с всеми безчисленными прихотями и страстями»⁵⁰.

К. В. Чистовым хорошо выявлено функциональное назначение легенд о «далеких землях», которые широко бытовали в XVIII в.—60-х годах XIX в. и в деревнях Западной Сибири. Особенно популярной была легенда о Беловодье⁵¹. Результат коллективного творчества — социальные утопии об «обетованных» землях воспринимались народным сознанием как призыв к действию и стимулировали такую форму антифеодального протеста, как бегство.

Обрядовый фольклор — семейный и календарный — составлял неотъемлемую часть обрядов. От XVIII в.—60-х годов XIX в. дошла масса записей свадебных песен (величальных, корильных, лирических) и приговоров⁵². Фольклор, входивший в состав родильно-крестильного и похоронно-поминального обрядов в источниках рассматриваемого времени представлен слабо.

Крестьянские календарные праздники, помимо собственно календарной поэзии (колядок, рацей и пр.), сопровождались и необрядовыми лирическими песнями, широко бытовавшими в западносибирской деревне феодального периода⁵³. Многие из этих песен выполняли чисто эстетическую функцию. Кстати, Г. Потанину на Иртыше рассказали, как экспромтом родилась одна из песен. «В одной деревне была вечерка,—передает Потанин,—шли воры крестьяне, один из них музыкант; музыкант вошел в избу и предложил поиграть для компании, а его товарищи остались на дворе и стали шарить по амбарам. Нашли много добра, но во что положить, не знают, а на дворе сушились бабьи рубахи; вот музыканту и пришла мысль заменить мешки рубахами, он и пропел свое предложение громко, чтоб услышали на дворе:

Уж вы, глупые крестьяне,
Неразумны мужики,
Еще бабья-то рубаха
Не тот же ли мешек?
Рукава-то завяжи
Да что хошь положи»⁵⁴.

Таким образом, даже на основе сохранившихся записей можно заключить, что в западносибирской деревне XVIII в.—60-х годов XIX в.

⁴⁹ Широков А. Землетрясение.— Маяк, 1844, т. 17, с. 60—63.

⁵⁰ Там же, с. 63—64.

⁵¹ См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды, с. 239—294; Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 150.

⁵² См.: АГО, р. 61, оп. 1, д. 23, 29; р. 62, оп. 1, д. 8; Гуляев С. И. Этнографические очерки южной Сибири.— Библиотека для чтения, 1848, т. 90, с. 1—45 и др.

⁵³ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 60—81; Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях, с. 57—71.

⁵⁴ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии..., с. 61.

существовали самые различные жанры фольклора. Местное крестьянство, с одной стороны, бережно хранило то культурное достояние, которое было принесено за Урал из Европейской России, а с другой — само создавало новые художественные произведения. Фольклор у сибирских крестьян, как и повсюду, был полифункционален, но в значительной группе жанров преобладали внеэстетические его функции. Главное назначение подобных фольклорных произведений оказывалось чисто практическим и сводилось к передаче определенных знаний, нормативов поведения, воспитанию соответствующих черт поведения и свойств характера в молодом поколении. В сущности все это в прошлом было присуще фольклору любого народа, любой социальной группы. Специфика же заключалась в самом содержании передаваемых знаний, правил, норм и в отношении к ним сибирских хлебопашцев и промысловиков. Последнее определялось характером крестьянского общественного сознания, всего уклада деревенской жизни.

[А. Д. Грач], И. Б. Молдобаев

ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕМ ИНСТРУМЕНТЕ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

В 1971 г. в Туве у впадения р. Хемчик в Енисей проводилась раскопки Саяно-Тувинской археологической экспедицией АН СССР. В могильнике Хемчик-Бом II енисейских кыргызов (IX—X вв.—погребения с трупосожжениями в центре каменных округлых наземных сооружений) одним из авторов, А. Д. Грачом, был найден предмет, представляющий из себя железный стержень диаметром приблизительно 0,5 см, длиной 14—15 см. Он был помещен в костяной футляр. Наружный конец стержня выступает из футляра на 1—2 см; он закруглен и имеет отверстие (рис.). По всей видимости, предмет привязывали к поясу. Обе стороны футляра украшены орнаментом, характерным для прикладного искусства кыргызов. Первоначально назначение найденного предмета не было определено. Однако привлечение кыргызских историко-этнографических параллелей позволило авторам прийти к выводу, что загадочная находка является древним инструментом народной медицины — стрелоискателем.

Стрелоискатель многократно упоминается в кыргызском фольклоре, особенно в героическом эпосе. В последнем можно найти немало строк, посвященных кровопролитным сражениям, и ситуациям, складывавшимся после них. Очень часто в таких случаях описываются приемы лечения ран народными лекарями. При этом иногда упоминаются хирургические инструменты, в том числе и стрелоискатели. Так, в одном из вариантов кыргызского героического эпоса «Жаныш и Байыш» говорится:

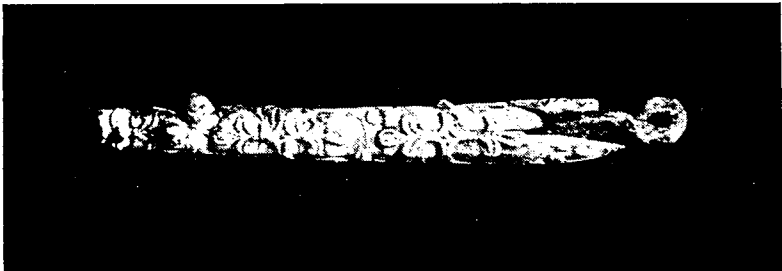
Баатыр Жаныш балага
Алдырып келди алыстан
Карыпчы кара табыпты.
Тинтүүр салып тинткйлеп
Ойногон окту табыпты¹.

Храброму джигиту Жанышу
Издадека привели
Одного бедного лекаря.
Стрелоискателем искали
И застрявшую стрелу достали².

В этих строках упоминается хирургический инструмент под названием «тинтүүр». Хотя в кыргызско-русском словаре это слово перево-

¹ Жаныш и Байыш. Сказитель О. Урмамбетов.— Рукоп. фонды Института языка и литературы АН КиргССР, инв. № 5186, с. 198.

² Эти строки и последующие примеры из эпоса кыргызского народа даны в переводе И. Б. Молдобаева.



дится как ланцет³, на наш взгляд, «тинтүүр» следует переводить как «стрелоискатель», так как корень этого слова «тинт» означает «отыскивать»⁴. К тому же в словаре есть еще одно слово, которое переводится как «ланцет» — это «аштар» или «наштар»⁵. Приведенные выше строки из эпоса «Жаныш и Байыш» подкрепляют этот перевод.

Сведения об указанном инструменте имеются и в других произведениях киргизского героического эпоса, и особенно в «Манасе».

Тинтүүр менен турткулеп
Бекиген окту копшутуп,
Сом этине калды деп,
Чыкпай туруп алды деп,
Аштар алып колуна
Тилип жаткан андан кеп⁶.

Стрелоискателем кололи
Сдвигая с места застрявшую стрелу,
Подумав, что она осталась в теле,
И, опасаясь, что ее трудно извлечь,
Взяв в руки ланцет аштар,
Стали резать.

По данным О. Урмамбетова⁷, тинтүүр (стрелоискатель) изготовлялся из стебля чия⁸ и таволги⁹, а также из металлической (в том числе золотой и серебряной) проволоки толщиной примерно в стебель чия. По словам информатора, длина его обычно колебалась в пределах 15—20 см. Конец проволоки скруглялся, а если инструмент изготовлялся из стебля растений, то на конце его прикрепляли какой-нибудь круглый предмет, обычно выпуклую маленькую пуговицу. Это делалось для безболезненного ввода инструмента в отверстие раны. Инструментом выполняли довольно простые, но важные манипуляции: им отыскивали стрелу или обломки от наконечников стрел в теле раненого. Попутно определяли глубину проникновения этих предметов и расшатывали их, чтобы облегчить их извлечение.

В одном из рукописных вариантов эпоса «Манас» нами обнаружены строки, судя по которым, стрелоискатель был сделан из свинца или свинцовой проволоки:

Сооко жакып ок бар деп
Коргошун тинтүүр кылышып,
Турткулошуп сайгылап
Бийлеп жаткан андан коп¹⁰.

Угадав, что стрела застряла у костей,
Изготовили стрелоискатель из свинца.
Таких, которые кололи и ковырялись,
Было еще больше.

³ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь (далее — Киргизско-русский словарь М., 1965, с. 737.

⁴ Там же, с. 737.

⁵ Там же, с. 554.

⁶ Цит. по: Мусаев С. Сагымбай Манасчы жана анын варианты жонундо (О Манахи Сагымбае и его варианте). — В кн.: Манас. По варианту Сагымбай Орозбак уулу. Кн. I (на кирг. яз.). Фрунзе: Кыргызстан, 1978, с. 287.

⁷ О. Урмамбетов (1928—1980), уроженец с. Карал-Добо Иссык-Кульского района КиргССР. Был ветеринарным врачом и одним из ревнивых хранителей эпической традиции киргизского народа.

⁸ Чий — высокая жесткая трава, стебли которой идут на изготовление циновок. Киргизско-русский словарь, с. 861.

⁹ Тавылгы — таволга, спирея, кустарник с очень крепкой древесиной. — Киргизско-русский словарь, с. 686.

¹⁰ Манас. Сказитель Сагымбай Орозбак уулу (на кирг. яз.). — Рукоп. фонд Ин-та яз. и лит. АН КиргССР, т. II, инв. № 572, с. 516.

Таким образом, найденный в ходе археологических раскопок в Туве загадочный предмет, бытовавший у енисейских кыргызов в конце I тысячелетия н. э. и рассматриваемый нами как стрелоискатель, нашел отражение в киргизском фольклоре, в особенности в героическом эпосе киргизского народа.

Т. К. Ходжайов

**ДИНАМИКА АРЕАЛОВ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ТИПОВ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(неолит — начало XX в.)**

Многолетние исследования современного населения Средней Азии, проведенные Л. В. Ошаниным, позволили ему выделить несколько местных и пришлых антропологических типов. Три антропологических типа, а именно раса Среднеазиатского междуречья, восточная ветвь средиземноморской расы и южносибирская раса, характеризуют местное население и соотносятся с определенной территорией. Юго-западные районы заняты туркменами, которым присущ комплекс признаков восточной ветви средиземноморской расы. Территория между Амударьей и Сырдарьей, известная по средневековым письменным источникам как Мавераннахр, заселена узбеками и таджиками, относящимися к расе Среднеазиатского междуречья. От казахстанских степей на западе до Южной Сибири, а также в Приаралье живут казахи, киргизы и каракалпаки — представители южносибирской расы; последние имеют в составе заметную примесь элементов расы Среднеазиатского междуречья и восточносредиземноморской расы. Казахи как по краниологическим признакам, так и по данным новых соматологических и генетических исследований на всей территории расселения характеризуются исключительной однородностью. Киргизы, отличающиеся в основном комплексом признаков южносибирской расы, имеют локальные различия, выражающиеся наличием у них признаков расы Среднеазиатского междуречья в западных районах, граничащих с Ферганской долиной, и примеси центральноазиатского типа — в северо-восточных. Ареал европеоидного населения (туркмены, узбеки и таджики) также обнаруживает локальные расовые различия. Так, таджики, живущие в северной части Таджикистана, более гиперморфны и ближе к узбекскому населению, чем в южной части. Туркмены характеризуются преимущественно относительно узким и высоким лицом и долихо- или мезокефальной формой головы. Однако население некоторых южных районов Таджикистана отличается исключительной грацильностью и сравнительно низким лицом при узком строении. Узбекское же население, в целом относительно однородное, также имеет локальные варианты, различающиеся главным образом степенью выраженности монголоидных черт.

С помощью географической изменчивости признаков, теоретические принципы изменения которой были сформулированы Е. М. Чепурковским в 1913 г., стало возможным выделить на краниологическом материале те же морфологические комплексы, о которых говорилось выше.

Большой научный интерес представляет выяснение динамики ареалов формирования основных антропологических типов в Средней Азии на протяжении последних 6—8 тыс. лет. Анализ имеющегося краниологического материала, охватывающего период с эпохи мезолита до современности и состоящего из более 250 краниологических серий, сгруппирован на основе их хронологии по нескольким историческим периодам.

Для каждого исторического периода сделана попытка выделить комплексы расовых и морфологических признаков. Ареалы распростране-

ния различных комплексов даны по историческим периодам и нанесены на карту только на основании наличного материала. В работу не включены карты ареалов антропологических комплексов для эпохи неолита и XIV—XVII вв. В первом случае карты не даны потому, что материал представлен единичными черепами, во втором — основной материал получен из западной части Средней Азии и может дать представление лишь об антропологических комплексах Западной Туркмении, тогда как по центральному и восточному районам имеются единичные серии. Однако в тексте оба периода освещены, насколько это возможно. Последующее изложение опирается не только на оригинальные материалы, впервые вводимые в научный оборот, но и на достаточно многочисленные краниологические коллекции, изученные другими исследователями.

Эпоха неолита (V—III тысячелетия до н. э.): Население Средней Азии относилось к различным вариантам европеоидной расы. Долихокранный вариант, с относительно крупными размерами черепной коробки, узким и высоким лицом, четко выделялся у неолитического населения восточной части предгорной равнины Копетдага. Грацильный вариант, существенно отличающийся от предыдущего значительно более узким и низким лицом, преобладал у обитателей западной части предгорной равнины Копетдага. Однако из-за малочисленности краниологического материала мы не можем антропологически противопоставлять неолитическое население западной и восточной частей Средней Азии. Население неолитической гиссарской культуры характеризуется долихокранным малодифференцированным комплексом, в котором сочетаются кроманьонские и евро-экваториальные (средиземноморские) черты. Население кельтеминарской культуры главным образом обладало комплексом признаков протоевропейской расы с некоторым участием средиземноморского.

Эпоха энеолита и бронзы (III—II тысячелетия до н. э.) (рис. 1). Обзор географического распределения краниометрических признаков позволяет выделить на территории Средней Азии два основных европеоидных пласта. На юге Средней Азии жили носители комплекса признаков средиземноморской расы, а на севере — представители протоевропейской расы. Наибольшее внимание при дефиниции рас было уделено ширине лица и массивности черепа: широколицые массивные варианты относятся к протоевропейскому типу, узколицые грацильные — к средиземноморскому.

Протоевропейский тип был представлен андроновским вариантом. В составе комплекса признаков, именуемого средиземноморским или, вернее говоря, восточносредиземноморским, нами выделено три восточносредиземноморских варианта — I, II и III. Эти три варианта нельзя назвать локальными, так как они имеют очень расплывчатые ареалы. Вариант восточносредиземноморский I объединяет далеко расположенные друг от друга серии из Карадепе, Геоксюра в Южной Туркмении и серию из Сялка в Центральном Иране. В восточносредиземноморский II включены серии из Алтындапе в Южной Туркмении, Сапаллитепи и Джаркутана в Южном Узбекистане, Маконимора и Тигровой Балки в Южном Таджикистане. В эту же группу попадают малочисленные черепа из Заманбабы, Дальверзина, Чуста и Молали в Узбекистане, Намзагадепе и Серахса в Южном Туркменистане. К варианту восточносредиземноморский III относятся серии из Раннего Тулхара, а также единичные черепа из Тахирбая 3 и курганов Красноводского полуострова — Караэлематасай и Патмасай. Однако эти варианты восточносредиземноморской расы имеют достаточно четкое морфологическое содержание, отличаясь друг от друга горизонтальными диаметрами и особенно высотой черепной коробки, шириной лобной кости, размерами лицевого скелета. Таким образом, в пределах восточносредиземноморского комплекса признаков можно выделить ряд морфологических комбинаций, присущих отдельным группам популяций эпохи энеолита и бронзы.

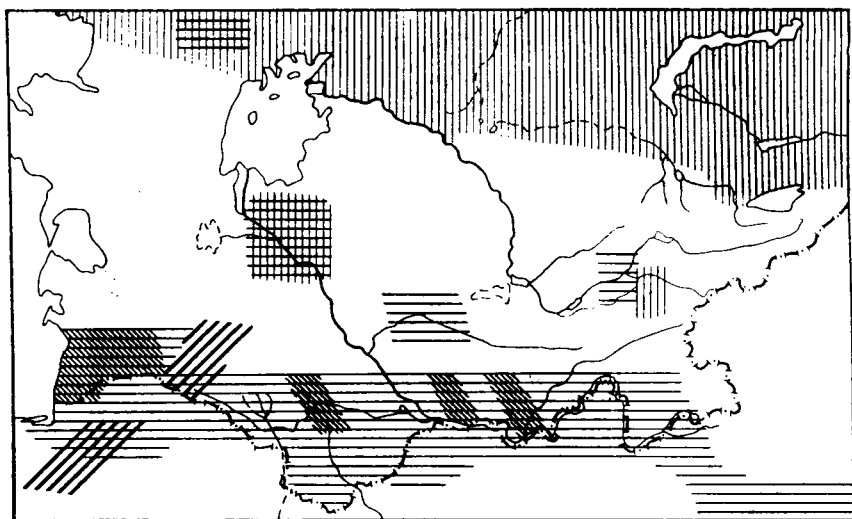


Рис. 1. Антропологические типы Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы. 1 — андроновский тип; 2 — средиземноморский I тип; 3 — средиземноморский II тип; 4 — средиземноморский III тип

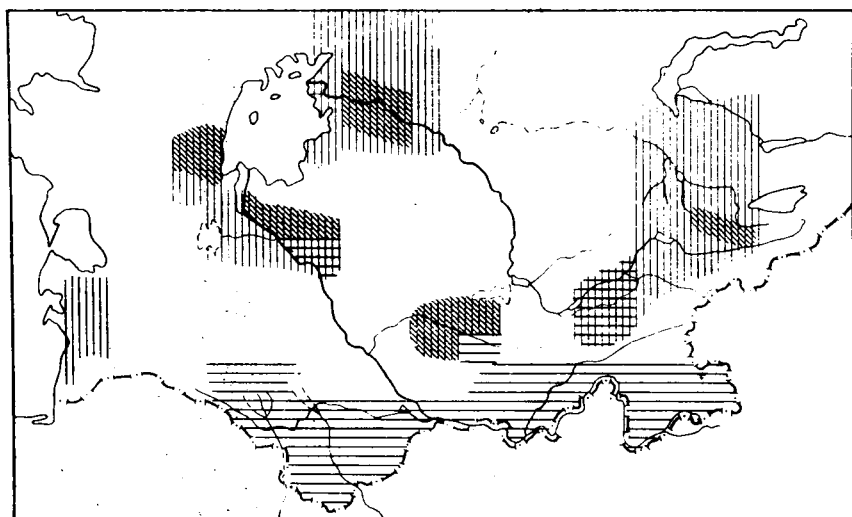


Рис. 2. Антропологические типы Средней Азии в эпоху раннего железа и сакское время. 1 — мезокефальный европейский тип; 2 — мезобрахикранный монголоидный тип; 3 — средиземноморский тип

Эпоха раннего железа (VIII—III вв. до н. э.) (рис. 2). Население Средней Азии в это время было ираноязычным и разделялось по хозяйственному укладу на земледельцев и кочевников. Первые занимали главным образом северные и северо-восточные районы Средней Азии, а вторые — южные и центральные. В этот период можно выделить три группы населения с различными комплексами признаков. Долихомезокранное европейское с узким и средневисоким сильно профилированным лицом должно быть отнесено к восточной ветви средиземноморской расы, ареал которой в полной мере повторяет тот, который установлен для эпохи энеолита и бронзы. Мезокефальный европейский в какой-то мере напоминает андроновский и, несомненно, генетически

связан с населением северных районов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири. Он локализован в районе Приаралья, Восточного Прикаспия, степной части Зеравшанской долины, на Тянь-Шане и Алае. Мезобрахикранный монголоидный встречается среди населения Средней Азии в виде примеси, и удельный вес его невелик. Выявлено три района концентрации его: в Центральном Мавераннахре, на крайнем северо-западе и на северо-востоке Средней Азии.

Эпоха античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) (рис. 3). Анализ географии признаков позволяет выделить две группы населения по размерам черепной коробки: западную и восточную. Первая из них мезобрахикранная с большими размерами продольного, поперечного и высотного диаметров сосредоточена в западных районах Средней Азии и представлена как оседлыми, так и кочевыми, полукошевыми и скотоводческими племенами. Вторая группа характеризуется брахикранией и сконцентрирована в северо-восточных областях. Население западной части Средней Азии, характеризующееся европеоидными чертами, не является в расовом отношении однородным. Граница расселения южных средиземноморских и северных степных европеоидных мезокефальных форм в это время нарушается. Представители средиземноморского типа из южных областей продвигаются в северные, в то же время представители мезокефального европеоидного типа начинают интенсивно проникать из северных областей Средней Азии в южные.

Эпоха раннего средневековья (VI—IX вв.) (рис. 4). На территории Средней Азии в этот период выделяются три комплекса признаков с определенным ареалом. Южносибирский тип распространен на северо-востоке Средней Азии (Семиречье, Таласская и Чуйская долины). Небольшое число представителей этого типа проникает и в западные области (Ташкентский оазис, район Мерва, Западная Усрушана и Хорезм). В центральных областях, на территории Зеравшанской и Кашкадарьинской долин, частично в Хорезме и в Южной Туркмении распространен европеоидный вариант с грацильным строением черепа. Он генетически связан с вариантом восточносредиземноморский II эпохи бронзы. Третий, европеоидный комплекс сосредоточен на территории Южной Туркмении, Хорезмского оазиса и верховьев р. Зеравшан. Этот мезо-брахикранный, высоколицый, узко- или среднешироколицый вариант является промежуточным между восточносредиземноморской расой и расой Среднеазиатского междуречья. Он ярче выражен у населения Центрального Мавераннахра, нежели у жителей Хорезмского оазиса.

Эпоха развитого средневековья (X—XIII вв.) (рис. 5). Анализ географической изменчивости признаков позволил выделить несколько комплексов. Довольно четко выделяется комплекс признаков южносибирского типа на севере, северо-востоке и на крайнем северо-западе Средней Азии. На северо-востоке изучаемого региона в виде островков в городах сосредоточено население, которое значительно отличается от представителей южносибирского типа европеоидными особенностями. В южных и центральных областях локализуются два европеоидных комплекса: брахикранный грацильный, видоизмененный вариант восточносредиземноморский II и мезо-брахикранный вариант с высоким и узким лицом, напоминающий восточно-средиземноморский I тип. В это время на большой территории распространяется комплекс признаков расы Среднеазиатского междуречья, известный с последних веков I тысячелетия до н. э. К этому комплексу относится ряд серий из Хорезма, Чача, Южного Казахстана, Ферганы, Таласской и Чуйской долин, т. е. представители его по-прежнему занимают в основном северные районы Средней Азии.

Эпоха позднего средневековья (XIV—XVII вв.). В расовом отношении население Средней Азии по сравнению с домонгольским периодом существенных изменений не претерпевает. Характерный для более древнего населения долихо-мезокранный восточносредиземноморский тип в наиболее чистом виде распространен на юге Туркмении и Узбекистана,

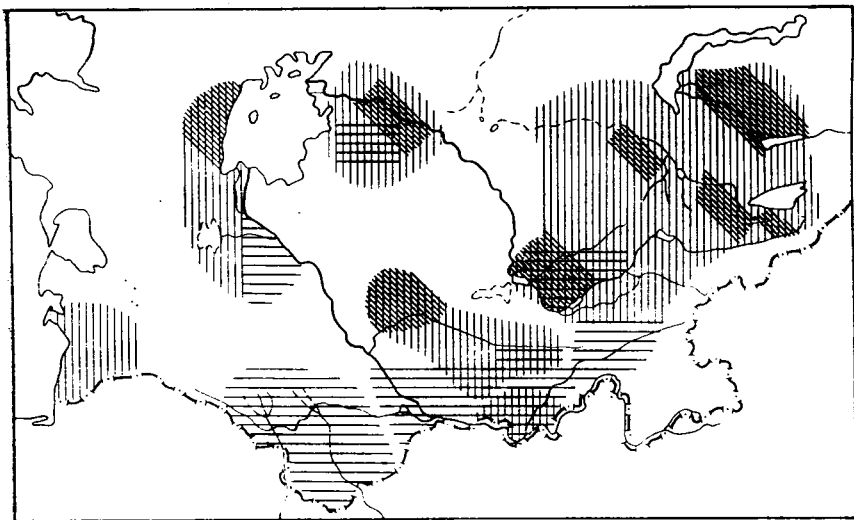


Рис. 3. Антропологические типы Средней Азии в эпоху античности. 1 — раса Среднеазиатского междуречья, 2 — южносибирский тип, 3 — средиземноморский тип

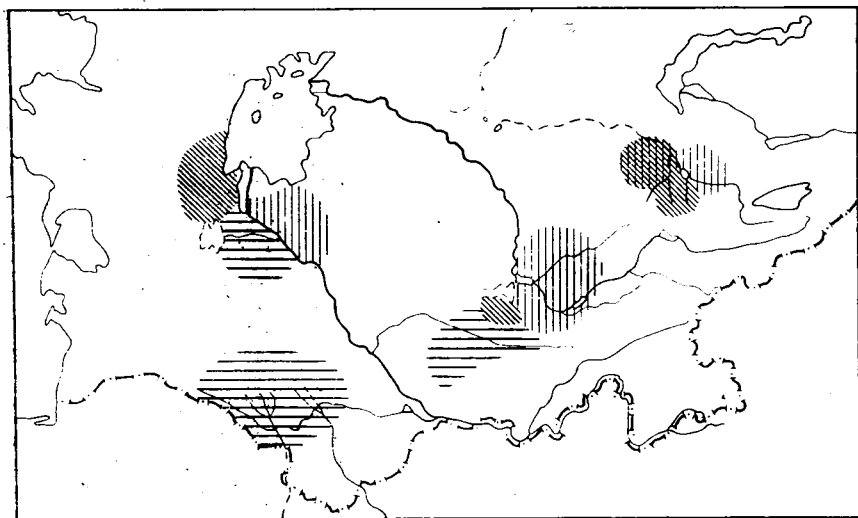


Рис. 4. Антропологические типы Средней Азии в эпоху раннего средневековья. 1 — раса Среднеазиатского междуречья, 2 — южносибирский тип, 3 — средиземноморский тип

в Хорезме. В других областях удельный вес последнего небольшой и улавливается с трудом. Удельный вес другого европеоидного брахикранного, крупноголового и крупнолицего варианта, известного с первых веков нашей эры на юге и на западе Туркмении и также у раннесредневекового населения северного Хорезма, возрастает и несет на себе уже значительную долю монголоидных черт.

Эпоха, близкая к современности (XVIII—XX вв.) (рис. 6). По вариации ряда важных краниологических признаков на территории Средней Азии выделяются четыре комплекса, приуроченные к определенной территории или к отдельным этническим общностям. Грацильный восточно-средиземноморский комплекс, наиболее характерными представителями которого, на наш взгляд, являются различные народности Пами-

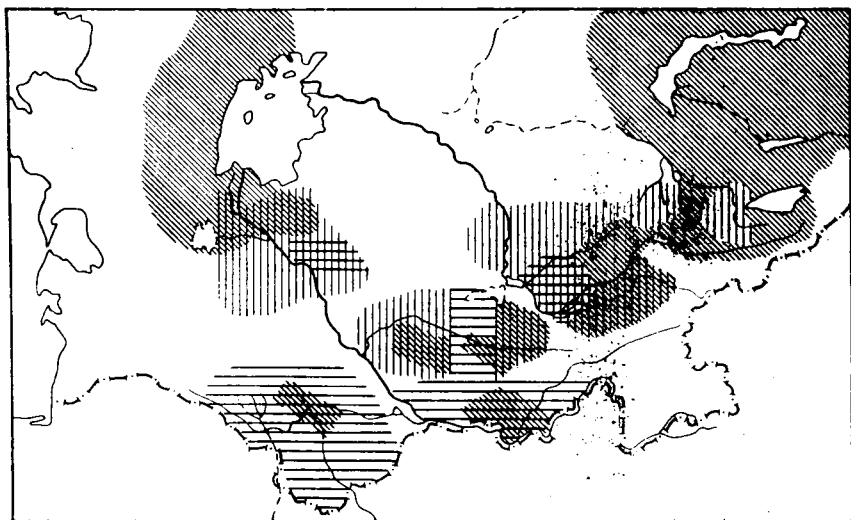


Рис. 5. Антропологические типы Средней Азии в эпоху развитого средневековья. 1 — раса Среднеазиатского междуречья, 2 — южносибирский тип, 3 — средиземноморский тип

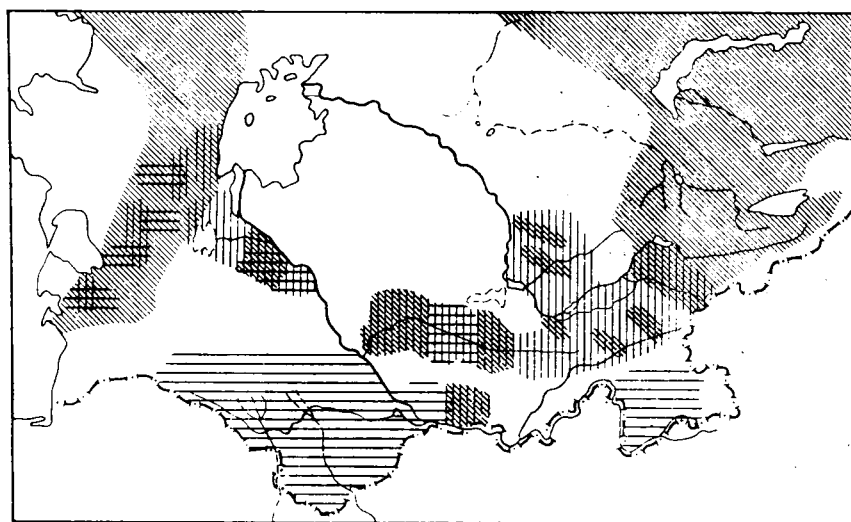


Рис. 6. Краниологические типы Средней Азии в эпоху, близкую к современности. 1 — раса Среднеазиатского междуречья, 2 — южносибирский тип, 3 — средиземноморский тип

ра (горанцы, ишкашимцы, рушанцы и др.). К этому комплексу мы относим также ираны г. Самарканда. Этот комплекс почти полностью повторяет основные признаки варианта восточносредиземноморский II эпохи бронзы. В течение 4 тыс. лет он претерпел некоторые изменения, выразившиеся в повышении черепного указателя, ослаблении угла выступления носа и углов горизонтальной профилировки лица. Высоко-узколицый восточносредиземноморский комплекс, в который включены туркмены и часть древнего автохтонного населения (узбеки и таджики) Сурхандарьинской области, имеет много общего с грацильным восточносредиземноморским комплексом и отличается более узким и высоким лицом и более крупными размерами головы. Раса Среднеазиатского

междуречья близка к обоим вышеперечисленным комплексам. Представители этой расы зафиксированы в краниологических сериях узбеков Хорезма, Ташкентской и Самаркандской областей. Южносибирский тип характеризует серии киргизов и казахов и, кроме того, ряд серий эбеков Нураты, из окрестностей Самарканда, Коканда и Ферганской области.

Таким образом, выявленные краниологические комплексы сформировались в разные исторические периоды различными путями. Наиболее древними являются два варианта восточномедиземноморской расы, что подтверждается единичными материалами эпохи мезолита и неолита южных областей Средней Азии и массовым, хорошо датированным материалом эпохи энеолита и бронзы. Комплекс признаков, присущих расе Среднеазиатского междуречья, появился в последние века нашей эры. Основной ареал его формирования охватывает северные и центральные районы Средней Азии. Южносибирский тип формируется в северных и северо-восточных областях Средней Азии и широко представлен с рубежа I и II тысячелетий нашей эры.

А. О. Большаков

СЦЕНА ДРАКИ ЛОДОЧНИКОВ В СТАРОЕГИПЕТСКИХ ГРОБНИЧНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ

Настенные изображения в египетских гробницах Старого (Древнего) царства являются основным источником сведений практически обо всех сторонах жизни в эту эпоху. В них ярко отразился весь комплекс представлений о мире на раннем этапе человеческого сознания, они же дают удивительно яркую и подробную картину повседневной жизни египтян. Поэтому необходимо всестороннее исследование этих изображений, в котором бы учитывались разные их аспекты — идеологический, социальный, исследование каждой из сцен в отдельности и их взаимосвязи в комплексе гробницы, так как смысл многих сцен до сих пор не ясен.

К их числу относится сцена драки лодочников, нередко встречающаяся на стенах столичных и провинциальных гробниц. Этот сюжет очень необычен. Среди ритуальных изображений, предназначенных для обеспечения умершего едой, питьем и одеждой (а именно эти изображения преобладают), он стоит особняком. Никаких других изображений драк в гробницах не бывает. Какой же смысл имеет рассматриваемый сюжет? Изображаются явно не воинское упражнение (такие сцены известны и не имеют с дракой лодочников ничего общего) и не какие-то ритуальные бои (рядом с дракой помещаются обычно хозяйственные сцены, отделявшиеся от ритуальных). Поэтому с самого начала изучения гробничных рельефов возникло представление, что изображается не драка, а ее имитация, служащая для развлечения хозяина гробницы в его загробной жизни, благо развлекательные изображения довольно часты. Этой точки зрения придерживались, например, Ф. Гриффитс и Н. Дэвис¹, она нашла отражение в труде Л. Клебс, которая при систематизации староегипетских рельефов поместила данную сцену в раздел «Развлечения» наряду с изображениями игр, плясок и т. п.² Через 10 лет П. Монтэ впервые указал на связь сцены драки с хозяйственными сценами, но и он также считал, что египтяне изображали забаву возвращающихся с работы людей, которая дает выход их неистраченной

¹ Paget R., Pirie A. A., Griffith F. Ll. The Tomb of Ptahhetep. London, 1898, p. 29; Davies N. The Mastaba of Ptahhetep and Akhetetep at Saqqareh. London, 1900—1901, pt I, p. 10.

² Klebs L. Die Reliefs des Alten Reiches. Heidelberg, 1915, S. 115.

энергии³; в конечном счете и при такой трактовке это изображение предназначалось для развлечения хозяина.

Другую точку зрения выдвинул Дж. Э. Райзнер. Он полагал, что изображалась настоящая драка, но никаких доказательств в пользу своего мнения не привел и не объяснил ту роль, которую должна была выполнять данная сцена в комплексе гробничных изображений⁴. Мнение Райзнера не получило широкого распространения, и даже его ближайшие сотрудники продолжали говорить о «шуточной драке» и «турнире на воде»⁵.

Ж. Вандье в своем монументальном «Учебнике египетский археологии» посвятил интересующему нас сюжету более 20 страниц⁶, однако он считал, что лодочники дерутся только для того, чтобы «размять мышцы». В последние годы мнение о «шуточной драке» было несколько раз повторено в изданиях памятников без какой бы то ни было аргументации, серьезного же исследования предпринято не было.

Было бы весьма интересно, наконец, выяснить точный смысл данной сцены. На основании анализа и сопоставлений всех изображений драки при теперешней изученности источников это уже можно сделать. Решение поставленного вопроса позволит пролить свет на один из древнеегипетских обычаев. Если правильно традиционное толкование сцены, мы будем иметь единственное и потому очень ценное свидетельство в пользу того, что среди развлечений египетской знати было нечто вроде гладиаторских боев; если же изображалась настоящая драка, выяснение причин, по которым эту сцену помещали в гробницу, поможет лучше понять особенности мышления людей Старого царства.

Указанный сюжет был особенно распространен в столичных некрополях, гораздо реже он встречался в Верхнем Египте. Изображения драки лодочников известны мне по следующим памятникам⁷.

1) Гробница царицы *Мр(й)-с(й)-нх(в) III* [Мерисианху III] в Гизе, № 7530+7540 по Райзнеру, конец IV — начало V дин.⁸

2) Мастаба *Пр(й)-сн(й)* [Перисени] в Саккаре, № D-45 по Мариэтту, V дин., царствование *С'хэ-в(й)-р'* [Сахура]⁹.

3) Мастаба *Чйй* [Чи, Ти] в Саккаре, № D-22 по Мариэтту, V дин., царствования от *С'хэ-в(й)-р'* [Сахура] до *Н(й)-вср-р'* [Ниусерра]¹⁰.

4) Гробница *Р'-вр(в)* [Рауру] в Гизе, V дин., царствование *Нфр-йр(й)-к'-р'* [Нефериркара] или несколько позднее (фрагмент сцены)¹¹.

³ Montet P. Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiennes de l'Ancien Empire. Strasbourg — Paris, 1925, p. 81.

⁴ Reisner G. A. A History of the Giza Necropolis. Cambridge (Mass.), 1942, v. 1, p. 357.

⁵ Dunham D. Some Old Kingdom Reliefs. — Bulletin of the Museum of Fine Arts, Boston (далее BMFA). Boston, 1929, v. XXVII, p. 36; Smith W. S. Ancient Egypt as Represented in the Museum of Fine Arts. Boston 4-th ed. — Boston, 1960, p. 60.

⁶ Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. Paris, 1969, t. V, p. 510—531.

⁷ Принятая в египтологии транслитерация латинскими буквами с надстрочными и подстрочными знаками заменена здесь по техническим причинам условной передачей русскими буквами, предложенной Ю. Я. Перепелкиным, см.: Перепелкин Ю. Я. Кэ́йе Семнех-ке-ре. М.: Наука, 1979, с. 5. Восстановление слабых согласных (в скобках) достаточно условно. Для удобства читателей, незнакомого с правилами чтения транслитераций египетских текстов, после транслитерации в квадратных скобках приводится условное, так называемое школьное чтение, применяемое египтологами, когда необходимо произнести вслух египетское слово, ни в коем случае не претендующее на огласовку (египтяне не выписывали гласных). Если существует традиция передачи какого-либо имени, устоявшаяся в литературе, соответствующее чтение (например, Ти, Птах-хотп) приводится после школьного. Имена царей, в передаче которых традиция особенно сильна, переданы кроме транслитерации только в традиционном чтении.

⁸ Dunham D., Simpson W. K. The Mastaba of Queen Mersyankh III. Boston, 1974, fig. 4, pl. III-a; Smith W. S. Art and Architecture in Ancient Egypt, S. 1., 1958, pl. XLVI-a; Reisner G. A. The Tomb of Meresankh. — BMFA, 1927, v. XXV, p. 69.

⁹ Описание без воспроизведения: Mariette A. Les mastabas de l'Ancien Empire. Paris, 1889, p. 301.

¹⁰ Steindorff G. Das Grab des Ti. Leipzig, 1913, Taf. CX; Wild H. Le tombeau de Ti, fasc. II. Le Caire, 1953, pl. CXI; Wreszinski W. Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte. Leipzig, Teil II, 1923, Taf. XXXIX.

¹¹ Hassan S. Excavations at Giza 1929—1930. Oxford, 1932, fig. 26, pl. XXXIV-2.

- 5) Гробница *И(т)(в)-си* [Итусен] в Гизе, середина V дин. или несколько позднее ¹².
- 6) Мастаба *Ий-мрй.й* [Иимери] в Гизе, № 16 по Лепсиусу, № 6020 по Райзнеру, V дин., царствование *Н(й)-вср-р^c* [Ниусерра] или несколько позднее ¹³.
- 7) Мастаба *Хэпн-хэр-х.т(й)* [Хетепхерахти, Ахтихетепхер] в Сакка- № D-60 по Мариэтту, V дин., царствование *Н(й)-вср-р^c* [Ниусерра] и несколько позднее ¹⁴.
- 8) Мастаба *К^c(й)-м-нфр.т* [Каиеннефрет] в Саккаре, № D-23 по Мариэтту, царствование *Н(й)-вср-р^c* [Ниусерра] или несколько позднее ¹⁵.
- 9) Гробница *К^c(й)-м-нфр.т* [Каиеннефрет], сына *К^c(й)-м-нфр.т* [Каиеннефрет] в Гизе, середина V дин. или несколько позднее ¹⁶.
- 10) Фрагмент из той же гробницы (возможно, от того же рельефа) ¹⁷.
- 11) Мастаба *Схм-нх-птхх* [Сехеманхптех] в Саккаре, № D-41 по Мариэтту, вторая половина V дин. (ныне в Бостонском музее изящных искусств) ¹⁸.
- 12) Гробница *Н(й)-с(в)-хв* [Нисуху, Хунес] в Завийа эль-Маййи-ш, № 2 по Лепсиусу, вторая половина V дин. ¹⁹.
- 13) Мастаба *Снджм-йб(й)/Интй* [Сенеджемиби, по прозвищу Ин-й] в Гизе, № 27 по Лепсиусу, № 2370 по Райзнеру, V дин., конец царствования *Изйй* [Исеси] ²⁰.
- 14) Мастаба *х.т(й)-хэпн.(в)* [Ахтихетпу] в Саккаре, № D-64 по Мариэтту, V дин., царствование *Изйй* [Исеси] или несколько позднее ²¹.
- 15) Часовня *Птхх-хэпн.(в)* [Птеххетпу, Птаххотп] в той же мастабе ²².
- 16) Мастаба *Н(й)-м^c.т-р^c* [Нимаатра] в Гизе, конец V дин. ²³.
- 17) Мастаба *х.т(й)-хэпн.(в)* [Ахтихетпу] в Саккаре, V дин. (ныне в Лувре) ²⁴.
- 18) Фрагмент рельефа из неизвестной мастабы в Саккаре (?), № 1535 по каталогу Каирского музея, V дин. ²⁵.
- 19) Фрагмент рельефа из неизвестной мастабы в Саккаре (?), № 1547 по каталогу Каирского музея, V дин. ²⁶.
- 20) Мастаба *Сшм(й)-нфр.(в)* [Сешеминефру] в Саккаре, конец V дин. (позднее царствования *Н(й)-вср-р^c* [Ниусерра])—начало VI дин. ²⁷.

¹² Hassan S. Excavations... 1933—1934. Cairo, 1944, fig. 123.

¹³ Wilkinson J. The Manners and Customs of the Ancient Egyptians. 1st ed.—London, 1837, v. II, p. 411, 2nd ed.—London, 1878, v. II, p. 74; Lepsius R. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien, Ergänzungsband. Leipzig, 1913, Taf. VI; Smith W. S. A History of the Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom. London, 1949, fig. 166.

¹⁴ Holwerda A. E. G., Boeser P. A. A., Holwerda J. H. Beschreibung der ägyptischen Sammlung des niederländischen Reichsmuseum der Altertümer in Leiden. Die Denkmäler des Alten Reiches. Leiden, 1905, Taf. XIV; Klebs L. Op. cit., Abb. 93.

¹⁵ Описание без воспроизведения: Mariette A. Op. cit., p. 243.

¹⁶ Hassan S. Excavations... 1930—1931, Cairo, 1936, fig. 121.

¹⁷ Ibid., fig. 154.

¹⁸ Описание: Mariette A. Op. cit., p. 288; воспроизведение: Dunham D. Op. cit., 36; Wreszinski W. Op. cit. Leipzig, Teil III, 1936, Taf. LI.

¹⁹ Lepsius R. Op. cit., 2. Abt. Berlin, circa 1850, Taf. CV; Prisse d'Avennes A. Histoire de l'art égyptien d'après les monuments. Paris, 1878, Pl. XII; Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'art dans l'antiquité. Paris, 1882, t. I, fig. 31.

²⁰ Lepsius R. Op. cit., Ergänzungsband, Taf. XX.

²¹ Davies N. Op. cit., pt II, pl. XIII.

²² Ibid., pt I, pl. XXI, XXV, XXVI; Maspero G. Égypte (Ars-una, species-mille, Histoire générale de l'art). Paris, 1912, fig. 118; Capart J. Memphis à l'ombre des pyramides. Bruxelles, 1930, fig. 240; Wreszinski W. Op. cit., Teil III, Taf. XIV—XV; Michailowsky K. Art de l'ancienne Égypte. Paris, 1968, fig. 249, и др.

²³ Hassan S. Excavations... 1930—1931, fig. 240.

²⁴ Описание без воспроизведения: Paris, Musée National du Louvre. Département des antiquités égyptiennes. Guide-catalogue par Ch. Boreux. Paris, 1932, t. I, p. 211—213; к соседних сцен воспроизведена: Encyclopédie photographique de l'art. T. I. Les antiquités égyptiennes du Musée du Louvre. Paris, 1935, p. 23—24.

²⁵ Borchardt L. Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen) aus Museum von Kairo (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire). Berlin, 1937, Teil I, S. 236, Taf. XLIX; Maspero G. Op. cit., fig. 117; Capart J. Op. cit., fig. 389.

²⁶ Borchardt L. Op. cit., Kairo, 1964, Teil II, S. 6—7, Taf. LV.

²⁷ Barsanti A. Le mastaba de Samnofir. Annales du Service des antiquités de

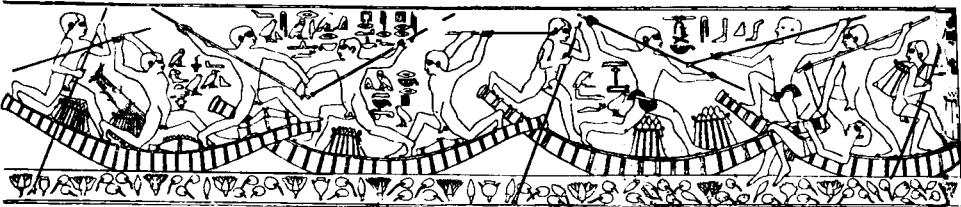


Рис. 1. Драка лодочников. Рельеф в мастабе Чый

21) Мастаба *Фт.к-т* [Фетекте] между Саккарой и Абусиром, № 1 по Лепсиусу, середина V — начало VI дин.²⁸

22) Мастаба *Схм-к'(.й)* [Сехемкаи] в Гизе, № 1029 по Райзнеру, конец V — начало VI дин.²⁹

23) Мастаба *Мрр-в (й)-к'(.й)* [Мереруйкаи, Мерерука] в Саккаре, VI дин., царствование *Ттй* [Тети]³⁰.

24) Мастаба *Йхъйй* [Ихи] в Саккаре, присвоенная позднее царевне *Зшш.т/Йдв.т* [Зешшешет, по прозвищу Идут], первая половина V дин.³¹

25) Мастаба *Йбй* [Иби] в Дейр эль-Гебрави, № 8 по Дэвису, середина VI дин.³²

26) Гробница *Дж'в* [Джау] в Дейр эль-Гебрави, № 12 по Дэвису, середина VI дин.³³

27) Гробница *Н(й)-'нх-нйй* [Нианхпипи] в Завийа эль-Маййити, № 14 по Лепсиусу, середина VI дин.³⁴

Уже после окончания работы над статьей мне стали доступны издания следующих памятников:

28) Мастаба *Нфр* [Нефер] в Саккаре, вторая половина V дин., до царствования *Внйс* [Унас]³⁵.

29) Мастаба *Н(й)-'нх-хънмв* [Нианххнему, Нианххнум] и *Хън.м хътп.(в)* [Хнемухетпу, Хнумхотп] в Саккаре, вторая половина V дин. до царствования *Внйс* [Унас]³⁶.

30) Мастаба *Птхъ-хътп.(в)/Йй-н(.й)-'нх.(в)* [Птеххетеп, Птаххотп, по прозвищу Иинианху] в Саккаре, первая половина VI дин.³⁷

31) Гробница *К'(.й)-хъп/Чтй-йкър* [Каихеп, по прозвищу Четникр] в эль-Хававиш (некрополь Ахмима), VI дин., середина царствования *Пйй II* [Пиопи II]³⁸.

Материалы этих гробниц не использованы в статье, однако они принципиально не отличаются от рассмотренных памятников.

Трактовка сцены в разных гробницах примерно одинакова, хотя иногда имеются интересные детали, позволяющие уточнить ее. Изображается всегда драка между командами использовавшихся на мелководье папирусных лодок, число которых может быть от двух до четырех; на

l'Egypte (далее — ASAE). Le Caire, 1900, t. 1, p. 155; Saad Z. Y. Royal Excavations at Saqqara and Helwan 1941—1945. Le Caire, 1947, p. 61—62.

²⁸ Lepsius R. Op. cit., Ergänzungsband, Taf. XL-d.

²⁹ Reisner G. A History, v. I, p. 363.

³⁰ Описание без воспроизведения: Daressy G. Le mastaba de Mera. — In: Mémoires de l'Institut égyptien, 1900, t. III, p. 156; новое издание дает воспроизведение остатков сильно разрушенной сцены: Duell P. The Mastaba of Mereruka. Chicago, 1938, pt I, pl. XX—XXI.

³¹ Macramallah R. Le mastaba d'Idout. Le Caire, 1935, pl. XI-b.

³² Davies N. The Rock Tombs of Deir el-Gebrāwi. London, 1902, pt. I, pl. IV.

³³ Ibid., pt II, pl. V.

³⁴ Varille A. Le tombe de Ni-Ankh-Pepi à Zâouyet el-Mayetīn. Le Caire, 1935, pl. V—VI.

³⁵ Moussa A., Altenmüller H. The Tomb of Nefer and Kahay. Mainz, 1971, табл. X, XI, XV; Museums of Egypt (Newsweek. Great Museums of the World). N. Y., 1980, рис. на с. 26.

³⁶ Moussa A., Altenmüller H. Das Grab des Nianchchnum und Chnumchotep. Mainz 1977, табл. 74.

³⁷ Hassan S. Excavations at Saqqara, 1937—1938. Cairo, v. II, 1975, рис. 31.

³⁸ Kanawati N. The Rock Tombs of El-Hawawish. Sydney, v. I, 1980, рис. 11.

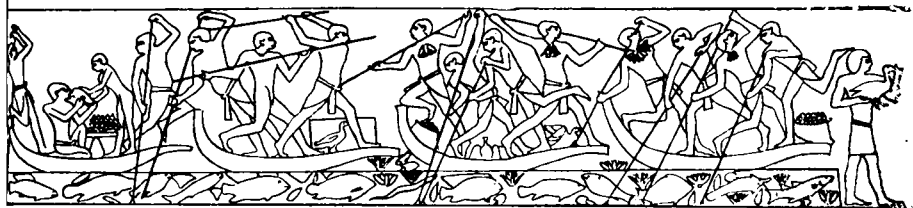


Рис. 2. Драка лодочников. Рельеф в мастабе Птхъ-хътп (в)

ждой лодке несколько человек (не больше шести), одетых только в бедренные повязки или вообще голых. Нередко на головах у них вен- из цветов лотоса (4, 11, 14)³⁹ и гирлянды из лотосов на шеях (4, 11, 24). В качестве оружия они используют шесты, которыми отталкива- юсь от дна (2—27), или весла (1). Ими наносятся удары в голову (1, 2, 14), в горло (12, 19), в плечо (15, 16, 19), в грудь (18), в живот (6, 2, 14, 15, 20), в пах (14), в ногу (7, 12, 16, 18, 19), причем это серьезные кары, а не имитация. Близко подошедшую лодку противника хватают за борт и подтягивают к себе (1, 18), и тогда начинается рукопашная (17). Иногда нерасторопного противника хватают за ногу (1, 7, 12) или за руку (3), чтобы сбросить в воду. Не удивительно, что часто кто-ни- дь оказывается за бортом (3, 6, 13, 18, 24—26), причем драка на- только ожесточенна, что даже упавшего в воду добивают ударом шеста по голову (или стараются удержать шестом его голову под водой) (18), а павший не выпускает оружия из рук (24). Несомненно, что идет серь- зная драка. Упавшего за борт подстерегают и другие опасности, на- пример, его может схватить крокодил (27), однако драчуны забывают об этом и воодушевляют друг друга криками. Их реплики записаны олько на четырех рельефах (3, 7, 18, 25), но и этот материал достаточ- о красноречив: они с гордостью сообщают о нанесенных ударах, при- вывают товарищей отомстить за полученные удары, угрожают против- никам и ругают их, не стесняясь в выражениях⁴⁰.

Как известно, оплата труда художников, делавших изображения в гробницах, расценивалась египтянами как покупка изображенных лю- ей, вернее, их Двойников-Ка, которые должны были работать на вла- ельца гробницы на том свете, в мире-Двойнике⁴¹. Поскольку в Старом дрстве все надежды на загробную жизнь были связаны именно с пред- ставлением о Двойнике, и вельможа сам продолжал жизнь после смер- и также в виде Ка, он приобретал изображенных вполне реально, как еальную рабочую силу. Загробный мир-Двойник создавался для него гробнице настенными изображениями, причем этот мир был лучше, ем тот, из которого он ушел, так как все опасное, нежелательное или просто неприятное не изображалось и поэтому не существовало на том вете. Здесь же мы имеем дело с изображениями, на которых лодочни- и калечат друг друга и тем самым наносят ущерб благосостоянию свое- о хозяина. Несомненно поэтому, что речь в этой сцене идет не о каком- о развлечении (ради развлечения вельможа не стал бы увечить своих юдей и тем самым лишать себя возможности пользоваться их трудом); ю так как постоянные сюжеты в гробницах не бывают случайными, олжна быть веская причина, по которой изображали эту необычную цену. И на основании египетских памятников эту причину можно най- и.

Сцена драки лодочников всегда находится среди сельскохозяйствен- ных сцен, главным образом изображений работ в болотах Дельты. Весь

³⁹ Здесь и далее в скобках даются ссылки на порядковые номера приведенного выше списка источников.

⁴⁰ Эти реплики изучил Монтэ: *Montet P.* Op. cit., p. 81—83, но в рамках своей тео- рии он пытался трактовать их как шуточные.

⁴¹ Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М.: Наука, 1978, с. 31—33.

комплекс этих изображений, включающий изображение хозяина, находящегося за работой, называется «смотрение на работу» (3), «смотрение на работу сельскую (к.т сх.тй)» (7, 11, 20), «смотрение на работу всякую добрую сельскую» (24), «смотрение на работу всякую сельскую в болотах, [на] вещь всякую добрую» (14), «смотрение на работу сельскую, [на] птиц в Дельте» (6). Поэтому и сцену драки следует считать неким дополнением к изображениям сельскохозяйственных работ (темин к.т сх.тй, как известно, включает и различные промыслы в болотах, а в данных сценах он относится преимущественно к ним).

Рядом с дракой лодочников изображаются сев (1), сцены ухода скотом или просто скот (1, 5, 8, 10—12, 20), перегон скота через реку (12, 14, 17, 23), пригон различного скота (1, 3, 4, 8, 11, 12, 16, 20, 22), ловля птиц сетью (1, 6—8, 11, 12, 15—17, 20, 22, 27) и доставка птиц (1, 6, 8, 12, 15, 20, 23, 24), процессия женщин — персонификаций владыний вельможи — с приношениями (1, 14, 16, 20), сбор папируса (3, 7, 14, 17, 22) и строительство из него лодок (3, 6, 7, 13, 15—17), ловля рыбы, в том числе с лодок (3, 6, 8, 17, 18, 22, 25—27), собирание цветов лотоса с лодок (20, 26). Все эти сцены показывают либо производство продуктов, входивших в состав заупокойных жертв, либо их доставку. Следовательно, и рассматриваемая сцена должна быть также связана с доставкой жертв.

И действительно, в лодках, команды которых дерутся между собой, очень часто имеется груз: плоды в корзинах (3, 7, 12—15, 18, 19, 21, 23) или кучами (13), птицы в клетках или без клеток (1, 9, 12, 14, 15), скот (15, 25, 26), связки папируса⁴² (3), цветы лотоса (12—14, 26), суда (14, 15); рыба не изображается, но есть изображения лежащих в лодке рыболовных снастей (3, 15). На рельефе из Каирского музея (19) над лодками изображено восемь корзин с плодами; это также подчеркивает, что изображается в первую очередь доставка продуктов, а драка является только дополнительным эпизодом. На рельефе *H(й)-с(в)-ха* (12) один из лодочников мочит в воде связку лотосов, чтобы они не вили. Такую заботу о грузе лодки в разгар драки можно объяснить только тем, что во всей сцене самое важное — его доставка. Кроме того, часто встречаются изображения доставки жертв на лодках без драки и перегона скота через реку людьми, сидящими в лодках, причем везут они тот же самый груз, и окружение этих сцен то же самое, что и у сцен драки⁴³. Особенно показательно изображение у *Mr(й)-с(й)-нх(в) III (I)*, где на двух лодках везут жертвы, а на двух соседних идет драка. Несомненно, что дерутся те же люди, которые до этого ловили птиц и рыбу, собирали папирус и строили из него лодки и т. д., а драка возникает во время возвращения с работы.

За сценой драки иногда помещают сцену доставки хозяину птиц (5, 11, 15); особенно интересно изображение в гробнице *Дж'св* (26), где прямо с лодок хозяину протягивают лотосы и птицу, а один из лодочников взваливает на плечи корзину (видимо, с плодами), чтобы также нести ее хозяину.

Все сомнения, которые еще могут оставаться, рассеивает надпись к сцене драки у *Mr(й)-с(й)-нх(в) III (1)*: *пр.т м ш' х'н' нх'б.т йн' мх'тйв.с йн(й).сн н.с х.т нб.т нфр.т йнн.т н шпс. т м к.т сх.т(й)*: «Выхождение (т. е. возвращение) с болот с цветами лотоса ее болотных [людей]. Доставляют они ей вещь всякую добрую (т. е. добро всякое), доставляемую благородной как работа сельская⁴⁴ (т. е. как продукт полей)». Отношение самих египтян к сцене драки как к связанной с доставкой заупокойных жертв в свете всего этого несомненно. Она ближе

⁴² Наличие папируса среди продуктов, доставляемых хозяину гробницы, объясняется тем, что его молодые побеги употреблялись в пищу: *Junker H. Giza VII. Wien, 1944, S. 176.*

⁴³ Например, у *Зисшт/Идв. т: ср. Macramallah. Op. cit., pl. VII, XI-b, XII-a.*

⁴⁴ Может быть, следует переводить: «...доставляемую благородной с работ сельских».

всего, к доставке таких важных жертв, как птицы⁴⁵, цветы лотоса и плоды. Это хорошо объясняет и то, что лодочники украшают себя венками и гирляндами из лотосов. Их наличие как атрибута праздничных и развлекательных сцен сыграло, видимо, определенную роль в отнесении сцены драки к развлекательным. В рамках нашей теории такое объяснение не нужно—лодочники сами собирали лотосы, и цветов у них было достаточное количество, поэтому для такого торжественного и важного дела, как доставка жертв хозяину, они вполне могли надеть на себя украшения.

До сих пор речь шла только о доставке жертв, и вопрос о смысле самой драки не затрагивался. Теперь, когда стала ясна ее связь с жертвенными сценами, можно понять, почему в обычную сцену доставки продуктов нужно было включать столь чуждый хозяйственным изображениям эпизод, как драка. Ключ к решению дает нам рельеф в мастабе *Птхъ-хътп (.в)* (15). На нем изображены четыре лодки, причем действие разворачивается как во времени, так и в пространстве. В самом начале (т. е. дальше всего от изображения самого *Птхъ-хътп (.в)*) мы видим лодку, спокойно плывущую в его сторону. На драку нет и намека, обстановка до того мирная, что архитектор *Н (й)-чх-птхъ*, который, видимо, был автором рельефов в этой гробнице, не побоялся изобразить самого себя в этой лодке. Далее следует обычное изображение драки команд двух лодок, причем обе лодки продолжают плыть по направлению к хозяину. Затем показана лодка, вся команда которой, четыре человека, изо всех сил отталкивается шестью, не обращая внимания на удары в спину, которые наносят им люди из лодки позади. Они явно стараются оторваться от преследователей и первыми пристать к берегу. Наконец, рядом с *Птхъ-хътп (.в)* изображен его брат, подносящий ему птицу, одну из тех, что везли на лодках.

Смысл сцен драки во всех гробницах становится ясен. Драка возникает потому, что команда каждой лодки старается обогнать и оттеснить других, первой доставить жертвы и показать свое рвение в службе хозяину. Эта сцена должна означать, что умерший имеет хороших слуг, которые торопятся принести ему заупокойные жертвы и не щадят себя ради этого. Конечно, такое рвение было для умершего в высшей степени желательно, и, для того чтобы зафиксировать его в своей гробнице, вельможа готов был согласиться даже с тем, что в драке его слуги калят друг друга и тем самым наносят ему некоторый ущерб. Такое своеобразное выражение этой несложной в общем мысли интересно для истории египетской культуры.

Таким образом, сцена драки лодочников органически входит в состав хозяйственных сцен, обеспечивавших главное для умершего—снабжение едой. К числу важнейших она, однако, не относилась и в небогатых гробницах поэтому отсутствовала. Это связано также и с тем, что большое количество сложных движений, характерных для этой сцены, мог передать только хороший художник, к услугам которого могли прибегнуть далеко не все. Зато богатые люди, на которых работали лучшие мастера, были рады этой динамичной сценой оживить более статичное окружение (хотя, конечно, помещали ее в гробницу не ради этого, а из-за ее смысла).

Как видно из приведенного выше списка, большая часть изображений драки лодочников находится в гробницах столичных некрополей V дин. При VI дин. они становятся в столичном районе более редкими, на них кончается мода, зато увеличивается их число в провинции, куда новые веяния доходили с опозданием. В конце VI дин. (после середины царствования *Пини II*) этот сюжет вообще не встречается. Видимо, это следует объяснить общим обеднением гробниц в конце Старого царства, которое привело к сокращению числа употребительных сцен, и отсут-

⁴⁵ О принесении в жертву птиц см.: *Junker H. Giza II. Wien und Leipzig, 1934, S. 151—152.*

ствии мастеров, способных передавать сложные движения⁴⁶. В Среднем царстве эта сцена возрождается, однако так и не становится распространенной⁴⁷; в последующие эпохи она не использовалась вообще.

За время своего существования рассматриваемая сцена значительно не видоизменялась, поэтому ее использование для точной датировки гробниц невозможно. Однако сам факт ее наличия в столичной гробнице позволяет с большой долей уверенности относить ее к V дин., а для провинции он указывает скорее на первую половину VI дин. В сочетании с другими признаками это может быть полезно для датировки. Так, наличие сцены драки в гробнице *Мр(й)-с(й)-нх(с)* III наряду с находкой в ней статуэток слуг и некоторыми другими признаками вызывает сильное сомнение в предлагавшейся датировке ее второй половиной IV дин. и позволяет относить ее к первой половине V дин. Итак, к нашим сведениям о жизни и нравах египтян прибавляется еще один эпизод, хотя и незначительный, но довольно интересный.

⁴⁶ Качество работы заметно ухудшается уже в гробницах в Дейр эль-Гебрани (21, 22), роспись в гробнице *К'(й)-хъп/Чтй-йкър* (31) отличается чрезвычайной статичностью всех фигур. К тому же и в расцвет Старого царства сложность поз людей в этой сцене вызвала даже у лучших художников трудности, с которыми они не всегда справлялись; см.: *Smith W. S. A History...*, p. 340.

⁴⁷ Мне известны следующие изображения времени Среднего царства:

1) роспись в гробнице *Хънмв-хътп(с)* (Хнемухетпу, Хнумхотп) в Бени-Хасане (*Newberry P. E. Beni Hasan. London, 1893, pt I, табл. XXXIV*);

2) роспись в гробнице *Б'ктй* [Бакти] в Бени-Хасане (*Newberry P. E. Beni Hasan. London, 1894, pt II, табл. IV*);

3) роспись в гробнице *Джхъвтй-хътп(с)* [Джхутихетпу, Тотхотп] в Эль-Берше (*Griffith F. Ll., Newberry P. E. El Bersheh. London, 1894, pt I, табл. VIII*);

4) роспись в гробнице *Снбй* [Сенби] в Меире (*Blackman A. M. The Rock Tombs of Meir. London, pt I, 1914, табл. III—IV*);

5) роспись в гробнице *Вх-хътп(с)* [Уххетпу] в Меире. (*Blackman A. M. Op. cit., London, 1915, pt II, табл. IV*).

В. И. Гохман

О ФРАТРИЯХ КУКИ-ЧИНОВ БАНГЛАДЕШ

Как известно, существует две теории происхождения дуальной организации. Согласно одной из них, дуальная организация образуется в результате деления на две группы единого прежде коллектива, согласно другой — в результате слияния двух независимых коллективов.

Куки-чины района Читтагонг хилл трэктс (Бангладеш) переселились сюда из Чин хиллс (Бирма). Приведенный ниже материал интересен, так как дает возможность проследить происхождение групп переселенцев от их сородичей в Бирме. Ввиду того, что у куки-чинов Бангладеш существует дуальная организация, этот материал убедительно свидетельствует об одном из возможных путей ее образования.

В статье «Системы родства трех горных племен Читтагонга» К. Леви-Стросс приводит сведения о системе терминов родства, брачной и социальной организации небольшой группы куки-чинов¹. Он пишет, что куки из Читтагонг хилл трэктс разделены на две фратрии (половины), называемые соответственно «Пангкху» и «Бангзоги». Эти фратрии, как решительно утверждают их члены, не являются экзогамными. Единственной функцией фратрий, в которой куки уверены, выступает приоритет фратрии Пангкху в выборе вождя, т. е. вожди обычно выбираются из этой фратрии. Поскольку, однако, продолжает Леви-Стросс, соблюдается экзогамия деревни при патрилинейности брачно-

¹ *Levi-Strauss C. Kinship Systems of Three Chittagong Hill Tribes.—Southwestern Journal of Anthropology, v. 8, 1, 1952, p. 40—51.*

то поселения, то, помимо сознания туземцев, оказывается, что в одних деревнях живут почти исключительно члены фратрии Пангкху, а в других — Бангзоги. Так, в одной из деревень, где он побывал, из 12 неженатых юношей и девушек лишь трое принадлежали к фратрии Бангзоги, а остальные — к Пангкху. Кроме того, фратрии все же имеют тенденцию к экзогамии, хотя и не прямо осуществляемой.

Члены обеих фратрий различаются лишь одной внешней особенностью — прической. Члены фратрии Пангкху скручивают волосы в узел на затылке, а члены фратрии Бангзоги — на лбу². Эти различия в прическе заслуживают более детального рассмотрения, так как мы знаем, что прическа у куки-чинов является во многих случаях показателем этнической и племенной принадлежности.

В частности, по данным Х. Н. Стивенсона, горные чины Бирмы подразделяются на так называемых *пави* и *мар*³. К мар относятся племена сокте, сийины и некоторые другие, которые вместе с тем составляют особое лингвистическое подразделение в пределах куки-чинской группы языков — так называемую северную подгруппу по классификациям Дж. Грисона и Р. Шейфера⁴. К подразделению мар принадлежат и *лушай* (в основном живут в Индии), которые лингвистически относятся к центральной чинской подгруппе по классификации тех же авторов. Внутри этой подгруппы *лушай* составляют особое подразделение, противопоставленное подразделению лай или хака-чин. Последние наряду с многочисленными племенами области Фалам (лингвистически они тоже принадлежат к подгруппе лай-хака) относятся к пави. Как отмечает Х. Н. Стивенсон, внешне принадлежность к пави выражается в том, что объединяемые под этим названием племена завязывают волосы в узел на темени (так, что они оказываются опущенными на лоб), чем отличаются от племен мар, которые завязывают узел на затылке. Будучи скоррелирована с указанными лингвистическими и племенными различиями, прическа выступает как показатель каких-то религиозно-ритуальных различий. Этот вывод подтверждается тем, что при переселении мар на территорию пави переселившаяся группа не допускается до исполнения некоторых обрядов племен пави. Прическа сохраняется даже в условиях очень сильной языковой и культурной ассимиляции, какой, например, подверглось племя фанай (пави) со стороны *лушай* (мар), что следует из материалов, приводимых Дж. Шекспиром⁵.

Сопоставим теперь эти данные с информацией К. Леви-Стросса. Вполне очевидно, что одна из фратрий читтагонских куки-чинов, Пангкху, относится по прическе к мар, а другая — Бангзоги — по тому же признаку относится к пави. Более конкретные указания, к каким именно группам куки-чинов относятся Пангкху и Бангзоги, представляют нам данные языка. Р. Шейфер, основываясь на словарных материалах, собранных в «Лингвистик сервей оф Индия», приходит к выводу, что язык Бангзоги относится к группе лай, а язык Пангкху — к группе *лушай*⁶. Таким образом, лингвистические материалы, с одной стороны, уточняют первоначальную лингвоэтническую принадлежность этих двух фратрий, с другой — убедительно подтверждают, что их различия не случайны, но обусловлены различной племенной принадлежностью.

Следовательно, можно предположить, что у куки-чинов Бангладеш мы находим второй путь образования дуальной организации.

² Ibid., p. 46.

³ Stevenson N. H. The Economics of Central Chin Tribes. Bombay, 1941, p. 13.

⁴ Grierson G. A. Linguistic Survey of India, v. 3 pt 3, Calcutta, 1904, p. 2—3; Shafer R. Introduction to Sino-Tibetan; Pt 1. Wiesbaden, 1966, p. 5—6.

⁵ Shakespear J. The Lushai Kuki Clans. London, 1912.

⁶ Shafer R. Op. cit., p. 6.



ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Ю. Ю. Карпов

ОБЩИННЫЙ ЗИМНИЙ ПРАЗДНИК У ЦЕЗОВ

В феврале 1982 г. А. И. Азаров и автор статьи — аспиранты Ленинградской части Института этнографии АН СССР присутствовали на традиционном праздновании середины зимы в цезском¹ селении Шаитли Цунтинского района Дагестанской АССР. Это селение расположено в верховьях реки Илан-Хеви², притока Митлуды, на отрогах Богосского хребта. До 60-х годов XIX в. оно являлось центром союза сельских общин — «вольного» общества Дидо-Шаитли (Илан-Хеви), объединявшего 13 селений. В настоящее время с. Шаитли — центр сельского Совета. Как в прошлом, так и теперь это село выделяется среди соседних сел своими размерами. Все его население, за исключением одной русской женщины — библиотекаря, — цезы. Ни быт жителей, ни архитектура села не отличается от других цезских селений. Но именно в Шаитли и еще в двух соседних с ним селениях, Гениятли и Китури, в начале февраля отмечается праздник середины зимы — *игби*.

В основных чертах календарные цезские праздники, как показывают немногочисленные сведения о них в этнографической литературе, совпадают с соответствующими праздниками аварцев и других народов Дагестана³. Мы не нашли в литературе аналогий лишь шаитлинскому *игби*. Да и сами цезы, жители других селений, отделенных от Шаитли подчас одним горным кряжем, никогда не слышали, чтобы в их селениях справлялся этот праздник.

Как же отмечался шаитлинский *игби* в 1982 г.? Прежде чем описать сам праздник, нужно сказать несколько слов о его подготовке и о значении слова *игби*. *Иг* — по-цезски кольцообразный хлеб типа бублики диаметром в 20—30 см; *игби* — множественное число от *иг*, т. е. *игби* — это бублики. Их выпекают не только к празднику *игби*, но и в другие цезские праздники, в частности в День первой борозды. В этот день *иги* вешают на рога волов, которыми производят вспашку. Обычай приготовления подобных ритуальных хлебцев к празднику известен и у других народов Дагестана⁴.

Днем *игби* у шаитлинцев считается 5 февраля — середина зимы. В празднике принимают участие юноши и молодые мужчины, как правило, в возрасте 14—25 лет. В последнее время в связи с тем, что в нем участвуют в основном школьники, а 5 февраля чаще всего приходится на один из учебных дней, праздник переносится на ближайшее к традиционному числу воскресенье. В 1982 г. *игби* отмечали 7 февраля.

¹ Цезы (дидойцы) — одна из этнографических групп аварской народности, имеющая свой язык. Проживает в Цунтинском и Цумадинском районах Дагестана.

² Хеви — в грузинском языке — ущелье. Илан-хеви — название союза общин, а также ущелья.

Пользуясь случаем, приношу благодарность гостеприимным жителям Шаитли, Гениятли и Китури за оказанный нам прием и прекрасный подарок Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР — восемь масок бои и маску квидили.

³ Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. — VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. М. 1964.

⁴ Чурсин Г. Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Тифлис 1927, с. 50, 54.



Рис. 1. «Волки» (боци) на годекане в с. Шайтли Дагестанской АССР.

Подготовка к празднику начинается задолго до него. В течение года молодые люди, организующие игби, подмечают различные положительные и отрицательные поступки сельчан. На празднике всем отличившимся и провинившимся все «защтается». За 1,5—2 месяца до дня игби начинается непосредственная подготовка к нему: делают костюмы, участники игби распределяют обязанности. Персонажами праздника являются волки (боци — ед. ч.), лесные люди (цигес жекIу — ед. ч.), шайтан, скелет, врач, спекулянты, туристы, милиционер, военный и квидили (хъвидили) — центральная фигура праздника. Маски волков изготавливаются конусообразными из телячьих, коровьих, овечьих, козьих шкур мехом наружу, с прорезями для глаз, носа и рта. К острому концу маски могут подвязываться разноцветные короткие ленточки. Костюм волка, кроме маски состоит из вывернутой мехом наружу, подпоясанной ремнями шубы, традиционной вязаной обуви (гедоби) и перчаток фабричного производства. Для лесных людей изготавливаются комбинезоны, на которые нашиваются мох, сосновые ветки; маски для них делают таким же способом. Для костюма шайтана используются тряпье, куски меха, пустые банки. Маски для остальных участников праздника (врач, спекулянт, турист, милиционер) были из папье-маше или материи. Костюмами служили вещи промышленного производства, отвечающие функциям персонажей. Костюм скелета составляет комбинезон с пришитыми полосками белой ткани, которые должны были имитировать кости.

Фигура квидили для самих современных шайтлинцев загадочна. В их представлении она не соответствует ни одному из реально существующих животных: ни медведю, ни волку, ни оленю, ни коню. Это также не сказочный змей или дракон. «Мы не знаем, что это за животное, — говорят шайтлинцы, — но у него большая пасть, как у крокодила». «Квидили» с цезского, так же как и с аварского языка, непереводимо. Маска квидили, как ее делали в последние годы, представляла собой голову крупного животного, чем-то напоминающую голову лошади. Процесс изготовления этой маски довольно сложен. Сначала делают деревянную основу в форме головы, на нее натягивают коровью или козью шкуру мехом наружу. У маски квидили, действительно, большая пасть,двигающаяся с помощью подвязанной к нижней челюсти веревки. Маска укрепляется на конце двухметрового шеста, который несет человек, исполняющий роль квидили. Костюм этого персонажа праздни-



Рис. 2. Сбор игов в селении

ка делается из сшитых шкур мехов и напоминает балахон. В последнее время на маске квидили стали укреплять рога горного козла, которые, как отмечают местные жители, раньше делать было не принято. Маски всех персонажей игби, за исключением квидили, изготавливают юноши — участники праздника — каждый для себя. Маски служат не один год, ежегодно реставрируются, и так до тех пор, пока не придут в полную негодность. Для изготовления маски квидили требуется особое мастерство, а поэтому готовит ее кто-нибудь из опытных в этом деле взрослых мужчин. Роли между собой участники игби распределяют сами. Более почетными являются роли волков. Женские роли спекулянтов и туристов также исполняют юноши. На роль квидили приглашают взрослого мужчину, пользующегося в селении уважением. Все исполнители ролей, облаченные в костюмы, практически неузнаваемы, во время

праздника они избегают разговоров, дабы не выдать себя голосом. Эта анонимность действий позволяет им вести себя достаточно свободно (кидают в снег, размахивают деревянными мечами) по отношению к зрителям, особенно женщинам.

За неделю до дня игби в центре селения появляется 3—4 волка в сопровождении мальчиков, которые от имени боци возвещают сельчанам о необходимости готовиться к празднику — делать хлебцы-иги; те же, кто не приготовит их, будут наказаны боци. Накануне праздника, в субботний вечер, в селе вновь появляются боци в сопровождении мальчиков и снова оглашают то же предупреждение. Ночь накануне игби для женщин Шаитли тяжела. Они должны испечь несколько десятков маленьких игов и несколько больших. Тесто, используемое для их приготовления, обычное.

И вот наступает утро праздника. 5 февраля солнце впервые должно осветить расположенную напротив Шаитли местность Хора. Шаитлинцы говорят, что, когда это происходит, значит, половина зимы прожита и в природе происходит поворот к весне — скоро наступит весна. В этот день дети поднимаются раньше обычного. К 7 часам утра на улицах уже много детворы, которая с сумочками, собираясь группами, начинает обходить селение и собирать специально приготовленные для них в каждом доме маленькие иги. Скоро их сумочки наполняются игами, и они уносят их в свои дома.

Около 10 часов утра с разных концов селения к годекану⁵ подходят шесть боци — волков, облаченных в костюмы, с деревянными мечами в руках. Среди них есть старший боци, держащий как знак своего старшинства палку с привязанным к ней меховым ремнем; на его маске сделаны рога. Вокруг «волков» собираются приблизительно 30 мальчиков,

⁵ Годекан — площадь в центре селения, где обычно собираются мужчины для решения общественных вопросов.

сопровождающие их при обходе селения. Боци выбирают из числа зрителей двух взрослых мужчин и заставляют их нести гири — пятиметровый шест, на который будут нанизываться иги. Отказаться от этого поручения боци никто не может. Всех уклоняющихся они могут наказать различными способами — ударить деревянным мечом, окунуть в прорубь. После такого распределения обязанностей начинается сбор игов. Боци в сопровождении группы мальчиков и двух мужчин, несущих гири, начинают обходить селение. В течение всего периода сбора игов мальчики громко и протяжно кричат: «Готовьте иги! Кто не даст игов, будет наказан!» (наказание, которым они угрожают, заключается в том, что традиционную вязаную обувь (гедоби) той хозяйки, которая не дала им иг, они наполняют мокрым снегом со льдом — *хатаму*). Эта процессия движет-



Рис. 3. Квидили поздравляет шайтлинцев с праздником

ся от края селения к центру. Если около какого-то дома хозяин ее не встречает, один из боци стремится проникнуть в него и наказать (побить мечом) хозяйку. Обычно же, подходя к дому, где их уже ждут, один из волков протягивает меч, и хозяйка или хозяин надевает на него приготовленный иг. После этого сам боци нанизывает иг на гири. Так постепенно они обходят все дома. Когда процессия с собранными игами движется по селению, некоторые женщины пытаются сорвать один или несколько игов, висящих на гири; боци в свою очередь всеми силами стараются не допустить этого, отгоняя женщин мечами. Закончив сбор в восточной части селения, процессия удаляется в западную. В это время на годекане появляется доктор в белом халате, белой шапке и с матерчатой маской на лице. Он жестами начинает предлагать собравшимся сельчанам свои услуги. Следом за ним на годекан приходят «лесные люди», один в костюме из мха, другой — из сосновых веток, и шайтан, в обязанности которых входит пугать людей. Затем появляется «скелет», выступающий в качестве назидания тем, кто соблюдает уразу. В это же время на крыше одного из домов, расположенных выше годекана, несколько раз появляются и сразу же исчезают женские и мужские фигуры. Вскоре они появляются на годекане — это «спекулянты»: две женщины и двое мужчин в ярких костюмах и столь же ярких масках в сопровождении нагруженного различными «товарами» ишака. Они располагаются здесь же и начинают «торговать». Появившийся милиционер прогоняет их с годекана. Последними подходят «туристы», мужчина и женщина вызывающего внешнего вида, и «военный». Все эти персонажи веселят своими действиями собравшихся зрителей.

К этому времени все иги собраны, и боци в сопровождении мальчиков возвращаются в центр селения. Иги складываются на крыше хозяйственной постройки, расположенной у годекана. Мальчики остаются охранять их, а боци переходят на годекан, где включаются в устраиваемые представления. В 11 часов со стороны Хора появляется квидили.

Он собирает вместе всех участников праздника и зрителей. Начинается «официальная» часть. Квидили поднимается на специально для этого построенную трибуну из снега и льда и по-цезски желает сельчанам хорошей погоды и хорошего урожая в новом году, чтобы все жители селения принимали активное участие во всех общественных работах. Затем на трибуну поднимается учитель местной школы и от имени квидили зачитывает список сельчан, чем-либо провинившихся перед селением или молодежью. Таких провинившихся боци по приказу квидили волонкут к реке и опускают в прорубь по колено (в прошлом вместо этого набивали вязаную обувь мокрым снегом). В 1982 г. таким способом был наказан за пьянство один из сельчан, хотели наказать и одного из учителей, но на полпути к реке отпустили. После подобных наказаний выступающий от имени квидили поздравил тех шайтлинцев, кто отличился в 1982 г. добросовестным трудом. В этом году ими были: старший колхозник, принимающий активное участие во всех работах и в настоящее время, парторг местного участка лесхоза и пастух. Учитель поблагодарил их за хорошую работу, пожелал, чтобы и в дальнейшем они трудились столь же хорошо и вручил им по игу. Иги были вручены также двум студентам (один из них шайтлинец), которые приехали на праздник и помогли в его устройстве.

В продолжение всего праздника боци и другие его участники вылавливают среди зрителей «чужаков» — гостей из селений Китури и Генятли, пришедших сюда после завершения игби у себя, и бьют их своими деревянными мечами.

К полудню праздник вступает в завершающую фазу. Все участники собираются на годекане вокруг квидили и затаскивают его на мост через речку, протекающую посередине селения. На мосту квидили кладут и старший боци своим деревянным мечом символически перерезает ему горло. В прошлые годы, как рассказывают шайтлинцы, у квидили под костюмом был спрятан небольшой сосуд с красной краской; во время своего «умерщвления» квидили незаметно открывал его, и краска, имитирующая кровь, вытекала из сосуда в реку. В этом году «крови» не было. Тело квидили укладывается на носилки, и боци уносят его в глубь квартала. Посторонние лица и односельчане-зрители в сопровождающие не допускаются, боци отгоняют их своими мечами. В стороне от посторонних глаз человек, исполнявший роль квидили, снимает с себя костюм и через некоторое время появляется среди сельчан на годекане. Роль квидили на игби в настоящее время может исполнять, как говорят шайтлинцы, любой мужчина, обладающий актерскими способностями и чувством юмора. В 1981 г. эту роль исполнял учитель местной школы, а в 1982 г. — секретарь сельского Совета. Вслед за унесенным на носилках квидили исчезают с годекана и все остальные персонажи. Через некоторое время они вновь появляются, но уже без костюмов и масок. Шайтлинцы знают, кто участвовал в празднике, но кто был кем, для них должно быть и остается загадкой. Все исполнители ролей делят между собой собранные иги, а самый лучший иг вручается исполнителю роли квидили. На этом праздник заканчивается. После него не устраивается никаких специальных общих мероприятий. Жители расходятся по домам.

Так справлялся шайтлинский игби в 1982 г. Одновременно с ним такой праздник происходил в селениях Генятли и Китури, расположенных соответственно в 1,5 и 3 км от Шайтли. К сожалению, нам не удалось присутствовать на них, но, по рассказам местных жителей, игби у них в общих чертах повторял шайтлинский. Почему мы присутствовали на празднике в Шайтли, а не в Генятли или Китури? Во-первых, цезы, проживающие в других селениях, если знают что-либо об игби, то только о шайтлинском, т. е. этот праздник справлялся и справляется только в Шайтли. Во-вторых, — шайтлинцы уверяют, что это их праздник; а в-третьих, потому, что и китуринцы, и генятлинцы, возражая шайтлинцам в последнем, уточняют, что игби у них отмечается уже 20 лет или немного больше. Оказывается, игби — исключительная при-

легия Шаитли. Значит ли это, что игби был забыт всеми остальными селами или же он всегда справлялся только там? Вероятнее предположить первое, но никаких фактических доказательств этого у нас нет. В населении Шаитли нет и иноэтничных компонентов (за исключением одной семьи, один из предков которой был грузин), что дало бы повод предполагать нецезское происхождение игби. Не могут ответить на этот вопрос и сами шаитлинцы, уверяющие, что игби справлялся у них всегда. Эндогамный характер заключения браков и связанная с ним маловероятность смешения населения соседних селений и переноса традиций всего джамаата в другой лишь отчасти объясняют, почему игби до последнего времени справлялся в Шаитли, а не в Китури и Гениятли, но не дают ответа, почему он сохранился только в первом селении. С другой стороны, такая строгая локализация игби указывает на особую роль джамаата в сохранении традиций.

Шаитлинский игби, безусловно, принадлежит к весеннему циклу календарной обрядности, открывая его. Хозяйственная направленность игби достаточно очевидна. Иги выпекаются цезами и в другие праздники, в частности в День первой борозды, но именно в игби им отводится роль организующего начала. Приурочивание изготовления игов ко дню середины зимы, а фактически встречи весны подчеркивает их значение как солярных знаков. Современные шаитлинцы не могут объяснить, что же за загадочное существо — квидили спускается к ним в этот день. Квидили не делает людям ничего плохого, но в день игби его надо убить. «Мы не знаем за что, но его надо убить», — говорят шаитлинцы, — так делали и наши деды, и это, вероятно, потому, что, когда квидили кивой, у нас холодно и идет снег, а когда мы его убьем, становится теплее». На следующий год он появляется вновь. «Откуда он взялся? Ведь его убили, хотя неизвестно, где похоронили и похоронили ли вообще, и, говорят, у него нет детей. И так из года в год».

Праздник за последнее время претерпел достаточно много изменений. Он стал более развлекательным, его хозяйственная направленность практически не осознается, но сохраняются воспитательные, социализирующие функции. Среди современных персонажей праздника, вероятно, лишь квидили и боци являются традиционными, все же остальные, в том числе и лесные люди — явление новое. «Новые» персонажи могут заменяться другими, например медведем, лисами, да и само их присутствие на празднике не связано с какими-либо конкретными функциями в сюжетной линии, в то время как без боци и квидили игби быть не может. В Гениятли и Китури, где игби начал праздноваться явно недавно, различные нововведения заметно влияют на традицию. Маски у боци не всегда здесь конусообразной формы, часть из них просто колпаки из овечьих шкур, в то время как в Шаитли они не могут быть иными. В 1981 г. в Китури через неделю после официального игби устраивался игби для мальчиков младшего возраста, которые по существующим правилам не имеют права участвовать в празднике взрослых, т. е. игби воспринимается лишь как веселый зимний праздник.

Многое сближает игби с празднованием масленицы у грузин (*берикаоба-кееноба*). Прежде всего это образ главного персонажа: грузинского Берика и шаитлинского квидили, его «умерщвление» и «оживление» водой. Это и атрибуты костюмов других персонажей (мечи, маски), и сам порядок проведения праздников⁶. В Шаитли фаллическая атрибутика праздника четко не проявляется, лишь поведение участников игби в обращении с женщинами села, возможно, является остатком некогда существовавших эротических обрядовых действий. Безусловно, между этими двумя праздниками существует какая-то связь. Но в данный момент сказать об этом что-либо определенное вряд ли возможно, хотя уяснение этой связи крайне интересно, так как может раскрыть новые страницы в малоизученной истории цезов.

⁶ Рухадзе Дж. Грузинский народный праздник. Тбилиси, 1966, с. 19—29.

СПИСОК КНИГ

члена-корреспондента АН СССР

ИОСИФА РОМУАЛЬДОВИЧА ГРИГУЛЕВИЧА (ЛАВРЕЦКОГО)

к 70-летию со дня рождения

И. Р. Лаврецкий. Ватикан. Религия, финансы и политика. М.: Госполитиздат, 1957. 335 с.

Иосиф Лаврецки. Ватиканът. Религия, финансы и политика. София: Изд-во на Националния съвет на Отечествения фронт, 1958. 301 с.

J. Lavreckij. Vatikán. Náboženstvo, financie a politika. Bratislava: Slovenske vydavateľstvo politickej literatúry, 1958. 326 s.

J. R. Lavreckij. Vatikán. Náboženstvo, finance a politika, Praha: Statni Nakladatelství politické Literatury, 1959. 326 s.

J. R. Lavreckij. A Vatikán. Vallas, Penz, Politika. Budapest: Kossuth, 1959. 336 p.

И. Р. Лаврецкий. Ватикан. Религия, финансы и политика. Шанхай, 1959. 298 с. (на кит. яз.).

* * *

И. Р. Лаврецкий. Симон Боливар. М.: Соцэкгиз, 1958. 100 с.

И. Р. Лаврецкий. Боливар. 1-е изд.— М.: Молодая гвардия, 1960. 287 с. 2-е изд.— 1966. 206 с.; 3-е изд.— 1981. 221 с.

И. Лаврецкий. Симон Боливар. София: Изд-во на Националния съвет на Отечествения фронт, 1961. 283 с.

J. R. Lavretzky. Simón Bolívar. Cochabamba (Bolivia): Editorial Universitaria, 1970. 147 p.

Josef Lawrezki. Simon Bolivar. Rebell gegen die spanische Krone. Berlin: Neues Leben, 1980. 342 S.

Josef Lawrezky. Simon Bolivar. Rebell gegen die spanische Krone, Befreier Südamerikas. Köln: Paul Rugenstein-Verlag, 1981. 343 S.

Josef Lavretzky. Simón Bolívar. Moscú: Progreso, 1982. 263 p.

* * *

И. Р. Лаврецкий. Тень Ватикана над Латинской Америкой. М.: Изд-во АН СССР. 1961. 206 с.

J. Lavreckij. A Vátikan áznyéka Latin-Amerika felett. Budapest: Kossuth, 1962. 226 p.

* * *

И. Р. Лаврецкий. Кардиналы идут в ад. М.: Госполитиздат, 1961. 264 с.

J. Lavreckis. Kardināli iet uz elli. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1962. 266 p.

J. Lavreckis. Az Kardinolai eina i paraguros? Vilnius: Valstubine politines ir mokslines literatūros leidykla, 1963. 273 p.

I. Lawrecki. Kardynalowie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1965. 205 p.

* * *

И. Р. Лаврецкий. Панчо Вилья. М.: Молодая гвардия, 1962. 256 с.

И. Лаврецкий. Панчо Вилья. София: Изд-во на Националния съвет на Отечествения фронт, 1964. 215 с.

- R. Lavreckij.* Pancho Villa. Praha: Nakladatelství Politické Literatury, 1965. 217 p.
Lavretski. Pancho Villa. Buenos Aires: Lautaro, 1965. 296 p.
Lavretski. Pancho Villa. Santiago de Chile: Quimantu, 1973. 237 p.
Grigulevich. Pancho Villa. La Habana: Casa de las Américas, 1978. 155 p.

* * *

- P. Лаврецкий.* Колонизаторы уходят — миссионеры остаются. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 161 с.
Lavretkis. Kolonialismas ir misionieriai. Vilnius: Valstibine politines ir mokslines literatūros leidykla, 1964. 104 p.
Lavreckis. Kolonizatori aiziet — misionāri paliek. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 1965. 160 p.

* * *

- P. Григулевич.* Культурная революция на Кубе. М.: Наука, 1965. 302 с.

* * *

- P. Лаврецкий.* Миранда. М.: Молодая гвардия, 1965. 272 с.
Grigulevich-Lavretski. Miranda. La vida ilustre del Precursor de la Independencia de América Latina. Caracas: Ediciones de la contraloría, 1974. 275 p.

* * *

- P. Лаврецкий.* Боги в тропиках. Религиозные культы Антильских островов. М.: Наука, 1967. 160 с.
Lavreckis. Dievai tropikuose. Antilu salu religiniai kultai. Vilnius: Mintis, 1968. 189 p.

* * *

- P. Лаврецкий.* Хуарес. М.: Молодая гвардия, 1969. 224 с.

* * *

- P. Григулевич.* История инквизиции. М.: Наука, 1970. 447 с.
P. Григулевич. Инквизиция. М.: Политиздат, 1976. 463 с.
R. Grigulevics. Az inkvizició története. Budapest: Kossuth, 1972. 314 p.
R. Grigulevich. Dejiny inkvizície. Praha: Svoboda, 1973. 390 s.; 2 ed.—1982, 390 p.
Grigulevich. Historia de la Inquisición. Moscú: Progreso, 1976. 414 p.
R. Grigulevič. Ketzer Hexen-Inquisitoren. Geschichte der Inquisition (13.—20. Jahrhundert), Band I. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. 340 S.; Band II. Berlin: 1976, 341—652 S.; 2. Bearbeitete Auflage. Teil I. Berlin, Akademie-Verlag, 1980. 288 S.; 2. Bearbeitete Auflage. Teil II, 289—552 S.
P. Григулевич. Инквизицията. София: Партиздат, 1979. 456 с.
Grigulevits. Inkvisitsioon. Tallin: Eesti Raamat, 1981. 445 p.

* * *

- P. Григулевич.* «Мятежная церковь» в Латинской Америке. М.: Наука, 1972. 411 с.

* * *

- P. Лаврецкий.* Эрнесто Че Гевара. М.: Молодая гвардия, 1972. 347 с. 2-е изд.—1973; 3-е изд.—1978, 350 с.
Lavretski. Ché Guevara. Bogotá (Columbia). Ediciones Suramerica, 1972. 416 p.
Лаврецьки. Че Гевара. София: Партиздат, 1974. 404 с.
Ławreński. Ernesto Ché Guevara. 1. Auflage. Berlin: Neues Leben. 1974. 496 S.; 2. Auflage — 1976. 446 S.; 3. Auflage — 1977. 496 S.; 4. Auflage — 1979. 496 S.; 5. Auflage — 1982. 496 S.
Ławiecki. Ernesto Ché Guevara. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1974. 344 S.
Ławreckij. Ché Guevara. Budapest: Kossuth Könyvkiado, 1974. 292 p.
Ławretski. Ernesto Ché Guevara. Moscú: Progreso, 1975. 336 p.; 2 ed.—1980, 335 p.
Ławretsky. Ernesto Ché Guevara. Moscow: Progress, 1975. 312 p.
Ławreckis. Ernesto Če Gevara. Rīga: Liesma, 1975. 336 p.
Лаврецький. Эрнесто Че Гевара. Улан-Баатар (Монголия): Улсын Хэвлэлийн Газар, 1976. 360 с.
Лаврецький. Эрнесто Че Гевара. Афины: Академия, 1979. 393 с. 402 с. (на новогреч. яз.).

- И. Лаврецкий.* Эрнесто Че Гевара. Кишинэу: Картя Молдовеняскэ, 1980. 388 с.
И. Лаврецкий. Эрнесто Че Гевара. Тбилиси: Накадули, 1980. 348 с. (на груз. яз.).
И. Лаврецкий. Эрнесто Че Гевара. Алма-Ата: Казакстан, 1981. 368 с. (на казах. яз.).
J. Lawretsky. Ernesto Ché Guevara. New Dehli, 1980, 311 p.

* * *

- И. Р. Лаврецкий.* Сальвадор Альенде. М.: Молодая гвардия, 1974, 288 с.; 2-е изд.— 1975, 288 с.
Iosif Lavretski. El Presidente del Pueblo. México: Nueva Sociedad, 1974.
Josef Lawrezki. Salvador Allende. Berlin: Neues Leben, 1975.
Josef Lawrezki. Salvador Allende. Frankfurt am Main, 1975. 376 S.
Иосиф Лаврецьки. Другорят Президент. София: Партиздат, 1975. 456 с.
Josif Lawriecki. Salvador Allende. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1976. 308 S.
Iosif Lavreckij. Salvador Allende. Budapest: Kossuth Könyvkiado, 1976. 322 p.
Josif Romualdovic Lavreckij. Salvador Allende. Praha: Mlada Fronta, 1977. 264 S.
Josif Lavreckij. Salvador Allende. Bratislava: Ozor, 1977. 351 S.
J. Lavretski. Salvador Allende. Moscú: Progreso, 1978. 294 p.

* * *

- И. Р. Григорьев **. Уильям Фостер. М.: Молодая гвардия, 1975. 210 с.
Josef Lawrezki. William Foster. Berlin: Neues Leben, 1978. 312 p.

* * *

- И. Р. Григулевич.* Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки. М.: Наука, 1976. 277 с.
J. Grigulevich. Francisco de Miranda y la lucha por la liberacion de América Latina. La Habana: Casa de las Américas, 1978. 180 p.

* * *

- И. Р. Григулевич.* Крест и меч. М.: Наука, 1977. 295 с.
J. R. Grigulevics. Kereszt es kard. Budapest: Kossuth, 1981. 310 p.

* * *

- И. Р. Григулевич.* Папство. Век XX. 1-е изд. М.: Политиздат, 1978. 424 с.; 2-е изд. М.: Политиздат, 1981. 532 с.
Iosif Romualdovic Grigulevic. Papezstvi 20 Stoleti. Praha: Svoboda, 1981. 324 p.
J. Grigulevicius. Vatikanas. XX amzius. Vilnius: Mintis, 1982. 358 p.
И. Р. Григулевич. Папство. XX век. София: Политиздат, 1982. 423 с.
I. Grigulevich. El Papado. Siglo XX. Moscú: Progreso, 1982. 358 p.

* * *

- И. Р. Григулевич.* Хосе Марти, предвестник Кубинской революции. М.: Наука, 1979. 286 с.

* * *

- И. Р. Григулевич.* Сикейрос. М.: Искусство, 1980. 320 с.

* * *

- И. Р. Григулевич.* Церковь и олигархия в Латинской Америке. М.: Наука, 1981. 328 с.
Josef R. Grigulevich. Cual es el futuro de la antropologia social? La Habana. 1978. 48 p.

* * *

- I. Grigulevich-Lawretzki.* La Iglesia y la Sociedad. Moscu: Nauka, 1982. 232 p.

* И. Р. Григорьев — псевдоним И. Р. Григулевича.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1982 ГОДУ

В 1982 г., втором году одиннадцатой пятилетки, ознаменованном таким важным событием в жизни страны, как 60-летний юбилей образования СССР, коллективом института проведена значительная исследовательская и научно-организационная работа. Завершены восемь работ государственного плана, из них две закончены досрочно. Институт выпустил 42 книги (общий объем 752,5 п. л.). Вышли в свет также 23 внеплановых книги и брошюры, написанные сотрудниками института (общий объем 324,6 п. л.).

Как и в прошлые годы, в научной деятельности института большое внимание уделялось разработке теоретических проблем этнографической науки. Так, в коллективной монографии «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе» (18,6 п. л., отв. ред. Ю. В. Бромлей) исследуется эволюция типов и форм этнических общностей; на большом историческом, археологическом, антропологическом, демографическом и другом материале рассматриваются доклассовые и раннеклассовые периоды истории человечества в различных регионах земного шара. Дальнейшему исследованию вопросов, связанных с теорией этноса, посвящена и подготовленная к печати монография Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса».

Теоретические и методологические проблемы, как и ранее, получили отражение в материалах дискуссий на страницах журнала «Советская этнография», в отдельных статьях, опубликованных в том же журнале, и в ежегоднике «Расы и народы», в методологических семинарах, в подготавливаемом к печати коллективном труде «Этнография. Основные понятия и термины».

Одна из актуальных проблем этнографической науки — исследование современных культурно-бытовых и этнических процессов у народов СССР. В 1982 г. совместно с Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР опубликована книга «Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС» (21,7 п. л., отв. ред. М. Н. Губогло), вышедшая в специальной серии трудов Академии наук, посвященных 60-летию образования СССР. Эта книга как бы подводит итог предпринятому в последние годы изучению многих аспектов современных национальных процессов в нашей стране (от экономических и демографических до языковых и социально-психологических). В то же время в ней намечаются очередные задачи комплексного изучения этих процессов.

Кроме того, подготовлены к печати сборник «Современные этнические процессы у народов Сибири» (отв. ред. И. С. Гурвич) и монография Г. В. Старовойтовой «Этносоциологическое исследование иноэтнической группы в современном городе».

Этническим и культурно-бытовым процессам за рубежом посвящены две опубликованные в минувшем году книги. В коллективной монографии «Этнические процессы в странах Карибского моря» (23 п. л., отв. ред. Э. Л. Нитобург) рассматриваются этнические процессы в разных странах этого региона — как в тех, которые в результате длительной борьбы за свободу добились независимости, так и в остающихся еще владениями Англии, Франции, Нидерландов. Впервые комплексно на фоне общеисторического процесса исследуются судьбы аборигенного населения, этнический аспект политики колониальных держав, образование и развитие здесь новых этнических общностей.

В сборнике «Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин» (18,2 п. л., отв. ред. Н. Н. Чебоксаров, А. И. Кузнецов) анализируются проблемы этногенеза, этнокультурной истории, исторические судьбы и современное положение малых народов остров-

ного мира Юго-Восточной Азии (даяков, семангов, моро — мусульманского населения острова Минданао и др.). Книга содержит сведения об антропологическом типе, языке, религии, хозяйстве, социальной организации этих народов.

Подготовлены к изданию монографии Р. Г. Ляпуновой («Трансформация культуры коренного населения Юго-Западной Аляски: Русская Америка — современность»), И. Ф. Хорошаевой («Индийский компонент в этнической истории Мексики и Гватемалы»), Л. С. Шейнбаум («Формирование аргентинского этноса»).

Одним из важнейших направлений научной деятельности института по-прежнему оставалось изучение этнической истории и традиционных культур народов мира. По этой тематике издан ряд трудов (из них 13 — по народам нашей страны).

В коллективной монографии «Этническая история народов Севера» (17,5 п. л., отв. ред. И. С. Гурвич) рассматриваются особенности этнического развития народов Севера СССР со времени вхождения Сибири в состав Русского государства до Великой Октябрьской социалистической революции. В ней исследуются, преимущественно на архивных материалах и данных переписей населения, вопросы, связанные с расселением, численностью и родоплеменным составом народов Сибири в XVII — начале XX в.

В коллективной монографии «Этнография русского крестьянства Сибири (XVII — середина XIX в.)» (17,1 п. л., отв. ред. В. А. Александров) рассматриваются проблемы заселения и хозяйственное освоение Сибири русскими крестьянами и служилыми людьми, своеобразие их жизненного уклада. В работе даны характеристики семей и семейного быта сибирского крестьянства; его поселений, жилища и хозяйственных построек, одежды и пищи.

Сборник «Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования» (17 п. л., отв. ред. С. И. Брук) ¹ — первый итог совместной работы советских и американских этнографов, антропологов, медиков и биологов. Он содержит новые материалы по проблеме долгожительства, что дает возможность сделать первые широкие сопоставления данных самых различных наук по этому вопросу.

«Финно-угорский сборник. Антропология, археология, этнография» (15,2 п. л., отв. ред. А. А. Зубов, Н. В. Шлыгина), являющийся итогом совместных полевых работ советских и финских ученых, содержит материалы по антропологии и этнографии финно-язычных народов СССР и Финляндии (финны, эстонцы, коми). Большое внимание уделяется вопросам этногенеза. Затрагиваются также важные медико-биологические проблемы, в частности процесс адаптации к условиям Севера.

Сборник «Старый Петербург» (15,4 п. л., отв. ред. Н. В. Юхнева) продолжает публикацию историко-этнографических исследований, посвященных прошлому Ленинграда, начатую в 1977 г. книгой «Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга». В нем исследуются этнические группы в составе населения Петербурга, их культурно-бытовая история. Большое внимание уделено проблемам источниковедения.

«Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика» (18,7 п. л., отв. ред. Е. А. Алексеенко) впервые вводит в научный оборот результаты комплексного исследования кетов. Приводятся сравнительные данные по другим народам.

В монографии С. А. Арутюнова, И. И. Крупника, М. А. Членова «Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина» (12,1 п. л.) описывается история открытия и обследования авторами древнеэскимосского святилища «Китовая аллея», обнаруженного в 1976 г. на о. Иттыгран у юго-восточного побережья Чукотки. Большое внимание в ней уделено анализу этнографических материалов по азиатским эскимосам и соседним народам.

Монография Н. Г. Волковой (в соавторстве с Г. Н. Джавахишвили) «Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации» (20,9 п. л.) представляет собой первое обобщающее исследование бытовой культуры грузин, рассматриваемой в динамике по отдельным этнографическим группам. В ней детально характеризуются процессы трансформации традиций и возникновения нового в традиционной культуре.

В книге Л. И. Лаврова «Этнография Кавказа» (14,4 п. л.) представлены собранные им во время поездок по Кавказу историко-этнографические материалы, отражающие этапы изменения быта разных кавказских народов, начиная с 20-х гг. нашего века, этнические процессы, особенности двуязычия и многоязычия, пережитки первобытных верований.

¹ Эта книга издана в США: Proceedings of the First Joint US—USSR Symposium on «Aging and Longevity». V. 1, II. N. Y., 1982.

Монография З. П. Соколовой «Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв.» (20 п. л.), основанная на литературных и архивных, а также на полевых материалах автора, посвящена проблемам фратрии и рода у хантов и манси. По данным церковных метрических книг в ней с помощью статистического метода выявлены фамильный и численный состав фратрий у обских угров, расселение членов фратрий, бытование дуальной экзогамии у хантов и манси в XVIII—XIX вв., ее постепенное ослабление к началу XX в.

В монографии О. А. Сухаревой «История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.)» (11,1 п. л.) рассматриваются происхождение костюма населения Самарканда, его изменение в разные исторические периоды, главным образом после присоединения Средней Азии к России. Автор широко привлекает сравнительный материал из других районов Средней Азии.

Рукопись монографии М. Д. Торэн «Русская народная медицина» (20 а. л.) депонирована в ИНИОН АН СССР (№ 9425). Это первый обобщающий труд по русской народной медицине, в котором суммируются многочисленные публикации, рассеянные в научной литературе, архивные данные из различных рукописей, а также сведения, собранные автором в экспедициях.

В брошюре «Краткое содержание докладов научной сессии Института этнографии АН СССР, посвященной основным итогам работы в X пятилетке» (5 п. л., отв. ред. В. П. Курылев) изложены основные положения докладов, отражающих главные направления научной работы ленинградских этнографов. В большинстве докладов рассматриваются вопросы, связанные с этногенезом, этнической историей и современными этническими процессами, а также с социальными отношениями и историей материальной и духовной культуры различных народов земного шара. Часть докладов посвящена истории этнографической науки и музейному делу.

Этническая и традиционная культура зарубежных народов исследуется в 12 опубликованных в минувшем году книгах.

Статьи очередного, XIII выпуска сборника «Africana» (23 п. л., отв. ред. Д. А. Ольдерогге) посвящены вопросам этнографии, культуры и истории народов Африки южнее Сахары.

В сборнике «Забывшие системы письма: Остров Пасхи, Великое Ляо, Индия. Материалы по дешифровке» (Отв. ред. Ю. В. Кнорозов, 21,7 п. л.) излагаются некоторые результаты дешифровки протоиндийских, киданьских и рапануйских текстов. В статьях последовательно отражены основные этапы исследования недешифрованных текстов: математическая обработка, формальный анализ и переход к филологической обработке.

Монография Ю. В. Бромлея и М. С. Кашубы «Брак и семья у народов Югославии» (14,1 п. л.) — первое историко-этнографическое исследование традиционного и нового в семейно-брачных отношениях многонационального государства. Авторы использовали данные социологии, демографии, статистики, экономики, а также анкетные обследования и полевые наблюдения.

В работе Н. А. Бутинова «Полинезийцы островов Тувалу» (8 п. л.) дана характеристика хозяйственной и социальной жизни полинезийцев бывших островов Эллис, основанная преимущественно на материалах, собранных автором во время экспедиции на судне «Дмитрий Менделеев» в 1971 г.

В монографии Э. С. Годинер «Возникновение и эволюция государства в Буганде» (9,2 п. л.) прослеживается генезис государственности в одном из доколониальных раннеклассовых образований восточноафриканского Межозерья; анализируются социально-экономические предпосылки локальных процессов классообразования, определяется уровень развития производительных сил и специфика общественного разделения труда.

В книге Н. Р. Гусевой «Художественные ремесла Индии» (16,7 п. л.) даются исторический обзор развития и характеристика наиболее распространенных видов художественных ремесел: обработки металла, ювелирного дела, керамического производства, резьбы по дереву и кости, плетения и др., а также рассказывается об основных типах традиционной одежды и тканях, из которых она делается.

В книге Ю. В. Ионовой «Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середин XIX — начало XX в.» (13,0 п. л.) дано историко-этнографическое описание календарных, общинных, семейных, а также ряда других обрядов и обычаев, рассматриваемых в связи с хозяйственно-трудовыми традициями и социально-экономическими отношениями в Корее в XIX — начале XX в.

В монографии В. А. Попова «Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования» (10,7 п. л.) исследуются основные этапы этносоциальной истории ашан-

тийцев в доколониальную эпоху, дается типологическая характеристика основных центральных институтов и системы родства, а также разрабатывается ряд актуальных проблем общей этнографии и теории первобытного общества.

В книге М. А. Родионова «Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья» (7,6 п. л.) развернуто характеризуются марониты Ливана — одна из самых крупных этноконфессиональных групп Восточного Средиземноморья. Автор реконструирует основные этапы ее истории с VII по XX в. и рассматривает положение этой группы в ливанском обществе.

Работа С. Б. Чернецова «Эфиопская феодальная монархия XIII—XVI вв. (19,6 п. л.) посвящена проблеме складывания феодальных отношений у народов, населяющих Эфиопское нагорье, и той роли, которую играла феодальная монархия в этнической истории этих народов в изучаемый период.

А. С. Мыльников в книге «Культура чешского возрождения» (10,1 п. л.) поставил задачу, основываясь на разработке общих проблем типологии истории культуры, проследить на чешском материале развитие культуры в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

В статьях сборника МАЭ (т. XXXVIII) «Из культурного наследия народов Европы и Европейской части России» (18,6 п. л., отв. ред. Т. В. Станюкович) рассматриваются принципы классификации различных элементов материальной культуры, генезис и семантика отдельных комплексов, история сбора коллекций и описание собраний, характеризующих культуру локальных групп восточнославянского населения. В сборнике впервые публикуется каталог коллекционных фондов МАЭ по народам Восточной и Западной Европы.

Традиционной культуре зарубежных народов посвящены также 14 подготовленных к изданию работ: коллективные монографии «Календарные обычаи и обряды у народов Восточной Азии. Новый год» (отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков), «Роль традиционных социальных институтов в современной жизни народов Зарубежной Азии» (отв. ред. А. М. Решетов), «Типология одежды народов Зарубежной Азии» (отв. ред. А. М. Решетов), «Этнические стереотипы поведения» (отв. ред. А. К. Байбурин): сборники «Африкана», вып. XIV (отв. ред. Д. А. Ольдерогге), «Кочевники Евразии вчера и сегодня» (отв. ред. М. В. Крюков), сборник МАЭ, т. XXXIX «Культура народов Америки» (отв. ред. Р. В. Кинжалов); исследования С. А. Арутюнова и В. Г. Щебенкова «Айны. Народ и проблемы», В. В. Бочарова «Английская политика косвенного управления в Восточной Африке», Н. А. Бутинова «Социальная организация полинезийцев», О. А. Ганцкой «Польская семья (опыт этнографического изучения)», В. В. Матвеева «Культурные контакты народов Северной и Западной Африки», Е. А. Окладниковой «Наскальное искусство Северной Америки», И. К. Федоровой «Иероглифические тексты острова Пасхи. Корпус знаков».

Проблемам этнического и историко-этнографического картографирования посвящены три публикации. Книга «Жилище народов Средней Азии и Казахстана» (19,4 п. л., отв. ред. Е. Е. Неразик, А. Н. Жилина), подготовленная в процессе работы над историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана является первым опытом систематизации и обобщения историко-этнографических материалов по жилищу данного региона и разработки его типологии.

Монография В. П. Кобычева «Поселения и жилище народов Северного Кавказа XIX—XX вв.» (29,6 п. л.) выполнена в плане разработки «Кавказского историко-этнографического атласа». В ней дается обобщенное описание типов поселения и жилищ народов названного региона с картографированием их отдельных элементов в хронологическом разрезе: на середину XIX в., конец XIX — начало XX в. и 60-е годы XX в. Книга снабжена большим количеством карт и иллюстраций.

В сборнике «Этническая география и картография» (12 п. л., отв. ред. С. И. Брук), опубликованном на французском и немецком языках², освещаются вопросы, возникающие при составлении этнических карт, рассматриваются особенности расселения народов, всесторонне анализируются методы этнического картографирования.

Большое внимание в минувшем году уделялось изучению древнейших этапов социальной истории человечества. По этой проблематике, помимо уже упомянутой выше коллективной монографии «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе», опубликованы две книги.

² В целях широкого ознакомления зарубежного читателя с трудами советских этнографов редакцией «Общественные науки и современность» осуществляется публикация переводов на иностранные языки ряда изданных книг.

В сборник «Община и ее типы» (10 п. л., отв. ред. А. И. Першиц), изданный на английском, немецком и французском языках, включены теоретические статьи по проблемам типологии общины и ее хозяйственно-культурных разновидностей. Рассматривается в нем и история изучения общины в дореволюционной русской и в советской литературе, исследуются основные типы общин в первобытном и классовых обществах, указаны особенности общины у охотников, рыболовов, земледельцев и т. п.

В книге «Петроглифы урочища Сары-Сатака» (А. П. Окладников, Е. А. Окладникова, Э. А. Скорынина, В. Д. Запорожская, 20 п. л.) публикуются результаты археологических исследований 1979 г. в районе оз. Сары-Сатак. В научный оборот вводится новый материал, обнаруженный на моренных грядках и холмах с погребальными комплексами эпохи бронзы, раннего железа, в том числе ряд сюжетов, ранее не известных в наскальном искусстве долины Елангаша, которые сближают эти памятники с комплексами петроглифов Горного Алтая и Центральной Азии.

Подготовлены к печати второй том трехтомной коллективной монографии «История первобытного общества» (отв. ред. А. И. Першиц) и сборник «Этнографические исследования развития культуры» (отв. ред. А. И. Першиц, Н. Б. Тер-Акопян).

Сотрудники института активно участвовали в подготовке опубликованного в минувшем году первого выпуска ежегодника «Религии мира» (20,3 п. л., отв. ред. И. Р. Григулевич), статьи которого посвящены вопросам теории и методологии религиоведения, истории религии, ее роли в современном мире. Велась подготовка к печати второго выпуска этого ежегодника.

Опубликована книга Н. Г. Краснодембской «Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования)» (15,2 а. л.), посвященная соотношению народного мировоззрения сингалов (Шри Ланка) с обрядовыми нормами и догматами буддийского верования. Автор описывает народные и буддийские культы в их ритуальных предписаниях для мирян, выявляет путем анализа ритуальных форм основной круг религиозно-магических представлений сингалов.

В отчетном году по фольклорной тематике опубликованы две работы. В статьях сборника «Обряды и обрядовый фольклор» (20,8 п. л., отв. ред. В. К. Соколова) рассматриваются древнейшие обычаи, различные культы, верования; выясняется, как все это отразилось в устной поэзии; говорится о месте и значении слова в обрядах разного типа, о соотношении слова и действия, особенностях их сочетания.

В монографии Б. Н. Путилова «Героический эпос черногорцев» (13,1 п. л.) исследуются сюжетика, персонажи, поэтическая специфика героического эпоса черногорцев конца XVII—XIX в., прослеживаются преемственные связи с классическим юнацким эпосом и характер его переработки; показано, как в черногорских песнях отразились процесс пробуждения национального самосознания, исторические связи России и Черногории в XVIII—XIX вв.

Подготовлены к печати работы Г. Г. Шаповаловой и Л. С. Гвоздиковой «Традиционные обряды и обрядовый фольклор Поволжья», И. К. Федоровой «Материалы по фольклору острова Пасхи».

Продолжались исследования в области этнической ономастики. Подготовлен к изданию сборник «Ономастика народов Востока» (отв. ред. В. А. Никонов).

В 1982 г. опубликованы две работы по антропологии (помимо уже упомянутых выше двух книг «Феномен долгожительства» и Финно-угорский сборник», в основу которых положен также и антропологический материал).

Сборник «Новые материалы к антропологии Западной Индии (результаты советско-индийских исследований)» (21,9 п. л., отв. ред. М. Г. Абдушелишвили, К. Ч. Малхотра) содержит предварительные данные комплексного антропологического обследования наиболее представительных эндогамных групп Махараштры. Приведены этнографические данные по этим группам, статистические расчеты их относительной генетической близости и другие материалы, которые могут служить для этноисторической интерпретации расового облика населения Западной Индии и выяснения специфики сложения ее этнического состава.

В монографии Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология Китая. Расовая морфология современного населения» (19 п. л.) на базе уникального полевого материала, собранного автором в СССР, Китае и Индии, проведен анализ антропологического состава современных китайцев (хань) и других народов Китая, а также соседних стран Азии, позволивший выделить монголоидные, австралоидные и европеоидные компоненты. Показана расовая неоднородность китайского населения во все периоды его истории.

В минувшем году антропологи завершили четыре работы: коллективные монографии «Антропологический состав и происхождение населения Тувы в скифское время» (отв. ред. И. И. Гохман), «Антропологические материалы к этнической истории античных и феодальных государств Восточной Европы» (отв. ред. М. С. Великанова), сборник «Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии» (отв. ред. И. И. Гохман), монография А. П. Пестрякова «Антропология Юго-Востока Средней Азии (проблема генезиса расы Среднеазиатского междуречья)».

Материалы по вопросам борьбы с буржуазной идеологией систематически помещаются в ежегоднике «Расы и народы». В 1982 г. вышел в свет 12-й выпуск ежегодника (23,5 п. л., отв. ред. И. Р. Григулевич), 13-й выпуск находится в печати, 14-й подготовлен к изданию.

Опубликована коллективная монография «Расы и общество» (26,5 п. л., отв. ред. Ю. В. Бромлей), в которой впервые в марксистской науке освещается весь комплекс вопросов, относящихся к расовой проблеме в широком общественно-историческом контексте. В книге даются всесторонний анализ и критика теории и практики расизма во всех его проявлениях. Прослеживаются исторические, социальные и психологические корни расовых предрассудков.

В сборник «Расовая проблема в современном мире» (10 п. л., отв. ред. С. Я. Козлов), изданный на английском, французском, испанском и португальском языках, вошли работы советских ученых, разоблачающие расизм во всех его формах и проявлениях, показывающие его научную несостоятельность.

Пять вышедших в минувшем году публикаций посвящены истории науки.

В сборнике «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IX (20,4 п. л., отв. ред. Р. С. Липец) включены материалы по истории источниковедения, экспедиционной, библиографической и музейной работы в области этнографии и фольклористики в XIX — первой половине XX в., этнографические, фольклорные и антропологические исследования отдельных регионов страны.

В книге «Человек с луны: дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклая» (составление, подготовка текстов, послесловие Б. Н. Путилова) (19,4 п. л.) опубликованы дневники, извлечения из писем и статей. Расположенные в хронологическом порядке, они образуют несколько тематических циклов. В ней раскрыты основные этапы деятельности выдающегося ученого и путешественника, его взгляды на жизнь, научные принципы, его борьба за права коренного населения Океании.

Работе «Летопись Картли» (перевод, введение и примечания Г. В. Цулая, 7 п. л.) предпослано введение, в котором даются историко-культурная характеристика этого письменного источника XI в., его источниковедческий анализ и рассматриваются свидетельства по исторической этнографии, взаимоотношениям народов Кавказа и прилегающих к нему регионов. Эту работу дополняют примечания, где разъясняются отдельные социальные термины, этнонимы, антропонимы, исторические события и факты.

Б. Н. Путилов в книге «Н. Н. Миклухо-Маклай — путешественник, ученый, гуманист» (12 п. л.), вышедшей на английском языке, освещает основные моменты жизни и деятельности русского ученого, характеризует его научные принципы, идеи, нравственный кодекс.

В книге «Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия на Новую Гвинею. Дневники, письма, документы» (составитель, автор вступительной статьи, комментариев и глоссария Д. Д. Тумаркин, 30,8 п. л.), тоже вышедшей на английском языке, опубликованы все новогвинейские дневники Н. Н. Миклухо-Маклая, а также его письма и документы в защиту папуасов Новой Гвинеи и других островитян Океании. Некоторые письма и документы, написанные Н. Н. Миклухо-Маклаем по-английски, публикуются впервые.

Изучению истории науки посвящены также две завершенные работы: З. Л. Пугач «Коллекции В. В. Юнкера в собраниях Музея антропологии и этнографии АН СССР» и С. Б. Чернецов «Эфиопские хроники XVI—XVII вв.».

Значительную работу в истекшем году провела редакция журнала «Советская этнография». Особое место в журнале в 1982 г. заняли материалы, связанные с 60-летием образования Союза ССР. Были опубликованы статьи об этнокультурном развитии народов нашей страны за этот период о результатах ленинской национальной политики КПСС и Советского государства, мировом значении опыта решения национального вопроса в СССР.

Как и в предшествующие годы в журнале значительное место было уделено важнейшим вопросам теории этнографической науки: соотношение инновации и традиции в культуре (С. А. Арутюнов, № 1; О. Р. Будина и М. Н. Шмелева, № 6), принципы

нографических реконструкций (А. И. Першин, № 3), предмет антропологии (А. А. Зубов, № 5) и т. п.

Был опубликован ряд статей об итогах исследований группы по дешифровке древних письменностей (М. Ф. Альбедиль, № 1; Б. Я. Волчок, № 3) и примыкающая к ним проблематике работа Н. А. Бутинова (№ 6).

Продолжалась публикация исследований, посвященных этнокультурным процессам различных народов мира и этнической специфике их культур (Я. С. Смирнова, № 6; А. Ф. Моногарова, № 3; В. А. Тишков, № 3; Н. Е. Руденский, № 3).

Было закончено обсуждение статьи В. А. Попова о половозрастной стратификации этнографических реконструкциях (№ 1), начатое в 1981 г., и проведена дискуссия о работе Г. Е. Маркова об основных понятиях и терминологии исследований скотоводческого хозяйства (№ 2, 3 и 4).

Продолжалась также обычная работа журнала по освещению научной жизни в СССР и за рубежом и по ознакомлению читателей с наиболее интересными новинками отечественной и иностранной этнографической литературы.

Как и ранее, журнал широко предоставлял свои страницы для выступлений зарубежных исследователей (работы П. Лафлина, США, № 4; Ф. Г. Роуза и Б. Шепс, ФРГ, № 3; индийских авторов Дж. Шармы, № 2, М. Гадгила и К. Ч. Мальхотры, № 5).

Важное место в деятельности института по-прежнему занимали экспедиционные исследования. В 1982 г. полевые работы велись как постоянными экспедициями института (Северной, Среднеазиатской, Восточнославянской, этносоциологической, антропологической), так и отдельными вновь сформированными отрядами. Всего состоялся 61 выезд. Экспедиции работали по основным проблемам научно-исследовательского плана института. Одним из главных направлений в сборе полевых материалов оставалось изучение современных этнических и культурно-бытовых процессов, выявление соотношения традиционного и нового в современном хозяйстве, семейном быту и культуре народов Советского Союза.

Пять отрядов Комплексной межинститутской антрополого-биологической и этнографо-социологической экспедиции продолжили сбор материала по изучению этнических групп с повышенным процентом долгожителей.

Антропологи собирали полевой материал по тематике, связанной с проблемами антропогенеза, формирования рас и отдельных этнических общностей.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция изучала в соответствии со своей многолетней программой археологические памятники в зоне земель древнего орошения.

Как и в прежние годы, результаты исследований института нашли применение в практике социалистического строительства. Так, сектор этнографии народов Севера занимался вопросами современного состояния хозяйства, культуры и быта у малых народов Севера и Сибири. Сектор конкретных социологических исследований изучал тенденции в изменении социальной структуры советских наций, этнические аспекты национальных процессов в обществе развитого социализма; распространение двуязычия и факторы, влияющие на этот процесс в современных условиях.

В институте продолжалась подготовка научных кадров. В 1982 г. в аспирантуре обучалось 72 человека (54 — в Москве, 18 — в Ленинграде). Тематика работ аспирантов связана с основными проблемами научно-исследовательской деятельности Института этнографии.

* * *

В истекшем году большая работа была проведена специализированными учеными советами института (в Москве и Ленинграде). На заседаниях Ученых советов состоялись защиты четырех докторских и двадцати одной кандидатской диссертации.

Ученые советы института (в Москве и Ленинграде) рассматривали актуальные проблемы этнографической науки. В начале года был обсужден доклад директора института акад. Ю. В. Бромлей «Итоги научно-исследовательской деятельности Института этнографии в 1981 г.». В конце года в Москве на торжественном заседании Ученого совета, посвященном 60-летию образования СССР, с докладом об основных итогах работы института в 1982 г. выступил Ю. В. Бромлей. Особое внимание он уделил вопросам дальнейшего повышения эффективности и качества научных исследований в области этнографии и антропологии и созданию коллективных обобщающих трудов.

На заседаниях ученых советов были обсуждены также доклады по отдельным проблемам, имеющим важное значение для современной науки: И. С. Кон «Культура и

пол», А. С. Мыльников «К вопросу о структуре национального самосознания», В. Р. Асеньев «Традиционное и современное в общественной жизни республики Мали». О работе в Японии советской антрополого-этнографической выставки «Кочевые народы Евразии» рассказали М. В. Крюков, В. Н. Басилов, В. П. Курылев.

В Москве состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное памяти и научной деятельности заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора биологических наук, профессора В. В. Бунака (в связи с 90-летием со дня рождения). Открывая заседание, С. И. Брук подчеркнул огромное значение работ В. В. Бунака для развития всех разделов советской антропологии. С воспоминаниями о В. В. Бунаке поделился Я. Я. Рогинский. С докладами о вкладе В. В. Бунака в советскую и мировую науку выступили представители смежных научных учреждений и ученики В. В. Бунака: А. А. Зубов — «В. В. Бунак и будущее антропологии»; Т. И. Алексеева — «В. В. Бунак — исследователь биологии человека»; Б. А. Никитюк — «Генетические послышки акселерации развития и роль В. В. Бунака в их обосновании», М. И. Урысов — «В. В. Бунак и некоторые вопросы эволюционной истории человека».

Ряд заседаний ученого совета в Ленинграде был посвящен итогам работы в десятилетней пятилетке.

На заседаниях ученого совета в Москве были заслушаны и обсуждены доклады об итогах работы за 5 лет секторов этнографии народов Зарубежной Азии, Австралии, Океании; Конкретных социологических исследований, Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, а также об основных направлениях работы Северной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1979—1981 гг.

В течение 1982 г. ученые советы провели большую научно-организационную работу, связанную с избранием на новые должности и переквалификацией сотрудников, а также с обсуждением и утверждением к печати трудов института.

* * *

В 1982 г. сотрудники Института этнографии участвовали более чем в 40 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах, для которых подготовили свыше 180 докладов.

Наиболее значительной встречей этнографов в масштабах всей страны была Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР (Нальчик, октябрь). Сессия была организована Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Научным Советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР и Кабардино-Балкарским ордена «Знак Почета» институтом истории, филологии и экономики при Совете Министров КБ АССР. В ее работе приняли участие свыше 150 человек: сотрудники институтов Академии наук СССР и ее филиалов, академий наук союзных республик, различных научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, работники этнографических и краеведческих музеев РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики, Кавказа, Средней Азии³.

Институт этнографии принял участие в организованной ЦК КПСС Всесоюзной научно-практической конференции «Развитие национальных отношений в условиях зрелого социализма. Опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания» (Рига, июнь), посвященной 60-летию образования СССР. С докладами на ней выступили: Ю. В. Арутюнян («Общее и национально-особенное в социальном облике колхозного крестьянства») и Л. М. Дробижина («Межнациональное общение у народов СССР»). На конференции был представлен доклад Ю. В. Бромлей «Этнические аспекты национальных процессов в обществе развитого социализма»⁴.

На юбилейной научной сессии, посвященной 60-летию образования СССР (Москва, декабрь), организованной Отделением истории АН СССР, с докладом «Национальные процессы в СССР и основные направления их этнографического изучения» выступил Ю. В. Бромлей.

На Всесоюзной конференции «Интернационализация духовной жизни в условиях развитого социализма (исторический аспект)» (Вильнюс, ноябрь), организованной На-

³ Подробнее см.: Куббель Л. Е. Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР. — В этом номере журнала.

⁴ Подробнее см.: Социальная политика и национальные отношения. М.: Мысль, 1982.

ным советом «История социалистического и коммунистического строительства в СССР», доклад «Об общем и национально-особенном в культурной жизни народов СССР» сделал Ю. В. Арутюнян.

Институт участвовал в организованной Брежневским РК КПСС научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию образования СССР (Москва, ноябрь). Докладами выступили Ю. В. Бромлей («60-летие образования СССР и национальные процессы»), Л. М. Дробужева («Дружба народов — характерная черта советского образа жизни») и Б.-Р. Логашова («Осуществление ленинских принципов национальной политики в Конституции СССР»).

Институт этнографии провел пресс-конференцию в МИД СССР для иностранных корреспондентов по теме «Развитие и сближение национальных культур народов СССР» (Москва, декабрь). На вопросы корреспондентов ответили Ю. В. Бромлей, С. И. Брук, Л. М. Дробужева, М. Н. Губогло.

На научно-практической конференции «Проблемы развития социалистического образа жизни в свете требований XXVI съезда КПСС» (Магадан, июнь), организованной Магаданским обкомом КПСС, Академией общественных наук при ЦК КПСС, ДВНЦ АН СССР и Институтом социологических исследований АН СССР, И. С. Гурвич рассказал о современном развитии малых народностей Северо-Восточной Сибири.

В. С. Кондратьев принял участие в подготовке всесоюзной научно-практической конференции «Патриотическое и интернациональное воспитание молодежи в свете постановления ЦК КПСС „О 60-й годовщине образования СССР“» (Грозный, октябрь), организованной ЦК ВЛКСМ, и сделал доклад «Национальное и интернациональное в культурных ориентациях молодежи».

На всесоюзном симпозиуме «Проблемы сравнительных социологических исследований» (Черноголовка, ноябрь), организованном Институтом социологических исследований, с докладами выступили В. С. Кондратьев (в соавторстве с Ю. В. Арутюняном) — «Сравнительные исследования в этносоциологии» и А. А. Сусоколов — «Проблемы использования материалов текущего учета населения при сравнительном изучении социально-этнических процессов».

М. Н. Губогло участвовал в научно-теоретической конференции «Всесоюзный фестиваль многонациональной советской литературы» (Фергана, август), организованной Союзом писателей СССР, ЦК КП Узбекистана и Союзом писателей Узбекистана, где сделал доклад «От двуязычия в коммуникациях к двуязычию в творчестве».

На организованной Отделением истории АН СССР XIX сессии Всесоюзного аграрного симпозиума (Уфа, сентябрь) выступил В. А. Александров («XXVI съезд КПСС и задачи советской аграрной истории»).

М. Г. Рабинович сделал доклад «Русский город в былинах» на всесоюзной конференции «Древнерусские города (к 1500-летию Киева)» (Киев, май), организованной Институтом археологии АН УССР.

На IX Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии (Таллин, май), организованной Институтом истории СССР АН СССР, Институтом археологии АН СССР и Институтом истории АН ЭССР, выступили Г. И. Анохин («Современное этнонациональное лицо фарерского народа»), Т. А. Березина («Изучение саамов в Швеции»), М. Н. Морозова («О свадебной обрядности скандинавских народов»).

На всесоюзной конференции «Закономерности и специфика развития революционного процесса в освободившихся странах Африки и Азии» (Тбилиси, май), организованной Научным советом по проблемам Африки АН СССР, Институтом Африки АН СССР и Институтом востоковедения АН Грузинской ССР, выступили Б. В. Андриянов — «Этническое развитие народов Азии и Африки как один из аспектов революционного процесса» и Н. М. Гиренко — «Культурный фактор в революционных преобразованиях в аграрных районах Танзании».

В работе XIII Всесоюзной конференции океанистов и австраловедов (Москва, май), организованной Институтом востоковедения АН СССР, принял участие ряд сотрудников института⁵.

На III Всесоюзной конференции индологов (Москва, октябрь), организованной Институтом востоковедения АН СССР, выступили Ю. В. Кнорозов, Б. Я. Волчок, М. Ф. Альбедиль («Некоторые проблемы исследования протоиндийских текстов»),

⁵ См.: *Бутинова М. С.* XIII конференция по изучению Австралии и Океании. — Сов. этнография, 1983, № 2.

М. К. Кудрявцев («Брачные нормы в кастовой системе»), Н. Г. Краснодарская («Проблемы типологии одежды народов Южной Азии»).

В Ленинградской части института была проведена научная сессия, посвященная основным итогам работы в десятой пятилетке (Ленинград, март)⁶.

Отдел антропологии Института этнографии АН СССР организовал Всесоюзную научную сессию, посвященную 90-летию со дня рождения выдающегося советского антрополога, Заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора биологических наук, профессора В. В. Бунака (Москва, февраль). В сессии приняли участие сотрудники многих научных учреждений страны, преподаватели высших учебных заведений⁷.

Сектор этнографии народов Америки организовал первый симпозиум по проблемам индеанистики — «Американские индейцы в прошлом и настоящем» (Москва, ноябрь), в котором приняли участие сотрудники многих научных учреждений страны⁸.

В апреле Ленинградской частью института этнографии были организованы «Четвертые Маклаевские чтения»⁹.

На очередной, XII конференции молодых специалистов — сотрудников и аспирантов института — «Социальные факторы этнокультурных процессов» (Ленинград, июнь) было прочитано и обсуждено 19 докладов, посвященных современным этническим процессам и традиционной бытовой культуре народов мира.

Сотрудники института приняли также участие во всесоюзных конференциях: «Теоретико-методологические проблемы общественного развития» (Москва, май), «Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма» (Таллин, октябрь), по истории науки в Прибалтике (Тарту, ноябрь), «Историкография и источниковедение Сибири» (Томск, май), во II конференции китаеведов (Москва, январь), в XIII конференции «Государство и общество в Китае» (Москва, февраль) и др.

Принимали участие сотрудники института и во всесоюзной сессии «Актуальные проблемы изучения исторических источников» (Сухуми, октябрь); в координационном совещании и конференции по итогам полевых исследований на территории Узбекистана (Самарканд, март); во всесоюзном семинаре «Традиционный фольклор и современность» (Москва, декабрь); в зональном совещании-практикуме научных сотрудников по фольклору и методистов по праздникам и обрядам научно-методических центров Нечерноземья и Волго-Вятской зон (Горьковская область, июнь); в V Республиканской конференции по проблемам культуры и искусства Армении (Ереван, октябрь); во II Всесоюзной школе молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь); в «Проповских чтениях» (Ленинград, май); «Дульзоновских чтениях» (Томск, февраль); «Рериховских чтениях» (Москва, сентябрь); в очередной научной сессии «Бартольдские чтения» (Москва, июнь); в годичной сессии ленинградских арабистов (Ленинград, июнь); в сессии ленинградских индологов (Ленинград, май); в заседании первой Школы архивистов АН СССР и академий наук союзных республик (Московская область, апрель); в заседании Ихтиологической комиссии и в совещании Министерства рыбного хозяйства СССР по серому киту (Москва, февраль) и в других встречах ученых страны.

* * *

Большое внимание в истекшем году уделялось популяризации этнографических знаний. Институт по-прежнему активно участвовал в подготовке совместно с Институтом географии АН СССР обобщающей 20-томной научно-популярной серии «Страны и народы». Опубликованы два тома этой серии — «Африка. Общий обзор. Северная Африка» (41,3 п. л.) и «Зарубежная Азия. Общий обзор. Южная Азия» (21,9 п. л.). В этих томах наряду с экономико- и физикогеографическими очерками имеются главы по истории, населению и современной материальной и духовной культуре народов.

Сотрудники института опубликовали несколько десятков статей в различных научных, научно-популярных и общественно-политических журналах, а также в газетах.

Вышли в свет научно-популярные работы: сборник «Глазами этнографов» (14,6 п. л., отв. ред. Ю. В. Бромлей), книги И. Р. Григулевича «Симон Боливар» (13,7 п. л., на испанском яз.), «Палство. Век XX» (18 п. л., на испанском яз.), «Церковь и государ-

⁶ См.: Кисляков В. Н., Курылев В. П. Научная сессия в Институте этнографии АН СССР (Ленинградская часть). — Сов. этнография, 1982, № 6.

⁷ См.: Давыдова Г. М., Жомова В. К., Зубов А. А., Халдеева Н. И. Сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. В. Бунака. — Сов. этнография, 1982, № 4.

⁸ См.: Александренков Э. Г. Симпозиум по проблемам индеанистики. — В этом же мере журнала.

⁹ Подробнее см.: Соболева Е. С. Четвертые Маклаевские чтения. — Сов. этнография, 1982, № 5.

тво в Латинской Америке» (12,5 п. л., на испанском яз.), И. С. Кона «Психология паршеклассника» (14,0 п. л.), «Открытие „Я“» (14,1 п. л. на латышском яз.) и «Дружизна» (12 п. л., на болгарском яз.), И. А. Кривелева «Библия: историко-критический анализ» (13,3 п. л.) и «Русская православная церковь в первой четверти XX в.» (3,5 п. л.); М. Г. Рабиновича «Не сразу Москва строилась» (11,1 п. л.); В. В. Покшишевского «Экономическая география Мирового океана» (3 п. л.); З. П. Соколовой «Путешествие в Югру» (11 п. л.) и «Страна Югория» (14 п. л., на немецком яз.); Н. Г. Краснодембской опубликован перевод с языка марагхи романа «Любовь и ненависть».

Работники института продолжали сотрудничать с Большой Советской Энциклопедией, а также писали статьи для краткого энциклопедического справочника «Народы мира».

В минувшем году вышли в свет 2-й том энциклопедии «Мифы народов мира» и справочник «Население Океании», в подготовке которых также активно участвовал институт.

Сотрудники института принимают участие и в создании учебников для вузов: в этом году был опубликован учебник «Этнография» (29,9 п. л., под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова)¹⁰.

Вышло также третье издание учебника «История первобытного общества» (20,4 п. л.), написанного А. И. Першицем, А. Л. Монгайтом и В. П. Алексеевым, в которое внесены дополнения и изменения с учетом новейших данных антропологии, археологии и этнографии, расширен фактический материал.

По радио выступали М. Н. Губогло, И. И. Гохман, Ч. М. Таксами, А. Е. Тер-Сарисянц; по телевидению — С. А. Арутюнов, М. В. Крюков, П. И. Пучков, С. Я. Серов, И. Ф. Хорошаева, И. К. Федорова.

Сотрудники института прочитали 1210 лекций в Москве, Ленинграде, а также в городах и селах различных республик и областей.

Большую работу по пропаганде этнографических и антропологических знаний провел Музей антропологии и этнографии. В 1982 г. музей посетило около 500 тыс. чел., для которых было проведено свыше 5100 экскурсий экскурсоводами Ленинградского городского экскурсбюро. Для советских и зарубежных специалистов сотрудники института провели 121 экскурсию. Экспонаты музея широко демонстрировались и в других музеях нашей страны (Эрмитаж, Государственный музей этнографии народов СССР, Музей истории Ленинграда, Музей истории религии и атеизма, Зоологический музей АН СССР, Ульяновский краеведческий музей им. И. А. Гончарова и др.).

В истекшем году музей подготовил юбилейную выставку к 60-летию образования СССР «Традиционное искусство народов СССР», демонстрировавшуюся в Елагинном дворце. Продолжалась демонстрация выставки «Традиционная культура населения Передней Азии» в Калининграде.

Институт участвовал в подготовке экспонировавшейся на ВДНХ СССР выставки АН СССР «Братский союз — основа расцвета советских республик», посвященной 60-летию образования СССР.

Экспозиция работ Лаборатории пластической антропологической реконструкции института демонстрировалась во время проведения XI конгресса Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (в разделе «Наука о земле» выставки АН СССР «Достижения советских ученых в изучении четвертичного периода») и II конгресса Международного общества этнологии и фольклора Европы (Суздаль, октябрь).

Графические реконструкции внешнего облика чешских князей X—XI вв., выполненные Г. В. Лебединской, экспонировались на археолого-антропологической выставке, организованной в Пражском граде Национальным музеем Праги («Пржемысловичи» Прага, май).

В 1982 г. продолжалась демонстрация выставки «Этнография и искусство Океании», привезенной с Новых Гебрид французским художником Н. Н. Мишутушкиным и его полинезийским коллегой А. Пилиоко. Она была показана в Музее истории культуры и искусства узбекского народа им. Икрамова (Самарканд).

В ноябре 1982 г. была закрыта Международная археолого-этнографическая выставка АН СССР «Кочевые народы Евразии», которая в течение года экспонировалась в различных городах Японии¹¹.

¹⁰ См.: рецензию Л. Е. Куббеля (Сов. этнография, 1982, № 5).

¹¹ Подробнее см.: Крюков М. В. Культура евразийских кочевников в выставочных залах Японии. — Сов. этнография, 1982, № 5.

В отчетном году деятельность Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в целом, его подразделений и отдельных сотрудников получила высокую оценку.

За активную пропаганду идей советского патриотизма и пролетарского социалистического интернационализма среди молодежи Ю. В. Бромлей и В. С. Кондратьев награждены почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.

Премия Ленинградского комсомола в области науки за 1982 г. была присуждена В. А. Попову за цикл работ по фундаментальным проблемам этносоциологии первичной формации.

За участие в выставке «Достижения советских ученых в изучении четвертичного периода» Г. В. Лебединская награждена Почетным дипломом ВДНХ СССР, а И. В. Каширина — бронзовой медалью ВДНХ СССР.

По итогам социалистического соревнования научных учреждений Отделения истории АН СССР за 1982 г. в честь 60-летия образования СССР Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Московская часть) занял второе место.

Коллектив Ленинградской части Института этнографии АН СССР за высокие показатели в социалистическом соревновании учреждений АН СССР в ознаменование 60-летия образования СССР награжден Почетной грамотой Ленинградского обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

А. Е. Тер-Саркисянц

* * *

В 1982 г. международные научные связи Института этнографии АН СССР развивались по следующим направлениям: 1) организация и осуществление контактов и сотрудничества с научными учреждениями и отдельными учеными социалистических, капиталистических и развивающихся стран; 2) участие в деятельности международных научных организаций и обществ; 3) подготовка и публикация итогов совместных исследований; 4) проведение международных научных форумов; 5) организация международных этнографических и антропологических выставок; 6) обмен музейными коллекциями с научными учреждениями разных стран; 7) обмен научной информацией во время пребывания ученых Института за рубежом и приема зарубежных ученых в Институте.

В течение года в зарубежные командировки в 21 страну Европы, Азии и Америки выезжали 60 сотрудников института (в социалистические страны — 27, в капиталистические — 33). Во время командировок ими было прочитано 40 докладов и лекций.

В 1982 г. в институте было принято 180 зарубежных ученых. Социалистические страны были представлены учеными из ВНР, ГДР, Кубы, НРБ, ПНР, СРВ, СРР, СФРЮ, ЧССР; капиталистические и развивающиеся — учеными из Австралии, Бельгии, Великобритании, Индии, Испании, Италии, Канады, Колумбии, Мозамбика, Нидерландов, Норвегии, Сирии, Судана, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции, Японии.

В 1982 г. институт продолжал осуществлять многостороннее и двустороннее сотрудничество с научными центрами социалистических стран по следующим темам:

1. «Общие и специфические черты в народной культуре стран карпато-балканского региона» — совместно с учеными ВНР, НРБ, ПНР, СФРЮ и ЧССР в рамках Международной комиссии по изучению народной культуры в области Карпат и Балкан.

2. «Этнокультурные процессы в условиях социализма» — совместно с учеными ВНР, ГДР, НРБ, ПНР, СФРЮ и ЧССР в рамках Международного комитета по этнографическому изучению современности. Продолжалась разработка темы «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма».

3. «Этнография славян» (осуществляемая учеными НРБ, ГДР, ПНР, СССР, СФРЮ и ЧССР) — велись работы по завершению одноименного капитального коллективного международного труда. В издательстве «Наука» находится рукопись I тома — «Введение. Восточные славяне». Кроме того, велось научное редактирование перевода на русский язык раздела «Словаки» (т. II).

4. «Этнокультурные традиции народов Центральной и Восточной Европы» — в соответствии с планом работ предварительно обсуждалась проблематика научной конференции, намечаемой на 1985 г.

Двустороннее сотрудничество осуществлялось на основе проблемно-тематических планов научного сотрудничества Академии наук СССР с академиями наук ВНР, ГДР, СФРЮ, Кубы, МНР на 1981—1985 гг. и с Комитетом общественных наук СРВ на 1980—1985 гг. Оно проводилось в соответствии с рабочими планами, по следующим темам.

С Венгерской академией наук:

а) «Сравнительно-типологическое изучение традиционной культуры народов Центральной и Восточной Европы». По разделу «Сравнительное изучение ранних форм лигии» велась подготовка к публикации в ВНР (на английском языке) статей составного сборника по материалам двустороннего симпозиума;

б) «Этнокультурные связи народов ВНР и СССР с древнейших времен до наших дней». С венгерской стороны предварительно обсуждена программа намеченного на 84 г. в СССР двустороннего симпозиума;

в) «Методологические проблемы изучения национальных культур» (головное учреждение от АН СССР — Институт славяноведения и балканистики). Институт этнографии АН СССР и Институт этнографии ВАН начата подготовка программы предстоящего в 1983 г. в ВНР совместного симпозиума «Методологические проблемы этнографического изучения культур».

С Академией наук ГДР:

а) «Методологические проблемы этнографической науки и ее основные категории». Центральным институтом истории АН ГДР продолжалась работа над совместным исследованием «Этнография: основные понятия и термины».

б) «История, этнография, культура и языки славянских народов» (головное учреждение от АН СССР — Институт славяноведения и балканистики). Институт этнографии АН СССР и Институт славяноведения АН ГДР велась совместная работа по теме «Современные этносоциальные процессы в Лужицком районе ГДР».

С Советом академий наук и искусств СФРЮ:

Велось сотрудничество по подготовке международного труда «Этнография славян» Межакадемическим координационным комитетом по изучению жизни и обычаев народов и народностей Югославии.

С Академией наук Кубы:

По теме «Этнографический атлас Кубы» совместно с Институтом общественных наук АН Кубы проведены полевые этнографические исследования, сдан в издательство сборник «Кубинская этнография», ведется работа над сборником «Провинция Матансас. Этнографические очерки».

С Академией наук МНР:

По теме «Этническая история и современные этнокультурные процессы в МНР» совместно с Институтом истории АН МНР были проведены первые этнографические полевые исследования в МНР.

С Комитетом общественных наук (КОН) СРВ:

Велось сотрудничество с Институтом этнографии с КОН СРВ, предусматривающее исследования по двум темам:

а) По теме «Этногенез и этническая история народностей Вьетнама» — продолжалась работа над сборником «Тайские народы Вьетнама» (по материалам совместных этнографических и антропологических исследований), оказывалась научно-методическая помощь вьетнамским ученым по проблемам этнографии, велась подготовка квалифицированных кадров вьетнамских этнографов (аспирантов и стажеров);

б) По теме «Национальные меньшинства СРВ в условиях социализма». Ученые института приняли участие в совместных этносоциологических исследованиях. Собранные информация, позволяющая охарактеризовать культурно-бытовые и национальные процессы в обследованных северных провинциях СРВ, обработана с помощью советской вычислительной техники.

Продолжалось сотрудничество с учеными европейских социалистических стран в международном реферативном органе журнале «Демос». В текущем году для публикации в журнале было направлено около 80 рефератов, освещающих изданные в Советском Союзе работы по этнографии и фольклористике.

В 1982 г. сотрудничество института с капиталистическими и развивающимися странами, как и в прошлые годы, выражалось в подготовке совместных исследований и их публикации, деятельности в международных научных организациях, обмене учеными этнографическими коллекциями, проведении международных форумов.

Особенно эффективно научное сотрудничество осуществлялось с американскими учеными. Оно шло по двум проблемам: 1. Взаимодействие культур народов мира. Сравнительное этнографо-антрополого-археологическое изучение аборигенного населения Северной Сибири и Северной Америки. 2. Биолого-антропологические и социально-этнографические аспекты в изучении проблем долгожительства.

В 1982 г. по первой проблеме члены советской рабочей группы подготовили и опубликовали

ликовали несколько статей в журнале «Советская этнография». Отредактирован сборник статей «На стыке Чукотки и Аляски», посвященный взаимоотношениям в Беринговом регионе. Проведена организационная работа по подготовке советско-американско-канадской выставки «Народы Берингоморья». С этой целью в США выезжал И. С. Гурвич.

По второй проблеме на основе советских и американских материалов в 1982 вышла в свет книга «Феномен долгожительства» (М.: Наука, 1982).

Как и в предыдущие годы институт осуществлял совместно с финляндскими учеными разработку проблем этногенеза и этнической истории финно-угорских народов по данным антропологии и этнографии (Институт этнографии АН СССР, Комитет по сотрудничеству в области науки и техники между Финляндией и СССР).

1. В январе в Финляндии (г. Хельсинки) состоялось очередное заседание Смешанной советско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области этнографии, антропологии, на котором был подписан очередной восьмой протокол на 1982—1983 гг.

2. Опубликован совместный «Финно-угорский сборник (Антропология, археология, этнография)».

3. Проведены организованные финской стороной на территории Финляндии антропологические работы, в которых с советской стороны участвовали А. А. Зубов и Н. В. Шлыгина.

4. Продолжалась организационная работа по подготовке совместных антропологических исследований на территории СССР и совместного советско-финляндского симпозиума по теме «Развитие и взаимодействие культур города и деревни в период после I мировой войны». Симпозиум должен состояться в 1983 г.

5. Продолжалось изучение коллекций Национального музея Финляндии по коренному населению Русской Америки. Финская сторона приняла советского специалиста Р. Ляпунову в сентябре-октябре с. г. В ходе этой командировки ею совместно с финским ученым П. Варьола было закончено описание коллекций.

Весьма плодотворно развивалось советско-французское сотрудничество в области изучения этнографии народов Крайнего Севера. В 1982 г. по предложению директора Центра арктических исследований Франции проф. Ж. Малори, одобренному Президиумом АН СССР, в Ленинграде (Ленинградская часть института) состоялся советско-французский симпозиум по теме «Этнография народов Севера». На нем были зачитаны и обсуждены доклады советских и французских этнографов, посвященные изучению широкого круга вопросов, связанных с исследованием традиционной культуры и быта и современного этнического развития народов Севера СССР, а также Аляски и Гренландии.

В 1982 г. особенно активным было сотрудничество с японскими научными организациями. Этому в значительной мере способствовала экспонировавшаяся в Японии в течение года археолого-этнографическая выставка «Кочевые народы Евразии», имевшая большой успех.

Из развивающихся стран институт наиболее активно сотрудничал с Индией. В текущем году вышел в свет второй том труда «Новые материалы по антропологии Западной Индии», основанный на результатах предыдущих советско-индийских исследований, проведенных на территории Индии.

В истекшем году велась подготовка XI Международного конгресса антропологических и этнологических наук, который состоится в Канаде (Квебек и Ванкувер) в августе 1983 г.: сформирована советская делегация, определены симпозиумы, в которых примут участие советские ученые, и тематика их докладов. Создан и приступил к работе советский Оргкомитет.

В 1982 г. институт участвовал в работе Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук по проекту «Направление тенденции культурного развития в современном обществе. Взаимодействие культур». В совещании содиректоров данного проекта принимали участие Ю. В. Арутюнян и Л. М. Дробизева (ВНП, апрель).

С 1967 г. Институт стал коллективным членом Международного общества этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ). Важным событием в деятельности общества явился II Международный конгресс МОЭФЕ, который проходил в СССР (г. Суздаль) в сентябре-октябре 1982 г.¹

И. Ю. Заринов

¹ См. Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П. Второй конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы.— Сов. этнография, 1983, № 2.

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ ПО ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1980—1981 гг., ПОСВЯЩЕННАЯ 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

26—28 октября 1982 г. в столице Кабардино-Балкарской АССР г. Нальчике проходила очередная Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг. Как известно, такие совещания регулярно проводятся каждые два года (предыдущее состоялось в Уфе в 1980 г.). Но сессию в Нальчике отличала важнейшая особенность: она собралась незадолго (меньше чем за два месяца) до празднования 60-летия со дня образования СССР. Поэтому на ней не только рассматривались результаты полевых исследований за два года, истекших со времени предыдущей сессии, но она стала научным форумом, призванным показать уровень, достигнутый советской этнографической наукой за шесть десятилетий существования Союза ССР, и одновременно очертить круг проблем, нуждающихся в первоочередном изучении, имея в виду важнейшую цель: активизировать участие и расширить вклад советских этнографов в дело коммунистического строительства.

Эти обстоятельства, несомненно, послужили причиной дополнительного внимания к подготовке и проведению сессии со стороны Кабардино-Балкарского обкома КПСС и правительства республики, которые оказали большую помощь непосредственному организатору сессии — Кабардино-Балкарскому ордена «Знак Почета» институту истории, филологии и экономики при Совете Министров КБ АССР. Эта помощь, а также большая работа, проделанная сотрудниками Института, обеспечили прекрасную организацию сессии и сделали на редкость интересным и насыщенным впечатлениями пребывание в Кабардино-Балкарии этнографов из других республик и городов страны.

Сессия открылась в помещении республиканского Дома партийного просвещения 26 октября. В этот же день в республиканской газете «Кабардино-Балкарская правда» была опубликована статья акад. Ю. В. Бромлея «Лицом к современности». В статье наряду с изложением целей и задач сессии были перечислены также важнейшие теоретические и прикладные проблемы, стоящие перед различными субдисциплинами этнографии, в частности перед этносоциологией. В заключение была выражена уверенность в том, что «проведение Всесоюзной сессии в год 60-летия образования СССР, когда внимание к судьбам национальных культур привлечено не только в нашей стране, но и в зарубежных странах, будет способствовать пропаганде исторических преимуществ и достижений социализма в решении сложнейших проблем развития национальных отношений в СССР, расцвета и сближения национальных культур»¹.

Первое пленарное заседание, на котором помимо непосредственных участников сессии присутствовало около 400 партийных и советских работников и пропагандистов из всех районов республики, открыл директор Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики Х. И. Хутуев. От имени Кабардино-Балкарского обкома КПСС и правительства республики присутствовавших приветствовал секретарь обкома КПСС Б. М. Зумакулов. Он указал на то, что проведение сессии в юбилейном году именно в Нальчике свидетельствует о признании советскими этнографами достижений ученых республики и их научного авторитета, и выразил уверенность в том, что сессия будет иметь не только чисто научное значение, но и даст важные практические рекомендации, которые смогут использовать партийные и советские органы на местах. Б. М. Зумакулов пожелал участникам сессии успешной и плодотворной работы.

С докладом «60-летие образования СССР и основные тенденции современных национальных процессов» выступил акад. Ю. В. Бромлей (Москва). Он отметил, что 60-летний опыт СССР — свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС. Этот опыт дает миру пример подлинного демократизма при разрешении одной из самых драматических и сложных проблем в человеческой истории. Возникновение Союза Советских Социалистических Республик в декабре 1922 г. было претворением в жизнь важнейшего пункта программы партии по национальному вопросу — тезиса о праве наций на самоопределение, а также воплощением основной идеи ленинской национальной программы — как можно более тесного союза как можно большего числа наций в интересах демократии и социализма.

¹ Кабардино-Балкарская правда, 26 октября 1982 г.

В историческом развитии СССР в полной мере обнаруживается диалектика национального и интернационального. Самым ярким ее проявлением служит наличие взаимосвязанных тенденций в национальных процессах у нас в стране: расцвета наций, с одной стороны, и все большего их сближения — с другой.

Докладчик продемонстрировал, как эти тенденции проявляются в главных сферах общественных отношений — государственно-правовой, экономической, в области социально-классовых отношений, в культуре, в частности в таких важнейших ее областях, как все виды художественного творчества и язык. Он подчеркнул, что наряду с расширением сферы действия национальных языков, их быстрым развитием наблюдается развитие двуязычия, главным образом в форме распространения русского языка как языка межнационального общения. Не менее существенно и то, что нормы социалистической морали были восприняты в качестве норм поведения всеми советскими народами и это способствовало дальнейшей консолидации последних.

Сравнивая ход национальных процессов в СССР и в капиталистическом мире, Ю. В. Бромлей отметил, что даже при внешнем сходстве некоторых явлений (например, при буржуазном федерализме в сфере государственной организации или при широком распространении в современном мире языков межэтнического и межнационального общения) при капитализме невозможно подлинное равенство наций, исключающее межнациональные конфликты. Весь опыт реального социализма убедительно показывает, что, как и предсказывали основоположники марксизма, только когда не станет антагонизма классов, исчезнет и антагонизм наций.

Х. И. Хутуев выступил с докладом «60 лет образования СССР и этнонациональные процессы на Северном Кавказе». Отметив огромное значение Великой Октябрьской социалистической революции и ленинской национальной политики КПСС для судеб народов Северного Кавказа, он подробно охарактеризовал те колоссальные перемены, которые произошли в различных областях материальной и духовной культуры населения отсталых в прошлом национальных окраин России. Детальному анализу был подвергнут, в частности, этнонациональный аспект этих перемен. Докладчик показал, как развивались процессы сближения и братского сотрудничества между народами, ставшие возможными только при советской власти. Основное внимание он уделил проявлениям этих процессов в семейном и общественном быту кавказских народов: быстрому росту числа национально-смешанных семей и интернационализации культуры. Такая интернационализация находит выражение в постоянном расширении обмена духовными ценностями, создаваемыми разными народами нашей многонациональной страны на основе расцвета национальных культур, их взаимовлияния и взаимообогащения.

В развитии культурных процессов, подчеркнул докладчик, каждый год существования СССР можно приравнять к десятилетиям и даже векам, настолько интенсивным и успешным было развитие социалистической культуры аварцев и кабардинцев, адыгейцев и черкесов, чеченцев и карачаевцев, осетин и балкарцев, абазин и ногайцев. И это служит убедительнейшим доказательством огромной заботы партии и правительства о малых народах Советского Союза.

В докладе Л. М. Дробижевой (Москва) «Развитие национального самосознания и межнациональные отношения у народов СССР» на основе данных, полученных в результате представительных опросов населения в РСФСР, Узбекской, Грузинской, Молдавской и Эстонской ССР, а также материалов ЦСУ СССР рассматривались проблемы, связанные с выделением факторов, которые лежат в основе этнической идентификации и служат стимуляторами развития национального (этнического) самосознания. Среди таких факторов особое внимание докладчица уделила социальной мобильности, быстрым темпам роста образования и культуры населения и влиянию средств массовой информации.

Л. М. Дробижева выделила те условия, при которых возможно бесконфликтное сосуществование двойного и тройного самосознания (собственно этнического, регионального, в том числе республиканского, и общесоветского). Ею была обоснована неравнозначность таких явлений, как национальное самосознание и этнические предубеждения. Ибо, хотя этническое самосознание и межнациональные установки взаимосвязаны, они могут не просто различаться, но и испытывать воздействие как общих, так и специфических обстоятельств, которые в значительной мере определяют их характер и интенсивность проявления.

Р. Ф. Итс (Ленинград) в докладе «Роль этнографической науки в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся» показал возможности использования результатов полевых этнографических исследований в университетском и школьном преподавании и в идеологической работе для пропаганды интернационализма и советского патриотизма. Он обратился к экспедиционным материалам, свидетельствующим о практических результатах проведения национальной политики КПСС в жизни малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Такие материалы неопровержимо доказывают, что за 60 лет существования Союза ССР произошел не только быстрый подъем этих народов к высотам современной культуры. Одновременно произошла и коренная перестройка их этнического сознания и самосознания: сохраняя последнее, они в то же время ощущают себя полноправными членами принципиально новой формы исторической общности людей — советского народа. Одним из самых ярких подтверждений этого служит героизм, проявленный всеми народами при защите социалистической Родины от фашистской агрессии во время Великой Отечественной войны. Не менее убедительны успехи малых народов Севера СССР в создании как своей собственной, так и общесоветской культуры в послевоенный период.

В докладе И. С. Кон а (Ленинград) «Этнография и культура детства» главный пункт был сделан на необходимости тщательного изучения детской субкультуры, образующей органическую и самостоятельную часть всякой этнической культуры. Этнографов интересует при таком изучении в основном то, какие именно трудовые навыки социальные роли усваивает ребенок.

Изучение специфической детской субкультуры того или иного этноса возможно лишь на базе детального знания его образа жизни и способов социализации. Но здесь есть и своя особая проблематика, свой круг объектов, куда входят прежде всего детский фольклор, игра и общение. Их возрастные стадии подчинены единой системе психологических закономерностей. Между ними существует определенная внутренняя, содержательная связь. И как раз здесь наблюдаются многочисленные этнокультурные вариации, определяющие как содержание деятельности ребенка, так и сроки его перехода из одной стадии развития в другую.

В связи с таким переходом докладчик остановился на вопросах полового воспитания детей и юношества. Здесь, с одной стороны, в равной мере недопустимы любые попытки обойти эти вопросы — в форме ли ханжеского умалчивания о них или фактически вседозволенности. С другой стороны, именно в данном контексте участие этнографов может быть особенно действенным: они хорошо знают культуру того или иного народа, распределение половых ролей в этой культуре и связанные с ним ценностные ориентации. Только с учетом всех этих черт конкретной культуры можно наметить правильный подход к половому воспитанию молодежи, отвечающий высоким идеалам нашего общества.

И. С. Кон обратил внимание аудитории и на то, что изучение культуры детства органически связано с общими проблемами культурологической теории; оно важно, например, при исследовании общих механизмов «символической инверсии», свойственных в той или иной форме всякой культуре.

Во второй половине дня 26 октября и 27 октября работа сессии проходила в восьми секциях, где было представлено в общей сложности 137 докладов².

Работа секции «Современные этнические процессы у народов СССР» проходила под председательством М. Н. Губогло (Москва), М. Г. Кумахова (Нальчик) и Г. Х. Мамбетова (Нальчик).

В докладах и в дискуссии обсуждались следующие основные проблемы: 1) направления и тенденции развития современных этносоциальных процессов; 2) проблемы формирования и функционирования национальных культур, в том числе языков, в ходе развития и сближения наций и народностей СССР; 3) проблемы этнодисперсных групп, иноэтничной среды и этноконтактных зон; 4) современное состояние терминологии и задачи ее дальнейшего совершенствования. Наряду с этнографами в дискуссии принимали участие историки, философы, социологи, языковеды, работники советских и партийных органов.

Было предложено двоякое понимание сущности и содержания этносоциальных процессов: 1) узкое, при котором под такими процессами понимается становление и развитие социальных структур наций и народностей, и 2) широкое — когда рассматриваются многообразные взаимосвязи социальных процессов с этнодемографическими, этнокультурными, этноязыковыми и этнопсихологическими процессами, имеющими ту или иную выраженную этническую окраску (доклады В. К. Бондарчика, Минск; Н. Я. Бромлей, Москва; Т. С. Гузенковой, А. Д. Коростелева и А. Е. Пахутова, Москва; И. С. Гурвича, Москва).

Рассмотрение позитивного опыта формирования структур советских наций и народностей сочелось с разоблачением антикоммунистических концепций, например такой, как теория «этнической стратификации» (З. С. Чертина, Москва). Комплексный подход к проблемам культуры и языка позволил обсудить вопросы, связанные с созданием и распространением национальных культур и с приобщением широких народных масс к вырабатываемым этими культурами ценностям (доклады В. Х. Болотова, Нальчик; А. Т. Кясова, Нальчик; Г. Х. Мамбетова, Нальчик; Х. Х. Пшуква, Нальчик; Л. С. Толстовой, Москва; С. И. Эфендиева, Нальчик).

В ряде докладов рассматривалось развитие языков народов СССР, а также распространение русского языка как средства межнационального общения.

Работа секции продемонстрировала растущий интерес этнографов и других специалистов к группам населения Союза ССР, проживающим в иноэтничном окружении (доклады В. И. Васильева и Г. А. Сергеевой, Москва; И. Н. Гемуева, Новосибирск; Г. Д. Джавахишвили, Тбилиси; Б. Р. Зориктуева, Улан-Удэ; М. Э. Коган, Ленинград; В. А. Липинской, Москва; Н. Р. Маликовой, Баку).

Секция «Этногенез и этническая история» работала под председательством И. С. Гурвича (Москва).

В докладах, представленных членами секции, затрагивались такие крупные научные проблемы, как этногенез и этническая история отдельных этнических общностей (Е. К. Аджиджад, Сухуми; Б. Г. Ахметшин, Уфа; А. Д. Джикиев, Ашхабад; Ш. Д. Инал-Иян, Сухуми; А. Ж. Кафаев, Нальчик; И. М. Мизиев, Нальчик; Г. С. Саркисян, Ереван; К. Ш. Шаниязов, Ташкент) и методические вопросы, связанные с изучением этнических процессов (Е. А. Алексеенко, Ленинград; В. А. Никонов, Москва; Н. А. Томилов, Омск; В. А. Туголуков,

² Перечень докладов см.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР. Октябрь 1982 Лезисы докладов/Ред. Дробужева Л. М. и др. Нальчик, 1982.

Москва). Естественно, что на заседаниях особое внимание было уделено этногенетическим исследованиям, связанным с Кавказским регионом и, конечно, с Кабардино-Балкарией. Характерная особенность докладов по этногенетической проблематике: ключалась в том, что их авторы пытались осветить эти вопросы в основном с позиций этнографа, отчасти — языковеда. Это вполне закономерный и законный подход, одна проблема этногенеза может всесторонне решаться лишь при комплексном ее изучении всем кругом обществоведческих дисциплин. В связи с этим было выражено сожаление о том, что в работах секции не участвовали антропологи, археологи и лингвисты.

Весьма интересны были доклады по этнической истории и об исторических судьбах отдельных этнических и этнографических групп в наши дни. Дело в том, что консолидационные процессы в этническом развитии имеют место и сейчас. Нередко заметна их чертой служит сближение и слияние тех или иных этнических групп с коренными нациями или с основной массой преобладающего в регионе окружающего населения. Этот вопрос освещался на материалах Средней Азии и Молдавии (доклады А. Н. Жилиной, Москва; Г. И. Спатару, Кишинев).

Наконец, в ряде докладов затрагивались вопросы этнической структуры, особенностей национального самосознания. Участники дискуссии единодушно отмечали ценность представленных докладов. Вместе с тем вполне естественно, что отдельные тезисы, выдвигавшиеся докладчиками, стали предметом оживленной дискуссии. Были высказаны предложения о целесообразности дальнейшей разработки методики этногенетических исследований, в частности, форм и методов комплексного использования данных этнографии, археологии и антропологии, а также о желательности проведения специальных совещаний по этногенезу населения отдельных крупных регионов страны.

На заседаниях секции «Новое и традиционное в обрядах народов СССР» председательствовала Т. А. Жданко (Москва).

Тематика докладов охватила широкий круг проблем, связанных с развитием новой советской обрядности, ставшей у всех народов страны неотъемлемым компонентом советского образа жизни. В докладах содержалась богатая информация о современном состоянии обрядности (Л. Я. Иващенко, Владивосток; С. Х. Мафедзев, Нальчик; А. Е. Тер-Саркисянц, Москва) о новом и традиционном в циклах семейных обрядов — свадебном (В. Я. Бабенко, Уфа; Т. Н. Гемуева, Нальчик; Р. Х. Керейтов, Черкесск; И. М. Шаманов, Черкесск; В. М. Шамиладзе, Батуми), детском (Т. Атамуратов и Х. Есбергенев, Нукус; Л. З. Кунижева, Черкесск), погребальном (А. С. Давыдов, Душанбе; И. А. Кремлева, Москва), а об их новых формах и путях трансформации форм традиционных (З. А. Мадаева, Грозный; Э. А. Рикман, Москва; В. С. Уарзиати, Орджоникидзе). Новый материал по этнографии разных регионов страны представляет собой большую научную ценность для дальнейших исследований динамики развития советской обрядности в современных условиях.

Большое место заняло обсуждение методики работы общественных организаций по созданию, совершенствованию и внедрению новой советской обрядности. Была подчеркнута необходимость более деятельного участия в этой работе этнографов, способных дать местным организациям квалифицированную консультацию, помочь им правильно отобрать и использовать лучшие, гуманные по содержанию и художественные по форме народные традиции для разработки интересных, ярких сценариев новых национальных советских обрядов (доклады В. К. Борисенко, Киев; С. Я. Цимерманиса, Рига). Отмечалась необходимость более широкой пропаганды новых обрядов средствами массовой информации. Это способствовало бы и преодолению наметившихся в практике современной обрядности негативных явлений.

Члены секции признали, что во многих республиках уделяется еще мало внимания изучению и возрождению народных календарных праздников, связанных с производственной деятельностью. Разработку сценариев и пропаганду советских праздников труднее усилить и усовершенствовать, опираясь на огромный этнографический материал. Была также отмечена важность ареального изучения традиционной обрядности, ее типологизации и картографирования.

Работа секции «Семейный и общественный быт» проходила под председательством Я. С. Смирновой (Москва).

Большинство докладов в секции было посвящено семье. Но такое распределение по тематике (14 докладов из 19) говорит и о том, что изучение общественного быта как такового все еще лежит как бы на периферии этнографических исследований, имея скорее спорадический, чем целенаправленный и систематичный характер. Конечно же, тому есть и объективные причины: неопределенность и неоднозначность самого понятия, трудность строгого разграничения категорий «общественный быт» и «общественный строй». По-видимому, настало время обратить внимание именно на общественный быт как на важную и самостоятельную область исследования, заняться соответствующими теоретическими и методическими разработками. Поэтому важным итогом работ секции может как раз считаться осознание ее членами значения этого круга вопросов.

В свою очередь в 10 из 14 докладов по семье рассматривался рост числа межнациональных браков и семей (доклады А. Б. Калышева, Алма-Ата; Х. А. Кауановой, Алма-Ата; Н. В. Лештаевой и Г. Р. Столяровой, Казань; А. П. Пономарева, Киев; Е. В. Рихтер, Таллин; М. Б. Рогачева и Ю. П. Шабаява, Сыктывкар; Я. С. Смирновой, Москва) и различные аспекты быта последних (доклады З. И. Хасбулатовой, Грозный; Б. В. Хубиева, Нальчик; Т. Т. Шиковой, Нальчик).

Большинство докладов отличало стремление выявить не только традиционные, но и новые черты в семье и семейном быту, и те рациональные этнические традиции, ко-

ные имеют достаточную перспективу развития. В дискуссии стала очевидной настоятельная потребность в координации этнографического изучения семьи в масштабах всей страны: сейчас в одних республиках и областях профессиональное этносоциологическое изучение семьи ведется по хорошо разработанным и в немалой степени сравнимым анкетам, в других же такие анкеты не подготовлены.

Секция «Этнографические аспекты изучения современного фольклора и народного художественного творчества» работала под председательством В. К. Соколовой (Москва) и А. М. Гуитова (Нальчик).

Основная проблема, обсуждавшаяся на секции — современное состояние и особенности разных видов народного искусства, возможности и формы использования народных художественных традиций в современной культуре. Так, на материалах, собранных экспедициями Филологического факультета МГУ в Калужской области, был охарактеризован жанровый состав современного русского фольклора, его особенности, условия бытования. В пределах области были выделены локальные группы населения, чей фольклор отличает известное своеобразие (доклад А. В. Кулагиной, Москва). Участникам заседаний была предложена для обсуждения и практического использования методика собирания современного рабочего фольклора, разработанная кафедрой фольклора Уральского государственного университета в итоге многолетней экспедиционной работы на уральских заводах (доклад В. П. Кругляшовой, Свердловск).

Видное место члены секции уделили обрядовому фольклору различных регионов СССР (Северного Кавказа, Прикарпатья, Азербайджана, Калмыкии, Северного Приуралья) как источнику для изучения этнокультурных связей; это касалось фольклора свадебного и относящегося к календарным праздникам (доклады Э. Ю. Джавадовой и Г. Д. Джавадова, Баку; Р. Ф. Кирчива, Львов; Т. С. Макашиной, Москва; Б. Б. Оконова, Элиста). В этой же связи были рассмотрены и выявляемые в фольклоре универсальные мифологические или сказочные сюжеты (доклады А. М. Гуитова, Нальчик; М. И. Мижаева, Черкесск). Большой интерес вызвали также материалы по детскому фольклору, показывающие его воспитательные функции (доклад М. Б. Гуртуевой).

Еще одна группа докладов касалась различных аспектов народного музыкального искусства, хореографии, изобразительного творчества народов Прибалтики, Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии (доклады М. Я. Жорницкой, Москва; Н. В. Зорина и Л. С. Токсубаевой, Казань; Б. Х. Мальбахова, Нальчик; З. М. Налоева, Нальчик; Л. А. Чвырь, Москва). Эти виды народного художественного творчества рассматривались как источник для выявления и изучения этнокультурных контактов, а также с точки зрения социальных функций и форм организации такого творчества в его соотношении с социальными условиями и природной средой. Значительный интерес вызвала информация о современном функционировании народных музыкальных инструментов и анализ возможных тенденций их дальнейшей эволюции, проделанный на примере материалов полевых исследований в Эстонии (доклад И. В. Тынуриста, Таллин).

Работа секции «История религии и атеизма» проходила под председательством И. А. Кривелова (Москва) и Н. А. Алексеева (Якутск).

Главное место в работе секции заняли вопросы, связанные с современным состоянием религиозных пережитков, степенью их распространения и устойчивости, а также с процессом их преодоления (доклады К. Г. Азаматова, Нальчик; Х. Думанова, Нальчик; Б. В. Иванова, Ленинград; Л. С. Христолюбовой, Г. П. Белоруковой и Г. К. Шкляева, Ижевск). В этой связи подчеркивалась явно недостаточная активность наших этнографов-религиоведов в теоретическом осмыслении и обобщении накопленного фактического материала. Одновременно обращалось серьезное внимание и на необходимость совершенствования методики изучения современной религиозности (доклады Н. А. Алексеева, Якутск; В. П. Дьяконовой, Ленинград). При этом докладчики, включая и тех из них, кто представлял доклады по вопросам историко-этнографического изучения религии (С. В. Жарникова, Вологда; Б. М. Кереев, Нальчик; Х. Х. Малкандуев, Нальчик; Т. М. Хаджиева, Нальчик), и участники дискуссии были единодушны в том, что совершенствование методики само по себе даст значительно меньшие результаты, чем можно было бы рассчитывать, если оно не будет сопровождаться существенным повышением технической оснащенности исследователя при полевых изысканиях. Это в равной степени необходимо и для работ историко-этнографического характера и для изучения современных форм религиозного ритуала. В частности, этнографы при экспедиционных исследованиях остро нуждаются в такой аппаратуре, как видеомagnetофоны, которые давали бы возможность зафиксировать как колдовские магические обряды или шаманское камлание, так и богослужения любой из мировых религий.

Секция «Историко-этнографические атласы и типология материальной культуры» работала под председательством М. Г. Рабиновича (Москва).

Представленные и обсужденные на заседаниях секции доклады охватили широкий круг проблем — от особенностей хозяйства и хозяйственного быта (А. С. Кишев, Нальчик; В. А. Козьмин, Ленинград; В. С. Титов и И. Г. Углик, Минск; О. М. Фишман, Ленинград; М. А. Хамиджанова, Душанбе) до методики этнографического картографирования материальной культуры (Б. В. Андрианов, Москва; Л. Ф. Артюх, Киев; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин и А. Н. Зорин, Казань; В. П. Кобычев, Москва; Т. А. Николаева, Киев). Члены секции отмечали, что этнографическое изучение традиционных приемов сельского хозяйства и народной кулинарии может принести немалую практическую пользу в связи с реализацией Продовольственной программы, принятой майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Серьезное внимание уделено было ареальным исследованиям, причем были отмечены как несомненные их успехи, так и все возрастающая потребность в проработке и уточнении отдельных аспектов методики этнографического картографирования. Предложение о проведении рабочего совещания по этому вопросу было внесено от имени секции на заключительном пленарном заседании. Была также подчеркнута важность координации этнографических работ в этнически смешанных районах — таких, например, как Полесье, — между научными учреждениями заинтересованных республик.

Члены секции заметное внимание уделили традиционному одежде (Л. М. Отаров, Нальчик; Л. М. Русакова, Новосибирск; Э. А. Саар, Тарту; Л. Н. Чижикова, Москва) и жилищу (И. Ф. Гребинь, Киев; Г. К. Кожоланко, Черновцы) различных народов Союза; доклады по этой проблематике составили почти половину всех рассмотренных (9 из 20). К сожалению, только один доклад касался этнографии города, хотя важность этого направления этнографических исследований самоочевидна.

На заседаниях секции «Этнические процессы в зарубежных странах» председательствовали Л. Е. Куббель (Москва), Е. В. Иванова (Ленинград) и Б.-Р. Логашова (Москва).

В работе секции большое место заняли общетеоретические вопросы, связанные с интерпретацией этнокультурных процессов. Так, заметное внимание было уделено определению содержания понятия «этнокультурная система» как одной из таксономических единиц в иерархии историко-культурных общностей. Его обсуждение повлекло за собой рассмотрение сразу нескольких тесно с ним связанных проблем. В частности, одним из центральных стал в дискуссии вопрос о соотношении таких категорий, как этнокультурная система и культурный контакт, и особенно о системообразующей роли последнего (доклады Я. В. Чеснова и А. И. Кузнецова, Москва).

Существенный интерес вызвал анализ такой понятийной категории, как этничность, при этом было рассмотрено ее использование в современной американской и канадской литературе в применении к так называемому «этническому возрождению» ряда национальных меньшинств в США и Канаде (доклад В. Б. Евтуха, Киев). В этой связи оживленному обсуждению подвергся вопрос о соотношении этнокультурных и национальных процессов, их влияния на межнациональные и межэтнические отношения. В докладах и дискуссии подчеркивалось, что принципиальная возможность подлинного решения национального вопроса появляется лишь при социализме, тогда как при капиталистическом строе его решение неизбежно может быть лишь формальным.

В связи с этнокультурными процессами серьезное внимание было уделено «невной», т. е. не фиксированной вербально, культуре как этническому индикатору (доклад Б. Х. Бгажнокова, Нальчик). Были рассмотрены конкретные примеры решения проблем национальной политики и показано место в ней культурной, а также и этноконфессиональной «составляющих» в таких странах, как Индия, Алжир, Афганистан (доклады С. А. Арутюнова, Москва; В. И. Кочнева и И. М. Семашко, Москва; В. В. Матвеева, Ленинград; Б.-Р. Логашовой, Москва).

Наконец, видное место заняли и методические вопросы, особенно — возможности использования в полевых исследованиях за рубежом (например, на Кубе или во Вьетнаме) методики составления этнографических атласов и подготовки этносоциологических обследований, выработанной в Институте этнографии АН СССР на отечественном материале (доклады В. В. Пименова, Москва; М. Н. Губогло, В. С. Кондратьева и В. Н. Шамшурова, Москва).

На заключительном пленарном заседании 28 октября участникам сессии был представлен доклад Л. Н. Терентьевой и Г. А. Сергеевой (Москва) «О подготовке национальных кадров и роли молодых ученых в развитии этнографии, антропологии и фольклористики». В докладе отмечалось, что наша этнографическая наука всегда уделяла большое внимание воспитанию национальных научных кадров. Уже в первые послеоктябрьские годы в вузах страны была подготовлена большая группа этнографов из разных республик страны; эти специалисты успешно вели исследования на Кавказе, в Поволжье, на Европейском Севере, в Сибири и Средней Азии. В послевоенные годы одним из главных источников пополнения научных кадров в национальных республиках и областях страны стала аспирантура Института этнографии АН СССР. С 1946 по 1981 г. ее окончили 335 человек, значительная часть которых ныне работает в научно-исследовательских учреждениях, университетах и других высших учебных заведениях, в музеях союзных и автономных республик Союза. Многие из тех, кто окончил аспирантуру ИЭ АН СССР, стали известными учеными, видными специалистами в избранных ими областях и организаторами науки.

Институт этнографии готовит научные кадры самого широкого профиля, специализирующиеся по этнографии не только народов СССР, но и многих зарубежных народов. Наряду с этим Институт сделался едва ли не главным центром подготовки научных кадров по этнической антропологии. Впервые у нас в стране Институт этнографии начал успешно готовить квалифицированных специалистов по таким новым научным направлениям, оформившимся в самостоятельные субдисциплины этнографии, как этносоциология современности, этногеография и этнодемография.

Среди аспирантов и стажеров, обучающихся в наши дни в Институте этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде, есть представители 17 национальностей Советского Союза и граждане четырех зарубежных стран — Вьетнама, Кубы, Колумбии и Судана.

Кадры, которые готовятся сегодня, — это будущее нашей науки. И достижения советской этнографии в предстоящие десятилетия во многом будут определяться уровнем подготовки этих кадров.

При обсуждении итогов работы секций выявилось полное совпадение мнений всех участников сессии по поводу необходимости дальнейшей разработки и уточнения понятийного аппарата этнографической науки. Практически все секции в своих рекомендациях предусматривали проведение специальных совещаний, посвященных обсуждению многих важных категорий этнографии и ее терминологии, в особенности — понятий и терминов, предлагавшихся в последние полтора десятилетия.

Касаясь этого вопроса в своем заключительном слове, Ю. В. Бромлей указал, что такое обсуждение в принципе было бы весьма полезным. Однако для его проведения требуется определенная подготовка; в частности, было бы целесообразно всякий раз очень четко ограничивать те области этнографической науки, понятийный аппарат и терминологию которых предполагается рассмотреть. Только так, по-видимому, можно будет получить достаточно эффективные результаты.

Ю. В. Бромлей отметил, что сессия способствовала значительному обогащению нашей этнографии фактами и выводами из их анализа. И одновременно она стала яркой демонстрацией того, что советская наука — плод коллективного творчества всех народов Союза. Об этом убедительно свидетельствовало исключительно широкое представительство на ее заседаниях ученых из всех географических регионов страны, из подавляющего большинства ее республик. Результаты дискуссий в секциях позволяют более точно представить себе, какие именно отрасли этнографических исследований требуют усиленного внимания в ближайшей перспективе, особенно учитывая участие этнографов в научно-исследовательской программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР».

От имени всех участников юбилейной сессии Ю. В. Бромлей выразил глубокую благодарность Кабардино-Балкарскому обкому КПСС, Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР и кабардино-балкарским коллегам за превосходную организационную подготовку сессии, за те внимание, теплоту и гостеприимство, с какими были встречены в Нальчике ученые из других республик и городов Советского Союза.

Директор Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики Х. И. Хутуев в заключительном слове выразил уверенность в том, что результаты работы сессии будут способствовать дальнейшим успехам многонациональной советской науки.

Л. Е. Куббель

ЧЕБОКСАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В Москве, в Институте этнографии АН СССР, 19—20 января 1983 г. состоялась чтения, посвященные памяти выдающегося этнографа и антрополога Николая Николаевича Чебоксарова, организованные Отделом этнографии народов Зарубежной Азии, Австралии и Океании. В них приняли участие около 80 чел., представлявших московскую и ленинградскую части Института этнографии, московское и ленинградское отделения Института востоковедения АН СССР, Институт Дальнего Востока АН СССР, Институт биологии развития АН СССР, Кафедру этнографии МГУ, Институт стран Азии и Африки при МГУ, Калмыцкий НИИ истории, филологии, экономики и Вологодский краеведческий музей.

Во вступительном слове зав. Отделом народов Зарубежной Азии, Австралии и Океании М. В. Крюков отметил необычайно широкий круг разработанных Н. Н. Чебоксаровым проблем: теоретические проблемы расоведения, проблемы этнической антропологии, теории этноса, хозяйственно-культурной множественности и единства человечества, концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, типологии материнской культуры. Однако главное место в научных исследованиях Н. Н. Чебоксарова занимали вопросы этногенеза и этнической истории. 6 мая 1982 г., сказал далее М. В. Крюков, исполнилось 75 лет со дня рождения Н. Н. Чебоксарова — создателя и руководителя Отдела народов Зарубежной Азии, Австралии и Океании. В память о нем и его исследованиях проводятся сегодняшние чтения. Среди докладчиков — его ученики и те, кто работал с ним долгие годы. Все доклады связаны с кругом проблем, которые разрабатывались Н. Н. Чебоксаровым.

Г. А. Аксянова (Москва) в своем выступлении охарактеризовала вклад Н. Н. Чебоксарова в антропологию и отметила, что антропологические исследования Института этнографии во Вьетнаме явились прямым продолжением его работ. Ему был представлен также совместный с И. М. Золотаревой и А. А. Зубовым (Москва) доклад «Антропологические исследования во Вьетнаме», в котором обобщен материал по соматологии и одонтологии нескольких этнотерриториальных групп населения этой страны, собранный во время совместных советско-вьетнамских этнографо-антропологических экспедиций 1976—1978 гг. Были обследованы несколько выборов тхай, вьетов на севере страны, группа тьюру и чамы — на юге Вьетнама. Анализ собранных данных выявил разнообразие комплексов антропологических признаков у населения Вьетнама, отражающих контакты между монголоидной и веддоавстралоидной расовыми общностями. Авторы сделали интересные выводы о направлениях расогенетических связей. Так, антропологический тип вьетов тяготеет к комплексам более северных территорий, некоторые антропологические черты тхай (прежде всего одонтологические) находят аналогии в веддоидном населении северо-востока Индии, тьюру — в населении

островного мира Индонезии. Морфологические данные, по мнению докладчиков, позволяют говорить об участии веддоидного, а не собственно австралоидного компонента в составе антропологического типа населения указанной контактной зоны. Этот вывод представляется весьма существенным.

В докладе «Дифференциация большой монголоидной расы по данным тотальных размеров черепной коробки» А. П. Пестряков (Москва) ввел три новых параметра, полученных из основных размеров черепной коробки (длина, ширина, высота): 1) условное трансверсальное сечение черепа, 2) условный объем черепной коробки, 3) относительная высота свода. Средние значения этих параметров, рассчитанные для 250 черепных серий современного населения, принадлежащих к различным расам и этнотерриториальным группам, были сведены автором в 10 крупных регионально-расовых объединений. Наиболее интересные отличия по этим параметрам выявились между континентальными и тихоокеанскими монголоидами: континентальные монголоиды максимально платикранны (низкочерепные), а тихоокеанские намного более гипсикранны (высокочерепные). Таким образом, континентальные монголоиды неожиданно оказались по этим параметрам намного ближе к европеоидам, чем к тихоокеанским монголоидам. Как среди тихоокеанских, так и среди континентальных монголоидов можно выделить гипо- и гиперморфные группы. А эскимосы и айны занимают промежуточное положение между тихоокеанскими и континентальными монголоидами, как это и следует из традиционного краниологического и расово-морфологического анализа. По мнению А. П. Пестрякова, полученные материалы дают основание считать предложенные параметры ценными для изучения расовой дифференциации человечества и могут служить антропологическими маркерами при исследовании этногенетических процессов.

Ю. Д. Беневоленская (Ленинград) в докладе «Дифференциация рас на территории Азии» показала, что лобный компонент сагиттальной дуги черепа, выраженный лобно-сагиттальным индексом (ЛСИ), дает дифференциацию внутри монголоидного расового ствола, совпадающую с классификацией рас, предложенной Н. Н. Чебоксаровым. Специфическая значимость вариаций этого признака по сравнению с другими краниологическими признаками заключается в очень четкой выраженности расодифференцирующих свойств. Относительная стабильность, консервативность лобного компонента и его слабая взаимосвязь с другими признаками черепа обуславливают гетероморфность такого рода, которая отражает гетерогенность монголоидов, причем гетерогенность древнего периода их формирования. В связи с этим представляет интерес близость по ЛСИ тибетской и арктической рас и вместе с тем их промежуточное положение между континентальными и тихоокеанскими монголоидами. Этот факт можно рассматривать как близость древних истоков обеих рас.

Г. Л. Хить и Н. А. Долинова (Москва) в докладе «Таксономическое положение южноазиатских монголоидов в мировой дерматоглифической систематике» показали, что по комплексу важнейших признаков кожного покрова монголоиды Южной и Восточной Азии ближе всего к народам Северной и Центральной Азии. Меньшая степень сходства связывает их с аборигенами Австралии и Меланезии и с американскими индейцами. Интересен, по мнению авторов, тот факт, что «австралоидные» черты слабее выражены у южных монголоидов по сравнению с североазиатскими монголоидами. В докладе высказана точка зрения, что основные расовые ветви человечества (негроидная, европеоидная, монголоидная, американоидная и австралоидная) представляют собой самостоятельно сформировавшиеся подразделения. С некоторыми оговорками авторы объединяют монголоидов с индейцами и народами Австралии и Океании в одну группу, соответствующую так называемому восточному стволу, выделяемому по другим системам признаков.

В центре доклада С. Кучеры (Москва) стояли две важные проблемы: возможная исходная точка появления синантропа и пути распространения синантропа. Автор выдвинул гипотезу о важной роли Юньнани в процессе возникновения человека вообще, и синантропа в частности, и рассмотрел три теоретические возможности: 1) юаньмоуский человек появился здесь в «готовом» виде извне; 2) возник на месте на базе локальных антропидов; 3) в Юньнани появились его отдаленные предки, а сам юаньмоуский человек сформировался уже на месте. Автор гипотетически реконструирует путь продвижения синантропов от Юньнани до Хэбэя, не исключая и иных путей появления северных синантропов, например через Центральную или Северную Азию.

М. В. Крюков (Москва) выступил с докладом «Типология древнекитайского жилища эпохи неолита и бронзы (в связи с проблемой этногенеза)». Изучение грамматического строя и лексики языка инь (XIV—XI вв. до н. э.), сказал докладчик, уже давно позволило специалистам выявить в нем два компонента, один из которых несомненно связан с сино-тибетскими языками, а другой имеет более южное происхождение. Представляется, что анализ археологического материала также дает основание для формулирования гипотезы о контактах в средней части Великой китайской равнины двух этнически разнородных популяций. Первая, непосредственно связанная с создателями культуры иньшао (варианты баньпо, мяодигоу), характеризуется, в частности, однокамерными наземными или углубленными жилищами. Вторая, ассоциируемая с культурой циньванчжай и генетически не связанная с первой, представлена многокамерными наземными жилищами. Эта вторая традиция прослеживается и в более поздних памятниках эпохи луншань и инь.

Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) отметила, что в теоретическом наследии Н. Н. Чебоксарова значительное место уделено проблемам этнического самосознания, входящего в число наиболее значимых признаков этнической общности. В своем докладе «Формирование этнического самосознания древних корейцев» она использовала один из важнейших источников для исследования проблемы эволюции этнического самосо-

знания древних корейцев — надпись на стеле Квангэкхо-вана, датируемая 414 г. В этой надписи выражены идеи консолидации древних корейцев под эгидой государства Когурё, их родства и единства происхождения. Утверждая этногенетическую общность жителей Когурё, Пуё, Понче и Силла, автор надписи апеллирует к мифологии, их общей истории, одновременно противопоставляя древних корейцев их соседям. Надпись свидетельствует о том, что на рубеже IV—V вв. идея этнической консолидации древних корейцев играла доминирующую роль в политической и идеологической истории Трёх Государств.

В докладе Ю. Л. Благонравовой (Москва) «О реальности языкового контакта позднего древнекитайского и раннего среднекитайского языка с тайскими языками» была предпринята попытка объяснить явления конвергенции тайских языков и китайского языка с позиции теории языкового контакта. Докладчица пришла к выводу о существовании с III в. до н. э. по VI в. н. э. стихийного массового тайско-китайского лингвизма.

Доклад В. И. Гохмана (Ленинград) был посвящен проблеме реконструкции древнетайской системы терминов родства. Была предложена одна из возможных интерпретаций происхождения генерационного сдвига у терминов первого и второго нисходящих поколений и гавайской терминологии в нулевом поколении на основании типологического сопоставления древнетайской системы с одной из систем народности ибо.

В своем докладе «Этногенез в Индокитае: пространственные и временные константы» Я. В. Чеснов подчеркнул необходимость рассматривать этногенез в связи с историей этнокультурных систем. Анализируя этногенез в пространственном и временном аспектах, докладчик попытку коснулся ряда факторов, способствовавших этноцентристскому направлению процесса в рассматриваемом регионе.

К. Ю. Мешков (Москва) в докладе «Основные этапы этнической истории Филиппин» выделил следующие проблемы: происхождение филиппинских негритосов, культуры железного века, испанский и американский периоды на Филиппинах, сплочение основных народов, и подчеркнул самостоятельность этнического развития архипелага.

А. А. Бернова (Москва) в докладе «Отражение этнической истории в традиционном театре Индонезии» показала, что в народной драматургии этого региона художественно отображены важнейшие вехи истории народа, а все изобразительные средства несут этническую нагрузку и могут служить дополнительным источником изучения этнической истории.

Доклад М. А. Членова (Москва) был посвящен обзору современного состояния знаний о папуасских языках Восточной Индонезии, подразделяющихся на две семьи: северохальмахерскую и тиморо-алорскую. Первая из них соотносится с западнопапуасской филей, а вторая — с трансвогвинейской. Докладчик обратил внимание на индонезийский, а не папуасский тип культуры носителей этих языков.

С докладом «Проблема происхождения пуанов» выступил А. И. Кузнецов (Москва). Общеизвестно, сказал докладчик, что древнейшим населением островной Юго-Восточной Азии были веддо-австралоиды; появление же в Индонезии неолитических южномонголоидных протомаалайцев относят к III тысячелетию до н. э., а появление так называемых дейтеро-малайцев — ко II тысячелетию до н. э. Дейтеро-малайцы принадлежат к таи-малайскому антропологическому типу, который отличается от протомаалайского (индонезийского) гораздо большей выраженностью монголоидных черт. На о. Калимантан наиболее монголоидны, т. е. принадлежат к таи-малайскому типу, пришедшие на Калимантан в XV в. ибаны и охотники-собиратели пуаны. Охотники-собиратели других островов Индонезии, Филиппин и Малайзии являются веддоавстралоидами с большей или меньшей примесью монголоидных признаков. Приводимые исследователями факты о вытеснении пуанов в неблагоприятные для земледелия районы недостаточны для доказательств точки зрения об их вторичной дикости. Но будучи всегда охотниками-собирающими, пуаны не могли бы достичь Калимантана морским путем. Остается предположить, что предки пуанов пришли на Калимантан во время последнего оледенения по свободной в то время от моря Зондской платформе. Следовательно, заключил докладчик, не позднее примерно 11 тыс. лет тому назад, когда уровень моря был на 54 м ниже современного, с материка на Калимантан по суше прошла какая-то группа мезолитических монголоидов, относившихся уже тогда к таи-малайскому антропологическому типу. Видимо, правомерно предположение, что мезолитические монголоиды могли расселяться не только на Калимантане, но и на других островах Малайского архипелага.

В докладе «Современные этнические процессы у кочевников Аравии» И. А. Амрирянц (Москва) рассмотрел влияние кризиса кочевого хозяйства и перехода бедунов к оседлости на современные этнические процессы. Социальные и экономические изменения общества бедунов, процесс модернизации кочевого хозяйства, приведший к ломке их общественной структуры и идеологии, ускорили развитие этнических процессов у кочевников Аравии и всего аравийского общества в целом.

Б. - Р. Логашова (Москва) в докладе «Родоплеменная структура как источник для изучения этнической истории туркмен» показала степень исследованности проблемы этногенеза туркменского народа и на примере родоплеменной структуры туркмен Ирана, Афганистана, Ирака и Турции выявила сложность и многоэтапность этнической истории туркмен.

Доклад А. Н. Седловской (Москва) был посвящен роли народов мунда в этнической истории крупнейшего штата Восточной Индии — Бихара. Приведя данные анализа лингвистических, антропологических и этнографических материалов, докладчица подчеркнула огромную роль мунда в истории формирования и дальнейшего исторического развития населяющих Бихар народов. Проблемы заселения Индии, сказала

А. Н. Седловская, формирования первых государственных объединений, возникновения джайнизма и буддизма, национально-освободительного движения и т. д. не могут быть решены без изучения этнической истории одних из древнейших насельников страны — народов мунда.

Н. Р. Гусева (Москва) говорила о происхождении раджпутов — крупной социально-экономической прослойки в Северной и Северо-Западной Индии. В докладе были приведены новые данные, подтверждавшие этногенетическую связь раджпутов с кшатриями, воинским сословием древнего индоарийского общества.

С. В. Жарникова (Вологда) в докладе «Фаллическая символика северорусской прялки и народной игрушки как реликт протославянско-индоиранской близости» сообщила, что на прялках Вологодской области на обращенной к прялке стороне встречаются изображения мужских фигур с явно выраженными признаками пола или надписи, обозначающие в русской экспрессивной речи фаллос. Все это, очевидно, представляет собой персонификацию мужского начала, закодированного в системе символов прялки и в самом процессе прядения, соотношенным с актом творения, т. е. является сохранившимся практически до конца XIX — начала XX в. реликтом древнего фаллического культа, корни которого уходят в глубинные пласты протославянско-индоиранской близости. Эта близость прослеживается в отношении к процессу прядения и ткачества как к сакральному акту, что отмечено еще в «Ригведе», а также в обрядовой практике и терминологии родства славян и в соотношении символики Рудры-Шивы (лингам-йони) и символики русской прялки — Род (фаллос) и пряха (женское начало). Об исключительно широкой распространенности фаллического культа плодородия среди восточных славян говорит и изображение явных признаков пола на северорусских игрушках-свистульках, которые играли значительную роль в обрядовых дохристианских действиях.

В докладе «Основные этапы этногенеза калмыков» Г. О. Авляев (Элиста) выделил два периода в этнической истории калмыков: джунгарский — с древнейших времен до конца XVI в., и российский или собственно калмыцкий — с начала XVII в. и до наших дней. В свою очередь джунгарский период автор подразделяет на этапы: домонгольский, монгольский, или «чингисовский», и средневековый; а калмыцкий период — на этап формирования калмыцкой народности (начало XVII — первая четверть XVIII в.) и этап последующего ее развития.

П. М. Кожин (Москва) в докладе «Значение материальной культуры для диагностики доисторических этнических группировок» обратил внимание на разрыв между возможностями трактовки этносов с точки зрения этнографов и их археологическими интерпретациями и указал на иное, чем в современных культурах, соотношение традиции и инновации в первобытнообщинных способах производства.

В докладе «Этногенез народов Азии в свете геофонетики» В. А. Никонов (Москва) рассмотрел географию фонетических частотностей в языках мира. У ительменов и нивхов согласные составляют две трети всей звуковой массы, а у полинезийцев — наоборот, только треть. В языках банту максимально часты губные согласные, минимум которых докладчик назвал азиатской депрессией губных. Число согласных глубокого образования, редких у русских, резко возрастает восточнее Урала: их доля у русских 6%, в тюркских языках около 12%, у чукчей 16%, эскимосов 24%, индейцев Америки 26—27% (в языках Калифорнии). Но частотность отдельных признаков не доказательна, по мнению докладчика, для изучения этногенеза: айны по частотности губных согласных совпадают с юкагирами и якутами, но резко отличны от них по огромной частотности гласных (больше половины всей звуковой массы). Докладчик решительно отверг биологическое объяснение фоностатистических различий вместо исторического и высказал ряд теоретических положений для привлечения фоностатистики к изучению этногенеза.

По большинству докладов проходили дискуссии, выявившие полезность непосредственного творческого общения этнографов, антропологов, лингвистов и археологов. В. А. Никонов отметил, что комплексный подход, и в частности применение метода фоностатистики, позволит приблизить нас к решению проблем происхождения полинезийцев, индейцев Америки и кетов. Полезность, продуктивность и перспективность комплексного подхода к изучению этногенеза подчеркивали все выступавшие.

Единодушным было мнение всех присутствовавших проводить «Чебоксарские чтения» ежегодно, расширив тематику докладов.

А. И. Кузнецов

СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАВКАЗСКИЕ ЧТЕНИЯ 1981 ГОДА

С 1977 г. в группе Кавказа, Средней Азии и Казахстана¹ Ленинградской части Института этнографии АН СССР стало традицией ежегодно проводить региональную научную сессию. Ее постоянными участниками, кроме этнографов, являются специалисты смежных областей: археологи, антропологи, искусствоведы. Выбор темы для выступ-

¹ В январе 1982 г. группа преобразована в сектор Кавказа, Средней Азии и Казахстана.

лений по этим отраслям знаний свободный, участники сессии заявляя доклады по любым интересующим их вопросам. Это определяет достаточно широкий диапазон обсуждаемых проблем. Значительная часть докладов, как правило, построена на материалах полевых исследований последних лет².

Сессия 1981 г. проходила 15—16 декабря. Утреннее заседание первого дня было посвящено памяти Николая Андреевича Кислякова³; вечернее — памяти безвременно скончавшегося Александра Даниловича Грача. Доклады второго дня сессии были связаны с отдельными проблемами археологии, антропологии, этнографии и топонимики.

Сообщение о Н. А. Кислякове как руководителе Ленинградской части сектора Передней и Средней Азии 1946—1972 гг. сделала Ф. Д. Люшкевич (Ин-т этнографии АН СССР). Было подчеркнуто; что научное творчество Николая Андреевича — важный этап в истории этого сектора, созданного в 1918 г. известным лингвистом и этнографом И. И. Зарубиным. Этнографическую подготовку Николай Андреевич проходил под руководством В. Г. Богораз-Тана, Я. Г. Кагарова и И. И. Зарубина.

Свой путь ученого-этнографа Н. А. Кисляков начал еще будучи студентом третьего курса Ленинградского университета. В трудные 1930-е годы становления Советской власти в Таджикистане он провел несколько лет среди горных таджиков, занимаясь одновременно этнографическими исследованиями и преподавательской деятельностью, организацией системы просвещения в сельских районах. Все это позволило начинающему ученому всесторонне изучить традиционный быт и процесс его изменения. В результате, по окончании университетского курса в науку пришел ученый не только с прекрасной теоретической подготовкой, но и хорошим знанием таджикского языка и большим опытом полевой работы. Это сказалось уже в его первых публикациях. Вышедшие в 1936 г. монографии «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло» и «Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа», основанные на оригинальном полевом материале автора, положили начало его исследованиям семейно-брачных отношений сначала горных, а затем равнинных таджиков. В 1959 г. была опубликована его монография «Семья и брак у таджиков», а в 1969 г. — обобщающий труд регионального характера — монография «Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана».

В работах ученого проявилось стремление проследить и проверить закономерность того или иного явления на огромном фактическом материале, разработать проблему от частных к широкому обобщению. Таковы «Очерки по истории Каратегина» (книга опубликована в 1941 г. и переиздана в 1954 г.) и «Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства конца XIX — начала XX в.» (1962 г.).

Уделяя большое внимание различным аспектам социальной истории, Николай Андреевич глубоко анализировал все стороны хозяйственной жизни, материальной и духовной культуры народов изучаемого региона. Знание таджикского языка служило не только средством получения полевой информации, но позволяло обращаться к письменным первоисточникам любого исторического периода. В свою очередь анализ языковых особенностей давал исследователю дополнительный и очень существенный материал для этногенетических выводов.

Значительное место в исследованиях ученого отведено вопросам истории и этнографии ираноязычных народов Ирана и Афганистана. Более близкому знакомству с этнографией народов Ирана способствовало пребывание Николая Андреевича в годы Великой Отечественной войны в Тегеране. Об этом периоде его жизни сообщила участница «Чтений», вдова ученого А. З. Розенфельд. Она, в частности, указала, что с самого начала своего пребывания в Тегеране Николай Андреевич, работавший в советском посольстве, использовал все возможности для углубленного изучения быта местного населения. С этой целью он стал совершенствовать свои познания в персидском языке, наблюдал многие народные обычаи и обряды. Так, он присутствовал на шиитских религиозных мистериях и слушал чтения (раузехани) священных в дни мухаррема, участвовал в праздновании нового года (науруз), видел жизнь простого народа. Николай Андреевич установил тесные контакты с местными учеными, познакомился с экспозицией и фондами Тегеранского этнографического музея.

После окончания войны и возвращения в Ленинград иранские впечатления были широко использованы ученым в своих работах. Так, уже в 1946 г. Н. А. Кисляков опубликовал в журнале «Советская этнография» в своем переводе с персидского небольшую труд студента юридического факультета Тегеранского университета Мохаммеда Бахмана Бахмана биги, долго жившего среди племен Фарса и наблюдавшего их обычаи. Несколько позже появился перевод большого сборника иранских обрядов и поверий, составленного известным иранским писателем Садеком Хедаятом под названием «Нейрангистан» («Страна чудес»). В эти же годы были написаны этнографические очерки о персах, кашкайцах, кафирах.

Среди фундаментальных исследований послевоенного времени особое место занимала подготовка томов серии «Народы мира», где Николай Андреевич выступал как один из ведущих авторов и член редколлегии.

² См.: Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л.: Наука, 1978—81 гг.

³ Памяти Николая Андреевича Кислякова было посвящено также расширенное заседание группы Кавказа, Средней Азии и Казахстана в апреле 1975 г. См.: Б. А. Аманжол. Обсуждение проблем этногенеза, материальной и духовной культуры народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана в Ленинградской части ИЭ АН СССР.— СЭ, 1975, № 6, с. 167—169.

По инициативе и совету Николая Андреевича предпринимались новые исследования. Так было начато изучение этнографической группы ирони Бухарской области затем и всего сложного по составу населения этого древнего оазиса Средней Азии. Многие молодые специалисты Таджикской Академии наук — ученики Николая Андреевича, а в Институте этнографии его учениками считают себя ученые разных специальностей, которые, начиная свой творческий путь, обращались к трудам, щедрым консультациям и исключительно доброжелательным советам этого замечательного человека.

О Н. А. Кислякове как музейном работнике подробно рассказала Т. В. Станкович (Ин-т этнографии АН СССР). С воспоминаниями об ученом выступил старший сотрудник Института Д. А. Ольдерогге (Ин-т этнографии АН СССР). Подчеркнул, что в 30-е годы становления советской этнографической школы работа Н. А. Кислякова, основанные на громадном полевом материале, были образцом творческого применения марксистской идеологии.

Тематика остальных докладов этого заседания была близка научным интересам исследователя. Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР) сделала доклад по программе исследования нового и традиционного в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана. Она подчеркнула особую важность трудов Н. А. Кислякова, посвященных истории семьи этого региона, в связи с началом нового этапа изучения проблемы семьи и семейного быта в советском обществе эпохи зрелого социализма.

Доклад А. В. Коновалова (ГМЭ) «Свадебная обрядность казахов Южного Алтая» был основан на материалах экспедиций в Кошгагачский район Горно-Алтайской автономной области. Автор отмечает, что для конца XIX — первой трети XX века свадебный цикл кошагачских казахов в основном совпадал с традиционной свадебной обрядностью, бытовавшей на территории Казахстана и Средней Азии. Однако с конца 1940-х годов постепенно утверждается новая форма заключения брака — умыкание и договоренности между молодыми людьми, а иногда и с согласия родителей и появление нового для казахов обычая возвращения молодой в семью ее родителей. Этот обычай, объясненный Н. А. Кисляковым как реликт матрилокального брака, в данном случае, по мнению докладчика, принял традиционную для народов среднеазиатского региона форму, но имеет совсем иное значение и входит в систему «извинительных» актов за умыкание невесты.

Доклад Р. Р. Рахимова (Ин-т этнографии АН СССР) «Избегание женихом родителей невесты у таджиков» представлял собой живой рассказ-иллюстрацию этого древнего обычая, который автор неоднократно наблюдал.

Вечернее заседание сессии открылось докладом В. П. Дьяконовой (Ин-т этнографии АН СССР) и Д. С. Савинова (ЛГУ) о «А. Д. Граче» — исследователе Центральной Азии». Докладчики наметили основные этапы научных поисков и открытия талантливого ученого, посвятившего почти три десятилетия жизни палеоэтнографии Центральной Азии и особенно Тувы. Одна из его работ была посвящена вопросу этногенетических связей кочевников Центральной и Средней Азии. На обширных археологических и этнографических материалах построен последний обобщающий труд ученого «Древние кочевники в центре Азии». К сожалению, остались неосуществленными многие научные планы А. Д. Грача.

О широте научных интересов ученого свидетельствует опубликованный как приложение к докладу памяти ученого список его основных научных работ, насчитывающий 87 названий.

Проблеме исторической реконструкции различных социальных институтов прошлого был посвящен доклад Г. Н. Симакова (Ин-т этнографии АН СССР) «Из опыта изучения киргизских народных развлечений». Автор подчеркнул перспективность подобного рода исследований, так как народные развлечения, являясь своеобразной моделью общественной и хозяйственной деятельности, содержат ценную информацию о самых ее разнообразных сторонах, в том числе давно исчезнувших из реальной жизни.

Несколько докладов было посвящено различным аспектам этнической истории разных районов Средней Азии. Р. Я. Рассудова (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Составные компоненты населения Ферганско-Ташкентского региона» рассмотрела соотношение этнических и социальных названий среди местного узбекоязычного населения конца XIX — нач. XX вв. Докладчица отметила недостаточную этнографическую изученность отдельных групп населения, известных в прошлом под названиями ходжа, саид, тура.

Ф. Д. Люшкевич (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Одежда как источник изучения этнической истории Бухарской области» подчеркнула сложность выделения этнодифференцирующих признаков в многовековом процессе интеграции местного ирано-тюркоязычного населения. Развитие самоназваний и особенно названий, как показали специальные исследования автора, в значительной мере определялось культурной, социальной и политической принадлежностью их носителей. Язык также являлся очень подвижным признаком. Наиболее стабильным этническим показателем в этих условиях, по мнению автора, являются элементы традиционной культуры. На материалах своих полевых исследований на территории Бухарской области Ф. Д. Люшкевич выделила основные комплексы традиционного костюма, характеризующиеся этнокультурными отличиями.

Утреннее заседание второго дня сессии было открыто докладами по археологии и антропологии Кавказа. По проблеме первоначального заселения Кавказа выступил В. П. Любин (Ин-т археологии АН СССР), а по результатам антропологического исследования на Северном Кавказе — Н. Н. Цветкова (ЛГУ). Л. Г. Нечаев (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Эволюция архитектуры составных долме-

в Верхнего Прикубанья» показала разнообразие строительных приемов в разные эпохи, что позволяет уточнить время сооружения каждого дольмена и последующего его пользования.

О топонимии Северного Кавказа рассказал Л. И. Лавров (Ин-т этнографии Н СССР), объяснивший некоторые местные названия из арабского, персидского и эрских языков.

А. А. Иванов (Гос. Эрмитаж) в докладе «Могильные камни из Кубачи как торико-культурный памятник» обратил внимание на важность привлечения подобных памятников для изучения истории и искусства Кубачи. Установление языковой принадлежности погребенных по вписанным в эпитафии именам важно, по мнению автора, для истории возникновения селения, а исследование эпиграфики и орнамента — для выяснения происхождения раннего искусства Кубачи.

Э. Х. Панеш (Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «К этнической истории кабардинцев», опираясь на данные археологии, письменных источников и антропониимики, высказала предположение о том, что зихи — предки абазин, и лишь незначительная часть оформилась как адыгское «племя» абадзехов.

Доклад Т. Д. Равдоникас (Ин-т этнографии АН СССР) «Об одной детали женного костюма кабардинских феодалов XVIII в.» является фрагментом большого исследования автора по истории одежды народов Северного Кавказа. В докладе анализируются такие элементы княжеского боевого одеяния как юбка из плотной шерстяной ткани. Используя зарисовки кабардинской одежды, сделанные в 1793 г. в экспедиции академика П. С. Палласа, сопоставляя внешний вид этой одежды с синхронными писаниями других авторов и проводя параллели с аналогичной по форме боевой и хозяйственной одеждой на среднеазиатских миниатюрах XV в., автор высказывает предположение, что подобного типа распахнутая юбка у кабардинских феодалов, видимо, также служила частью боевого одеяния.

В ряде докладов освещались вопросы историкоэтнографии. В докладе М. В. Сазонова (Ин-т этнографии АН СССР) «Об экспедиции по исследованию старых русел реки Мударьи под начальством А. И. Глуховского 1876—1896 гг.» отмечены исключительно ценные этнографические материалы, собранные экспедицией и хранящиеся в МАЭ.

В. А. Вишневецкая (Ин-т этнографии АН СССР) посвятила доклад замечательному путешественнику и исследователю Средней Азии, фотографу и художнику — С. М. Дудину, чьи уникальные по разнообразию и полноте материалы хранятся в МАЭ, в архивах Государственного музея народов СССР и музеях г. Ташкента.

О кавказских музыкальных инструментах в собраниях МАЭ рассказала Л. И. Смирнова (Ин-т этнографии АН СССР), о П. Г. Буткове — собирателе кавказских этнографических материалов — Ю. Ю. Карпов (Ин-т этнографии АН СССР).

В прениях по докладом участники сессии не раз обращались к трудам Н. А. Кислякова. Было высказано пожелание, горячо поддержанное присутствовавшими, о проведении тематических «Чтений» по проблеме семьи и брака у народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа.

Ф. Д. Люшкевич

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ИНДЕАНИСТИКИ

18—19 ноября 1982 г. в Институте этнографии АН СССР (Москва) проходил симпозиум по проблемам индеанистики: «Американские индейцы в прошлом и настоящем». Это была первая общая встреча советских индеанистов — историков, археологов, этнографов, экономистов, социологов, лингвистов из Москвы, Ленинграда и некоторых других городов.

Заседание симпозиума открыл директор Института этнографии АН СССР академик Ю. В. Бромлей, подчеркнувший возрастающую актуальность индеанистских исследований. Среди наиболее важных проблем были названы такие, как заселение Америки, антропологический анализ коренного населения, формирование древних культур, индейские языки, история коренных обитателей Америки в колониальный период, аборигенный компонент в этнических процессах Америки, роль индейцев в революционных движениях на континенте. Ю. В. Бромлей призвал участников симпозиума более решительно заниматься изучением современности, обратив внимание на политический аспект таких исследований, в частности на сравнение положения малых народов СССР и коренных обитателей Америки.

На симпозиуме было представлено около 40 докладов, большая часть из которых группировалась по двум темам: «Основные этапы исторического развития коренных народов Америки» и «Американские индейцы в современном мире».

По обеим темам было зачитано несколько общих докладов. В первый день заседаний, посвященный истории коренных народов Америки, В. П. Алексеев выступил с докладом «О некоторых морфологических особенностях коренного населения Америки, важных для реконструкции процесса ее заселения». По мнению докладчика, в заселении американского континента принимали участие монголоидные группы, смешанные с европеоидами; этот древний контакт между представителями двух больших рас мог иметь место во внутренних районах Азии.

В. А. Башилов ввел сравнительный анализ темпов исторического развития в главных центрах «неолитической революции» Старого и Нового Света. Он пришел к выводу, что эти темпы были приблизительно одинаковы в обоих полушариях, а при-

«Отставания» в развитии американских народов доколониального времени кроются в том, что аборигены Америки позже начали свой неолитический «скачок», т. е. переход к земледелию, а затем и разведению животных.

Важным в методическом отношении был доклад Ю. В. Кнорозова, в котором показана несостоятельность подхода некоторых западноевропейских исследователей к поискам родства между календарными системами народов древней Мексики и Южной и Юго-Восточной Азии. Ю. В. Кнорозов, крупнейший специалист в области культуры майя, вот уже в течение многих лет занимается изучением культуры древней Индии, поэтому его точка зрения на проблему древних связей между народами Старого и Нового Света очень весома.

Другие доклады первого дня можно сгруппировать по региональному принципу. Ранние этапы земледелия в Месоамерике были охарактеризованы В. Г. Сергеевой. В докладе В. И. Гуляева о типологии и структуре древнейших государств в Месоамерике доказывалась применимость для месоамериканской ситуации классификационной схемы, разработанной И. М. Дьяконовым и В. А. Якобсоном для древнейших государств Старого Света.

В нескольких докладах по Месоамерике анализировались различные памятники культуры индейцев доколониальной эпохи. А. А. Бородатов продемонстрировала те возможности этноисторических и этнокультурных реконструкций, которые дает изучение изображений на керамике майя из погребений I тысячелетия н.э., т. е. классического периода истории майя. Т. Б. Гончарова рассказала о своем понимании «Мемориала Сокола» (или «Летописи какчикелей»): в этом памятнике, по ее словам, можно различить два пласта: один — примитивные, бессистемные сведения, которые могли входить в круг знаний и представлений любого члена общества; другой — древний мифологический пласт, или «древняя мудрость». Точка зрения докладчицы, заключающаяся в том, что этому реконструируемому мифу, как и всей мифологии американских индейцев, свойственны сумрачность и жестокость, ориентация на прошлое, налагавшая своего рода «табу на прогресс», вызвала оживленную дискуссию. В докладе Г. Е. Ершовой «Кантарес из Цитбальче» в противоположность предыдущему внимание обращено на лирические, светлые тона древних индейских песен. Анализ филологических аспектов поэзии мексиканского государственного деятеля и поэта Нетсауалькойотля (1402—1470 гг.) был посвящен доклад А. Ф. Кофмана. Л. П. Лисенко обрисовала историю изучения и состояние изученности рукописей мштекков, указав на два возможных направления их исследования: с целью реконструкции политической истории и культурно-этнографического. Анализ источника, осуществленный самой Л. П. Лисенко, позволил ей уточнить некоторые датировки, предложенные ранее мексиканским ученым Альфонсо Касо.

Ряд докладов был посвящен индейцам Южной Америки. Ю. Е. Березкин, исследуя сюжеты мифологии южноамериканских индейцев, пришел к выводу, что сюжет — явление не этническое, а ареальное, и наметил несколько ареалов по ряду сюжетов. По мнению докладчика, сходство в сюжете мифов, в разной степени наблюдаемое в различных ареалах, может быть использовано для восстановления этнической истории Южной Америки, в частности для реконструкции перемещений тех или иных народов. В. А. Кузьмищев обратился к самым ранним письменным сообщениям об инках, дав краткую характеристику трудов таких хронистов, как Сьеса де Леон, Сармьенто де Гамбоа, Гарсиласо де ла Вега и Поло де Андегарто. С. Я. Серов рассмотрел в своем докладе вопрос об этнических аспектах восстаний индейцев Перу в конце XVIII в. Доклад Э. Г. Александренкова был посвящен более частной теме — побратимству на Антилах, сопровождавшемуся обменом именами, а также роли этого института в межэтнических отношениях.

Доклады об аборигенах Северной Америки касались колониального времени, за исключением одного: Е. А. Окладникова напомнила слушателям о некоторых сходных элементах культуры индейцев Калифорнии и обитателей востока Азии и познакомила с коллекцией калифорнийских предметов, хранящейся в МАЭ. С. Г. Федорова и А. А. Истомин осветили в своих докладах проблему взаимоотношений русского населения и колониальных властей с местными жителями в российских колониях Северной Америки. В. М. Калашников рассмотрел круг вопросов, связанных с восстанием натчей 1729—1730 гг. в свете политики французских колониальных властей того времени. О культурной самобытности индейцев штата Оклахома (США) говорилось в докладе А. В. Логинова.

Второй день симпозиума (тема — современное положение аборигенов Америки) открылся докладом В. А. Зубрицкого «Советская индеанистика, ее место и задачи в советской латиноамериканистике». Докладчик указал на единство проблем индеанистики и латиноамериканистики, а также обратил внимание на специфику этих общих проблем в индейских обществах. Он ратовал за постоянное и глубокое изучение современных социальных движений коренных обитателей Америки, притом как в сельских, так и городских зонах. В докладе И. Р. Григулевича были проанализированы различные этапы борьбы коренных обитателей за свои права; наибольшее внимание уделено их участию в современных революционных движениях в странах Центральной Америки. Важный элемент сохранения традиций духовной культуры у коренных обитателей Америки рассматривался в докладе А. В. Ващенко «Современный индейский писатель: феномен культур „третьего мира“».

В. А. Тишков на основе самых последних данных подробно осветил нынешний этап индейского движения в Канаде. Борьба индейцев за свои права осложнена все еще сильной разобщенностью индейских организаций, а также тем, что зачастую традиционные индейские вожди превращаются в администраторов на службе у прави-

тельства. Различным вопросам социального и экономического положения коренных обитателей США и Аляски (индейцев и эскимосов) были посвящены выступления Г. И. Дзенискевич, Н. Н. Лопуленко, Р. Г. Ляпуновой, В. Г. Стельмаха и К. В. Цеханской.

Следующая группа докладов второго дня — об индейцах Центральной Америки и Мексики. В силу понятного интереса к революционным событиям в странах Центральной Америки именно этому региону и было посвящено большинство выступлений. В докладе А. Д. Дридзо дан обзор истории индейцев Никарагуа и показаны взаимоотношения индейских групп этой страны с революционным правительством, проводящим политику приобщения самых удаленных индейских районов к процессам прогрессивных преобразований. В нескольких докладах анализировалось социально-экономическое положение индейцев в аграрной структуре Гватемалы, рассматривалась взаимосвязь классовых и этнических противоречий в этой стране. Е. Ф. Толстая обратилась непосредственно к анализу роли индейцев в революционной борьбе гватемальского народа против проамериканского режима. Главный урок, извлеченный революционными лидерами из поражения 60-х годов, по ее мнению, состоит в том, что без участия индейцев борьба обречена на провал. Движению 70-х годов уже свойственна пропаганда целей революции в среде индейцев. И. Ф. Хорошаева в докладе об индейцах Мексики на основе личных впечатлений о поездке в эту страну (в частности, знакомства с провинциальной прессой) высказала точку зрения, что в Мексике, где проживает несколько миллионов индейцев разного этнического происхождения и разной степени приобщенности к национальной экономике и общенациональной культуре, основная причина их социальной активности, нередко принимающей формы стихийного вооруженного конфликта с властями, лежит в неразрешенности аграрного вопроса.

Проблемы социального развития коренного населения Южной Америки были меньше отражены в докладах симпозиума. М. Г. Котовская описала процесс разложения индейских общин на северо-востоке Бразилии в первой половине нашего столетия. П. В. Грибанов охарактеризовал место индейцев Гайаны в этой политичной стране. Л. С. Шейнбаум изложила основные этапы истории индейцев тоба Аргентины и показала их нынешнее положение.

Отрадно, что в нашей стране все больше исследуются языки коренных обитателей Нового Света; при этом ставятся как этноязыковые, так и собственно лингвистические проблемы. М. И. Былинкина высказала свои соображения об этнолингвистической ситуации в Мексике. В докладе Д. А. Филипповой говорилось о двуязычии в Парагвае, где долгое время существует редкое в Латинской Америке равное употребление, хотя и в разных сферах, двух языков — испанского и гуарани. В 1971 г. гуарани даже был признан официальным языком. В последние годы, считает докладчица, в результате испанизации гуарани намечается тенденция смещения двух языков. А. Н. Натаров представил свои доводы в пользу создания единого алфавита для языка кечуа. В докладе Е. И. Царенко были рассмотрены типологические особенности языка миштеков.

Итоги первой такой широкой встречи советских индеанистов подвел председатель оргкомитета симпозиума, зав. сектором народов Америки Института этнографии АН СССР В. А. Тишков. Он поблагодарил всех докладчиков и выступавших в прениях за участие в работе симпозиума и выразил общее мнение, что попытка рассмотреть проблемы истории и современного положения аборигенов Америки в их целостности оказалась удачной. В. А. Тишков отметил солидную теоретическую базу всех докладов и их высокий источниковедческий уровень. Для всех докладов были характерны историзм и стремление к сравнительно-типологическому пониманию явлений. Важна также, отметил В. А. Тишков, неотстраненность от объекта исследования, классовая и партийная позиция советских исследователей. В. А. Тишков обратил внимание на некоторые недостатки нашей индеанистики, проявившиеся в докладах: ограниченность ряда тем и их явная разобщенность; недостаточность массовой обработки статистических данных; робость в выборе новых, более общих тем. Без внимания остались такие темы, как историческая демография, этническое картографирование, этническая экология; все еще недостаточно представлены вопросы индейской политики. В. А. Тишков выразил надежду, что в будущем советские индеанисты смогут внести свой вклад и в разработку названных проблем.

Э. Г. Александренков

XXIX КОНГРЕСС ФОЛЬКЛОРИСТОВ ЮГОСЛАВИИ

Внимание историков, этнографов, фольклористов, искусствоведов давно привлекает культура населения Далмации и прилегающих к ней островов Адриатики, входящих в состав Хорватии. Процесс формирования и развития народной культуры определялся здесь своеобразными условиями исторического развития южнославянских племен, заселявших Далмацию в раннем средневековье, борьбой хорватов в течение столетий за свою национальную независимость, когда эта территория оказывалась то под властью Венеции, то под ударами Османской империи, отторгалась от Хорватии то наполеоновской армией, то итальянскими фашистами. Вследствие географического положения и разнообразных идеологических и культурных влияний народная культура Далмации, сохраняя многие черты, характерные для хорватской национальной культуры в целом,

отличается вместе с тем большим разнообразием локальных традиций. Этим объясняется интерес ученых к культуре населения этого региона¹.

Местом для очередного, XXIX Конгресса фольклористов Югославии был избран о. Хвар как один из далматинских очагов формирования хорватской национальной культуры. Организатором его было Общество фольклористов Социалистической Республики Хорватии.

Конгресс проходил с 12 по 20 октября 1982 г. и собрал фольклористов, этнографов и искусствоведов из всех республик и автономных областей Югославии. Открыл конгресс председатель Союза республиканских обществ фольклористов, известный хорватский хореограф И. Иванчан (в недавнем прошлом — руководитель ансамбля народных песен и танцев «Ладо»). Участников конгресса приветствовали представители общественных и научных организаций страны.

Программа конгресса включала три темы: 1) Фольклор о. Хвар и средней Далмации; 2) Взаимодействие и взаимовлияние различных фольклорных элементов; 3) Способы защиты (охраны) фольклорного наследия. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 115 докладов и сообщений (работало четыре секции: народного прикладного искусства, устного народного творчества, этномузыковедческая и детского фольклора)². Кроме того, обсуждалась проблема подготовки молодых специалистов в области народной культуры на специальном заседании, названном «Трибуна фольклориста». Торжественное заседание было посвящено 20-летию издания центрального органа Союза фольклористов Югославии — журнала «Народно стваралаштво» («Народное творчество»), который выходит четыре раза в год (последний, юбилейный номер — 80-й). На одном из заседаний секции устного народного творчества обсуждалась традиционная для конгрессов фольклористов Югославии проблема — «Народный эпос».

Доклады по первой теме дали всестороннее представление о различных видах народной культуры средней Далмации — о занятиях местного населения (И. Милчевич, Пула), обычаях (В. Чулинович-Константинович, Сплит), народной архитектуре (Е. Гамулин, Сплит), прикладном искусстве (И. Вртовец; Е. Радауш-Рибарич, Загреб), танцах (И. Иванчан, Загреб), о детском фольклоре (Е. Башич, Загреб), о фольклорных традициях в творчестве писателей, драматургов и поэтов³. Содержательны были доклады о местных свадебных обрядах (Н. Безич-Божанич, Сплит; М. Матич, Белград), о драматических элементах и ряжении в народной свадьбе (Н. Бонифачич-Рожин, Загреб). Большой интерес вызвала группа докладов, посвященных вокально-музыкальному фольклору (Е. Безич, Загреб; А. Петрович, Сараево; К. Галин, М. Певранович, Загреб; Н. Бубле, Тростар). Среди докладчиков были не только известные специалисты, но и местные краеведы, работники музеев и других культурных учреждений о. Хвар.

Вторая тема включала широкий круг вопросов, связанных с комплексным изучением народной культуры. Вводный доклад сделал профессор Загребского университета Т. Чубелич, который, коснувшись прогрессивных и гуманистических аспектов проблемы взаимовлияния фольклора разных народов, подверг критике концепции «закрытой», или «однородной» культуры. В других докладах освещался процесс взаимодействия различных видов народного творчества в разные исторические периоды. Большое внимание было уделено связям между фольклором разных народов Югославии, а также влиянию средиземноморских культурных традиций на фольклор Балканского полуострова. Большинство докладчиков анализировали разнообразный конкретный материал (М. Паламета, Столац; Дж. Бутурович, Сараево; З. Палчок, Загреб; М. Бодигора, Мостар; Т. Вражиновски, Скопле; Б. Кукурин, Кастав; М. Рамовш, Любляна; С. Сремац, Я. Галин, Загреб; С. Младеновски, Скопле и др.), а некоторые стремились к теоретическим обобщениям этногенетического и историко-культурного характера. Так, Д. Антониевич (Белград) посвятил свой доклад исследованию субстрата в обрядовом фольклоре населения Балкан.

Весьма актуальной была третья тема конгресса, поскольку она непосредственно связана с практическими задачами охраны и развития лучших народных традиций. Во вступительном докладе акад. Д. Недельковича (о способах защиты фольклорного наследия) давалась характеристика условий развития творческих способностей масс, а также критика некоторых отрицательных тенденций, проявляющихся в Югославии в отношении к фольклорному наследию. Ж. Грбац (Риека) охарактеризовал культурологическую функцию фольклора в современном обществе. О «сценизации» народных обычаев как форме их сохранения и о существенных структурных изменениях народной традиции при включении ее в сценический репертуар говорил И. Лозица (Загреб). Многочисленным формам демонстрации фольклора в связи с развитием международного туризма посвятил свой доклад Я. Богатай (Любляна). Об охране народных

¹ Так, в 1975 г. в специальный том ежегодника «Народное искусство» были включены фольклорные и этнографические исследования об о. Брач (Narodna umjetnost, Zagreb, t. 11, 1974, t. 12, 1975). Два последних тома ежегодника посвящены истории, материальной и духовной культуре о. Зларин (т. 17 — 1980 г. и т. 18 — 1981 г.). И. Иванчан в своих монографиях анализирует хореографическую и игровую культуру о. Корчула.

² Поскольку изложить содержание всех докладов и дискуссий не представляется возможным в краткой информации, ниже предлагается обобщенная характеристика проблематики со ссылкой лишь на некоторые имена. Материалы конгресса целиком будут опубликованы отдельным изданием.

³ О проблеме взаимодействия фольклора и литературы см. мое сообщение в журнале «Советское славяноведение», 1983, № 3.

заций славянских народов в современной Венгрии рассказал Дж. Шарош (Зенгрия). Другие докладчики приводили много интересных примеров собирательской, исследовательской и популяризаторской работы (фольклористов, сотрудников музеев, работников культурно-просветительных учреждений Югославии), направленной на сохранение подлинно народных традиций в сфере быта, в концертной деятельности, в зорчестве профессиональных художников современной Югославии. Цикл докладов был посвящен фольклорным смотрам и фестивалям (Ю. Страйнар, Любляна, и др.). Событий интерес представляла информация о мерах, предпринимаемых Хорватской (и в частности, Хварской) общиной для охраны фольклора (В. Готгарди-Павовска, Риека; Н. Дубокович-Надалини, Хвар). В рамках этой темы на пленарном заседании конгресса состоялся и мой доклад «Фольклорные ансамбли в ССР — новая форма сохранения и развития народных традиций». Специальное секционное заседание было посвящено состоянию народной хореографии и факторам, способствующим ее развитию (Б. Котурович; С. Зечевиц, Белград и др.).

Работа конгресса проходила в деловой атмосфере и сопровождалась оживленной, одчас острой дискуссией на заседаниях секций (в частности, по вопросу о воздействии мусульманской культуры на фольклор некоторых народов Югославии, а также по некоторым специальным проблемам народной музыки и хореографии).

Характерной особенностью XXIX конгресса (по сравнению с предыдущими, на которых я присутствовал) был заметно более молодой состав участников — наряду с некоторыми старейшими известными учеными (акад. Д. Неделькович, акад. Ц. Рихтан, Е. Башич, С. Зечевиц, Н. Бонифачич-Рожиц, З. Палчок, Т. Чубелич) и успешно работающими представителями среднего поколения (Д. Антониевич, Дж. Бутурович, И. Иванчан, М. Матич, Р. Петрович, Ю. Страйнар, В. Чулинович-Константинович и др.). В работе конгресса участвовали многие молодые специалисты. Не случайно поэтому с такой заинтересованностью на заседании «Трибуна фольклориста» говорилось о фольклористическом образовании в высшей и средней школе, о возрастающем интересе к фольклору среди молодежи (Л. Никочевич, Загреб, Я. Богатай, М. Терсеслав, Любляна; М. Поврзанович, Загреб). Заметно также возрос «удельный вес» фольклористов-музыковедов, что свидетельствует о развитии этого направления югославской науке.

Программа конгресса предусматривала ознакомление участников с памятниками истории и культуры о. Хвар, в связи с чем были организованы однодневная экскурсия по территории острова и посещение музеев и других объектов в городах Ельса, Врбоска, Стари Град. Для участников конгресса был дан большой, очень интересный фольклорно-этнографический концерт, на котором выступили не только местные коллективы, но и ансамбли с островов Вис и Корчула, а также с Далматинского побережья (Сень). В дни работы конгресса демонстрировалась выставка фольклорно-этнографических изданий на языках народов Югославии, свидетельствующая о большом размахе и плодотворной деятельности югославских специалистов в области народной культуры.

В. Е. Гусев

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июле 1981 г. студенты филологического факультета Кишиневского госуниверситета проходили фольклорную практику в русских старожильческих селах Молдавии (Егоровка Фалештского р-на, Покровка Дондюшанского р-на) и г. Единцы. Руководители фольклорной практики Р. А. Богомольная, В. Н. Максимов и Л. Г. Мельник. Были совершены также кратковременные выезды в села Единецкого р-на: Слободка и Алексеевка — с русским населением, Холохоры (по преданию «Голые горы») — с русско-украинским и Бричаны — русско-молдавским населением.

Село Егоровка основано в 1919 г. старообрядцами — выходцами из в. Хотинского уезда и с. Покровки.

Записи фольклора в Егоровке производились 5 раз (1961, 1963, 1965, 1968, 1979 гг.), в Покровке — 4 раза (1962,

1963, 1965, 1971 гг.) и в Единцах 3 (1965, 1972, 1977 гг.). В 1981 г. фольклор собирался с целью проверки и уточнения полученных ранее материалов, а также изучения современного состояния фольклорной традиции, в связи с чем учитывались все жанры, бытующие в обследуемых селах. Всего записано: 1373 текста. Из них: песен — 626 (291 сюжет), частушек — 519, сказок — 22, преданий — 7, духовных стихов — 2, пословиц и поговорок — 59, заговоров — 74, считалок — 63, заговор — 1. Песен, связанных с земледельческим календарем, сохранилось мало. Так, записано всего две колядки, одна из них явно украинского происхождения. Обычай колядования сохранился в Покровке, правда, колядуют только мальчишки. В Покровке же еще в 1971 г. не только пожилые, но и молодые знали, какие песни пели на масленицу. В 1981 г. такие сведения удавалось

получить лишь в ходе долгих расспросов. То же и в отношении веснянок и троицких песен. Во время жатвы и сейчас поют «живные», но это обычные лирические песни, в тексте которых упоминаются полевые работы. Среди них: «Раз полоску Маша жала» и «Посылала меня мать зеленое жито жать». Интересно, что в Единцах на уборке винограда поют: «Заставила меня мать виноград собирать».

Состав свадебных песен, бытующих в селах Покровка и Егоровка, устойчив. Особенно много «заручных песен», которые исполняются девушками на «девичьей вечеринке» («По улице, по широкой гульба идет», «Что же ты, свечушка, ярко горит?»), «Ходит солнышко все по-за лесом» и др.).

Хороводы здесь водили 40—50 лет назад. О них помнят только пожилые женщины, однако хороводные песни остались в репертуаре, их исполняют и женщины среднего возраста. Тексты, в основном хорошо сохранившиеся («Из-за лесу, лесу темного, из-за садику зеленого», «Что по травке-травочке, было по муравушке», «Травка-травушка, травка муравая», «Что за нашими дверьми» и др.). В Единцах их называют «карагодными». В состав «вечорошных» (или «вечорных») здесь входят самые разнообразные песни: и лирические, и плясовые, и баллады, и украинские песни. Выделяются также «фатерные» или «воскресные». Почти забыты солдатские песни. Например, в Егоровке записано только две: «В семьдесят седьмом году» (исполнитель продиктовал текст) и «На взморье мы стояли». К солдатским примыкают и казачьи. Особый интерес представляет песня «Пустил коня в долинушку» — о молодом казаке, заснувшем на заставе. В результате изучения этого сюжета удалось выяснить, что он восходит к XVII в. В Егоровке зафиксировано два варианта этой песни: в одном враги — турки, в другом — немцы. Второй вариант был распространен в годы Великой Отечественной войны. Тогда же пели балладу о двух героях («Закатилось солнышко за темные леса»). Поют ее и сейчас, как и песню о партизане («На опушке леса старый дуб стоит»).

Большую роль в сохранении устно-поэтических традиций в с. Егоровке играет ансамбль народной песни под руководством замечательной певицы Е. Е. Водопьяновой. В него входят шесть женщин различного возраста от 45 до 53 лет, от которых в 1981 г. записано 108 песен. Среди них 19 свадебных, 9 хороводных, 35 лирических, 2 баллады, 1 солдатская, 5 плясо-

вых, 17 украинских песен, 14 романсов (5 мешанских и «жестоких» романсов, 6 городских, 3 современных), 2 песни литературного происхождения. Интересно отметить, что у каждой исполнительницы, помимо песен, которые она поет в ансамбле, есть и свои, не входящие в общий репертуар. Традиционные народные песни, записанные от ансамбля, не воспринимаются как архаические, их знают и поют и другие исполнители.

Активной частью репертуара являются и частушки. Но в Егоровке они не столь распространены, как в Единцах. Здесь частушками некоторые исполнители называют отрывки из песен (например, 4 строчки из песни «Потеряла я колечко») и даже украинских («Чумаче, чумаче, чом ты зажурился»).

Из прозаических жанров следует отметить предания о Полищуке, бытующие в Единецком районе на русском, украинском и молдавском языках. Полищук — историческое лицо, действовал в конце 20-х гг. на территории северной Молдавии, оккупированной в то время боярской Румынией. Образ Полищука — это образ гайдука, благородного разбойника, который сам себя называл в записках: «Иван Полищук — покровитель бедных». Рассказы о нем оформились в устойчивые фольклорные сюжеты.

Устойчивой сказочной традиции в исследуемых селах не обнаружено. Хороших сказочников мало, да и у них репертуар невелик — не более трех-четырех текстов.

Собранные материалы хранятся на кафедре русской и советской литературы Кишиневского госуниверситета.

Р. А. Богомольная

* * *

За более чем 30-летний период существования Ошского областного историко-краеведческого музея его сотрудники собрали уникальные коллекции музейных предметов. В настоящее время фонды музея насчитывают свыше 30 тыс. единиц хранения.

Сотрудники музея продолжают поиск предметов, характеризующих материальную и духовную культуру, семейный и общественный быт южных киргизов, а также русских крестьян — переселенцев из Центральной России.

С этой целью с 1979 по 1982 г. ежегодно организуются плановые экспедиции совместно с центральными музеями Москвы (в частности с Государственным музеем искусства народов Востока) и Ленинграда

В сентябре — октябре 1980 г. в Ошской области работала этнографическая экспедиция в составе научных сотрудников Государственного музея этнографии народов СССР (Лейкина С. М. — начальник экспедиции и Перлиц М. Д.), Киргизского государственного исторического музея (Ибрагимова Т. М.), Ошского областного историко-краеведческого музея (Асанканова С. А.) и шофера Адишева С.

Цель экспедиции — изучение социально-экономического развития, культуры и быта южных киргизов и сбор материалов для основной исторической экспозиции музея по темам: «Хозяйственная деятельность», «Жилище», «Ремесло и торговля». Было обследовано 12 населенных пунктов Ляйлякского и Баткенского районов Ошской области, с этнографической точки зрения ранее не достаточно изученных.

Ошская область в этнографическом плане представляет большой интерес, так как здесь благодаря взаимодействию разных групп узбекского, таджикского и киргизского населения можно проследить процесс создания новых традиций, а также взаимовлияний в материальной и духовной культуре этих народов.

Экспедицией собран большой материал, характеризующий особенности культуры и

быта киргизов-ичкиликов (народная одежда, вышивка, ткачество, ковроделие, ювелирные и кузнечные ремесла).

Особый интерес представляют образцы ворсового ткачества, вышивки и ювелирных изделий: старинное накосное украшение (*чач папики*), женская шапочка (*кеп-такия*) и вышитый платок (*дурия*), украшенные серебряной насечкой и бубенчиками, инкрустированные кораллами и перламутровыми бусинками, а также вышивкой в технике «ильме» и «терс кайык».

Некоторые виды традиционного декоративного искусства, в первую очередь, ковроделие, предметами которого украшаются современные городские квартиры, продолжают жить и развиваться в наши дни. О сохранении преемственности в народных художественных промыслах свидетельствует, в частности и то, что многие мастера переняли искусство от своих бабушек и дедушек.

В результате экспедиций были приобретены 107 предметов декоративно-прикладного искусства, сняты планы всех поселений, зафиксированы рассказы старожил по истории их возникновения. Собранный материал хранится в фондах Ошского областного историко-краеведческого музея.

С. Асанканова



КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

СОВЕТСКИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Известно, что именно в области паремииологии и фразеологии наблюдается в последние годы активная стыковка специалистов-гуманитариев самого широкого профиля, прежде всего филологов и этнографов. Не случайно один из крупных советских лингвистов, Н. И. Толстой, посредством исследования фразеологической проблематики приходит со своими учениками к фронтальным лингво-этнографическим обобщениям и вовлекает в этнографическую орбиту все большее число исследователей. В паремииологии и фразеологии лингвистические, этнографические и исторические моменты так тесно переплетаются друг с другом, что разрыв этой органической связи приводит к нарушению объективности научного исследования фактов. «Если справедливо, что лингвистика есть „лопата для историка“, — подчеркивает Н. И. Толстой, — то бесспорно такими „лопатами“ являются и фольклористика, и этнография. Споры о том, какой „лопате“ отдать предпочтение, беспредметны, а снобистские требования пользоваться только одной „лопатой“, только одним методом — лингвистическим просто вредны»¹. Эти слова ярко отражают стремление современных лингвистов к полнокровному альянсу с этнографами, фольклористами и историками.

Анализ библиографических указателей по паремииологии и фразеологии, изданных в СССР за последние 15 лет, показывает, что данное стремление все более и более воплощается в конкретных лингво-этнографических исследованиях. Хотя эти указатели и составлены чистыми лингвистами, и ориентированы на специалистов по языкознанию, в них широко учитывается этнографическая и фольклористическая литература, а в последних, особенно паремииологических, указателях, как увидим, даже предпринимается ее широкое аннотирование.

Первым сводным указателем по фразеологии, изданным в советское время, был справочник В. Н. Сергеева². Характерно, что он опубликован в сборнике докладов I Всесоюзного совещания, посвященного проблемам фразеологии и задачам составления фразеологического словаря русского языка, которое состоялось в 1961 г. в Ленинграде. На совещании были подведены итоги исследований в этой отрасли языкознания, основанной трудами академиков В. В. Виноградова (1946) и Б. А. Ларина (1956) по принципиальным вопросам фразеологии.

Библиографический указатель В. Н. Сергеева содержит большой материал по исследованию фразеологических единиц (resp. паремий) разных народов. Справки здесь расположены по двум разделам: 1) исследование фразеологических единиц; 2) словари и сборники фразеологических единиц. В первом разделе дается библиография по общим и частным вопросам фразеологии: категориальная характеристика фразеологических единиц, структура, смысловая, грамматическая, стилистическая характеристика этих единиц и т. п. Во втором разделе представлена библиография словарей и сборников фразеологических единиц, пословиц, крылатых слов и выражений. Несомненную ценность здесь имеют также ссылки на двуязычные переводные словари. Особенно много места в этом указателе занимает фразеология индоевропейских языков: индийских, иранских, славянских, германских, романских и армянских. Отражены в указателе и исследования по уральскому финно-угро-самодийским, алтайским (тюркским и монгольским), кавказским и китайско-тибетским языкам. Всего в указателе фиксируется 892 исследования и источника по фразеологии различных народов.

В указателе В. Н. Сергеева дана библиография по фразеологии в узком ее понимании, т. е. прежде всего по идиоматике. Поэтому пословицы и поговорки как объект исследования здесь еще не получили широкой фиксации. Тем не менее и в этот указатель входят некоторые данные по речевым жанрам фольклора, например некоторые

¹ Толстой Н. И. Атлас духовной культуры Полесья — лингвистический, фольклорный и этнографический аспекты. — В кн.: Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры. Тэзісы дакладаў II рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. Гомель, 1980, с. 16.

² Сергеев В. Н. Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г. — В кн.: Проблемы фразеологии. Материалы и исследования. М.—Л.: Наука, 1964, с. 255—317.

пословицы, поговорки, крылатые слова и изречения, употребляемые в произведениях В. И. Ленина³.

Справочник В. Н. Сергеева вызвал широкий научный резонанс. Довольно быстро инициатива составления подобных указателей была подхвачена представителями самаркандской школы фразеологов, которую основал и возглавил покойный проф. Л. И. Ройзензон. Учеными Самаркандского университета за последние 15 лет выпущено семь указателей по фразеологии и паремиологии. Характерной особенностью самаркандских указателей является детализированная разработка справочного аппарата, исключительно мобильная фиксация новейших веяний в области паремиологии и фразеологии, готовность вводить новые рубрики в свою систему классификации материала и расширять этот материал за счет все более широкого обращения к исследованиям «смежников».

По инициативе Л. И. Ройзензона в 1965 г. издаются «Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии»⁴. Они, по словам самих составителей, еще «не являются библиографией в полном смысле этого слова; это, скорее заготовки для будущей библиографии» (с. 147). Но даже такие «заготовки» по числу учтенных работ почти вдвое превосходят число источников.

Цель В. Н. Сергеева заключалась в том, чтобы отразить лишь фразеологические работы советских ученых, в то время как Л. И. Ройзензон и М. А. Пеклер стремятся дать читателю материалы по фразеологии и паремиологии, опубликованные как в СССР, так и за рубежом, без ограничения какими-либо хронологическими рамками.

Большое значение имело выделение особой рубрики «Литература о пословицах и поговорках», что знаменовало собой отказ от регламентации источников лишь лингвистическим материалом. В этом разделе представлены многочисленные паремиологические собрания различных народов, изданные в разное время. Сюда же вошли библиографические данные о паремиологических исследованиях.

В указателе Л. И. Ройзензона и М. А. Пеклера вошли следующие разделы, выделенные в соответствии с общенаучной систематикой фразеологических данных: I) Изучение фразеологии. Хроника научных конференций и совещаний по вопросам фразеологии; II) Специальные сборники по фразеологии; III) Общие проблемы фразеологии; IV) Фразеология и другие лингвистические науки; V) О границах фразеологии. Фразеологизм и слово. Фразеологизм и сложное слово. Природа фразеологизма; VI) Особенности фразеологизмов; VII) Явление омонимии и многозначности в области фразеологии; VIII) Вариантность в кругу фразеологических выражений; IX) Явление синонимии в области фразеологии; X) Классификация во фразеологии; XI) Структурные типы фразеологизмов. Соотношение фразеологизма и части речи; XII) Пути развития фразеологизмов и способы их образования. Этимология фразеологических оборотов. Фразеологическая терминология. XIII) Заимствования и кальки среди фразеологизмов. XIV) Неологизмы среди фразеологических выражений; XV) Экспрессивно-стилистические пласты фразеологизмов. Фразеология специальных речевых сфер; XVI) Вопросы стилистического использования фразеологизмов и проблемы культуры речи. Фразеология художественных произведений; XVII) Обзорные работы по фразеологии отдельных языков; XVIII) Вопросы изучения исторической фразеологии; XIX) Сравнительное и сопоставительное изучение фразеологии; XX) Фразеология и вопросы перевода; XXI) Лексикография и фразеология; XXII) Методика преподавания фразеологических оборотов; XXIII) Фразеология и вопросы структурной лингвистики и машинного перевода; XXIV) Фразеологизация. Фразеологизированные образования; XXV) Сборники фразеологических выражений.

Эту тематическую структуру библиографического указателя мы специально приводим здесь в полном виде. В позднейших выпусках она в целом сохранена, но подвергается усовершенствованию, отдельные рубрики исчезают, укрупняются, либо модифицируются. Указатель Л. И. Ройзензона и М. А. Пеклера стал не только справочным подспорьем в работе над соответствующей научной проблематикой, но и сыграл большую роль в развитии именно тех аспектов фразеологии и паремиологии, которые до того времени были почти не изучены, прежде всего исторического и сопоставительного.

В первом указателе самаркандских ученых были и существенные библиографические недочеты. Особенно заметны большие пропуски в области паремиологии, поскольку продолжает доминировать ориентация на работы лингвистов, а фольклористические и этнографические источники учитываются весьма sporadично и непоследовательно. Немало в указателе и технических огрехов: для многих источников не указываются точные выходные данные — место издания, год издания, количество страниц и т. п. Сам составители объясняют это тем, что им не удалось познакомиться с этими источниками *de visu* (с. 147), однако для библиографа это не оправдание, ибо в библиографических источниках большинство пропущенных Л. И. Ройзензоном и М. А. Пеклером данных вполне можно отыскать. Есть в указателе и фактические неточности: так, известный паремиологический двухтомник чешского исследователя проф. В. Флайшганса дан не под основным заголовком — *Česká přísloví*, а под титульным названием, которое обычно не указывается (с. 1416). В чешских названиях допущен ряд орфографических, грамматических и фактических ошибок. Много опечаток и ошибок подобного рода в немецких, английских, французских и особенно славянских названиях (ср. № 1401, 1416, 1056, 1103, 1144, 1122, 1312, 1487 и мн. др.). Нужно сразу сказать, что технические небрежности в оформлении самаркандских библиографических указателей были устранены лишь с приходом в авторский коллектив А. М. Бушуя.

³ Ленин В. И. Соч. (изд. 4-е). Справочный том, ч. II, с. 324—326.

⁴ Ройзензон Л. И., Пеклер М. А. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. — В кн.: Вопросы фразеологии. Ташкент: Узбекистан, 1965, с. 147—224.

В 1970 г. вышел в свет отдельный том «Материалов к общей библиографии по вопросам фразеологии»⁵. Тематический принцип, разработанный прежде, использован здесь в еще более детализированном виде. Значительно расширен раздел «Паремииологии», в который включены как данные по общим и частным вопросам паремииологии, так и материал к библиографии паремииологических сборников на разных языках — индоевропейских, семитских, кавказских, финно-угорских, тюркских, языках народов Центральной и Южной Африки, а также халха-монгольском, китайском и японском языках. В этом разделе достаточно полно освещены данные, опубликованные в некоторых лингвистических журналах, например, в международном паремииологическом ежемесячнике, издаваемом в Хельсинки («Proverbium»), и приведены ссылки на труды не только языковедов, но и фольклористов, этнографов и историков, занимающихся фразеологией и паремииологией. Вместе с тем и в данном указателе учтен труд фольклористов, этнографов и историков все-таки еще недостаточен: это скорее довольно свободная выборка отдельных источников, чем их системное библиографическое освещение.

Указатель Л. И. Ройзензона и А. М. Бушуй фиксирует 2753 источника фразеологической и паремииологической информации. Большую помощь читателю в библиографических поисках здесь может оказать продуманная система индексов: индекса авторов исследований по фразеологии, индекса писателей (а также различных сборников и книг), фразеология и паремииология которых подвергалась научному анализу; индекс языков и, наконец, индекс авторов диссертаций по фразеологии за период с 1917 по 1969 г.

Хотя сами авторы в предисловии снова подчеркивают, что и данный указатель «не является систематической библиографией в строгом смысле слова» (с. V); однако он уже существенно приблизился к библиографии такого типа. В этом справочнике не только с большой полнотой учтены работы по фразеологии с 1963 по 1969 г., но и компенсированы большие библиографические лакуны за предыдущие годы; значительное число источников просмотрено теперь *de visu* или сверено по различным библиографическим пособиям. Особенно тщательно выверены данные по германским и романским языкам.

Все последующие выпуски самаркандских библиографических указателей, как и II, издаются отдельными выпусками. III выпуск, составленный Л. И. Ройзензоном, А. М. Бушуйем и С. И. Ройзензоном, вышел в 1974 г.⁶ В его основу легли фразеологические и паремииологические исследования, опубликованные с 1970 по 1973 г. Показательно, что число их — 2800, зафиксированное здесь, даже несколько превышает число фразеологических работ, отраженных предыдущим указателем (2753), что уже само по себе свидетельствует о стремительном развитии этой молодой отрасли лингвистики. Наряду с литературой указанного периода в III выпуске учтены и многие старые исследования, не попавшие в предыдущие выпуски библиографии.

В рассматриваемом указателе также значительно усовершенствована система расположения материала. Правда, не все изменения можно считать последовательными и объективно оправданными. Например, при тенденции к укрупнению тематической классификации, число рубрик — XXVIII практически столь же велико, как и в предыдущих двух выпусках. В крупные разделы выделяются проблемы, в принципе достаточно периферийные для фразеологической системы. Так, примечательно, что отдельный раздел, включающий всего 11 работ, посвящен явлению антонимии во фразеологии (раздел XIV, с. 73).

Положительной стороной III выпуска является еще более полное отражение литературы по паремииологии (с. 164—173). Вообще нужно отметить, что, начиная с этого выпуска, сборники, посвященные паремииологии различных народов в самаркандских указателях фиксируются почти наравне с фразеологическими словарями.

После кончины Л. И. Ройзензона издание библиографических и паремииологических указателей в Самарканде взял на себя А. М. Бушуй, в полной мере осознающий тесную связь паремииологии и фразеологии благодаря своим исследованиям по германско-романской лексикографии⁷. Ему удалось отразить назревшую в современной науке междисциплинарность лингвистических, этнографических и фольклористических аспектов фразеологии и паремииологии в IV выпуске своего указателя⁸. Во многие разделы указателя наряду с собственно фразеологией органически входит паремииология (например, «Общие проблемы фразеологии» — IV; «Фразеология и другие лингвистические дисциплины» — V; «Аспекты исследования фразеологии» — VII; «Типология фразеологических единиц с точки зрения соотносительности с частями речи» — IX и др.). В особую рубрику выделены такие подгруппы, как «Фольклорная фразеология» (с. 103—104), «Фразеологические формулы в фольклоре» (с. 104—106), «Диалектная фразеология» (с. 106—108; в последней источнике извлечены в основном из работ этнографов и фольклористов).

⁵ Ройзензон Л. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии/Под ред. проф. Копыленко М. М. Самарканд: 1970, в. II, 290 с.

⁶ Ройзензон Л. И., Бушуй А. М., Ройзензон С. И. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии/Под ред. Копыленко М. М. Самарканд, 1974, в. III, 240 с.

⁷ См. его книгу: Бушуй А. М. Принципы отражения немецкой фразеологии по двуязычной лексикографии. Самарканд, 1979.

⁸ Бушуй А. М. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Самарканд, 1976, в. IV, 300 с.

Раздел «Паремнология» здесь уже занимает 45 страниц (с. 171—214) и включает 801 название. Если к этому материалу добавить паремнологические источники, помещенные в другие разделы, то их число почти удвоится. Намного лучше стало и качество описания паремнологических сборников и работ. Составитель не ограничивается фиксацией источника, а во многих случаях сопровождает библиографическую справку достаточно емкой аннотацией, которая дает представление об источнике. Стремление максимально облегчить нахождение нужной информации отразилось и в детализированном индексировании библиографического материала. Весьма полезным новшеством стали здесь и два указателя-словарика, составленных Р. Х. Салимовой: «Краткий фразеологический словарь» (с. 269—284) и «Краткий словарь терминов, принятых во фразеологических исследованиях» (с. 284—293). Первый представляет собой список фразеологизмов и паремий разных языков, которые специально исследовались различными авторами. Второй — предметный указатель фразеологической и паремнологической проблематики, и третий — справочник терминов, закодированный в библиографических справках. Так, в нем отражена различная трактовка таких терминов, как клише, клишированные сочетания и клишированные фразы, паремии, паремийные образования афористического характера, паремнологический уровень языка, паремнологический фонд, пословично-поговорочные выражения и мн. др.

И IV выпуск указателя, естественно, не лишен отдельных недостатков. В последних сводных индексах, например, индексирование фразеологических единиц (далее ФЕ) и фразеологических терминов сделано достаточно случайно, нет строгого критерия их отбора. Не совсем удобен горюдок расположения ФЕ в «Кратком фразеологическом словаре»: сплошной (а не стержневой) принцип очень затрудняет нахождение соответствующей единицы, что особенно видно на примере немецкой части индекса (с. 275—282), где ФЕ начинаются, как правило, либо с артикля, либо с семантически малоценного компонента. И тем не менее в целом данный указатель — большой шаг вперед по сравнению с предыдущими изданиями.

Последний, V выпуск этой серии издан в 1979 г.⁹ В нем библиографические принципы описания фразеологии и паремнологии, выработанные самаркандской школой фразеологов, получили еще большее развитие. И здесь паремнологии отводится много места: она выделена в особый раздел (с. 187—202). Кроме того, масса паремнологической литературы вошла во все другие разделы указателя, как и в предыдущем выпуске. Наряду с учетом новейшей паремнологической и фольклористической литературы читатель найдет здесь немало ценной информации о старых, почти забытых источниках народной мудрости, не утративших и сейчас своей актуальности (например, *Буслаев Ф. И.* Пословицы и поговорки. М., 1859; *Вислоцкий В. С.* Пословицы и поговорки Галицкой и Угорской Руси. — Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1869, т. 2, с. 225—362; *Ивашенко П. С.* Религиозный культ южнорусского народа в его пословицах. СПб., 1874 и мн. др.).

Небезынтересны для этнографов и справки о фразеологической литературе, которая исследуется лингвистами в различных аспектах. В указателе, как и в предыдущих выпусках, собраны работы, освещающие этапы изучения фразеологии и паремнологии; полно представлены основные монографии и статьи по таким разделам этих междисциплинарных отраслей науки, как аспекты и методы исследования ФЕ и паремий, их классификация, взаимодействие ФЕ со словом, состав и источники фразеологии и паремнологии, ФЕ и пословицы отдельных народов, афористика, диалектная фразеология.

Особую этнографическую информацию содержат и такие разделы, как «История и толкование фразеологических единиц» (с. 122—134) и «Историческая фразеология» (с. 135—143), в которых освещаются работы, прямо сопряженные с этнографическими фактами (*Коломиец Л. І.* Декілька етногенетичних етюдів до фразеологічних одиниць. — Укр. мовознавство. Київ, 1975, вип. 3, с. 130—132; *Trench R. Ch.* The Origin of Proverbs. L., 1930 и др.). Использование этой информации во многом облегчается хорошей документированностью источников. А. М. Бушуй часто, особенно в тех случаях, когда речь идет об истории пословиц, поговорок и фразеологизмов, кратко реферiert соответствующую работу. Подробные комментарии можно отыскать и в других разделах указателя.

Разумеется, в таком издании неизбежны пропуски отдельных работ и отдельные неточности и недоделки. Так, в указателе не достаточно полно отражены работы югославских исследователей, в том числе и труды этнографов. Одна из последних монографий такого типа, изданная Белградским институтом этнографии АН Югославии в 1977 г. — труд Ласты Джапович «Формулы клятвы и проклятий на территории СФРЮ» (*Јаповић Ласта.* Заклетва и проклетје у СФР Југославије. Београд, 1977. 109 с.), содержащий обильный этнографический и фразеологический материал и его тематическую классификацию. Не упомянуты в указателе и работы таких югославских специалистов по этнографии, фольклору и паремнологии, как Н. Борджевич, М. Р. Барьяктарович, И. Кашич, И. Кекез¹⁰, А. Мецац, Д. Мршевич-Радович, С. Риттгассер, Т. Чубелич и др. Подобные лакуны можно обнаружить и в литературе других славянских стран.

⁹ Бушуй А. М. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Самарканд, 1979, в. V, 246 с.

¹⁰ Труд этого фольклориста особенно важен для данного указателя, ибо это обстоятельный библиографический очерк о собраниях пословиц и загадок, изданных в Югославии: *Kekez Josip.* Bibliografija poslovice i zagonetaka. — Сборник за славистику. Нови Сад, 1973, № 3, с. 183—222.

К сожалению, в рецензируемом сборнике автор почему-то отказывается и от некоторых видов детализации и уточнения справочного аппарата, которые с полным основанием включались в предыдущие указатели. Так, нет здесь специального именного указателя писателей, фразеология и паремиялогия которых исследовались особо, а также не выделены в особый индекс и авторы защищенных по данной проблематике диссертаций.

Все больше ученых убеждаются в ценности паремнологического материала для теории и практики фразеологии; это привело А. М. Бушуй к идее создания серии специальных библиографических указателей по паремиилогии, к выпуску которых он приступил совместно со своими соавторами Р. Х. Салимовой и Р. Т. Саттаровым в 1978 г.¹¹, не прекращая работы над сводным традиционным указателем.

Первый выпуск «Паремииологии Узбекистана» был посвящен 100-летию со дня рождения С. Айни и 10-летию Самаркандского университета. Это уже библиографический справочник нового типа, «регионально» приуроченный к Узбекистану и тюркологической паремиилогии.

Составители стремились максимально полно отразить работы по узбекской паремиилогии за последние годы. В указателе содержится информация об издании сборников пословиц и поговорок, крылатых слов и афоризмов, о публикации исследований фразеологического характера, рецензий на паремиилогические труды и т. п. Установленные хронологические рамки не препятствуют включению и важнейших работ по узбекской паремиилогии, написанных ранее, таких, например, как сборник энтузиаста-коллекционера прошлого века Н. П. Остроумова. Это, несомненно, повышает информативную ценность издания.

Обобщая достижения узбекских ученых в области паремиилогии за 30 лет, составители привлекают и материалы, выходящие за рамки «узбекской паремииологии». В указатель вошли как общетеоретические работы по данной проблематике, так и паремиилогические штудии по многочисленным языкам разных систем: тюркским, славянским, индийским, иранским, германским, романским, кавказским, финно-угорским, алтайским, монгольским, и т. д. (всего по 70 языкам). Такой аспект паремиилогической информации дает составителям возможность наиболее полно отразить успехи узбекских языковедов и придает книге юбилейный характер.

Другой особенностью рецензируемого указателя, выгодно отличающей его от предшествовавших, является расширение справочного аппарата. По сути дела его составители выступают авторами весьма подробных аннотаций включенных в книгу материалов. Особенно детально представлены сведения о сборниках народных узбекских пословиц и поговорок М. Афзалова, С. Иброхимова, С. Худойберганава, Р. Д. Жуманиязова, Э. Сиддикова, М. Фозилова и др. К сожалению, так характеризуются далеко не все источники; например, отсутствуют аннотации сборников Н. Гребнева, Вл. Кныпа, Г. Пермякова и некоторых других.

Структура сборника хорошо продумана. Она отражает основные аспекты научного исследования паремий и в то же время дифференцирует их по языкам и более частным проблемам.

Последнее издание из самаркандских библиографических серий — второй выпуск «Паремииологии Узбекистана»¹², посвященный 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В этот указатель входят прежде всего каракалпакские источники — периодика, художественная литература, архивные данные, связанные с паремиилогией. Полно представлен здесь фольклор — эпос, сказки, легенды, песни и другие жанры. Указатель — первый опыт сводной библиографической информации о пословицах, поговорках, афоризмах, загадках, скороговорках и других видах паремиилогического творчества каракалпачков, начиная от первых записей и публикаций и кончая новейшими изданиями.

В библиографии приведены сведения об авторах паремиилогических работ, о языках, источниках паремий и др. Для специалистов весьма полезна и серия индексов, в которых демонстрируются образцы каракалпакской паремиилогии: Паремии (пословицы и поговорки) на каракалпакском языке, образцы афоризмов на каракалпакском языке, образцы загадок на каракалпакском языке, образцы скороговорок на каракалпакском языке, паремии (пословицы, поговорки и афоризмы) на русском языке, образцы загадок на русском языке, паремии о В. И. Ленине.

По сравнению с предыдущими указателями это издание имеет относительно небольшое число библиографически регистрируемых единиц — всего 281 позиция. Зато этот регионально очерченный справочник значительно расширен: в него входят аннотационно-характеристики почти каждого источника. Так, аннотация паремиилогического собрания Кабыла Максетова (*К. Максетов. Каракалпак фольклоры. Кеп томлык. Т. IV. Некис, 1978. 347 с.*) занимает в сборнике несколько страниц (с. 50—55). Фактически библиографический указатель превращается в реферативный тематико-региональный справочник, пользу которого для специалистов отрицать невозможно. Вместе с тем представляется, что излишне расширенное аннотирование источников (к тому же не всегда пропорциональное) несколько снижает информативно-библиографическую ценность указателя.

¹¹ Паремииология Узбекистана. Библиографический указатель литературы по паремиилогии/Сост. Бушуй А. М., Салимова Р. Х., Саттарова Р. Т. Отв. ред. Бушуй А. М. Самарканд, 1978, в. I, 209 с.

¹² Паремииология Узбекистана. Библиографический указатель по паремиилогии/Сост.: Бушуй А. М., Салимова Р. Х., Иноятова Ф. Б., Мизарбаева Е., Кариков И. Отв. ред. Бушуй А. М., Самарканд; 1980, в. II, 113 с.

Обзор советских библиографических указателей по фразеологии и паремиологии показывает ярко выраженную тенденцию к соединению усилий специалистов разного профиля по исследованию этих важных элементов народной и литературной речи. Библиографические указатели В. Н. Сергеева, Л. И. Ройзензона, М. А. Пеклера и А. М. Буцаева дают исчерпывающую и оперативную информацию о таких стыковых дисциплинах, как паремиология и фразеология. Они уже играют и несомненно еще сыграют важную роль в укреплении научных связей между лингвистами, фольклористами и этнографами.

В. М. Мокиенко

НАРОДЫ СССР

Н. И. Шатинова. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981.

Семья никогда не была обойдена вниманием ученых — ее исследованием постоянно занимались демографы, экономисты, этнографы, социологи и представители многих других научных дисциплин. Но если раньше эти исследования велись изолированно в русле каждой науки, то в последние годы все чаще раздаются призывы к синтезу имеющихся знаний, к интеграции усилий для более полного и глубокого изучения закономерностей функционирования и развития семьи¹.

Книга Н. И. Шатиновой, давая много содержательной информации о некоторых общесоветских и традиционных явлениях в быте современной сельской алтайской семьи, в методическом отношении является откликом на эти призывы к кооперации — этнографическое по целям и задачам исследование удачно дополняется элементами социологического анализа. Правда, пока еще связь этнографии и социологии носит несколько механический характер: описание традиционных семейных обрядов и обычаев и их истоков составляет «этнографическую» часть книги; выяснение степени знания и меры бытования традиционных семейных обрядов и обычаев, а также отношения к ним различных социально-демографических групп современных алтайцев возлагается на «социологию».

Материалы массового опроса дали возможность составить более полное представление о традиционных семейных обычаях и обрядах и, что более важно, показать изменения, происходящие в свадебных, родильных, похоронных обрядах и некоторых семейных обычаях (избегание и гостеприимство). Дополненная детальным анализом результатов предшествующих исследований различных сторон алтайских семейных обрядов и обычаев и материалами полевых наблюдений автора этнографическая, описательная часть книги очень интересна и убедительна.

Сложнее обстоит дело с объяснением причин, вызывающих изменения традиционных представлений респондентов. В соответствии с принятыми в современной социологии правилами автор прежде всего формулирует задачи исследования и рабочие гипотезы (с. 4, 5), придающие всему дальнейшему изложению завидную последовательность и целеустремленность. Но при формулировке гипотез было упущено из виду, что «законы и закономерности, которые вскрываются в рассматриваемых областях социальной жизни, обязательно должны формулироваться в виде вероятностных утверждений»², и поэтому формулировки приобрели излишне утверждающий, упрощающий ситуацию оттенок, например: «Чем выше образование информатора, тем меньше выражена его ориентация на традиционные формы быта» (с. 5). Таким образом, сформулированные гипотезы не подтверждаются данными исследования, которые наглядно демонстрируют возможность сохранения традиционных представлений у информаторов с любым образовательным уровнем (см. табл. 1—4). Иное дело, «если в рассматриваемом примере речь идет об утверждении, что в группах с более высоким образовательным уровнем доля информаторов, ориентированных на традиционные формы быта, меньше», тем более что фактически анализ данных осуществляется именно в таком ключе. Эта, кажущаяся незначительной, разница в формулировке гипотез уменьшает опасность слишком прямолинейной, однозначной трактовки образования как причины изменения традиционных установок. В такой же и даже в еще большей степени это замечание справедливо для возраста, который, по мнению автора, «действительно определяет знание информаторами обсуждаемых здесь обрядов» (с. 66). Но «возраст» как таковой является лишь индикатором (причем далеко не исчерпывающим) жизненного опыта информатора, и вряд ли сегодняшняя молодежь, воспитанная в современных условиях, через 30—40 лет будет иметь столь же традиционные взгляды на семейные обычаи и обряды, как те, кому сейчас за пятьдесят. Иными словами, эмпирические индикаторы, дифференцирующие информаторов по их знанию и отношению к семейным обычаям и обрядам, зачастую не являются причинными факторами. Н. И. Шатинова прекрасно отдаёт

¹ См., например, Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979, с. 29—30; Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М.: Статистика, 1978, с. 18—20.

² Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М.: Наука, 1972, с. 17.

себе в этом отчет³, но, следуя принятым в современной этносоциологии канонам⁴, неизбежно сталкивается с объективно существующими методологическими и теоретическими трудностями в эмпирическом установлении причинно-следственных связей⁵.

В качестве социально-демографических характеристик информатора выбраны пол, возраст, социально-профессиональный статус и образование. Эти показатели общеприняты из-за удобства их операционализации, сравнительной легкости шкалирования и сильной дифференцирующей способности. В этих терминах ведется и объяснение изучаемых явлений. Но сегодня вышеперечисленные факторы начинают терять свою объяснительную силу. Если, например, в 20-е годы в условиях нашей страны получение среднего образования было нелегким делом и тем самым предполагало наличие определенных личностных характеристик у имевших его, то сегодня, когда десятилетнее образование стало обязательным и общедоступным, оно значительно меньше характеризует человека. В связи с этим ряд исследователей отмечают, что работающими оказываются лишь полярные концы образовательной шкалы; и предлагают привлекать к объяснению более глубокие личностные характеристики респондентов⁶, а для этого последние должны быть операционализированы и включены в опросный лист. Возможно, этнографу, столь глубоко владеющему материалом, как Н. И. Шатинова, это сделать легче, чем социологу. Непроизвольные попытки подобного рода объяснений встречаются в книге постоянно, например: «более традиционные представления и намерения в сфере обрядового поведения (по поводу свадьбы) выскажут те, кто вообще склонен к традиционному стилю мышления и реализует его в своих поступках» (с. 68) или «информаторы, до настоящего времени связанные с традиционным бытом, замкнутые в своей относительно узкой среде, привержены и национальным обрядам и, в частности, хорошо знают традиционные похоронные обряды» (с. 108) и т. д. Эти примеры иллюстрируют еще один аспект связи между этнографией и социологией: этнографический материал, как никакой другой, дает возможности для постановки задач и формулировки объяснительных гипотез и в то же время в изобилии обеспечивает исследование эмпирическими индикаторами, позволяющими проверять эти гипотезы. Например, знание национальных алтайских блюд, наличие предметов традиционного быта сильно коррелируют с традиционными представлениями и позволяют построить шкалу «традиционное — современное» (с. 69).

Мы попытались обратить внимание читателей на те стороны рецензируемой книги, которые остаются в тени. Возможно, эти соображения будут полезны и для автора, поскольку (и это совершенно очевидно) рассматриваемая книга — лишь первый шаг в осмыслении имеющегося в его распоряжении материала, о чем свидетельствует приложение, составляющее треть книги. Благодаря ему, а также детальному описанию процедуры построения выборки, опросного листа и других методических сторон исследования каждый читатель может самостоятельно анализировать материал, проверять аргументированность выводов автора и делать свои собственные. Они лишний раз подтвердят справедливость итоговых заключений книги.

«1. Историческая динамика изменений семейной обрядности алтайцев в советскую эпоху состоит в радикальном сокращении традиционных архаических элементов.

2. В наше время происходит диалектически противоречивый процесс, в ходе которого реализуется тенденция к формированию общепалатских форм семейной обрядности и происходит интенсивное сближение алтайских обрядов с русскими и общесоветскими формами.

3. Современное течение этнических процессов у алтайцев, судя по материалам о развитии семьи и семейной обрядности, характеризуется как процессом дальнейшей этнической консолидации алтайцев, так и дальнейшим их культурно-бытовым обогащением за счет иноэтнических влияний (русского, казахского)» (с. 127).

В аннотации к книге сказано, что она рассчитана на этнографов, археологов, историков. Целью рецензии было расширить круг читателей этого интересного, междисциплинарного по форме исследования.

И. А. Гришаев

³ «Не следует, конечно, думать, что воздействие всех сильно связанных со знанием традиционных свадебных обрядов факторов нужно трактовать в плане причинности. Так, знание национальных алтайских блюд не есть, разумеется, причина соблюдения традиционного свадебного ритуала; связь между ними носит характер корреляции». (Рецензируемая книга, с. 66).

⁴ См. Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения в СССР. М.: Мысль, 1971; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1977.

⁵ Этой проблемы касаются при анализе взаимосвязи между образованием и рождаемостью А. Г. Харчев и М. С. Мацковский в книге «Современная семья и ее проблемы» (с. 176—182).

⁶ Бойко В. В. Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. М.: Статистика, 1980, с. 225.

Вышедшая в свет в 1980 г. коллективная монография «Эстонский фольклор» в сущности первая книга на русском языке, обстоятельно знакомящая читателей нашей страны с народно-поэтическим творчеством эстонского народа. Среди ее авторов известные фольклористы А. Аннист, Р. Вийдалепп, Х. Тампере, Ю. Тедре, И. Рюйтель, И. Сарв, В. Мялк, В. Пино и многие другие. Выход в свет книги — важный шаг на пути дальнейшего сближения, улучшения взаимопонимания и укрепления дружбы между социалистическими нациями Советского Союза. Ее можно поставить в один ряд с обобщающими исследованиями по грузинскому, коми, казахскому фольклору, опубликованными в последние годы на русском языке и уже поэтому доступными фольклористам всех республик Советского Союза¹.

Книга открывается введением, в котором кратко излагается этническая история эстонцев, дается характеристика их языка и древних народных верований, наложивших свой отпечаток на развитие устной народной поэзии. Авторы дают четкое определение своего понимания фольклора, показывают условия и формы его бытования, характеризуют народно-поэтические жанры, раскрывают их взаимодействие с поэзией соседних народов и приводят другие сведения, необходимые для правильного восприятия читателем предлагаемого материала.

Здесь необходимо отметить некоторые очень верные положения о закономерностях бытования и распространения произведений фольклора, их варьирования. «Любое исполнение произведения — это одновременно и его воспроизведение, и его импровизация, — говорится в книге. — Чаше всего произведение усваивается не путем сознательного заучивания, а просто запоминается теми, кто слушал его неоднократно. В памяти запечатлевается прежде всего сюжет: основная линия развития действия и некоторые узловые моменты» (с. 15). Рассматривая проблему соотношения традиции и импровизации в развитии народной поэзии, авторы дают верное марксистское толкование коллективности народно-поэтического творчества. Положительной оценки заслуживает также тезис о большом значении для развития традиционной народной песни приема контаминации, распространению которой способствовал общий не только для песен, но и для всех стихотворных жанров (заговоры, обрядовая поэзия) «рунический» (от термина *руна* — эпическая песня) размер стиха. Контаминация, или объединение в одном тексте нескольких сюжетов или эпизодов из различных песен, характерна также и для традиционной поэзии карелов, ижоров и финнов.

Сжато, но для подобного издания достаточно полно, рассматривается процесс становления и развития эстонской фольклористики. Примечательной чертой этого во многом сложного и противоречивого процесса было то, что с момента возникновения интереса у эстонской национальной интеллигенции к поэтическому творчеству своего народа эстонские фольклористы уделяли большое внимание планомерному собиранию произведений фольклора, их систематизации и хранению в архивах. Если в начальный период (в 30—60-е годы XIX в.) в собирательской работе принимали участие лишь немногочисленные энтузиасты (с. 27), то уже в 1876 г. известный исследователь и собиратель фольклора Якоб Хурт приступает к созданию широкой сети корреспондентов из представителей интеллигенции, в первую очередь учителей народных школ. С ее помощью в Эстонии и в наши дни осуществляется значительная часть собирательской работы, координируемой Фольклорным архивом Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда. В результате в фольклорных фондах Эстонии хранится свыше I миллиона страниц записей устной народной поэзии. Ценность этого материала не только в том, что он дает широкую картину бытования различных жанров фольклора и в диахронном, и в синхронном срезе, но и в том, что на основе хранящихся в архивах и дополнительных систематической собирательской работой материалов возможна плодотворная издательская деятельность. Подобная собирательская и архивная практика составляет примечательную черту эстонской фольклористики, о чем красноречиво свидетельствуют не только краткая характеристика вышедших в свет сборников и многотомных антологий фольклора, но и приведенный в конце книги «Список использованной литературы».

Основная часть монографии состоит из разделов: «Народные песни», «Музыкальный и хореографический фольклор», «Пэвестовательный фольклор», «Пословицы и поговорки».

Самым обширным в книге по праву является раздел «Народные песни». У эстонцев, как и у многих других народов, песня не только самый популярный и продуктивный род фольклора, как пишут авторы книги, но и наиболее емкая, не утратившая своей синкретичности форма выражения души народной.

Классифицируя народные песни, авторы подразделяют их на «две большие группы: на песни старинные, или старшей формации, использующие рунический стих, и на песни новые, или новой формации, с конечной рифмой» (с. 47). Само по себе такое деление правомерно, однако вызывает возражение использование термина «формация». Он не подходит для обозначения песенных стилей. Следовало бы скорее говорить о «руническом» стихе, «руническом» стиле, «рунической» поэзии применительно к общей для эстонцев, ижоров, карелов, финнов древней народно-поэтической традиции, а песни с рифмованным стихом называть «строфической песней», поскольку в них четко выделяется и музыкальная, и, как правило, стихотворная строфа.

¹ Грузинское народное поэтическое творчество. Пер. с груз. Тбилиси: Мерани, 1972. 551 с.; Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Очерки. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1975. 430 с.; История коми литературы. Т. I. Фольклор. Сыктывкар: Изд-во, 1979. 247 с.

Во вводной части раздела «Народные песни» излагаются принципы классификации рунических песен по их жанровому своеобразие (лиро-эпические и лирические) и по тематике. В ней показано историческое развитие рунического стиха на протяжении многих веков, говорится об отличительных особенностях причитаний, явлении, по мнению авторов, более древнем, чем возникший еще до нашей эры рунический песенный стиль.

Лиро-эпические песни рунического стиля подразделяются на «мифические песни» (видимо, правильнее было бы: «мифологические»), «песни об отношениях в семье», «о повседневной жизни и труде», «песни-легенды». В этой главе рассматриваются, таким образом, эпические руны, имеющие довольно сильную лирическую окраску. В приведенном выше перечне отсутствуют песни героического содержания. Этим эстонский народный поэтический эпос отличается от рунического эпоса других прибалтийско-финских народов, у которых сказания о подвигах героев в борьбе за счастье и благополучие народа сложились в героико-эпические песни. В Эстонии же такие сказания сохранились в виде преданий, которые были использованы для составления книжного поэтического эпоса «Калевипоэг» Ф. Р. Фельманом и Ф. Р. Крейцвальдом уже в период становления и укрепления эстонской буржуазной нации в середине XIX в. В остальном же эстонские эпические песни рунического стиля близки песням этого жанра у других прибалтийско-финских народов, особенно ижоров, проживавших в близком соседстве с эстами.

Описание произведений и жанров фольклора и путей их развития в книге дается на основе сравнительно-исторического метода, в тесной связи с жизнью трудового народа, историй его борьбы против иноземных и национальных угнетателей.

В главе «Старинные лирические песни» характеризуется весь остальной песенный фонд рунического стиля. Сюда включены «Календарные обрядовые песни», «Свадебные песни и обряды», «Трудовые песни», «Песни о социальных отношениях», «Песни о песне и песенниках», «Песни о родном доме и детстве», «Песни о молодежи».

Такая классификация песенных жанров кажется несколько необычной, но в ней отразились не только особенности песенного творчества эстонцев, но и определенные национальные традиции фольклористики как науки. Тематический принцип классификации народных песен позволяет дать читателю, особенно не знакомому с эстонским фольклором, четкое представление об основном направлении и содержании песенного творчества эстонского народа, показать весь круг проблем социального, семейно-бытового, интимного характера, на протяжении веков волновавших народ. Авторы книги тем самым помогают читателю лучше понять национальный характер, переживания, мечты и надежды народа.

Глава «Стиль и язык старинных народных песен» дает представление об основных особенностях рунического стиха, для которого характерны архаичский язык, восьми-сложный хорей, богатая аллитерация, развитые параллелизм и система синонимов, дескриптивные и ониматопеические слова.

В главе «Народные песни позднего происхождения» описывается очень сложное явление — смена рунического песенного стиля новым, в основе которого лежит рифмованный стих с трех- или четырехстопным хореем, ямбом или другими метрами, основанными на словесном ударе, а также строфическое строение песни. К сожалению, для песен этого стиля фольклористика не выработала сколько-нибудь приемлемого принципа классификации с учетом совокупности таких факторов, как содержание, характер исполнения, отношение к каким-то действиям (например, к хороводным играм, танцам), художественные особенности, функциональная связь с музыкальным оформлением и т. п. Придерживаясь, как и при рассмотрении рунической поэзии, тематического принципа анализа, авторы подразделяют строфические песни на следующие группы: «Любовные песни», «Деревенская хроника», «Песни о дальних странствиях», «Песни социального протеста», «Революционные песни».

На наш взгляд, художественные достоинства, да и содержание строфических песен оказались раскрытыми не столь полно и убедительно, как рунических. Правда, в этом плане главу о песнях позднего происхождения очень удачно дополняют главы раздела «Музыкальный и хореографический фольклор», посвященные становлению и развитию нового музыкального стиля, жанровым особенностям песенных мелодий, описанию «песенных игр», где частично рассматривается и содержание песен. Жаль только, что эта часть характеристики материала оказалась оторванной от анализа словесной поэтической ткани песен. Здесь же мы впервые получаем некоторое представление о романсах и новых балладах, бывших сравнительно недавно популярными в народе. Без них анализ песенного репертуара эстонской деревни был бы неполным.

Раздел «Народные песни» завершается характеристикой исполнительского мастерства и творческих особенностей ряда сказителей, донесших до нас рунические песни, и так называемых «деревенских песенников», еще в недавнем прошлом слагавших «рифмованные намершлывые песни о жизни своих земляков».

Уместно подчеркнуть, что открытие «деревенских песенников» как определенного явления в составе народного поэтического творчества явилось результатом хорошо поставленной, систематически ведущейся собирательской работы, что помогло зафиксировать песни, условно говоря, в самый момент их зарождения, из первых рук и получить представление об их создателях до того, как песни стали общенародными или, отжив свой короткий век, были забыты.

В разделе «Музыкальный и хореографический фольклор» достаточно полно характеризуются как рунические, так и строфические народные песни, а также песенные игры и народные танцы.

Раздел «Повествовательный фольклор» знакомит читателя со сказкой, в недавнем

прошлом наиболее развитым жанром народной прозы. Ее разновидности рассматриваются в книге в соответствии с общепризнанной классификацией по системе Аарне — Томсона. Авторы стремятся показать прежде всего национальные особенности сказочного творчества, что вполне оправданно. Специальная глава посвящена народным анекдотам.

Большое внимание уделено преданиям — это и понятно, ибо именно народные предания легли в основу эстонского поэтического эпоса «Калевипоэг». Предания подразделяются на этиологические, мифологические, топонимические, предания о великанах и богатырях и исторические предания.

В отдельной главе рассматриваются так называемые сказы — устные рассказы, которые в русской фольклористике принято называть бывальщинами. Эти короткие художественные рассказы, основанные на личном переживании самого рассказчика или какого-либо другого лица, получили широкую популярность, хотя их «распространенность... может ограничиваться, например, даже одной деревней... Их существование во времени часто не превышает жизни одного поколения» (с. 286). Но это несомненно интересное явление духовной жизни народа, и его необходимо изучать точно так же, как физики изучают какую-нибудь элементарную частицу, «жизнь» которой может длиться доли секунды.

Наиболее динамичным и постоянно изменяющимся жанром народной поэзии и в наши дни являются поговорки и пословицы, обогащающие живую речь, делающие ее сочной, красочной и выразительной. Этот жанр народной поэзии рассматривается в заключительном разделе — «Пословицы и загадки». Авторам удалось дать довольно полную картину бытования поговорок и пословиц.

Большое внимание они уделяют загадке, одному из очень древних видов народно-поэтического творчества, раскрывая ее функциональные связи, в частности с обрядами сватовства.

В заключение остается еще раз подчеркнуть, что выход в свет книги «Эстонский фольклор» — очень нужное и полезное дело. Было бы целесообразно дополнить эту хорошую книгу антологией эстонского фольклора на русском языке, в которой были бы представлены основные жанры и виды народной поэзии.

Следует сказать, что перевод рецензируемой книги на русский язык выполнен достаточно хорошо, хотя порой и встречаются досадные оплошности. Это касается прежде всего иллюстративного материала, главным образом песен, переводы которых перенасыщены областной лексикой, диалектными и устаревшими словами и выражениями. Нельзя признать удачным и употребление слова «сказывать» в значении «рассказывать» или слова «сбор» вместо общепринятого в фольклористике «собрание» (произведений народного творчества).

Однако эти замечания ничуть не умаляют заслуженно высокой оценки рецензируемой книги и того огромного труда, который вложили в ее создание авторы. Жаль только, что издана она весьма скромным тиражом.

Э. С. Кузру

Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XXXVI. Л.: Наука, 1980, 224 с.

Рецензируемый сборник «Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР» посвящен в основном публикации и теоретическому осмыслению новых краниологических материалов из коллекций отдела антропологии Музея антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград). Большое место занимают в сборнике работы, посвященные тем или иным аспектам проблемы происхождения центральноазиатской расы: географии, хронологии и ведущим факторам в ее генезисе.

Н. Н. Мамонова в статье «Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии» публикует большую серию черепов (46 мужских и 28 женских) скифского времени из Улангомского могильника на территории Западной Монголии, а также данные о более мелких и в основном неизвестных широкому читателю находках на территории Западной Монголии и Алтая скифского времени (Бух-Мурин, Манхаң, Уландрык — материалы изучены В. П. Алексеевым). Эти черепа скифского времени сопоставляются с одновременными краниологическими сериями из Западной, Центральной и Восточной Тувы, Горного и Предгорного Алтая, а также с более ранними краниологическими сериями тагарской культуры Минусинской котловины и двумя ранее неопубликованными уникальными черепами афанасьевской эпохи из Западной Монголии (Баян Хонгор). Автор считает, что в скифское время на территории Западной Монголии, как, по-видимому, и на сопредельных территориях Алтая и Тувы, происходил процесс метисации, очевидно, местного европеоидного населения с постепенно проникающими в эти районы Центральной Азии монголоидами. Таким образом, Западная Монголия, вероятно, была частью более широкого региона формирования специфических особенностей центральноазиатской расы.

В статье В. И. Богдановой «Новые палеоантропологические материалы конца I тысячелетия н. э. из Тувы» сделана попытка определения доли европеоидного и монголоидного компонентов в нескольких краниологических сериях тюркского времени с территории Тувы. Материалом для такого анализа послужили небольшие краниологические серии тюркского времени из Центральной Тувы (Аргалыкты и Кара-Тал), из Западной Тувы (Кокэль — неопубликованные данные, представленные в распоряжение

автора статьи В. П. Алексеевым) и Юго-Западной Тувы (Монгун-Тайга — серия опубликована в 1960 г. В. П. Алексеевым). Черепа из этих могильников сравниваются между собой, с материалами более ранних эпох (скифской и гунно-сарматской), а также небольшой краниологической серией современных тувинцев (Центральная Тува). В. И. Богданова прослеживает динамику формирования антропологического типа населения Тувы эпохи тюркских каганатов. Процесс этот можно описать как постепенное усиление доли монголоидного компонента, причем происходило это, очевидно, за счет притока сюда нового населения (особенно в гунно-сарматское время). По сравнению с предшествующими эпохами в тюркское время отмечается и большая однородность населения на этой территории. При сопоставлении с современными тувинцами оказалось, что в целом население конца I тысячелетия н. э. характеризуется менее резко выраженной монголоидностью. Это дает автору основание для вывода о довольно позднем формировании антропологического типа современных тувинцев — представителей центральноазиатской расы, а неоднородность изученного материала тюркского времени (как и предшествующих эпох) позволяет предположить, что в этом процессе принимали участие «расово разнородные компоненты».

Крайне интересным и важным является введение в научный оборот еще одной краниологической серии, относящейся к центральноазиатской расе, а именно якутов. Автор статьи «Новые материалы по краниологии современных якутов» Л. Ф. Томтосовой было собрано 38 черепов якутов XVIII—XIX вв. из Алексеевского р-на Якутской АССР, что вместе с имевшимися ранее в коллекциях МАЭ и музея Института антропологии МГУ теперь составило серию из 39 мужских и 27 женских черепов. Эту серию автор сравнивает с помощью обобщенного расстояния Пенроза с современными краниологическими сериями народов Сибири, а также с некоторыми палеоантропологическими материалами с территории Прибайкалья и Забайкалья. Оказалось, что из современных народов якуты меньше всего отличаются от западных бурят, монголов, тункинских бурят и тувинцев (т. е. групп центральноазиатской расы). Далее всего отстоят от них краниологическая серия, относящиеся к южносибирской расе (казахи, киргизы), промежуточное положение занимают группы байкальской расы (тунгусы, якутиры). Из палеоантропологических материалов наиболее сходной с якутской оказалась серия черепов гуннского времени из Забайкалья, глазковская серия из Приангарья и средневековая из Усть-Талькина. Более всего отличаются от якутов неолитические серии их Верхнего холмья. Интересно, что все древние серии отличаются от якутской краниологической серии больше, чем современные с территории Сибири. Это, как считает автор, может свидетельствовать о сравнительно позднем формировании современных антропологических типов Сибири, однако нам кажется, что для такого вывода необходим более детальный анализ материала.

Широко освещена проблема происхождения центральноазиатской расы, как уже было сказано, в статье И. И. Гохмана «Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов». В основу анализа легли данные по горизонтальной профилированности лица и переносья у представителей центральноазиатской, байкальской и южносибирской рас, а также в краниологических сериях эпохи неолита, энеолита и бронзы из Прибайкалья, Забайкалья и Тувы. Часть материалов публикуется впервые (сборная серия неолита и энеолита и новые материалы из плиточных могил Забайкалья, черепа из могильников Аймырлыг XIII и Байдаг III эпохи бронзы из Тувы). При этом используются новые, обладающие высокой таксономической ценностью показатели профилированности лица и переносья: общая профилированность лица, общая профилированность переносья, модуль профилированности и указатель профилированности лица и переносья. На межгрупповом корреляционном поле, где осями являются показатели профилированности лица и переносья, а также при картографировании общего указателя и модуля профилированности группы центральноазиатской расы заняли промежуточное положение между байкальскими и южносибирскими, причем было выявлено, что различия в профилированности переносья значительно сильнее, чем в профилированности лица. Ближе всего к байкальским группам оказались западные и тункинские буряты, к южносибирским — монголы и особенно калмыки. Подробно рассмотрен автором и вопрос о возможном времени формирования центральноазиатской расы. И. И. Гохман приходит к выводу о довольно позднем сложении (вероятнее всего, во второй половине II тысячелетия н. э.) характерного для центральноазиатской расы комплекса признаков и в качестве основного фактора расообразования указывает на метисацию. Однако характер, направление и интенсивность процесса метисации были различными на разных территориях и в разные исторические эпохи. По видимому, в Забайкалье на основной монголоидный глост накладывалась небольшая европеоидная примесь, в то время как в Туве первоначально мощный массив европеоидного населения был почти полностью поглощен монголоидами.

Отчасти вопросы, связанные с проблемой происхождения центральноазиатской расы, затрагиваются также в статьях А. Г. Козинцева «Дискретные признаки на черепах эпохи бронзы из Южной Сибири (к проблемам методики изучения краниологического полиморфизма)» и А. Б. Радзюн «Эпохальные вариации элементов посткраниального скелета у населения Забайкалья».

А. Г. Козинцев подробно освещает в своей работе проблему дискретных признаков (ДП) черепа, вопросы терминологии, методы их фиксации, приводит программу 38 ДП. Даются рекомендации по наиболее удобной форме публикации первичных данных, обсуждаются различные способы вычисления частот ДП. Методы их статистического анализа демонстрируются на примере серий черепов афанасьевской, андроновской, карасукской и тагарской культур эпохи бронзы Минусинской котловины, Приобья, Алтая. Автор показывает, что, хотя между этими сериями черепов есть достоверные

различия в частотах ДП, суммарное расхождение между ними в силу целого ряда причин не существует. Исследователям, работающим с ДП, рекомендуется сосредоточить усилия на изучении межгрупповой изменчивости отдельных признаков. Несомненным достоинством этой статьи является огромная библиография по теме.

А. Б. Радзюн на материале остеологических коллекций МАЭ с территории Забайкалья анализирует эпохальные вариации элементов посткраниального скелета. Хронологические рамки исследования — от неолитических погребений в Забайкалье вплоть до современных бурят. Оказалось, что почти все размеры длинных костей у современного населения этой территории больше, чем у населения эпохи неолита, бронзы и раннего железа, гуннского времени и средневековых кочевников. Однако, с другой стороны, наблюдается процесс «внутренней грацилизации» (увеличения медуллярных указателей плечевой кости, уменьшение массы компактного вещества на единицу длины кости).

Ряд статей сборника посвящен проблемам формирования антропологического типа населения Европейской части СССР.

Статья В. П. Алексеева «Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма» заполняет лакуну в изучении палеоантропологии Крыма — впервые публикуется серия черепов из мусульманских погребений XVIII — первой половины XIX в. из коллекций МАЭ и музея Кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии в Ленинграде (30 мужских и 22 женских черепа). В работе приводятся таблицы индивидуальных данных. Автор относит изученную краниологическую серию к европеоидной расе и видит аналогии комплексу характеризующих ее признаков у представителей памиро-ферганской расы. В. П. Алексеев считает, что формирование антропологического типа мусульманского населения Крыма произошло в результате тюркизации местного древнего населения этой территории.

Статья А. В. Шевченко «Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе)» продолжает традицию палеоантропологического изучения средневекового населения низовьев Волги и сопредельных районов, начало которой было положено работами В. В. Гинзбурга, Т. А. Трофимовой и др. Автор удачно использует результаты анализа конструкции могильной ямы и элементов погребальной обрядности (свидетельствующих, по-видимому, о различной этнической и религиозной принадлежности погребенных) в качестве критерия для разбивки хан-тюбинской серии на части. Широкое сопоставление ее с краниологическими материалами евразийских степей, а также привлечение многочисленных археологических, исторических и другого рода источников делает вполне убедительными выводы о необходимости передатировки могильника, о принадлежности его поселению городского типа половецкого времени с населением по преимуществу хазарского происхождения. Кроме того, автором впервые вводится в научный оборот серия половецких черепов с территории Калмыцкой АССР.

Р. М. Фаттахов в статье «Новые антропологические материалы со Средней и Нижней Камы» предлагает вниманию читателей черепа первой половины I тысячелетия н. э. из Чепанихского, Нарманского, Покровского могильников в Прикамье. По мнению автора, данная краниологическая серия неоднородна и в ней выделяются те же два компонента, которые были зафиксированы М. С. Акимовой на материалах ряда могильников Прикамья и Приуралья. Один из них (долихокранный, со среднешироким, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом) автор объясняет контактами населения Прикамья с южными европеоидами начиная с эпохи бронзы. Второй, более широколицый и уплощенный, можно интерпретировать либо как результат контактов европеоидных и монголоидных групп на этой территории, либо как реликт древнего недифференцированного типа, известного по материалам из могильников лесной полосы Восточной и Северо-Западной Европы. Автор статьи склонен присоединиться ко второй точке зрения.

Работа В. И. Хартановича «Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова» посвящена антропологическому составу и отчасти происхождению одного из самых своеобразных народов Северной Европы — саамов (лопарей). Материалы по краниологии саамов Кольского полуострова до последнего времени практически отсутствовали. Этот пробел был восполнен экспедициями во главе с Т. В. Лукьянченко и И. И. Гохманом в 1976 г. и В. И. Хартановичем в 1977 г. В результате были собраны краниологические серии по четырем территориальным группам саамов (могильники Иоканга, Чальмыны-Варрэ, Варзино и Пулозеро). Самой представительной и одновременно своеобразной в антропологическом отношении оказалась серия черепов из Чальмыны-Варрэ: ей уделено в работе особенно большое внимание. Изучена внутри- и межгрупповая изменчивость и коэффициенты корреляции краниологических характеристик группы Чальмыны-Варрэ. Четыре краниологические серии саамов Кольского полуострова сопоставляются, с одной стороны, между собой и с саамами Финляндии, а с другой — с представителями угорской и самодийской групп по методу Пенроза. Автор считает, что, по всей вероятности, локальные варианты антропологического типа саамов сложились главным образом в результате недавнего смещения с пришимым европеоидным населением (русскими поморами, карелами и, возможно, скандинавами), и ранжирует изученные группы саамов по степени общей близости к исходному «лапаноидному» типу (Чальмыны-Варрэ, Пулозеро, саамы Финляндии, Иоканга, Варзино). Последнее находит подтверждение и в данных этнографических исследований различных территориальных групп саамов Кольского полуострова.

Статья Ю. Д. Беневоленской «Группо-разграничительные свойства признаков затылочной области черепа» продолжает цикл соответствующих работ автора. Исследуется проблема изменчивости параметров затылочной области черепа и их взаимосвязи

между собой и с основными диаметрами черепной коробки. Такой подход вместе с тем дает автору возможность привести конкретные рекомендации относительно таксономической ценности данных параметров черепа. С этой целью изучено 15 краниологических серий, представляющих современные популяции человека, широко используются литературные данные по краниологии народов мира. Ю. Д. Беневоленская считает, что среди признаков затылочной области нет ни одного абсолютно независимого от общих размеров черепа, и основную причину этого явления совершенно справедливо видит в компенсаторных свойствах структур черепной коробки. Но, как нам представляется (этот вопрос специально изучался нами на примере внутри- и межгрупповой изменчивости характеристик медианно-сагиттальных контуров черепа, результаты еще не опубликованы), автор несколько преувеличивает компенсаторную способность затылочного отдела черепа по сравнению с тем же качеством у прочих (и особенно лобного) отделов черепа.

Кроме того, в работе выделены две группы характеристик затылочного отдела черепа. В первую вошли те из них, которые тесно связаны с totalными диаметрами черепа (внутригрупповые связи порядка 0,1—0,5, межгрупповые — 0,7—0,8), и поэтому их мировое распределение не отличается существенно от такового у указателей черепной коробки. К ним относятся углы наклона верхней и нижней частей затылочной чешуи, указатели изгиба всей чешуи и верхней ее части, степень выступания затылочной области. В другую группу вошли признаки, имеющие самостоятельное значение для расовой дифференциации, т. е. слабо связанные с основными диаметрами черепа (внутригрупповые связи — 0,2, межгрупповые — 0,1—0,5). К этим признакам относятся, например, высота затылка и затылочно-теменной указатель.

Завершает сборник «Систематическое описание коллекций отдела антропологии», составленное И. И. Гохманом и А. Г. Козинцевым. Публикация его начинается с материалов эпохи палеолита, мезолита, неолита и энеолита. Обзор коллекций построен по хронологическому принципу и внутри отдельных исторических эпох материал расположен в определенном географическом порядке. Приводятся сведения об авторах, годах и месте раскопок, подробная датировка материалов. К описанию почти каждой коллекции приложен библиографический список как археологических, так и антропологических публикаций. Сообщается, что каталог будет продолжать печататься в последующих томах Сборника МАЭ и его завершает предметный и географический указатели.

Публикация новых краниологических материалов, применение современных методов исследования и рассмотрение широкого круга вопросов, представляющих как теоретический, так и практический интерес, делают рецензируемый сборник несомненно полезным и нужным не только для антропологов, но и для всех интересующихся проблемами расы и этногенеза народов СССР. Кроме того, хочется верить, что с выходом его в свет возродится традиция специально антропологических выпусков «Сборников МАЭ», что послужит дальнейшему развитию и пропаганде новейших достижений советской антропологии.

Ю. К. Чистов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

W. S. Laughlin. Aleuts: Survivors of the Bering Land Bridge. N. Y., Holt, Rinehart and Winston, 1980, 151 p.

С именем известного американского антрополога, профессора Коннектикутского университета В. С. Лафлина связаны в последние десятилетия разработки сложной проблемы первоначального заселения Нового Света. Большое место при этом занимает в его исследованиях древняя история алеутов, как одна из ключевых в данной проблеме. Изучать алеутов Лафлин начал во время экспедиций, организованных Смитсоновским институтом на Алеутские и Командорские острова (1937—1938 гг.) под руководством выдающегося американского антрополога Алеша Грдлички. С конца 50-х годов Лафлин возглавляет программу комплексного междисциплинарного изучения алеутов, с участием ученых других стран. С именем Лафлина связано выдающееся событие в археологии Аляски — он открыл и подробно исследовал на о. Анагула (Алеутские острова) стоянку человека, возраст которой 8700 лет, и определил принадлежность ее предкам алеутов¹. В раскопках стоянки в 1974 г. по приглашению В. С. Лафлина и в установлении корреляции ее с древними азиатскими культурами участвовали советские археологи во главе с акад. А. П. Окладниковым².

¹ В советской печати труды В. С. Лафлина получили наибольшее отражение в следующих работах: *Васильевский Р. С.* Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973; *Ляпунова Р. Г.* Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975; *ее же.* «Алеутская проблема» в новейших зарубежных исследованиях. — В кн.: *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука.* Л., 1979 и т. д.

² *Лафлин В. С., Окладников А. П.* Совместные исследования американских и советских археологов на Анагуле (Алеутские острова, Аляска). — В кн.: *Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий.* Новосибирск, 1975; *Окладников А. П. и Васильевский Р. С.* По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.

К настоящему времени издано большое число статей и сборников В. С. Лафлина работающих в контакте с ним ученых. Работы посвящены археологии, антропологии, географии алеутов и заселению Американского континента³.

Рецензируемая книга вышла в серии «Case Studies in Cultural Anthropology», предназначенной для студентов, изучающих социальные науки. С этим связаны и некоторые особенности подачи материала: краткость и доступность в изложении сложных антропологических и археологических проблем. Уникальным, не имеющим себе равных в этой многотомной серии случаем, как подчеркивают редакторы серии, является соединение в данной книге кратких, но исчерпывающих научных сведений (демографических, археологических, антропологических, этнографических, исторических) об одном народе на протяжении 9 тыс. лет его истории до сегодняшнего дня. Книга — тог комплексного изучения народа, в ней собраны как опубликованные археологические и антропологические исследования, так и новые этнографические и исторические материалы.

Книга, состоящая из 11 глав, с разделами в них, богато снабжена иллюстрациями (51), таблицами, схемами (16), картами (6); имеется глоссарий и список цитируемой и рекомендуемой литературы.

В главе 1 — «Введение» обосновывается композиционная структура книги, в которой главное место отводится алеутам, затем их родству с окружающей обстановкой, далее — изготовляемым ими предметам материальной культуры, а также духовной культуре, и, наконец, продолжительности жизни алеутов на островах.

В главе 2 — «Алеутский народ: унаганцы» автор говорит о самоназвании алеутов, их расселении. В таблицах приведены данные о численности и плотности населения по главным группам островов в доконтактный период.

В разделе «Физическая характеристика» этой главы автор останавливается также на следующих вопросах, волновавших многих исследователей: 1) антропологические различия между более ранним типом населения, палеоалеутами, и более поздними неоалеутами; 2) близость по головному указателю современных алеутов западной части Алеутских островов к палеоалеутам, а восточной — к неоалеутам. Увеличение «головного указателя в ходе времени, отмечает автор, характерно для многих народов мира и не имеет еще достаточно четкого объяснения. Мысль о процессе брахикефализации как результате эпохальной изменчивости была высказана еще М. Г. Левиным⁴. Ее поддержал В. П. Алексеев, отметивший большую краниологическую близость палеоалеутов к эскимосам⁵.

Автор подробно останавливается на вопросе о долгожительстве алеутов, составляющем их биологическое и культурное достижение, а также на сравнительно небольшой детской смертности, отражающей генетическую предрасположенность, культурные (медицинские знания) и фактор хорошего питания.

В разделе «Убыль населения» отмечается, что за период колонизации, с 1760 по 1790 г. численность населения сократилась на $\frac{1}{3}$. Автор говорит не только о злоупотреблениях, но и о правительственных мерах против хищничества промышленников на Алеутских островах, помощи в этом экспедиции И. Биллингса — Г. Сарычева. Переселение населения, отмечает автор, также уменьшало его численность, что особенно наглядно подтвердило переселение алеутов в годы второй мировой войны в Южную Аляску и на о. Хоккайдо. Автор останавливается также на проблемах, стоящих перед алеутским обществом в наши дни.

В специальном разделе этой главы автор анализирует темпы роста алеутского населения за последние 9 тыс. лет и приходит к выводу о неравномерности заселения алеутами своей территории в различные периоды. Автор считает, что распространение алеутов на запад от о. Умнака до самых западных островов заняло 2—3 тыс. лет, что подтверждается возрастом обнаруженных там археологических стоянок.

Глава 3 — «Окружающая обстановка: алеутская экосистема» — пример скрупулезного анализа влияния среды на человека. Родство населения с экосистемой, подчеркивает автор, было уникально — алеуты составляли единое целое с экосистемой островов. Суровые и бесплодные, как это кажется на первый взгляд, острова обеспечивали алеутам устойчивую экономику, основанную на полном использовании природных ресурсов, а также основу для развития богатой культуры с особыми интеллектуальными достижениями (анатомические знания, особые стили искусства, фольклор). Предпосылками такой устойчивости, утверждает автор, были большой размер популяции, генетическая стабильность, достижение долгожительства и низкая детская смертность.

Большое внимание автор уделяет географическим факторам (изолированность, линейная протяженность островов, наличие самых больших группировок их в восточной части и др.) в сложении культуры и языка, в диффузии с востока на запад антропологических признаков, культурных черт и социальных влияний.

В главе 4 — «Охота» автор, будучи также специалистом по биобихевиоризму, подходит к исследованию традиционных этнографических сюжетов с позиции изучения поведенческих аспектов культурных явлений, институтов. Этот подход, применяемый автором не узко биологически, а с учетом специфики поведения человека, т. е. близ-

³ The First Americans: Origins, Affinities and Adaptations./Eds. Laughlin W. S. and Harper A. B. New York, 1979 и др.

⁴ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — ТИЭ, 1958, т. XXXVI.

⁵ Алексеев В. П. Алеуты Командорских островов (соматологические наблюдения). — В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: 1981.

кий к принятой в нашей психологической науке категории деятельности, раскрывает интересные возможности в исследовании охотничьих навыков и традиций, детских тренировок и т. д. Информаторами автора были современные алеуты, сообщившие ему множество ценных сведений.

Автор прежде всего останавливается на том, что охота на каяках в открытом море (за пределами видимости земли) — наиболее трудная, опасная и требующая большого искусства форма охоты из всех практикуемых людьми. Предпосылками успеха алеутов являлись навигационное искусство, физическая ловкость и точное знание поведения животных.

В разделе о каяках и охотничьем снаряжении сообщается много интересных сведений о строительстве, снаряжении, виртуозном управлении каяками (даже в шторм), об обычаях и верованиях, связанных с каяками и охотой.⁶

В разделе об охоте на китов подробно описывается ее техника, сопровождающие ее магические ритуалы.

Далее автор подробно описывает замечательную алеутскую охоту на морских бобров, а также историю эксплуатации этого искусства алеутов с приходом русских, а затем американцев.

В разделе «Другие формы охоты и собирательства» автор описывает охоту на птиц, сбор яиц, добычу осминогов, подчеркивая в каждом случае простоту технологии и изобретательность метода добычи, основанного на знании поведения объекта охоты.

Далее автор раскрывает особенность алеутского ареала — наличие многих экологических ниш с большой и стабильной биомассой, которая использовалась различными группами алеутов, в том числе старыми людьми, женщинами, детьми (таблицы на с. 45, 49).

В главе 5 — «Жизнь древнего селения» реконструируется доконтактный период жизни алеутов.

В разделе «Военные столкновения» автор говорит о военных нападениях друг на друга различных групп алеутов, а также на конягов, но отмечает будто бы ограниченный их характер. Нам кажется, что это находится в противоречии с историческими свидетельствами и данными алеутского фольклора. Так, И. Вениаминов сообщает сведения о необычайной в прошлом воинственности восточных алеутов, больших военных походах, страшных междоусобицах с истреблением целых селений. И, по его мнению, сильное уменьшение численности алеутов началось до прихода русских как следствие войн с соседями и «внутренних» войн. Такие названия территориальных групп алеутов, как «военнопленные» (жители Андреяновских островов, центральная часть цепи) и «изгнанные с острова» (алеуты Ближних островов, западные), достаточно подтверждают это⁶.

Следующие разделы посвящены одежде и головным уборам, лабреткам и татуировке.

Далее автор говорит об определенных моделях жизни, поведения, выработанных алеутской культурой и неукосительно выполняемых, так как они твердо воспитаны в каждом индивидууме. Автор останавливается также и на институтах вождя, «сильных людей», особого родства по именам, а далее — на терминах родства. Раздел «Рассказывание историй» живо рисует алеутские фольклорные традиции, показывает их воспитательную функцию.

В главе 6 — «Кит, плывущий на север» рассказано о знаменитом ныне островке Анангула (расположенном в Никольском заливе о. Умнак и кажущемся из селения Никольского громадным китом, плывущим на север), истории исследования его стоянки Пластин, начиная с 1938 г.; сенсационных данных радиоуглеродных анализов 1962 г., которые после проверки показали, что алеуты жили здесь 8700—7200 лет тому назад. Каменные орудия стоянки Пластин, подробная характеристика которых здесь дается, указывают на связи с Азией и характеризовались односторонне обработанными орудиями (унифасами).

В разделе «Селение Анангулы: переход культур» автор рассказывает о кульминационной фазе раскопок Анангулы в 1974 г., когда объединились исследователи США и СССР. Автор указывает, что черты, аналогичные каменной индустрии стоянки Пластин, можно было видеть и в более поздней алеутской культуре, начинавшейся 4 тыс. лет назад на другой стороне залива в стоянке Чалука о. Умнак. Однако между этими культурами существовал временной разрыв с 7 до 4 тыс. лет назад. Недостающее звено в цепи было неожиданно найдено у стоянки Виллидж Сайт, расположенной выше, в полукилометре от стоянки Пластин.

В следующем разделе — «Алеуты — потомки населения Берингоморского моста» автор характеризует эту территорию, соединявшую в плейстоцене Сибирь с Аляской, излагает уже принятые большинством ученых гипотезы заселения Америки предками индейцев, эскимосов и алеутов. Предки индейцев двигались по внутренней территории моста, алеуты же и эскимосы — вдоль южной береговой линии, эксплуатируя стабильную морскую экономику. С затоплением Берингии береговые жители остались примерно на своих местах. Автор подчеркивает, что первые американцы были уже искусными охотниками, имевшими долгую историю успешной адаптации в Сибири.

В главе 7 — «Чалука: последние 4000 лет истории алеутов» рассказывается о раскопках холма Чалука, наслоения которого составляют хронику последних 4 тыс. лет истории алеутов, а рядом, в современном с. Никольском живут потомки этого населения, переселившиеся с холма в 50-е годы. (Благодаря этому и стали возможны

⁶ См.: Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. II. СПб., 1840, с. 93—107, 182—186; Ляпунова Р. Г. Очерки..., с. 122—123, 126—128.

раскопки стоянки Чалука, которые возглавил В. С. Лафлин.) Здесь даны обобщающие сведения о полученных материалах. Описаны орудия для добывания средств существования, т. е. орудия рыболовства, охоты, ловли птиц, рыболовные крючки, грузила, остроги и т. п. За ними — орудия для производства орудий: камни-молотки для изготовления нуклеусов, пластин, отщепов, каменных ламп; заостренные куски кости для делания отжимной ретуши; клинья из китовой кости для расщепления древесины; каменные топоры. При характеристике выделки шкур описаны женские ножи-пекулки с полукруглыми лезвиями, скребки, шилья, иглы. Характеризуются каменные лампы и горшки, изображение божества из кости (зуба).

В разделе «Дома» говорится о строительстве в ранний период функционирования поселений в Чалуке домов, отличных от более поздних, которые застали русские: со стенами из больших камней, с большими китовыми челюстями в качестве стропил.

Раздел «Погребения» знакомит с разнообразными способами погребений, но всегда захороненные были в скорченном положении: на шкурах от байдар, с вложением охры, бус, янтаря; на большой китовой лопатке; внутри прямоугольной ямы, выложенной плоскими камнями и с китовой лопаткой поверх скелета; с набором охотничьих орудий, лабреток, ламп, а чаще без них. Скелетный материал из погребений демонстрирует генетическую связь с живущими алеутами, особенно по зубным показателям, убеждая в заселении ареала исключительно алеутами: дает основной демографический материал о возрасте, смерти, отражает временные изменения, а особенно переход от более ранних узкоголовых форм к широкоголовым.

В разделе «Тенденции в изготовлении каменных орудий» говорится о главных изменениях в форме изделий и о медленном, но кардинальном переходе от 100% техники односторонне обработанных орудий в Анагуле к 100% двусторонне обработанным орудиям в Чалуке 200—300 лет назад.

Завершается глава изложением новейшей точки зрения на историю заселения Алеутских островов по данным, полученным с 1948 г.

Можно теперь определить, пишет автор, и даты происхождения и расхождения путей индейцев, алеутов и эскимосов. А. Б. Харпер сформулировал степени генетической схожести между этими тремя главными аляскинскими популяциями, составил шкалу временных компонентов и модель расхождения этих популяций. Таблица на с. 94 представляет эту модель, где датой около 15 тыс. лет назад отмечается отделение от общего ствола атапасков, около 11 тыс. лет назад — происхождение берингоморских монголоидов, около 9 тыс. лет назад — расхождение алеутов и эскимосов и около 5 тыс. лет назад — расхождение эскимосов на юпик и инупиак. Эта модель хорошо согласуется с лингвистическими данными⁷.

Глава 8 подробно знакомит читателя с самостоятельно возникшей у восточных алеутов в начале XVIII в. практикой мумифицирования, распространившейся затем до алеутов центральной части цепи (но не дошедшей до западных алеутов), а также со связанными с ней представлениями и обычаями⁸. Сохранившиеся до наших дней мумии — ценный демографический и антропологический материал. Возникновение мумифицирования, пишет автор, тесно связано с великолепными знаниями алеутами анатомии человека и с определенными религиозными представлениями алеутов о возможности сохранения души (силы) в теле умершего человека и использовании ее. Автор раскрывает чрезвычайно интересные связи между тремя существовавшими у алеутов обычаями: изготовление мумий; практика расчленения на части убитых врагов или опасных людей, соколов и сов; обычай связывания суставов достигших половой зрелости девушек, а также вдов и вдовцов. Вместе они образуют определенный культурный контекст и дают объяснение мумифицированию, без чего эта практика осталась бы только образцом особого мастерства и искусства. Мумифицирование сохраняет силу в теле человека; расчленение выпускает, ликвидирует ее (оставшаяся в теле врага, она опасна); связывание суставов регулирует силу в теле в течение критических периодов в жизни индивидуума, которыми считались становление половой зрелости девушки и вдовство.

В главе 9 — «Слова, язык и культура» автор говорит о богатстве и выразительности алеутского языка, его нормах, исследует судьбу русских слов, анализирует ряд объектов материальной культуры, терминов, наименований местностей, имен, которые дают сведения о функции, форме, употреблении, снабжают информацией о местности. В разделе «Анатомические термины» говорится о том, что алеутский язык очень богат словами, относящимися к анатомии. Источниками анатомических знаний алеутов были сравнительная анатомия; вскрытие умерших; медицинская практика, включая иглоукалывание, кровопускание, несложные хирургические операции и накладывание швов; лечение диетой, лекарственными средствами и массажем.

В разделе «Алеутский алфавит» говорится об истории появления алеутской письменности, созданной И. Вениаминовым, работавшим вместе с алеутом Иваном Паньковым и другими алеутами.

Глава 10 «Казак», по алеутскому слову «казак», обозначающему русских (на первых судах, отправлявшихся в плавание из Охотска и с Камчатки, было по несколько казаков). История взаимоотношений русских и алеутов, пишет автор, может быть в

⁷ Harper A. B. Origins and Divergence of Aleuts, Eskimos and American Indians. — In: *Annals of Human Biology*, 1980, v. 7, № 6, p. 547—554; Krauss M. E. Eskimo-Aleut. — In: *Current Trends in Linguistics*, 1973, 10, p. 796—902.

⁸ Материал этой главы входит в статью В. С. Лафлина «Алеутские мумии: их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры» (в кн.: *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки*. М., 1982).

ряде случаев восстановлена из алеутских (очень точных) сообщений, из раскопок скелетов и определения их принадлежности, из алеутского языка и из опубликованных исторических источников. Так была воссоздана в деталях приводимая здесь история истребления алеутами русских во главе с Медведевым в Чалуке в 1764 г.

В разделе «Ранний русский период: 1741—1768» автор без излишней тенденциозности описывает трудный период истории алеутов, когда большое число судов разных русских купеческих компаний посещало Алеутские острова с целью вывоза пушнины. Интересны и обоснованы выводы автора, что наибольшее число русских, тесно контактировавших с алеутами, было на островах между 1759 и 1799 г. С образованием в 1799 г. Российско-Американской компании, число русских в селениях резко сократилось, оставаясь значительным только в местах расположения административных учреждений. Школы и больницы, постановления компании в пользу алеутов, отмечает автор, появились позже, когда алеутское население уменьшилось более чем в 8 раз от своей первоначальной численности.

В разделе «Русские черты и изменения» говорится о внедрении русскими в быт алеутов железных топоров и других инструментов, котлов, шильев, иглоков, одежды, табака и чая, основные же орудия и средства охоты остались прежними. Прочно вошли в обиход алеутов парные бани, дома русского типа с сенями. Были введены трехколесные байдарки, сани, тканые паруса и др. «Кажется, нет области алеутской жизни и культуры, которая бы оставалась неизменной русским влиянием, хотя бы в слабой степени», — пишет автор (с. 132).

В главе 11 — «Современная жизнь в древнем селении» отмечается, что последние 40 лет оказались особенно разрушительными для алеутской культурной традиции. Автор ставит вопрос: не являются ли существующие алеутские общины просто изолированными собраниями индивидуумов, не имеющих места, куда переселиться? И решительно отвечает, что существование таких алеутских общин, как Никольское, Акутан, Атка, — это выражение исторического постоянства, взаимосвязанности со средой.

Автор считает, что алеутские сельские общины жизнеспособны. Ставится и положительно решается также вопрос, действительно ли алеуты зависят от натуральных ресурсов их территории.

Такова в кратком изложении многоплановая, насыщенная проблемными вопросами, информацией книга В. С. Лафлина, которая на уровне современных требований науки раскрывает историю алеутов с древнейших времен и проблему заселения Американского континента в целом. В ней поднимаются и намечаются пути решения важных вопросов современной жизни коренного населения Алеутских островов. Книга, безусловно, представляет большой интерес для специалистов широкого круга, а также для массового читателя.

Р. Г. Ляпунова

on the History of Soviet Ethnology: the 1930ies the 1980ies. To the 50-Years Anniversary the Institute of Ethnography

The succession of ethnological concepts in the historical development of Russian ethnography is not primarily due to the spontaneous evolution of ethnology as a science but to the changes in the social and cultural situation. Thus, prior to the urbanization period, when the culture of the traditional way of life formed a more or less closed system, it was fairly easy to delimit the subject-matter zone of ethnology: it embraced the whole sphere of the people's traditional culture. With the beginning of urbanization elements of traditional culture increasingly become incorporated into systems that may conventionally be designated as «non-traditional». This engenders the notion that the subject-matter of ethnology is «survivals», «revived olden times» etc.

The modern concept of Soviet ethnology begins to take shape in the transition period from the 1920ies to the 1930ies, and attains its relatively mature character in the 1970ies and early 1980ies when social relations and the ethnocultural situation have reached the stage of highly developed socialism. At present it is the ethnic aspect of the social structure that is in the foreground; the general theory of the «ethnos» and of «ethnic processes» is being intensively developed.

K. V. Čistov

To a Definition of the Concept of «City» for Purposes of Ethnographic Study

The article is based upon a paper delivered at the 2nd Congress of the International Society for European Ethnology and Folklore (Suzdal, 1982). The author considers that in setting about the ethnographic study of the city past and present a definition of the object of study itself, of the city, should be elaborated; this definition must be applicable both to modern and to past times, to different socio-economic formations known in history. He examines various definitions current in scientific literature and notes that for all their positive significance they are only applicable to comparatively short historical periods. He puts forward several criteria for a broader definition of the city (among which its role as a local centre ranks high in importance) and proposes the following definition: «a city is a local economic and cultural centre, a relatively large-sized settlement, more complex than rural settlements in the social and ethnic composition of its inhabitants; the majority of the latter are engaged in production for exchange purposes or in exchange activities; all this engenders an aggregate of features of domestic and social life peculiar to the urban way of life».

M. G. Rabinovitch

Ethnology and Problems of Sex

As in other sciences the study of the problems of sex in ethnology, which we shall for convenience designate «ethnosexology», has two basically different subjects of research. One of them is the differentiation of social sex roles, the situation, functions and activities of men and women in the spheres of material production, social organization, family life and everyday contacts, as well as the symbolization and legitimization of all this in ideology and culture. The author underlines the general scientific interest of comparative historical research into sex symbolism in which the universal dialectics of sex dimorphism and bisexuality and the logic of binar oppositions are characteristically interwoven with historically concrete, socially determined forms of sex stratification and the images of masculinity and femininity. The second, more specific subject of ethnosexology is the study of the normative culture and the realities of sexual behaviour; this is never anywhere limited to marriage-and-family or procreative relations. Besides the complex system of prohibitions and prescriptions (who may, or may not, do what, with whom, where, when and why), sexual culture is intimately linked with such phenomena as the normative image of the body (the «body canon» — after Bakhtin), carnival culture,

symbolic inversion, etc. Ethnosexological studies are necessary not only for understanding the concrete way of life and mentality of this or that people (ethnos), but also for elucidating the general regularities of human sex differentiation and sexual behaviour.

I. S. Kohn

Modern Children's Lore as an Object of Inter-Disciplinary Study (To the Problem of the Ethnography of Childhood)

The paper treats of certain possible scientific approaches to the inter-disciplinary study of modern children's lore in the fields of folkloristics, ethnography, psychology and sociology with the aim of modifying and differentiating the definitions: «folklore for children», «children's lore», «children's tradition». The author points out the important role which children's lore plays in regulating the way children communicate and play in groups. This largely determines the genre composition in the repertory of children belonging to different age groups and the peculiar features of lore's prevalence among children. The paper is based on the author's authentic collection of Russian children's lore.

M. V. Ossorina

The Urban Slaves and Their Family in the U. S. South, 1830 to 1860

From its first beginnings Negro slavery was prevalent not only on plantations but also in cities. On the eve of the 1861—1865 Civil War, the mass of urban slaves dwelt mainly in the great cities of the South (Washington, Baltimore, Richmond, Charleston, New Orleans, Savannah, Mobile, etc.) Typical for urban slavery was the use of slave labour in domestic work and in industrial plants; slaves were also hired out or rented, and the owners not infrequently allowed the slaves to hunt out jobs for themselves. All this greatly accelerated assimilation among urban slaves in comparison with those on plantations.

The urban slave family was not a stable institution recognized by the law. It could only come into being with the owner's permission and he could also terminate it by selling off its members. In such a family the father's role was most commonly reduced to nil. Hence the urban slave family was usually matrifocal in character: it was headed by the mother upon whom lay all responsibility for the children and the burden of their support. This left a certain peculiar imprint upon the subsequent development of family relationships among the American Blacks.

V. T. Sokolov

The Main Lines of Ethnographic Research in Vietnam

The paper gives a description of the main directions taken by Vietnam ethnographers in their studies. It stresses the scientific and political importance of studying the ethnic composition of the Vietnam Socialist Republic. The authors show how ethnographic studies in Vietnam help to solve the problems of the country's social-economic development.

Be Viet Dang, M. N. Guboglo

To the Problem of the Influence of Cultural Environment Features over People's Mental Make-Up

A number of problems arising in the study of ethnic distinctions in people's mentality are examined in the paper. The author first of all notes that in some cases discussions about the reality of national or ethnic mental peculiarities are only concerned with the terminological aspect. Of course the insufficiency of the terminology and the difficulties that have to be faced in studying this subject cannot serve as arguments for denying the existence of ethnocultural psychological distinctions.

The ethnopsychological aspects of the links between language and thought are examined in some detail; the Sapir-Whorf hypothesis is dwelt upon. Besides this, the author points out the fact of ethnic specificity in the structure of everyday consciousness.

In conclusion, the author analyses the various points of view regarding the subject-matter of ethnopsychological studies that had been expressed in the course of the discussion.

Yu. V. Bromley

Help from Psychologists Needed

In discussions on national (ethnic) features the logic of scientific research is frequently violated: arguments over definitions of terms are substituted for the formulation of hypotheses capable of being verified, explanation of facts precedes their description and establishment, etc. Researchers who are not psychologists often come under the influence of outdated non-scientific notions about the nature of mental «traits». Socio-cultural and psychological studies should be clearly distinguished. The former are much closer to ethnographers, the latter depend upon the state of the corresponding sections of psychology. The most important common field of research here is that of solving the problems of how ethnic identity is formed, comprehended and maintained by individuals, of ethno-social attitudes, stereotypes, self-awareness, etc. on the basis of the cognitive methods of social psychology.

I. S. Kohn

On the Subject-Matter of Ethnopsychology

An attempt is made in the paper to substantiate the author's definition of the subject-matter of ethnopsychology as a science. This is treated as a particular section of general psychology. Hence the sections of ethnopsychology follow the rubrics of psychological science: they reflect the ethnic specificity of cognitive processes (from perception to thinking), emotional and volitional processes (including temperament etc.), consciousness and activity (way of life), group forms of interaction.

As an example the author adduces her own concrete ethnopsychological study aimed at eliciting ethnopsychological factors of longevity among the Abkhazians. The study was based upon materials of several expeditions. In the course of the study the method of «amnestic interviews» was used for verifying the long-livers' true age. Such methods were also used as the biographical method, the sociometric procedure (for eliciting gerontocratic tendencies in the Abkhaz ethnos), the study of the parental values (after W. Lambert), analysis of stress situations and the study of the long-livers' individual psychological traits.

G. V. Starovoytova

CONTENTS

K. V. Čistov (Leningrad). From the history of Soviet Ethnology: the 1930ies to the 1980ies. To the 50-Years Anniversary of the Institute of Ethnography. *M. G. Rabinovitch* (Moscow). To a Definition of the Concept of «City» for Purposes of Ethnographic Study. *I. S. Kohn* (Leningrad). Ethnology and Problems of Sex. *M. V. Ossorina* (Leningrad). Modern Children's Lore as an Object of Inter-Disciplinary Study. *V. T. Sokolov* (Cheboksari). The Urban Slaves and Their Family in the U. S. South 1830 to 1860. *Be Viet Dang* (Hanoi), *M. N. Guboglo* (Moscow). The Main Lines of Ethnographic Research in Vietnam.

Discussions

Yu. V. Bromley (Moscow). To the Problem of the Influence of Cultural Environment Features over People's Mental Make-Up. *I. S. Kohn* (Leningrad). Help from Psychologists Needed. *G. V. Starovoytova* (Leningrad). On the Subject-Matter of Ethnopsychology.

Communications

N. A. Minenko (Novosibirsk). Folklore in the Life of the West Siberian Village in the 18th Century and to the 1860ies. *A. D. Gratch* (Leningrad), *I. B. Moldobayev* (Frunze). On an Ancient Instrument Used in Folk Medicine. *T. K. Khozhdayov* (Samar-kand). The Changing Areas of Anthropological Types in the Territory of Middle Asia (Soviet Central Asia) from Neolithic Times to the 20th Century. *A. O. Bolshakov* (Leningrad). The Fighting Boatmen Scene Pictured in Ancient Egyptian Tombs. *V. I. Gokhman* (Leningrad). On the Phratries of the Bangladesh Kuki-Chins.

Searchings, Facts, Hypotheses

Yu. Yu. Karpov (Leningrad). The Communal Winter Festival among the Tsezes.

Our Anniversaries

A List of Books by *J. R. Grigulevitch* (Lavretsky), Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences to His 70th Birthday.

Chronicle

A. Ye. Ter-Sarkissyants, *I. Yu. Zarinov* (Moscow). The Activities of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences in 1982.

Academic Life

L. Ye. Kubbel (Moscow). Field Ethnographic Studies in 1980—1981: an All-Union Session in Honour of the 60th Anniversary of the Soviet Union. *A. I. Kuznetsov* (Moscow). The N. N. Cheboksarov Memorial Readings in the Institute of Ethnography. *F. D. Lyushkevitch* (Leningrad). The Middle Asia and Caucasus Readings in 1981. *E. G. Alexandrenkov* (Moscow). The 1982 Indeanistics Symposium in Moscow. *V. Ye. Gus-sev* (Leningrad). The 29th Folklore Congress in Yugoslavia. Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *V. M. Mokienko* (Leningrad). Soviet Bibliographies of Paremiological and Phraseological Literature. Peoples of the U S S R. *I. A. Grishayev* (Moscow). *N. I. Shatinova*. The Altayan Family. *E. Kiuru* (Pet-rozavodsk). Estonian Folklore. *Yu. K. Čistov* (Leningrad). Studies in Palaeoanthropology and Craniology in the USSR. Museum for Anthropology and Ethnography Series, Vol. 26. Peoples of America. *R. G. Lyapunova* (Leningrad). *W. S. Laughlin*. Aleuts: Survivors of the Bering Land Bridge.

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 11.05.83	Подписано к печати 30.05.83	T-09928	Формат бумаги 70×108 ^{1/8}
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 44,6 тыс.	Уч.-изд. л. 7,8
	Тираж 2849 экз.	Зак. 4492	Бум. л. 5,5

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

**В магазинах «Академкнига»
имеются в продаже:**

Биргауз Е. А. НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СУДАНА. 1975. 215 с. 1 р. 20 к.

Зяблин Л. П. КАРАСУКСКИЙ МОГИЛЬНИК МАЛЫЕ КОПЁНЫ 3. 1977. 142 с. 1 р.

Мелюкова А. И. КРАСНОКУТСКИЙ КУРГАН. 1981. 111 с. 85 к.

Неразик Е. Е. СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ХОРЕЗМЕ (I—XIV вв.). ИЗ ИСТОРИИ ЖИЛИЩА И СЕМЬИ. АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. [Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. IX]. 1976. 254 с. 3 р. 36 к.

ПЕТРОГЛИФЫ ГОРНОГО АЛТАЯ. 1980. 140 с. 3 р. 30 к.

ПЕТРОГЛИФЫ ДОЛИНЫ РЕКИ ЕЛАНГАШ. ЮГ ГОРНОГО АЛТАЯ. Авт. А. П. Окладников и др. 1979. 136 с. 3 р. 30 к.

Шишкин И. Б. У СТЕН ВЕЛИКОЙ НАМАЗГИ. 1977. 190 с. 35 к.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АФРИКИ. ДОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД. Сборник статей. 1977. 200 с. 1 р. 40 к.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АЗИИ. 1976. 295 с. 2 р. 14 к.

ЮКАГИРЫ [историко-этнографический очерк]. 1975. 242 с. 1 р.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.